

* IRS * HERITAGE * НАСЛЕДИЕ *

EUROCLIO

Европейская ассоциация преподавателей истории

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Рауф Алишир оглу
Гусейн-заде

Сельджукская эпоха истории Кавказа

Москва
Kremlin Multimedia
2013

УДК
ББК

Г96 Гусейн-заде Р. А. Сельджукская эпоха истории Кавказа. — М.: Kremlin Multimedia, 2013. — 184 с.

Настоящее исследование посвящено истории взаимоотношений народов и стран Кавказа с сельджуками и Сельджукской империей в XI — начале XIII века. В эти столетия произошли важные перемены в политической и хозяйственной, социальной и этнической, конфессиональной и территориальной жизни Кавказского мегарегиона, связанные с установлением многосторонних отношений между кавказскими государствами и Сельджукской державой. Знаковые события истории исследуемого периода оказали заметное влияние на последующее политическое и социально-экономическое, этническое и конфессиональное развитие стран и народов Кавказа. Издание рассчитано на историков и массового читателя. Работа публикуется в авторской редакции.

ISBN

*Светлой памяти
моих родителей — Марии и Алишира,
сына моего Алишира и внука моего Закира*

ISBN

© ????
© ????

Содержание

Введение	
Глава I. Источниковедение и историография Кавказа сельджукского периода	
1.1. Вводные положения	
1.2. Источники	
1.3. Историография	
1.4. О характере экономической жизни Кавказа в XII веке	
Глава II. Политическая история Кавказа в XI веке	
2.1. Вводные положения	
2.2. Кавказ накануне сельджукского завоевания: первая половина XI века	
2.3. Кавказ и сельджукское завоевательное движение: вторая половина XI века	
2.4. Дробление Сельджукской державы. Укрепление местных государств	
Глава III. Политическая история Кавказа в XII веке	
3.1. Вводные положения	
3.2. Кавказ и Иракский султанат Сельджукидов: первая половина XII века	
3.3. Кавказ и Азербайджанский султанат Ильденизидов: вторая половина XII века	
3.3. Характер взаимоотношений Азербайджана и Грузии в XII веке	
Глава IV. Типологические особенности социально-экономических отношений на Кавказе в XI–XII веках	
4.1. Вводные положения	
4.2. Характер экономической жизни Кавказа в XI–XII веках	
4.3. Поземельные отношения	
4.3.1. Йайлаги и кишлаги	
4.3.2. Земли уджей	
4.4. Институт икта	
4.4.1. Военный икта	
4.4.2. Личный икта	
4.4.3. Административный икта	
Глава V. Город. Торговля. Система обложения. Денежное обращение Кавказа в XI–XII веках	
5.1. Вводные положения	
5.2. Расцвет города	
5.3. Городское управление	
5.4. Торговля. Торговые связи и пути	
5.5. Система обложения	
5.6. Денежное обращение	

Глава VI. Типологические особенности государственности на Кавказе в XI–XII веках	
6.1. Вводные положения	
6.2. Принцип федерализма	
6.3. Управление на местах	
6.4. Сюзеренитет и вассалитет	
6.5. Институт атабеков	
6.6. Военно-феодальный институт уджей	
6.7. Сельджукская военная организация	
Глава VII. Верования, обычаи и обряды тюрок VII–XII веков по сирийским источникам	
7.1. Вводные положения	
7.2. Верования тюрок	
7.3. Магические обряды, связанные с небом	
7.4. Тотем «gök böri» и термин «goş!»	
7.5. Свадебные обряды	
Заключение	
Summary	
Приложения	
Из «Хроники» Михаила Сирийца	
Из «Всеобщей истории» Бар Эбрея	

Введение

Кавказ принадлежит к важнейшим географическим осям мировой истории и цивилизации. Он является одним из *хартлендов* («срединная земля», «сердцевинная земля»)¹ и представляет собой обширный регион в Центральной Евразии. Его площадь составляет 720 тыс. кв. км. Это территория между Каспийским, Чёрным и Азовским морями, которая включает Северный и Южный Кавказ, в том числе Южный Азербайджан.

В истории Кавказа одним из этапных был период XI–XII веков. Тогда в жизни этого мегарегиона, как и вообще Центральной и Передней Азии, произошли перемены, вызванные, в первую очередь, эволюцией местных государств и совпавшие по времени с военно-политической активностью сельджуков.

Сельджуками именовали этнический костяк возникшего в X веке в Туркестане² (Южный Казахстан) военно-политического объединения огузских и ряда других тюркских племён. Сам термин «сельджуки» берет начало от эпонима Сельджук, бывшего родоначальником одного из родов огузского племени кынык. В XI–XII веках сельджуки под руководством великих султанов из рода Сельджука участвовали в завоевательном и миграционном движении из Центральной Азии на запад. Поэтому завоеватели и мигранты стали известны как сельджуки, само движение и период — как сельджукские.

При сельджуках на обширной территории от Туркестана на востоке до Средиземного моря на западе и от Кавказского мегарегиона на севере до Персидского залива на юге сформировались различные интегрированные политические структуры. Они оказали влияние на мировую историю, в том числе на политическую, военную, экономическую, социальную, этническую, конфессиональную и культурную жизнь многих стран и народов Центральной и Передней Азии, а также Европы. В частности, продвижение сельджуков в западном направлении инициировало крестовые походы западно-европейского рыцарства на Большой Ближний Восток (XI–XIV века). Тогда же усилились связи между Востоком и Западом, появились новые зоны контактов и синтезного развития, что обеспечивало столь характерный для эволюции средневекового социума континуитет. В результате, оказались взаимосвязаны многие страны и народы.

К. Маркс в своих «Хронологических выписках» отметил по поводу сельджуков: «Их появление изменяет все отношения в Передней Азии»³. В. В. Бартольд принадлежит мнение о том, что, благодаря образованию Сельджукской державы (1038–1157), огузы приобрели для мусульманского (можно добавить — и для восточнохристианского) мира такое значение, какого не имел в средние века ни один другой тюркский народ⁴.

¹ *Хартленд* — основное понятие в геополитической концепции британского географа, профессора Оксфордского университета Хэлфорда Дж. Маккиндера. Впервые опубликовано в его знаменитой статье «Географическая ось истории» (*Mackinder H. J. The geographical Pivot of History. // The Geographical Journal. 1904. № 23*).

² Дефиниция *Туркестан* («Страна тюрков»), как географическое название, фиксировано в сочинении тюркского автора XI века Йусуфа Баласагунского «Кудатгу Билик» («Наука о том, как становятся счастливыми»). См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 599.

³ Маркс К. Хронологические выписки. // Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М.—Л., 1938. С. 109.

⁴ Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 574.

В связи со сказанным отметим, что тюрки стали известны за пределами своей исторической Родины задолго до сельджуков. В частности, они были знакомы уже домусульманской Передней Азии⁵. Легенда приписывает царю тюрков Афрасийабу изречение: «Тюрк подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока находится в своём жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, она приобретает ценность, служа украшением царских корон, шеи и ушей у невесты».

Возможно, здесь имеются в виду гунны, создавшие под предводительством воинственного Атилы (434–453) огромную Гуннскую империю с центром в Паннонии (ныне Венгрия), которая включала территории от Каспийского моря на востоке до Рейна на западе и от Датских островов на севере до Дуная на юге. Поэтому, начиная с гуннов, уже в IV–X веках тюркские племена — савиры, болгары и хазары — были довольно известными в Передней Азии и играли здесь заметную роль, например, в Византийской и Сасанидской империях и Арабском халифате⁶. Так, в VI веке, во время войн между Сасанидами и Византией, тюрки в качестве военных наёмников участвовали в боевых действиях как на одной стороне, так и на другой.

В одном из хадисов о создателе ислама Пророке Мухаммаде сказано: «Они [тюрки] трижды дойдут до Аравийского полуострова. В период первых завоеваний те, кому удастся убежать, спасутся, и во второй раз те, кто не попадутся, спасут свои жизни, но в третий раз это никому не удастся, [и завоевания тюрков закончатся]»⁷.

У арабского автора XI века Махмуда Кашгари приведено следующее изречение о тюрках: «Аллах Великий и Всемогущий сказал: У Меня есть войско, которое Я назвал ат-турк и расположил на Востоке. Если Я разгневаюсь на какой-либо народ, Я подчиню его им»⁸.

Для Кавказа сельджукское движение не стало фактором, оказавшим решающее влияние на его внутреннее развитие. Оно воздействовало преимущественно на общие процессы эволюции местных государств и социума. В свою очередь, сельджуки, находившиеся на сравнительно более ранней ступени социально-экономического развития, нежели население завоёванных территорий, немало восприняли у других народов. Такое явление взаимообогащения не случайно. Оно подтверждает существование зон контактов и синтезного развития там, где сельджуки соприкоснулись с мусульманским и христианским миром, и где этот мир контактировал с ними. Вот почему судьбы многих государств, стран и народов переплелись с сельджуками, деятельность которых стала частью местной и мировой истории Средневековья.

Поэтому к истории сельджуков и Кавказа можно отнести вывод Н.В.Пигулевской о том, что «общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между осёдлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них»⁹. Тем более, что Кавказский мегарегион являлся *хартлендом* обширной Центральной Евразии.

Каждая страна и каждый народ Кавказа имеют свои особенности исторического и политического, социального и экономического, культурного и конфессионального, госу-

дарственного, территориального и этнического развития. В известном смысле они разнохарактерные по некоторым, порою второстепенным, признакам. Но эти различия лишь подчёркивают то общее, что является свойственным для всех них. Общее связано с их эволюцией в одном и том же регионе, в одних и тех же временных рамках, в контактах с одними и теми же внешними силами, в нашем случае — с сельджуками. Поэтому общими являются для них одни и те же закономерности, что присущи в целом исследуемой эпохе. Ибо законы общественно-экономического развития в объективных условиях имеют универсальное значение. Все народы мира последовательно проходят одни и те же фазы исторической эволюции, хотя и со своими особенностями и в разное время. Поэтому специфика носит вторичный характер, являясь конкретной формой проявления общих закономерностей. Исторический процесс един. Общее объясняется не столько взаимовлиянием или однотипным внешним воздействием, даже в течение многих столетий, сколько сходными условиями хозяйственно-производительной деятельности, сложившейся в рамках одной социальной системы, имеющей аналогичные закономерности развития. Определённую роль играло также относительное единство географических условий.

В работах по истории Кавказа XI–XII веков взаимоотношения стран и народов региона как с сельджуками, так и между собой рассмотрены в общем контексте, но судьба каждой страны и каждого народа — лишь в отдельности, а не во взаимодействии. В предлагаемой вниманию работе освещён комплекс проблем, характерных и общих для Кавказского мегарегиона, что позволяет взглянуть на его историю в XI–XII веках с двух совмещённых позиций. Во-первых, изнутри, то есть исследовать, как развивались страны и народы Кавказа под воздействием комплекса внутренних — социально-экономических — факторов. Во-вторых, извне, то есть выяснить, как это сочеталось с тем, что привнесли в историю местных стран и народов сельджуки. Такой взгляд с двух позиций — изнутри и извне — даёт возможность, не противопоставляя их друг другу, а взаимно дополняя, более наглядно и объективно показать происходившие процессы по линии «Кавказ — сельджуки».

Поэтому не история каждой страны или народа в отдельности прослежена в нашем исследовании, но рассмотрены закономерности, характерные для Кавказа, в том числе в связи с сельджуками. Таким образом, выявление объективных особенностей развития мегарегиона в XI–XII веках есть главная цель проделанной работы.

Исходя из этого постулата, внимание акцентировано и на геополитике региона, напрямую связанной с деятельностью столь важной и могучей составляющей, как сельджуки. В XI–XII веках именно они сумели соединить в конкретных исторических условиях судьбы народов Центральной и Передней Азии, Кавказа и Европы, то есть обширного региона Центральной Евразии. Поэтому Сельджукская империя стоит в одном ряду с такими её предшественницами, как держава Александра Македонского, Гуннская империя и Арабский халифат, с современными ей Византийской империей и Священной Римской империей германского народа, с наследниками сельджуков — Монгольской, Тимуридской, Сефевидской и Османской империями.

Историю стран и народов Кавказа в XI–XII столетиях в связи с сельджуками и в контексте всемирной истории следует рассматривать как закономерное взаимодействие общего и особенного. Иными словами, как сочетание объективных процессов, проявляющих себя в общем, то есть в типологическом, и субъективных факторов, характеризующих присущее Кавказу особенное, то есть конкретное проявление типологического. Реалии накладывают специфический налёт на ход исторического процесса, что позволяет индивидуализировать историю каждой страны и народа. Действительно, в отдельности, они имеют собственную судьбу. Но это и есть история человечества, которая проявляется через конкретную историю отдельных народов, и через неё, благодаря ей. В то же время нередко смысл исторических событий, касающихся, казалось бы, одного народа, в полной мере открывает-

⁵ Подробнее см.: Ахундова Н. Ч., Гусейн-заде Р. А. Кавказ и великие тюркские империи. Баку, 2012 (далее — Ахундова, Гусейн-заде, 2012).

⁶ Ахундова Н. Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата: VIII — середина X века. Баку, 2004 (далее — Ахундова, 2004); Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966; Плетнева С. Н. Хазары. М., 1986; Артамонов М. И. История хазар. / Изд. 2-е. СПб., 2001; Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана. Махачкала, 1996. Раздел II. Гл. 1, 2, 5; Фёдоров Л. А., Фёдоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978; Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993; Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994; История Азербайджана. Баку, 1995. С. 399–400; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988. С. 91, 93–98, 100, 104, 116–119, 127, 133; Moravcik G. Byzantinoturcica. 2 Aufl. Bd. I–II. Berlin, 1958.

⁷ Цит. по: Ахундова, 2004. С. 42.

⁸ Диван Лугат ат-Турк. / Перевод и предисловие Э.-А. М. Ауэзовой. Индексы Р. Эрмерса. Алматы, 2005. С. 25.

⁹ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI веках. М.—Л., 1964. С. 4.

ся через общую историю человечества. Однако общее и особенное (то есть типологическое и его конкретное проявление) тесно связаны между собой и взаимозависимы. Это — две стороны одной медали, нерасторжимый исторический тандем. Вот почему, хотя и трудно, но важно найти истинное соотношение между общим и особенным, так как только на этом пути возможно установить место каждой страны и народа в процессе их исторического развития, в контексте мировой истории, выяснить то, что отличает их друг от друга. Но, вместе с тем, выявить также то, что сближает их судьбы, роднит их историю. Вместе с тем, одновременно, такой подход позволяет подтвердить их взаимозависимость и взаимосвязи как между собой, так и с современной им политической, социальной, экономической, конфессиональной ойкуменой.

По этим причинам, применительно к Кавказу, можно говорить о многообразии в единстве и о единстве в многообразии. Иными словами, важно выяснить общее и особенное в развитии Кавказского мегарегиона в XI–XII веках, показать то, что способствовало трансформации его положения в геополитической системе периода.

Настоящее исследование является первым опытом изучения темы «Сельджукская эпоха истории Кавказа». В немалой мере оно стало возможным благодаря дружескому участию моих товарищей и коллег, перечислить которых, к сожалению, нет возможности. Но нельзя не назвать моего дорогого и незабвенного Учителя — Нину Викторовну Пигулевскую, — которой я обязан в своей научной жизни больше, чем кому бы то ни было другому.

***

Приступая к решению темы «Сельджукская эпоха истории Кавказа», надо отметить, что, во-первых, в связи с физико-географической дефиницией «Южный Кавказ» требуется принципиальное разъяснение. Наряду с Грузией, он включает весь исторический Азербайджан (410 тыс. кв. км¹⁰), который представляет собой единую территорию, изначально населенную одним и тем же автохтонным этносом — азербайджанцами, — имеющими общую историю и язык, материальную и духовную культуру, религию, менталитет и самоидентификацию. Таким образом, речь идёт как о сегодняшнем Северном Азербайджане (130 тыс. кв. км), ныне Азербайджанской Республике, так и о «закордонном» приграничном с ней Южном Азербайджане (280 тыс. кв. км), находящемся ныне в составе Исламской Республики Иран. Во-вторых, тема «Сельджукская эпоха истории Кавказа» ставится и решается впервые. В-третьих, Сельджукская империя, существовавшая в 1038–1157 годы, включала, наряду со многими территориями Центральной и Передней Азии, значительную часть Кавказского региона. Первыми в её составе оказались Азербайджан и Грузия, то есть Южный Кавказ. В-четвёртых, следующим объектом сельджуков стал Северный Кавказ, где они ограничились завоеванием Южного Дагестана. Дальше города Дербенда на север они не прошли. Ибо, в-пятых, главные цели сельджуков лежали на западном направлении. Поэтому, в-шестых, на заключительном этапе сельджукского завоевательного движения была захвачена Малая Азия. В-седьмых, Сельджукская империя с самого начала своего образования лишь формально являлась централизованным государством. В реальности она была разделена на улусы-кормления между членами династии Сельджукидов. Каждый из них был обязан признавать верховным сюзереном великого султана Сельджукида, почитать его имя в хутбе, являться по его вызову с войском на войну, вносить в его казну определённую часть своих доходов. Однако во внутренних делах каждый из улусов был самостоятелен. Поэтому уже при первых трех великих султанах Сельджукидах, действительно сильных правителях, — Тогрул-беке (1038–1063), Алп-Арслане (1063–1072) и Малик-шахе (1072–1092) — империя состояла из улусов-кормлений членов

¹⁰ Таҗйева Ҷ.А. Раҳимли Ҷ. Байрамзада Ҷ. Қўнеу Азәрбайҗан. Бақӣ, 2000. Сәһ. 68.

династии. После Малик-шаха империя распалась фактически. Теперь великий султан лишь формально и номинально почитался верховным сюзереном. Он владел только своим домом — Хорасаном, — за пределы которого его власть не распространялась. В-восьмых, тогда самостоятельными стали «дочерние» султанаты Сельджукидов, то есть улусы, со своими династиями — Иракский (1118–1194), Кирманский (1041–1186), Конийский (1077–1307), Сирийский (1078–1117). Иракский султанат включал Южный Кавказ и часть Северного (до Дербенда и его округи) Кавказа. В-девятых, в нашем исследовании речь идёт о «кавказской части» сельджукских владений, то есть об Азербайджане, Грузии, Южном Дагестане. Наконец, в-десятых, в определённых случаях будет упомянута так называемая «Армения», которая в сельджукское время определялась как физико-географическое пространство в Малой Азии.

***

В связи с дефиницией «Армения» следует объяснить, почему это физико-географическое понятие, как и сам армянский этнос, не вписываются не только в историю Кавказа XI–XII веков, но и в этнополитические реалии этого важного мегарегиона вплоть до первой трети XIX века. Чтобы рассеять сомнения на сей счёт, требуется разъяснить некоторые важные концептуальные детали. Иными словами, необходимо уточнить, почему в нашем исследовании упоминания об «Армении» будут лишь в связи с деятельностью сельджуков в Малой Азии, то есть за пределами Кавказа. Однако для этого требуется пояснить, откуда, когда, как и почему армяне оказались сперва в Малой Азии, а затем ещё восточнее. Об этом есть специальная публикация¹¹, поэтому здесь ограничимся экскурсом.

Не будет большим откровением или «открытием», если сказать, что мифологизирована история любого народа, равно как и любое национальное самосознание. Поэтому, с одной стороны, понятно, когда национальное тщеславие используют в качестве псевдо-научного подхода и интерполируют его вовне, на чью-либо территорию, историю и религию, материальную и духовную культуру. Но, с другой стороны, — это не понятно. Точно так же, с одной стороны, оно простительно, но, с другой, — нет. Ибо в зеркале национального тщеславия и связанного с ним этноцентризма своё видится всегда крупнее и значительнее, весомее и важнее, исключительнее и несравненное. А чужое — мельче и не важнее, ordinarily и стандартно во всех смыслах. Но даже в таком случае важно, чтобы всё это не отражалось негативно на соседях. Правда, адекватная самооценка очень редка, она — удел народа, знающего своё величие, знающего себе цену, но не выпячивающего себя. Ибо такой народ из поколения в поколение воспитан на таких морально-этических нормах, традициях, обычаях, религии, которые призывают к скромности, самоанализу, дисциплинированности, послушанию, толерантности во всех её проявлениях.

Как сказано в Священном Коране (35:11): «Кто желает величия, то у Аллаха все — величие; к Нему восходит слово доброе и дело благое, которое Он возвышает. А те, что ухищряются в злых деяниях, им — сильное наказание; а хитрость этих пропадет даром».

В связи с этим стоит напомнить, что первый Президент США Джордж Вашингтон (1789–1797), стоявший у истоков американской национальной истории, ещё на исходе XVIII века сказал: «Нации, привыкшие ненавидеть или любить другие страны, обречены на поражение, они забывают о собственных задачах и интересах».

По мнению современного французского историка М. Ферро, должным образом рассмотревшего истории разных народов, «сегодня у каждой или почти у каждой нации есть несколько историй, накладывающихся одна на другую и сопоставляющихся одна с другой... Например, история армянского народа, та, что преподают в Советской Армении, та, что учат де-

¹¹ Вердиева Х. Ю., Гусейнов Р. А. «Родословная» армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку, 2003 (далее — Вердиева, Гусейнов, 2003).

ти диаспоры (и многие дети в Армении, но дома, в домашнем кругу), и та, которую представляет общераспространённое толкование всемирной истории, — это три разные версии истории (курсив наш. — Р. Г.)¹². Идеологема-мифологема «Великая Армения от моря до моря», как и вообще все историческое армянское прошлое, издавна внедрена в коллективную память армян. Вот почему «армянская историография имеет сравнительно долгую традицию исторического письма и хорошо экипирована историческими нарративами»¹³.

Тем не менее, как считает М. Ферро, «несмотря на все изменения, существует своего рода матрица истории каждой страны: это доминанта, запечатлённая в коллективной памяти общества. И очень важно знать суть этой матрицы. Истории и легенды, из которых она состоит... всегда превосходят колоритностью и выразительностью любой анализ; это вознаграждение историку, который тоже ведь является читателем»¹⁴.

Поэтому изложение армянами истории армянского народа является не только проявлением национального тщеславия, но, в не меньшей мере, нарциссизма, а также различных уровней этноцентризма.

Первый его уровень — это когда имеются в виду взаимоотношения как армянских исторических личностей прошлого, так и армянских царств с различными странами, народами и государствами.

Второй уровень армянского этноцентризма проявляется во взаимоотношениях тех же личностей и царств с их соседями.

Третий уровень — это гиперболизация роли армянских царств, армянских религиозных и светских руководителей прошлого в судьбах других народов, стран и государств, да и вообще в мировой истории и цивилизации. В связи с этим здесь достаточно отметить две публикации, которые содержат квинтэссенцию проявления армянского нарциссизма, этноцентризма и национального тщеславия. Одна из них — это серия из шести книг С. С. Мамулова «Удивительный народ из страны чудес (Армения и армяне — уникальный феномен цивилизованного мира)»¹⁵. Другая — книга западного армянофила Д. Лэнга¹⁶. На английском она именуется весьма апологетично — «ARMENIA. Cradle of Civilization», то есть «АРМЕНИЯ. Колыбель цивилизации»(!)¹⁷. Поэтому при её издании на русском языке не сочли возможным следовать столь претенциозному названию оригинала и перевели скромнее — «Армяне. Народ-созидатель».

Четвёртый уровень — гиперболизация, прославление, превознесение и возвеличивание своей истории, своих исторических личностей и своего народа, что привело к искажению исторического повествования в ущерб исторической истине. Это — одно из проявлений *mania grandiosa*, а не только национального тщеславия, нарциссизма и этноцентризма. Таковы публикации армянских историков — от учебников для общеобразовательной школы и ВУЗов до исследований, а также издания, призванные «подтвердить» необычность, уникальность армянского народа, его истории и исторических личностей. Например, Я. А. Манандян назвал свою книгу «Тигран II и Рим», К. Н. Юзбашян — «Армянские царства эпохи Багратидов и Византия»¹⁸. Не менее апологетичны отмеченные ранее публикации С. С. Мамулова и Д. Лэнга.

¹² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах. М., 1992. Из предисловия автора. http://bookz.ru/authors/mark-ferro/kak-rass_098.html (далее — Ферро, 1992).

¹³ Карагёзов Р. Метаморфозы коллективной памяти в России и на Центральном Кавказе. Баку, 2005 (далее — Карагёзов, 2005). С. 165.

¹⁴ Ферро, 1992.

¹⁵ Мамулов С. С. Удивительный народ из страны чудес (Армения и армяне — уникальный феномен цивилизованного мира). Кн. 1–6. М., 1993–2009 (далее — Мамулов, 1993–2009).

¹⁶ Лэнг Д. Армяне. Народ-созидатель. М., 2004 (далее — Лэнг, 2004).

¹⁷ Дэвид Маршалл Лэнг (1924–1991) возглавлял кафедру кавказских исследований Лондонского университета. В 1944 году был вице-консулом в Табризе, где познакомился с жившими в городе армянами. Неоднократно посещал СССР, прежде всего Армянскую ССР.

¹⁸ Манандян Я. А. Тигран II и Рим. Ереван, 1943; Юзбашян К. Н. Армянские царства эпохи Багратидов и Византия IX–XI веков. М., 1988 (далее — Юзбашян, 1988).

Сказанное выше касается нескольких сфер.

Во-первых, религии и роли армяно-григорианской церкви, которая является не только лидером, но и хранительницей истории армянского народа, его этнической памяти и языка, менталитета и самоидентификации, материальной и духовной культуры, независимо от того, существует или нет армянское государство. Суть в том, что армян четырежды лишали собственной государственности, и каждый раз — в Малой Азии. А возродилась она лишь в начале XX века, но на Южном Кавказе, на азербайджанской земле. Поэтому в «связке» общенационального лидера армян «церковь + партия + диаспора» именно церковь является перманентной ведущей структурой.

Поэтому не случайно, что сочинителями истории армянского народа были клирики¹⁹. В отсутствие государственности исторические сочинения появлялись в лоне армянской церкви — для «поднятия духа» паствы и для того, чтобы прошлое не забывалось. Так, историк V века — Мовсэс Хоренаци, «отец армянской истории», являлся епископом Багревандским и Аршаруникским, вардапет (учёный монах) Корюн составил «Житие Маштоца», вардапет Егише творил в монастыре, в области Мокк, Лазарь Парпеци был монахом. Историк VII века Себеос был епископом, VIII века — Гевонд — вардапетом, IX века — Иоанн V Драсханакеертци — католикосом (898–928), X века — Ухтанэс был главой епархии Севастии, Товма Арцруни был вардапетом, в XI веке творил вардапет Асохик, в XII веке — монах Маттеос Урхаеци, в XIII веке — архимандрит Вардан. Истории армянского народа создавали также в армянской католической конгрегации мхитаристов, образованной в 1701 году под эгидой Папы Римского.

О руководящей роли церкви в армянской истории свидетельствует многое. Особенно в периоды, когда отсутствовала армянская государственность. Например, «в 875 году католикосом был созван собор с участием крупнейших армянских феодалов. Собор принял решение провозгласить Ашота Багратуни царём Армении»²⁰. Однако, хотя Ашот V был помазан на царство католикосом, инсигнии власти от имени халифа ал-Мутамида Аббасида (870–892) ему вручил арабский наместник. Вскоре византийский император Василий I (867–886), со своей стороны, послал ему венец и заключил договор о союзе и дружбе²¹. Д. Лэнг так излагает это важное событие: «Побуждаемая католикосом всех армян, армянская знать, наконец, отринув свои разногласия и договорилась провозгласить Ашота царём. Халиф Багдадский в 885 году их выбор утвердил и послал Ашоту царский венец, называя его „царём царей“. Византийский император вскоре последовал его примеру и также послал Ашоту корону и царские дары»²².

Одновременно церковь являлась катализатором национально-шовинистических и великодержавных устремлений амбициозной части армянства. Эту роль она не утратила после 1918 года, когда появилась Араратская Республика, а также после образования в 1920 году Армянской ССР и провозглашения в 1990 году Республики Армения. В Конституции Республики Армения, принятой 27 ноября 2005 года, есть статья 8.1, в которой говорится: «Республика Армения признаёт исключительную миссию Армянской Апостольской Святой Церкви как национальной церкви в духовной жизни армянского народа, в деле развития его национальной культуры и сохранения национальной самобытности». Национальное собра-

¹⁹ Абемян М. Х. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975 (далее — Абемян, 1975). С. 94–96, 135–190, 218–225, 252–255, 289–291, 370–376; www.orthodoxengland.org.uk/pdf/armenia/a_26.pdf

²⁰ История армянского народа. / Под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. Ереван, 1951. Ч. 1 (далее — История армянского народа, 1951). С. 125–126; История армянского народа. С древнейших времён до наших дней. / Под ред. проф. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1980 (далее — История армянского народа, 1980). С. 124; Юзбашян, 1988. С. 37, 69.

²¹ История Византии. Т. II. М., 1967. С. 191.

²² Лэнг, 2004. С. 229.

ние 22 февраля 2007 года приняло закон «Об отношениях Республики Армения и Армянской Апостольской Святой Церкви»²³.

Поэтому в многовековые периоды, когда армяне были лишены собственной государственности, роль политического лидера и организатора возлагала на себя их «национальная» церковь. К тому же, она — самый старый, непрерывно действующий в течение 1600 лет институт, единственный пастырь в отсутствие в течение многих столетий армянской государственности и миграционных скитаний армян по Передней Азии.

Поэтому именно Эчмиадзин в центре армяно-азербайджанских коллизий как в прошлом, так и сегодня. Не случайно, что в самом начале Карабахского конфликта именно католикос всех армян Вазген I Палчян (1955–1994) 25 февраля 1988 года выступил по армянскому телевидению с обращением к армянскому народу: «От всех армянских церквей передаю большой привет из Эчмиадзина. Я тоже сильно озабочен решением вопроса о присоединении Нагорного Карабаха к Советской Армении. Я нахожу эту задачу естественной, законной, конституционной. Я верю, что в эти дни перестройки и демократизации Советское Правительство отнесётся к этому вопросу с полной серьезностью.

В эти дни я получаю много писем и звонков по телефону из-за рубежа от наших церковных организаций, которые от имени двух миллионов армян, находящихся там, просят меня ходатайствовать перед Советским Правительством, чтобы решение вопроса по Нагорному Карабаху получило справедливую оценку, согласно Конституции Советского Союза, а также согласно решению Совета народных депутатов НКАО и согласно демократии.

Я дал ход этим заявлениям и дал телеграмму нашему многоуважаемому Михаилу Горбачёву с просьбой о решении вопроса положительно для армянского населения НКАО.

Армянский народ, как в Советской Армении, так и за рубежом, всегда верно стоял на пути братских отношений между народами и великим русским народом.

Я заверяю в том, что в Москве на высшем уровне скоро специально будет решен вопрос по НКАО на основе национального самоопределения в СССР.

В эти дни я оценил ваши волнение и всенародные высказывания. Все уже сказано, и сейчас необходимо, чтобы, уважая наше социалистическое государство, вы оставались спокойными и мирными, загруженными ежедневной своей работой.

Подождем решения этого вопроса, соблюдая спокойствие и здравомыслие во имя его положительного решения. В такое тревожное время необходимо соблюдать чрезвычайное спокойствие и дальновидность, как зеницу ока соблюдать армяно-азербайджанское братство, чтобы предотвратить межнациональный конфликт в Армении и Азербайджане.

Будьте уверены, что это и воля зарубежных армян, братьев и сестёр, направленная вам для справедливого решения этого вопроса. Иначе успех в решении вопроса может поставить нас перед фактом непредвиденного поражения.

Ваша цель должна быть — своими действиями не отвратить, а успешно завершить справедливость.

Внимание, будьте осторожны!

Слушайте мой голос и мой отцовский совет!

Как патриарх всего армянского народа, я с глубокой ответственностью перед своей родиной и нацией призываю вас всех священным Евангелием — мир близким! Мир далёким! Мир всем! Аминь!»²⁴

²³ Мелikian В., иерей, Мкртчян Е. Республика Армения. Религия. // Центральная Евразия-2005. Аналитический ежегодник. Лулео, 2006; Они же. Республика Армения. Религия // Центральная Евразия-2006. Аналитический ежегодник. Лулео, 2007; Они же. Республика Армения. Религия. // Центральная Евразия-2007. Аналитический ежегодник. Лулео, 2008; Конституция Республики Армения. 27 ноября, 2005 год. // www.president.am/Library/rus/?task=41

²⁴ Помпеев Ю. А. Юдольные дни. СПб., 1993. С. 51.

Во-вторых, перманентный рефрен в исторических работах арменистов о том, что армянский народ — жертва.

В-третьих, в публикациях армянских историков находит своё наиболее чистое выражение «армянское» видение истории, армянская *этноцентристская идеология*. Так, в них присутствуют все традиционные способы низвержения исторической истины. Например, ложь посредством умолчания, или ещё проще — искажение самого хода событий. А также — специфические формы исторической лжи, присущие только арменистам и невысказанные в какой-либо другой пропаганде. Наиболее яркие примеры — ничем не обоснованное объявление государства Урарту «армянским», а самих армян — «кавказцами», а также включение в пределы мифической «Великой Армении от моря до моря» Малой Азии и Кавказа, чуть ли не до Воронежа, и со столицей в Тбилиси²⁵.

Конечно, история для армян значит очень многое, как и для любого другого народа. Однако, у них этот интерес носит специфический характер. Он должен доказать избранность армянского этноса, его превосходство над другими народами прошлого и настоящего. И в этом — огромная заслуга армянской церкви и арменистики. Но сам процесс доказательства всего этого носит фантастический характер. Значит, и это подтверждает изучение публикаций арменистов, в их трудах отсутствует аналитический и критический анализ истории армянского народа. Более того, ощущается боязнь такого анализа. История является для армян одним из любимых «занятий», в основе которого лежит сложная система стратификации. Главные её направления — «страдания» армянского народа, испытывающего на себе гнёт, а также деяния мифических героев и легендарных царей.

Как объективно считает М. Ферро, «профессиональная привычка историка всякий раз заставляет его пытаться восстановить правду»²⁶. В связи с этим напрашивается сакраментальный до наивности вопрос: «Почему арменисты пишут и издают, как правило, „Историю армянского народа“, то есть историю этноса, а не „Историю Армении“, то есть территории?» Более того, в постсоветский период арменистами опубликована армянская история под опозитизированным названием «Потомки Хайка» — легендарного пращура армянского народа²⁷. И при всём при этом арменисты претендуют на не принадлежащие армянскому народу историю и территорию, материальную и духовную культуру, города и сёла. Об этом рассказано в специальной публикации²⁸. Здесь же только процитируем М. Ферро, который пишет: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живёт в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь, и на сложившиеся в детстве представления впоследствии накладываются как мимолётные размышления, так и устойчивые понятия о чем-то. Однако то, что удовлетворяло нашу первую любознательность, пробуждало наши первые эмоции, остаётся неизгладимым... Прошлое не только не является общим для всех, но и в памяти каждого оно преобразуется с течением времени; представления наши меняются, по мере того как трансформируются знания, идеологии, по мере того как изменяются функции истории в том или ином обществе. Сопоставить все эти представления стало в высшей степени важно сегодня, ибо с расширением границ мира, со стремлением к его экономической унификации при сохранении политической обособленности прошлое различных обществ становится более чем когда бы то ни было одной из ставок в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп»²⁹.

²⁵ Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб., 1904 (далее — Величко, 1904). С. 107.

²⁶ Ферро, 1992.

²⁷ Саркисян Г. Х., Худавердян К. С., Юзбашян К. Н. Потомки Хайка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времён до становления Третьей республики. Ереван, 1998 (далее — Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998).

²⁸ Мишин М. Одна из историй и антиисторий Кавказа. М., 2012 (далее — Мишин, 2012).

²⁹ Ферро, 1992.

В отличие от армян-аллохтонов на Южном Кавказе, их соседи — азербайджанцы и грузины, — являющиеся автохтонами, знают и называют свою историю иначе. Грузиноведы пишут и издают «Историю Грузии», то есть территории, где живут изначальные её насельники — грузины. Азербайджановеды предлагают вниманию «Историю Азербайджана», то есть территории, где изначально живут её насельники — азербайджанцы. Иными словами, грузины и азербайджанцы занимаются не только своим прошлым, но также своей изначальной этнической территорией, где их застала история. Подчеркнём и обратим внимание на то, что грузины и азербайджанцы изначально живут на одной и той же земле в одном и том же регионе — Кавказском.

Армяне же, в силу ли своей охоты к перемене мест, или — вследствие неуживчивости с соседями «в вечном поиске — покой им только снится». Попав из европейской Фракии в малоазиатскую Фригию, не все они остались там, но перебрались восточнее — в район озера Ван. Но и там их основная масса не «усидела» на месте, и оказалась, в силу военно-политических обстоятельств, ещё восточнее. Так они появились на Южном Кавказе, куда Российская империя переселила их в течение первой трети XIX — начала XX веков. Однако и здесь армяне никак не могут ужиться с автохтонами — грузинами и азербайджанцами. Начиная с первой трети XIX века, они перманентно претендуют на территорию, историю, материальную и духовную культуру, в том числе религию, как грузин³⁰, так и азербайджанцев³¹.

В итоге, ныне армяне проживают компактной массой на азербайджанской земле, именуемой армянами «Восточной Арменией». Однако её правильнее называть «Кавказской Арменией», куда армяне попали вследствие своих неоднократных и многовековых миграционных блужданий по Передней Азии, что связано с перипетиями их истории.

Начальный этап известного прошлого армянского народа связан с Юго-Восточной Европой, которая есть его прародина. Предки армян впервые отмечены в далекие времена как обитатели греческой области Фракия на Балканах. То есть весьма далеко от Кавказа. В VIII веке до н.э. они отсюда попали в Малую Азию. Здесь, четырежды лишённые собственной государственности в IV, VI, XI и XIV веках, армяне на 500 с лишним лет оказались в составе великих держав Античности и Средневековья. Это зороастрийские Парфянская и Сасанидская империи, христианская Византийская империя, мусульманские — Арабский халифат, Сельджукская, Монгольская, Тимуридская, Сефевидская, Иранская, Османская империи. В результате, армяне, начиная с IV века, рассеялись по белу свету, и до сих пор в большинстве своём проживают в широкой диаспоре³², в различных государствах, в разных иноэтничных, инорелигиозных, иноязычных реалиях³³.

Все это подтверждается сообщениями античных и средневековых авторов. Древнегреческий автор V века до н.э., «отец истории» Геродот сообщает в своей «Истории», что армяне пришли в страну, именуемую «Арменией», с Запада, и указывает, что они — потомки фригийцев, и в его время жили «выше ассирийцев», вверх по Евфрату, по реке, отделяющей эту самую «Армению» от Киликии, на территории фригийцев³⁴, то есть в Малой Азии. Древнегреческий географ и историк Страбон (I век до н.э. — I век н.э.) сохранил предание о происхождении армян из города Арменион, что в области Фессалия, в Северной Греции³⁵.

В XX столетии о том же самом писали арменисты. Н.Г.Адонц отметил: «Появление армян. Государство Урарту, как и хатские государства, пало при нашествии киммерийцев, сопровождавшемся великими передвижениями народов VIII–VII веков до Р.Х. Киммерийцами называются арио-европейские племена, обитавшие в южно-русских степях от Волги до Днепра. В VIII веке, под напором теснивших их с востока скифов или саков, киммерийцы подались на запад, к берегам Дуная, прошли во Фракию и, захватив с собой фракийские племена (в числе их фригов и армян), устремились в Малую Азию... Геродот считает армян выходцами из Фригии (историческая область в западной части Малой Азии); это подтверждается словами Евдокса, что „армяне родом из Фригии, и по языку очень похожи на них“. Исходя из этих свидетельств, учёные признают, что армяне принадлежат к числу фригийских племён, живших первоначально во Фракии. Предполагается, что оттуда они, захваченные волной киммерийского движения, переместились в Малую Азию и затем, отделившись от своих фригийских сородичей, прошли вперёд и засели в верховьях р. Алиса, по правому берегу Евфрата»³⁶. То есть, вне пределов Кавказа.

М.Х.Абегян пишет: «Предки армян задолго до нашей эры обитали в Европе, вблизи предков греков и фракийцев, откуда они переправились в Малую Азию. Во времена Геродота в V веке до н.э. ещё ясно сознавали, что армяне пришли в свою страну с запада... Пока что не выяснено, от какого племени, какие элементы восприняли и какому влиянию, в какой мере подвергался армянский народ в течение его многовековой жизни в Малой Азии... Армянский язык только частично индоевропейского происхождения, множество слов и частиц, а также грамматические формы, которые пока что не объяснены, вероятно, происходят от племён, не говоривших на индоевропейских языках, с которыми общалось на западе армянское племя»³⁷. Значит, всё это имело место вне пределов Кавказа.

Г.А.Капанцян, конкретизируя «докавказскую родину» армян, утверждает: «Местоположение страны Хайаса-Аззи нужно приурочить в основном к пространству между верховьями Евфрата (=Кара-су), Чороха и Аракса», где «сложился армянский племенной союз Хайаса»³⁸. Таким образом Г.А.Капанцян, и не только он один, также подтверждает, что армянский этнос сложился на территории, локализуемой армянами на Армянском нагорье³⁹. То есть, за пределами Кавказа.

В «Истории армянского народа», издания 1980 года, чётко сказано: «В период известных переселений „народов моря“ (XIII–XII века до н.э.) армяне (так в тексте. — Р.Г.) проникли в Малую Азию вместе с родственными им фрако-фригийскими племенами из Балкан... За-

³⁰ Джавахов И. А. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. // Известия императорской АН. Серия VI. № 5–6. СПб., 1908; Доклад И.А. Джавахишвили правительству Грузии. 1926 год. // Грузинский Государственный исторический архив. Ф. 476. Д. 6. Л. 82–111 (на груз. яз); Чавчавадзе И. Г. Армянские учёные и вопиющие камни. Тифлис, 1902; Величко, 1904. С. 107–108; Карагёзов, 2005. Гл. 4/2; Мархулия Г. Р. Армянский сепаратизм на Южном Кавказе. // Diğçeliş. XX əsr. № 104–105. Bakı, 2006; Он же. Армяно-грузинская конференция 1919 года и создание Лорийской нейтральной зоны. Тбилиси, 2005. С. 5; Минасян С. Социально-экономическая ситуация в Джавахети. // ЦАК. 2005. № 3. С. 170; Рамшвили В. Армяно-грузинский спор: Джавахети или Джавахк. // Кавказ и глобализация. Журнал социально-политических и экономических исследований, Швеция, 2007. Т. 1; Комахия М. Формирование этнической карты Грузии и современные миграционные процессы. // ЦАК. 2008. № 1. С. 180–182, 184–185; Грушецкий В. Джавахетский вопрос // www.vub.ac.be/rubli/crs/rus/03_05R.htm; Вадачкoria Ш. Вопросы грузино-армянских взаимоотношений в политической мысли Грузии (1918–1920). Тбилиси, 1999. С. 89, 91; Гогоршвили Н. Общественно-политическая ситуация в Самцхе-Джавахети и вокруг неё. // ЦАК. 2006. № 5; Бердзенишвили Д. Ахалкалаки Джавахетский. // Артануджи. № 7. Тбилиси, 1998; «Еркрамас». № 7. 2006.

³¹ Мишин, 2012; Вердиева Х. Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане в XIX — начале XX века. Баку, 1999 (далее — Вердиева, 1999); Вердиева, Гусейн-заде, 2003. Гаджиева У. Деэтнизация нахкавказских албан в XIX веке. Баку, 2004 (далее — Гаджиева, 2004).

³² Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 69, 78, 90; 104, 153, 159–163, 264–278; Юзбашян, 1988. С. 4, 5, 170; Григорьян К. Э. Грани идентичности. Социокультурное пограничье как фактор формирования этнического самосознания (на примере субэтнических групп армян). М., 2006 (далее — Григорьян, 2006). С. 138–159.

³³ Численность армян в различных странах мира. 1992 год // www.armnet.ru/armenia_html/population.htm; Численность и расселение армян в мире. 1974–1992 годы // www.iatp.am/economics/migr/obd.htm

³⁴ Геродот, I:180, 194; III: 93; V:49, 52; VII:73.

³⁵ Страбон, XI: 503.

³⁶ Адонц Н. Г. Армения. // НЭС. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 601–602; Вердиева, Гусейн-заде, 2003. Гаджиева, 2004; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 69, 78, 90; 104, 153, 159–163, 264–278; Юзбашян, 1988. С. 4, 5, 170.

³⁷ Абегян, 1975. С. 12–14.

³⁸ Капанцян Г. А. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947 (далее — Капанцян, 1947). С. 240, 242. См. также: Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 7, 10.

³⁹ Капанцян, 1947; История армянского народа, 1980. Гл. I; Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 годы до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван, 1968 (далее — Дьяконов, 1968); Пиотровский Б. Б. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946.

тем они продвинулись дальше на Армянское нагорье⁴⁰. Обо всем этом говорят сообщения ряда древнегреческих авторов, начиная с „отца истории” Геродота (V век до н. э.)... Армянский народ образовался в конце II — начале I тыс. до н. э. на Армянском нагорье в результате постепенного слияния проживавших на нем издревле племён и союзов, а также некоторых других племён, осевших здесь в конце II тыс. до н. э. ... От племенного союза Хайаса помимо прочего, армянский народ унаследовал и своё самоназвание хай. А занятая ими территория получила известность как Хайк или Хайастан»⁴¹. Арменисты в связи с этим отметили, что в начале XII века до н. э. на территории хурритов, хеттов и лувийцев проникли группы индоевропейских армяноязычных племён, именуемых в ассирийских клинописях *мушку* и *уруму*, в греческих — *аримы*; от этого последнего этнонима берет своё начало в дальнейшем дефиниция *армены*⁴². Мидяне и персы, жившие по соседству с ними, называли этот этнос, сложившийся в результате слияния нескольких местных и пришлых племён и союзов, *армянами* по имени арменов, своих прежних соседей, смешавшихся с союзом Хайаса, а саму территорию — Арменией. Так же стали именовать новый народ и занятую им территорию греки и римляне, через которых эти названия — этноним «армяне» и хороним «Армения» — распространились. *Значит, и этот процесс произошёл вне пределов Кавказа.*

Таким образом, предки армян в прошлом обитали на европейском континенте, откуда перебрались в Азию. Территория, где армяне сложились как этнос, — это Малая Азия: «Родина армян, территория, где они появились и сформировались в качестве отдельного, отличного от других, народа — Армянское нагорье»⁴³. *Значит, в любом случае, союз Хайаса ни по языку, ни по происхождению не связан с Кавказом.*

Известный западный апологет армян и армянства Д. Лэнг заметил: «Происхождение и расовые особенности армян остаются загадочными... Геродот, знавший Армению и армян как часть Персидской империи в V веке до нашей эры, считал армян выходцами из Фригии. Часто отмечается, что армянский и фригийский языки очень близки... Греческий писатель Страбон связывает армян с Фессалией, областью на севере Греции. Он также добавляет, что фессалиец Арменус посетил эту страну в обществе аргонанта Язона с товарищами и дал ей своё имя. Что же касается фригийцев, Страбон утверждает, будто они фракийского происхождения и пришли в Малую Азию с территории современной Болгарии после Троянской войны. Эти полуполюгендарные сообщения любопытны, поскольку позволяют связать предков армян с загадочными „людьми моря”, которые прошли войной по Малой Азии около 1200 года до нашей эры»⁴⁴. *Таким образом, вновь подтверждается, что многовековая начальная история армян не связана с Кавказом.*

Русские кавказоведы в XX веке также пришли к мнению, что предки армян родом из Европы. Таков вывод Б. О. Адлера, рассмотревшего миграционные передвижения с географических позиций⁴⁵. И. И. Шопен писал, что на Кавказе «Армяне суть пришельцы. Это — колено фригийцев и ионийцев, перешедшее в северные долины Анатолийских гор»⁴⁶. Г. Ф. Чурсин отметил, что армяне — это туземцы-кавказцы в географическом смысле⁴⁷. *То есть, на Кавказе они аллохтоны.*

⁴⁰ Армянское нагорье — «среднее из трех переднеазиатских нагорий. Расположено главным образом в Турции, частично в СССР и в Иране». См.: Магакьян И. Г. Армянское нагорье. // БСЭ. 3-е изд. Т. 2. М., 1970 (далее — Магакьян, 1970). С. 249; Он же. Армения в системе Центрального Средиземноморья. // ДАН Армении, 1966. Т. 42. № 4 (далее — Магакьян, 1966).

⁴¹ История армянского народа, 1980. С. 25, 27.

⁴² Там же. С. 17–18.

⁴³ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 7; Магакьян, 1970. С. 249; Магакьян, 1966.

⁴⁴ Лэнг, 2004. С. 23–27, 31.

⁴⁵ Адлер Б. О. Происхождение и переселение народов с географической точки зрения. // РАЖ. 1901. № 3–4. С. 24.

⁴⁶ Шопен И. И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. СПб., 1896. С. 26.

⁴⁷ Чурсин Г. Ф. Кавказ. // НЭС. Т. 20. СПб., 1912 (далее — Чурсин, 1912). Стб. 304.

И. М. Дьяконов на основе лингвистического анализа древнеармянского языка подтвердил, что прародина армян находится за пределами Кавказа, и даже вне Малой Азии. Он пишет об этом языке: «Выявляется, прежде всего, что он является индоевропейским. Тем самым снимается вопрос о возможной урартийской двуприродности древнеармянского языка, предок древнеармянского языка, протоармянский язык, мог быть только индоевропейским, не родственным ни хуррито-урартским языкам, ни хаттскому, ни современным кавказским языкам, ни семитским... Поскольку древнеармянский язык не родственен языкам автохтонов Армянского нагорья — хурритов, урартов, ясно, что он занесён сюда извне... Древнеармянский язык является фригийским, датируемым в Азии в XII веке до н. э. ... До скифского вторжения армяне составляли часть фригийцев, а в связи со скифским вторжением отселились и продвинулись на восток, на Армянское нагорье, до VIII века до н. э.»⁴⁸.

Если в XX столетии арменисты объективно трактовали историю своего народа, то ближе к его окончанию стали появляться опусы, противоречащие тому, что было ранее ими опубликовано. Эта тенденция окончательно возобладала после распада СССР в 1991 году.

В итоге, *во-первых*, появились тенденциозные и субъективные публикации⁴⁹. *Во-вторых*, издана серия фантастических книг об «удивительном народе из страны чудес»⁵⁰. *В-третьих*, в новейших исторических атласах Армении под этой физико-географической дефиницией обозначают почти всю Переднюю Азию, в том числе Кавказ⁵¹.

В-четвёртых, очень важно заметить следующее. В связи с историей армянского народа известно, что первые государственные образования у армян отмечены ещё до новой эры. Однако о них сами арменисты знают далеко недостаточно. Так, в одном случае они пишут просто об «армянских государственных образованиях в V–II веках до н. э.»⁵². В другом — говорят о «сатрапии Армения» или о «13 и 14 сатрапиях в Ахеменидской империи»⁵³. В третьем — имеют в виду включенные в состав какой-либо политической структуры земли, заселенные армянами⁵⁴. В четвёртом — сказано: «подробные сведения об армянском государстве дошли до нас в предании, сохранившемся в историко-нравоучительном произведении греческого историка V–IV веков Ксенофонта „Киропедия”»⁵⁵. Но подобные мифологические данные не могут быть приняты за историческую истину. В пятом — имея в виду государство Урарту и поселение Эребуни, арменисты считают, что «Эребуни (*Ирпуні, Ирпуні, урартск. er-bu-ú-ni*) — древний город государства Урарту, развалины которого расположены на холме Арин-Берд, на окраине современного Еревана. Эребуни был основан царём Урарту Аргишти I в 782 году до н. э. в качестве опорного пункта для закрепления урартов в Араратской долине. В связи с тем, что Эребуни располагался в непосредственной близости от Еревана, возможна этимологическая связь терминов „Эребуни” и „Ереван”.

⁴⁸ Дьяконов, 1968. С. 202–203, 208.

⁴⁹ Асатрян Г., Геворгян Н. Азербайджан: Принцип присвоения и иранский мир. Ереван, 1990; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998; Хачикян А. Армения. Социально-политическая история. Материальная и духовная культура. // Очерки истории стран Южного Кавказа. Мультиперспективный взгляд на историю. Ереван, 2009; Лэнг, 2004.

⁵⁰ Мамулов, 1993–2009.

⁵¹ Арутюнова-Фиданян В. А. Повествование о делах армянских. VII век. Источник и время. М., 2004 (далее — Арутюнова-Фиданян, 2004). Карта форзацев и указатель географических названий; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998; Еремян С. Т. Атлас к «Истории армянского народа». Ереван, 1952 (далее — Еремян, 1952); Он же. Армения по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века). Ереван, 1963 (далее — Еремян, 1963); Айвазян С. Исторические карты Армении. Ереван, 2003 (далее — Айвазян, 2003); Даниелян А. П. Армения. Исторический атлас. М., 2003 (далее — Даниелян, 2003); Hewsen R. N. Armenia. A Historical Atlas. Chicago — London, 2001 (далее — Hewsen, 2001); Hovhannisyan R. Atlas Armenian History. Yerevan, 2007 (далее — Hovhannisyan, 2007).

⁵² История армянского народа, 1951. С. 31–33; История армянского народа, 1980. С. 30, 36.

⁵³ История армянского народа, 1951. С. 33; История армянского народа, 1980. С. 36; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 16–17.

⁵⁴ История армянского народа, 1951. С. 32; История армянского народа, 1980. С. 33; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 15, 18–19.

⁵⁵ История армянского народа, 1980. С. 30.

ко, этимология этих топонимов не известна. Эребуни часто отождествляют с Ереваном, считая 782 год до н. э. годом основания Еревана, несмотря на то, что нет данных, указывающих на существование значимого поселения на месте Еревана в период с IV века до н. э. по III век н. э.»⁵⁶

В связи с этим пассажем — две ремарки. *Во-первых*, как было принято у завоевателей в Античности, урарты-захватчики построили Эребуни на приобретённой силой оружия территории в качестве опорного пункта для своего закрепления в Араратской долине. Впоследствии на его месте появилось поселение, следом — город Ереван. Таких примеров известно немало. Например, римские завоеватели в завоёванной Англии создали несколько укреплённых военных лагерей, которые впоследствии стали городами. К примеру, Ньюкасл. *Во-вторых*, не все арменисты считают Урарту «своим» государством. Они пишут: «Урарту было империей, и далеко не все атрибуты этого деспотического государства, типичного для Передней Азии, были унаследованы собственно армянской государственностью»⁵⁷.

В связи с этим к месту напомнить, что первым твёрдо датируемым государством, современным Урарту (860–590 годы до н. э.), было Маннейское царство (IX–VII века до н. э.), созданное предками азербайджанцев⁵⁸.

Далее. Известные реалии об армянской государственности свидетельствуют о следующем. Из изложения ранней истории армянского народа напрашивается вывод, что ядром созданных ими государств, вплоть до «Великой Армении», было так называемое *Армянское нагорье*⁵⁹. Как считают арменисты, «Историческая жизнь армянского народа протекала в стране, известной в географии под названием *Армении* или *Армянского нагорья*»⁶⁰. А оно почти полностью находится в Малой Азии: это — «среднее из трех переднеазиатских нагорий. Расположено главным образом в Турции, частично в СССР и в Иране»⁶¹.

Когда же речь заходит о «Великой Армении», то следует вывод, что она «стала впоследствии центром объединённого армянского государства и основным очагом армянского народа и его культуры»⁶².

Отмечают также, что в самом начале I века «Престол Армении римляне передали своему ставленнику — царю Атропатены»⁶³. То есть правителю Южного Азербайджана. В связи с этим арменисты пишут: «*Атропатена*. Восточнее озера Урмия, в стране огнепоклонников мидян, в конце IV века до н. э. возникло государство Атропатена. В I веке н. э. оно было присоединено к Парфянскому царству. Впоследствии наименование Атропатена превратилось в арабской транскрипции в «Азербайджан» (нынешний Южный Азербайджан). История древней Армении тесно связана с историей всех соседних государств. Однако неизменными друзьями армян были ближайшие вековые их соседи — грузины и албаны и преемники последних — азербайджанцы (курсив наш. — Р. Г.)»⁶⁴.

Связный же рассказ арменистов об армянских царствах и их судьбе начинается только с I века. С этого времени они последовательно и конкретно излагают историю армянской государственности, существовавшей, с перерывами, до XIV века: в 64–387, 482–591, 875–1045 и 1080–

1375 годы⁶⁵. Так, в 387 году Византийская и Сасанидская империи захватили и разделили между собой территорию Армянского царства, что существовало в Малой Азии⁶⁶.

В итоге, начиная с этого времени, то есть после первой утраты собственной государственности, армяне оказались рассеянными по белу свету, ибо «Специфические условия, складывавшиеся в Армении при иноземном владычестве, заставляли армян покидать родину и искать пристанище на чужбине, в пределах Византийской империи. Отток в Византию начался после первого раздела Армении (387) и усилился при арабском владычестве и сельджуках; наряду с эмиграцией, имела место — и в очень широком масштабе — явная и скрытая депортация армян»⁶⁷. Таким образом, с IV века, когда впервые исчезла подлинно известная армянская государственность, начались миграционные блуждания армян по Передней Азии, в общем направлении на восток.

В 591 году Сасанидская империя захватила территорию восстановленного в Малой Азии Армянского царства⁶⁸. Армянская государственность была ликвидирована *вторично*. В 1045 году Византийская империя завладела восстановленным здесь же в IX веке Армянским царством⁶⁹. Так *в третий раз* исчезла армянская государственность. В 1375 году правившие в Египте и Сирии (1250–1517) воинственные мамлюки уничтожили существовавшее в Малой Азии Армянское Киликийское княжество⁷⁰. В итоге, армянская государственность была ликвидирована *в четвёртый раз*. И — надолго.

С тех пор, то есть с 1375 года, вплоть до 1918 года, то есть в течение 500 с лишним лет, армянской государственности нигде не существовало. Вот почему арменисты пришли к выводу, что «Большая часть армянской истории протекала в условиях иноземного владычества»⁷¹. Однако, вместе с тем, история армянского народа — это одновременно история его многовековых миграционных блужданий по Передней Азии, в общем направлении-векторе из Малой Азии на Кавказ.

Этот процесс имеет ряд этапов. *Первый* пришёлся на IV век, когда в 387 году Сасанидская и Византийская империи совместно ликвидировали армянское царство. Это время первой депортации армян, проведённой Византийской империей, появления армянских колоний в различных странах и начало сложения армянской диаспоры (спюрк). *Второй этап* падает на 591 и 1045 годы и связан с активностью тех же империй. *Третий* ознаменовался усилением армянской миграции при арабском владычестве в Передней Азии в VII–IX веках, затем при сельджуках — в XI–XII веках. *Четвёртый* — XIII–XVIII века — времена Монгольской, Тимуридской, Сефевидской, Иранской, Османской империй.

Пятый этап — XIX — начало XX веков — оказался знаковым в истории армянского народа. Ибо тогда армяне обрели очередную, но очень важную во всех отношениях и смыслах, «родину». Теперь уже на Южном Кавказе, конкретно, — на азербайджанской земле. Таким оказался итог многовековых миграционных блужданий армян по Передней Азии. Он отмечен политически целенаправленным массовым организованным переселением Российской империей османских и иранских армян на Южный Кавказ, преимущественно в Северный Азербайджан. Здесь в 1828 году была создана Армянская область, куда стали заселять исключительно армян. Предыстория этого события такова.

⁵⁶ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Эребуни>

⁵⁷ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 15.

⁵⁸ Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и Античность. М., 1975. С. 192; Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959. С. 40–42; Кашкай С. Из истории Маннейского царства. Баку, 1977 (далее — Кашкай, 1977).

⁵⁹ История армянского народа, 1951. С. 3–6; История армянского народа. Ереван, 1980. С. 7–18, , 23, 27, 28, 30, 36, 41, 65, 68, 72; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 20; Арутюнова-Фиданян, 2004. С. 73.

⁶⁰ История армянского народа, 1951. С. 3

⁶¹ Маганьян, 1970. С. 249; Маганьян, 1966.

⁶² История армянского народа, 1951. С. 33; История армянского народа. Ереван, 1980. С. 43.

⁶³ История армянского народа, 1951. С. 49.

⁶⁴ Там же. С. 31.

⁶⁵ Там же. С. 80, 100, 152, 203; История армянского народа, 1951. С. 3–6; История армянского народа, 1980. С. 95, 150; Юзбашян, 1988. С. 4–5, 170; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 69, 78, 90, 112; Минаэлян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952 (далее — Минаэлян, 1952). Гл. XII; Сукиасян А. Г. История Киликийского армянского государства и права. Ереван, 1969 (далее — Сукиасян, 1969). С. 93–94.

⁶⁶ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 69, 76; Юзбашян, 1988. С. 4, 5.

⁶⁷ Юзбашян, 1988. С. 4.

⁶⁸ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 78; Юзбашян, 1988. С. 5.

⁶⁹ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 90; Юзбашян, 1988. С. 170, 172.

⁷⁰ Минаэлян, 1952; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. Гл. IX.

⁷¹ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 5.

Когда Русско-иранская война 1826–1828 годов завершилась Туркманчайским мирным договором, то в своём «высочайшем указе» Сенату от 21 марта 1828 года российский император Николай I (1825–1855) повелел: «Силою трактата с Персией, заключенного 10 февраля 1828 года, присоединенные к России Ханство Эриванское и ханство Нахичеванское повелеваем во всех делах именовать отныне областью Армянской»⁷². Так впервые на Кавказе, причём на земле двух азербайджанских ханств — Эриванского и Нахчыванского, — появилась армянская физико-географическая дефиниция. В 1849 году Армянская область была расширена за счёт других азербайджанских земель и превращена в Эриванскую губернию Кавказского наместничества Российской империи, с уездами Александропольский, Нахичеванский, Новобаязетский, Сурмалинский, Шарур-Даралагезский, Эриванский, Эчмиадзинский. После распада этой империи в 1917 году, на той же земле 28 мая 1918 года была провозглашена армянская Араратская Республика, ставшая в 1920 году Армянской ССР (с 1922 года — в составе СССР), а с 1991 года — Республикой Армения. Так Эриванская губерния, территория которой составляла 25 654 кв. версты (27 830 кв. км)⁷³, в конечном итоге, трансформировалась в сегодняшнюю Республику Армения, площадь которой, но уже в кв. км, почти та же самая — 29 800 кв. км⁷⁴.

Таким образом, армянская государственность вновь появилась, уже в пятый раз, спустя более 500 лет, в 1918 году, но уже на азербайджанской земле. О том, что «Кавказская Армения» создана на азербайджанской земле, свидетельствуют официальные факты. Во-первых, цитированный выше указ российского императора. Во-вторых, местная топонимия, которая была исключительно азербайджанской, что зафиксировано на подробной официальной карте Кавказа, изданной в начале XX века в Российской империи⁷⁵. В-третьих, опубликованный официальным Ереваном перечень арменизированных в течение XX — начала XXI веков наименований азербайджанских районов и населенных пунктов как в Республике Армения, так и в оккупированных армянским агрессором семи районах Азербайджанской Республики и в нелегитимной НКР. При этом указаны даты изменений, оформленные решениями Совета Министров Армянской ССР, а также указом Президента Республики Армения⁷⁶. В-четвёртых, изданы карты, на которых зафиксированы армянские топонимические «новации» на азербайджанской земле⁷⁷.

В итоге, все 964 азербайджанских топонима из известных 1220 (256 наименований появились в «Кавказской Армении» в советские годы), то есть 79%, арменизированы.

В связи со всеми этими политико-географическими перипетиями зададимся вопросами, на которые ни в одной армянской публикации нет ответа:

— Почему топонимия «Кавказской Армении», которую арменисты считают «исторической родиной армян», изначально была азербайджанской?

— Почему территория этой самой «Кавказской Армении» являлась одним из бейлербейств (провинций) Азербайджанского Сефевидского государства?⁷⁸ Имеются в виду Чухур-Саад и прилегающие к нему земли.

— Почему именно Чухур-Саад и ряд соседних азербайджанских земель впоследствии, в 1747–1828 годы, составили азербайджанское Эриванское ханство?

⁷² ГИА РФ. Ф. 880. Оп. 5. Д. 389. Л. 18 об.

⁷³ Эриванская губерния. // БЭ. Т. 20. СПб., 1905. С. 644. 1 кв. верста равна 1138 кв. км.

⁷⁴ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1987 года. М., 1987. С. 517.

⁷⁵ Пагирев Д. Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского военно-топографического отдела. // Записки КОИРГО. Кн. XXX. Тифлис, 1913 (далее — Пагирев, 1913).

⁷⁶ Решения Совета Министров Армянской ССР 1924–1979 годов; указ Президента Республики Армения, опубликован в газете «Голос Армении». Ереван, 19 апреля 1991 года.

⁷⁷ Административная карта Республики Армения и Нагорного Карабаха. Ереван, 2004; Республика Армения и Нагорный Карабах. Административная карта. Ереван, 2004; Sen Hovhannisyuan. Republic of Armenia and Republic of Mountainous Karabagh. Administrative Map. 2002.

⁷⁸ Рахмани А. А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку, 1981. С. 86.

— Почему топонимия НКР и прилегающих к ней семи районов, которые в 1747–1822 годы составляли азербайджанское Карабахское ханство со столицей в Шуше, азербайджанская?⁷⁹

— Почему, излагая историю Араратской Республики и её преемниц — Армянской ССР и Республики Армения, — арменисты никогда не указывают, что они появились на азербайджанской земле — на месте бывшего азербайджанского Эриванского ханства?

— Почему арменисты никогда не пишут, что столица бывшего азербайджанского Эриванского ханства — Эривань — 29 мая 1918 года, по решению Правительства АДР, стала столицей Араратской Республики?

— Если арменисты так твёрдо уверены в том, что азербайджанские земли являются «родиной армян», в частности — Карабах, Зангезур, Борчалы, Нахчыван, — почему они в своих публикациях не «придумали» для них армянские топонимические эквиваленты?

Не менее важно получить ответ на следующий вопрос: «Если армяне считают себя „кавказцами“, почему на гербе Республики Армения изображена гора Арарат, находящаяся в Малой Азии?» В связи с этим — об очередном армянском «ноу-хау».

Арменистика долго, упорно и настойчиво старалась убедить мир в том, что армяне — «кавказцы», всегда жили «на Кавказе», что именно здесь их «родина» и «государства», в том числе «Великая Армения от моря до моря», а не на Балканах или в Малой Азии. Однако противоправные события, в том числе террористические вылазки, на Кавказе привели к тому, что «лица кавказской национальности» стали во всем мире «persona non grata». Поэтому арменистика решила откреститься от своей же легенды, согласно которой армяне «кавказцы». Однако, не исключено, что это — временное отступление «до лучших времен».

Так, кто же такие теперь армяне, если не «кавказцы»? Россияне? Молдаване? Таджики? Если ныне арменистика стала утверждать, что армяне — не кавказцы, значит, действительно, они — пришельцы на Кавказ, где являются аллохтонами, а Республика Армения, до неё — Армянская ССР, а еще раньше — Араратская Республика появились на чужой земле?

Значит, действительно, армяне были организованно и целенаправленно переселены Российской империей в массовом количестве из Османского и Иранского государств в первой трети XIX века. И Россия в 1828 году создала для них на азербайджанской земле «Армянскую область»?

Значит, рушатся теории о том, что Карабах, Джавахети, Нахчыван, Тао-Кларджети, Зангезур, Борчалы и другие земли Азербайджана и Грузии — исконно «армянские»? А сколько было сломано копий для того, чтобы доказать это?!

Но вот, в одночасье, все встало на свои места, вернулось на круги своя, ибо сегодня арменисты заявляют во всеуслышание: «Армения — не Кавказ, армяне — не кавказцы!» Приведем несколько пассажей, подтверждающих такие новационные высказывания.

1. Микаэлян Александр пишет: «Тему моей статьи подсказали мысли, содержащиеся в интервью с руководителем Кавказского правового центра при РКНК (Российском Конгрессе Народов Кавказа) Шамилем Османовым. Привожу слова, на которые следует обратить внимание: „Я призываю кавказскую молодежь: по шариату положены четыре жены, женись, рожайте детей и через 20–30 лет вся Москва будет заселена кавказцами“...»

Являемся ли мы „кавказцами“? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Да, часть исторического ареала расселения армян находится как раз в том регионе, который географы называли „Закавказьем“, „Южным Кавказом“ и, как бы намекая на большую игру великих держав, „Большим Кавказом“, но большая часть нашей исторической родины находится за пределами этого региона.

Наши предки жили в Ване и Эрзеруме, а не только на „Южном Кавказе“. На Кавказе жили не только мы, но и сотни тысяч русских людей, украинцев, поляков, немцев, греков и персов. Никто из них, естественно, не считал себя „кавказцами“⁸⁰.

⁷⁹ Абасов Ф. М. Гарабагское ханство. Баку, 2007. Гл. I/2.

⁸⁰ Микаэлян А. Мы — не кавказцы, а армяне. // Информационно-аналитический портал «Voskanapat.info» // <http://www.yerkramas.org/2010/12/21/>

2. Арутюнян Роберт: «Среди армянской общественности России все чаще поднимают головы дилетанты или просто наивные люди, присоединяющие Республику Армения, Нагорно-Карабахскую Республику, Нахчыван и Джавахк к Кавказу, и называющие армян кавказцами. Более того, эти „кавказцы” находят поддержку в некоторых общественных организациях, при поддержке которых проводят соответствующую пропаганду среди армянской молодежи.

Между тем, есть неоспоримые истины, главная из которых заключается в том, что родина армянского народа — Армянское нагорье.

Учитывая, что Кавказ является частью России, Абхазии, Южной Осетии, Грузии и Азербайджана, эти страны и являются кавказообразующими странами, а термин „Закавказье” придуман исключительно для Армении. Советская власть никак не могла признать Арцах, Джавахк и Нахичеван частью Армянского нагорья, и даже высшую вершину Армянской ССР — гору Арагац, относила к Кавказу! Таким образом, в течение долгого времени армянам внушали понятие „кавказской родины”.

Советские времена ушли в прошлое, однако советская картографическая политика продолжает жить. В России продолжают Армению присоединять к Кавказу, а армян к „лицам кавказской национальности”. Вот только когда это делают представители армянских организаций, претендующие на ведущую и консолидирующую роль в общине, то становится не по себе. На сегодняшний день перед армянским народом стоят многочисленные вызовы. Необходимо понять, что эти вызовы легко преодолимы, когда есть национальная консолидация, в том числе и по Армянскому нагорью»⁸¹.

3. Хачатурянц Наира: «Как-то в Москве, в середине девяностых, когда не было больше СССР с его видимостью „интернационализма”... я решила провести небольшой соцопрос среди своих русских знакомых-москвичей. Я просто спрашивала: каковы ваши ассоциации при слове „кавказец”?

Приведу несколько самых распространенных ответов.

„Кавказец — ну это такой абрек с кинжалом в зубах и патронташем наперевес, который в случае чего — «зарЭжЭт!»

„Кавказец — это такой громкий, темпераментный, взрывной, эмоциональный, ревнивый, который в случае чего — «зарЭжЭт!»

„Кавказец — это такой дремучий, небритый, ужасно говорящий по-русски, сорящий деньгами, мечтающий о «белой женщине», который в случае чего...” „Кавказец — это мошенник, торгаш, спекулянт, преступник, — телевизор не смотрите?” „Кавказец — это носитель диких нравов, отсталой нехристианской культуры, агрессивный и мстительный, считающий, что только кровью обидчика можно смыть горе и позор!”

Выслушивая подобные ответы, я невольно проникалась опасением за себя и за своих близких, которые живут в Москве, — вообще за всех, кто так или иначе мог произвести на местную публику впечатление „кавказца”. Ведь основная масса относится к ним не вполне дружелюбно и не вполне адекватно. А такое социальное явление чревато чем угодно.

Со временем у меня возник и второй вопрос: „А какова национальность у этих «кавказцев», — ведь они делятся на разные народы!”

Так вот, практически все отвечающие, — как настроенные резко против „южан”, так и настроенные нейтрально — включили нас, армян, в число кавказцев, — к моему глубокому разочарованию. И, объективно говоря, я их прекрасно понимаю. Чего можно требовать от них, если сами армяне — многие из нас — часто сами того не замечая, в обычной бытовой беседе называют себя кавказцами. „Наши кавказские традиции”, „наше кавказское гостеприимство”, „наше кавказское уважение к старшим”, „у нас на Кавказе за это такое бывает!”

Звучит вполне нейтрально и привычно. Но ровно на столько же это и не верно на самом деле.

⁸¹ Арутюнян Р. Армения — не Кавказ. Армяне — не кавказцы. // <http://smi2.ru/>

Давайте уж не будем привязывать себя ни к каким иным культурным или этническим группам! Давайте просто называться армянами, господа! Ведь это — помимо всего прочего — звучит так эстетично и благородно!»⁸².

Так, «кавказцы» армяне или нет, Армения — кавказская страна или нет? Ибо — «Tertium non datur!»

Тем не менее, почему, если, всё-таки, как считают другие арменисты, армяне — «кавказцы», все их государства в прошлом существовали только в Малой Азии?

В связи с этим последним вопросом отметим, что азербайджанский город Эривань был уступлен Азербайджанской Демократической Республикой (АДР) армянской Араратской Республике, созданной на земле азербайджанского Эриванского ханства. Сохранился приводимый ниже официальный документ⁸³.

Протокол № 3

Заседания Мусульманского Национального совета,
состоявшегося 29 мая 1918 года в городе Тифлисе, во дворце

Председательствовал товарищ председателя Агаев Гасанбек при секретаре М. Махмудове; присутствовали: 1) Ф. Х. Хойский, 2) М. Ю. Джафаров, 3) М. Б. Гаджинский, 4) М. Гаджинский, 5) Ал. Б. Махмудбеков, 6) Ф. Б. Кочарлинский, 7) Дж. Мелик-Еганов, 8) Р. Б. Векилов, 9) Г. Б. Шахтактинский, 10) Ах. Ахундов, 11) М. К. Мамедбеков, 12) А. Шейхуль-Исламов, 13) М. Магеррамов, 14) Б. Хасмамедов, 15) Х. Б. Мелик-Асланов, 16) Дж. Б. Гаджинский, 17) С. А. Агамалов, 18) Шарифов.

По открытии заседания член Совета Ф. Х. Хойский докладывает Совету о результатах переговоров представителей Совета с представителями Армянского Национального совета по поводу границы территории Азербайджанской и Армянской Федераций.

Ф. Х. Хойский заканчивает свой доклад сообщением, что для образования Армянской Федерации им нужен политический центр, а таковым после отхода Александрополя к Турции, может быть только Эривань, а потому уступка Эривани армянам, говорит Хойский, является неизбежной.

По этому вопросу высказываются Х. Б. Хасмамедов, М. Ю. Джафаров, Шейхуль-Исламов (последний от имени партии «Гуммет»), Магеррамов М. (от имени Соц. Блока), которые признают уступку Эривани армянам исторической необходимостью, неизбежным злом.

Голосование по этому вопросу дает следующие результаты: за уступку Эривани подается 15 голосов из 28-ми общего числа; против один, при трех воздержавшихся.

Председатель (подпись)
Секретарь (подпись)

Как видим, уже 29 мая 1918 года, то есть наутро после провозглашения независимости Северного Азербайджана и Араратской Республики, Азербайджанский Мусульманский Национальный Совет сделал армянам поистине «кавказский подарок». Однако армянская сторона должным образом не оценила этого. Более того, она провела две войны против АДР с тем, чтобы захватить новые азербайджанские земли, в частности Карабах. Впоследствии, уже в советское время, Армянская ССР неоднократно пыталась вновь пожить за счёт Азербайджана. Так, официальный Ереван 16 раз обращался в Москву с предложением о переименовании Нагорно-Карабахской Автономной Области Азербайджанской ССР в «Армянскую НКАО» и 45 раз — о «праве НКАО перейти в состав Армянской ССР»⁸⁴. Не добившись своего, Ереван в 1988–1994 го-

⁸² Хачатурянц Н. Называйте себя армянами, армяне! // <http://forums.bagirka.info>

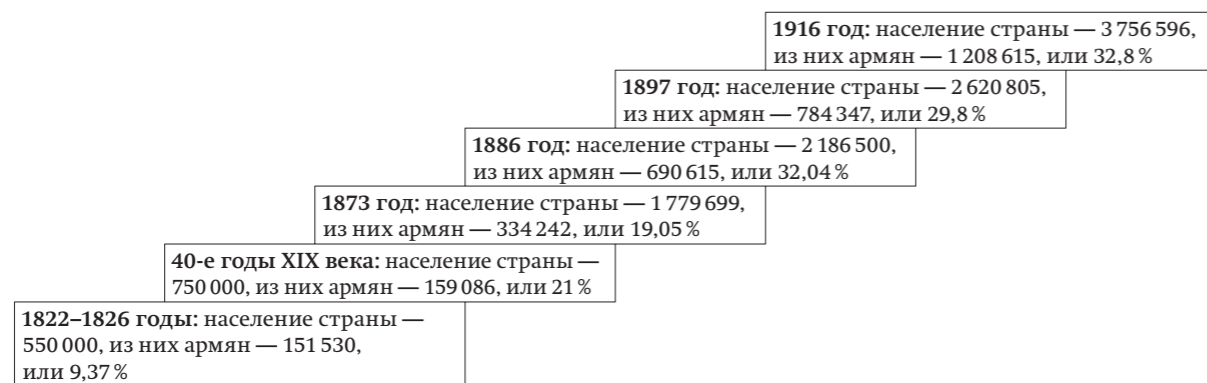
⁸³ ГА АР. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1. Л. 51–52.

⁸⁴ Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. М., 2004. С. 30.

ды вёл третью необъявленную войну против Азербайджана, и армянский агрессор захватил Нагорный Карабах и семь азербайджанских административных районов.

Таким образом, после 1828 года этно-демографическая и конфессиональная ситуация в Северном Азербайджане претерпела качественные изменения. По сравнению с другими переселенцами, армян, в конечном итоге, здесь оказалось гораздо больше. Об этом можно судить по официальным данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. На начало XX века среди мигрантов на Южном Кавказе курды составили 148 906 человек; евреи — 77 226; европейцы — 93 476; армяне же — 1 659 063⁸⁵. В том числе в Северном Азербайджане: немцы — 15 990, или 0,4% всех жителей, курды — 114 001 или 3,03%, русские — 249 779 или 6,65%, армяне же — 1 208 615 или 32,8%, то есть 1/3 населения страны⁸⁶. Ниже представлена таблица, в которой, на основе русских архивных данных, показано, как возрастало количество армян на азербайджанской земле в течение первой трети XIX — начала XX столетий⁸⁷.

Динамика численности армян в Северном Азербайджане в XIX — начале XX века

Для прошлого армянского народа арменисты пользуются дефиницией «армяне, оставшиеся на своей исторической родине». Однако, они сегодня не признают таковой Фракию на Балканском полуострове, то есть в Европе. Они считают «исторической родиной армян» некую виртуальную «Армению», которую всякий раз помещают там, где это необходимо для конкретно поставленной политической, но далеко не научной, цели. Вот почему существует множество «армений». Может быть, эта особенность армянского этноса наложила существенный отпечаток на его судьбу, характер, менталитет и другие составляющие элементы, определяющие дефиницию «этнос».

Что же касается множества «армений», то, в немалой степени, это результат нескольких важных факторов. *Первый* — реализация лозунга «*Drang nach Osten!*», поскольку киммерийцы увели предков армян из Европы в Малую Азию, и теперь надо было найти для себя территориальное пристанище. *Второй* — неоднократная ликвидация армянской государственности. *Третий*, — как следствие, многовековые миграционные блуждания армян по Передней Азии. *Четвёртый* — поскольку четырежды утрачена государственность и начались миграционные блуждания, арменисты связывают институциональную историю армянского народа с историей армянской триады — «церковь + очередная виртуальная Армения + диаспора». В связи со всем этим отметим следующее немаловажное обстоятельство.

Ранее сказано, что арменисты издают не «Историю Армении», как это делают народы, изначально имеющие собственную историческую территорию, а «Историю армянского наро-

да». То есть, историю не земли, а этноса. Эта традиция ведёт своё начало от «отца армянской истории» Мовсэса Хоренаци, жившего в V веке и назвавшего свой труд «История армян» («Патмутюн хайоц») ⁸⁸. Ибо уже в его труде перечислены пять «армений» — *Первая, Вторая, Третья, Четвёртая, Греческая*.

Два столетия спустя, в VII веке, другой армянский автор — Анания Ширакаци — в своём сочинении «Ашхарацуиц» («География») указал целых восемь «армений»: *Первая, Вторая, Третья, Четвёртая, Великая, Высокая, Малая, Персармения* ⁸⁹.

В связи с этим отметим небольшую «деталь». Мовсэс Хоренаци писал свою «Историю армян» в V веке, то есть после ликвидации в 387 году Армянского царства и раздела его земель между Византийской и Сасанидской империями. Анания Ширакаци составил свой труд «Ашхарацуиц» в VII веке, то есть после второй ликвидации Армянского царства Сасанидской империей. Поэтому уже тогда появились дефиниции «Греческая Армения» или фема «Армениак» в составе Византии и «Персармения» — в составе владений Сасанидов.

Сегодня же насчитываются уже, ни много, ни мало, 32 «армении»:

Первая, Вторая, Третья, Четвёртая, Аршакидская, Великая, Византийская, Внутренняя, Восточная, Высокая, Глубинная, Греческая, Западная, Кавказская, Киликийская, Малая, Месопотамская, Нахарарская, Персармения, Сатрапская, Северная, Северо-Восточная, Турецкая, Южная, Юстинианова, а еще — Армянская Месопотамия, Армянская область, Армения за пределами Армении, Армениакон, Армина, большая часть Великой Армении, часть Великой Армении ⁹⁰.

Более того, основоположник русского символизма и один из выдающихся представителей «серебряного века» русской поэзии Валерий Брюсов «нашёл» и «подарил» арменистам 33 «армению» — *Грузинскую* ⁹¹.

Таким образом, начиная с Мовсэса Хоренаци, арменисты всегда отмечают, как минимум, по несколько географических единиц, именуемых ими «арменией». Вероятно, с этим удивительным феноменом связана *политическая* мифологема-идеологема «Великая Армения от моря до моря». Она обозначает обширную территорию в треугольнике «Средиземное — Черное — Каспийское моря». То есть некую виртуальную «государственность», которая теоретически объединяет все 33 «армении». Каждая из них, если взглянуть на опубликованные арменистами «исторические карты», есть конкретная «армения», обозначающая определённую территорию, то есть это — некая географическая единица. Например, *Персармения* с IV века — в составе Сасанидской империи; *фема Армениакон* — с того же времени в составе Византийской империи; «*Армянская область*», созданная в 1828 году на землях азербайджанских ханств — Эриванского и Нахчыванского, — территориальная единица в составе Российской империи; «*Багратидская Армения*» — с IX века — территория в Малой Азии, где правили цари Багратиды; «*Грузинская Армения*» — открытая В. Брюсовым; «*Нахарарская Армения*» — территория, где правили нахарары (представители аристократического сословия); «*Месопотамская Армения*» — в Междуречье Тигра и Евфрата.

Таким образом, среди этих 33 «армений» всегда приходится искать и находить нужную. Иными словами, в принципе, речь ведётся о некой виртуальной территории, то есть каждый раз конкретная «армения», пока она не «обнаружена», это — «*Terra incognita*».

⁸⁸ Мовсес Хоренаци. // СИЭ. Т. 9. М., 1966. Стб. 537; БСЭ. 3-е изд. Т. 16. М., 1974. С. 385.

⁸⁹ Армянская география VII века по Р.Х., приписываемая Моисею Хоренскому. Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К.П. Патканов. СПб., 1877. С. 33–35, 42–44, 47.

⁹⁰ История армянского народа, 1980. С. 10, 27, 30, 31, 34–36, 68, 34, 101, 107, 140, 143, 163, 259 и карты; *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры древней Армении (II век до н.э. — IV век н.э.). М.—Л., 1953 (далее — *Тревер*, 1953). С. 147, 161, 165, 166, 174, 177, 187, 235, 237, 238, 240–242, 245, 247, 250, 263, 273, 275, 276; *Саркисян, Худавердян, Юзбашян*, 1998. С. 28, 41, 76, 104, 106, 150, 153, 164, 194, 199, карты; *Арутюнова-Фиданян*, 2004. С. 22, 29, 58, 67, 69–72, 96, 97, 107, 108, 185, 204, 213, 218, 219, 233, 242, 244, 247, 250 и карта форзацев; *Юзбашян*, 1988. С. 22, 156; *Еремян*, 1952; *Еремян*, 1963; *Айвазян*, 2003; *Даниелян*, 2003; История Византии. Т. I. М., 1967. С. 73, 74, 208, 238, 325, 355; Т. II. С. 45; *Лэнг Д.* Грузины. Хранители святынь. М., 2004. С. 123; *Hewsen*, 2001; *Hovhannisyan*, 2007.

⁹¹ Брюсов В. Я. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918. Гл. IX.

⁸⁵ Чурсин, 1912. Стб. 305–306.

⁸⁶ Вердиева, 1999. Гл. VI.

⁸⁷ Там же.

Поэтому никогда и ни в одном доступном издании истории армянского народа нет конкретных сведений о времени появления, существования и ликвидации армянских государств, об армянских правящих династиях периода Античности и Средневековья. Исключение — Киликийское княжество, о котором известно, что оно появилось в 1080 году и ликвидировано мамлюками в 1375 году⁹². Относительно любого другого армянского государства и его глав в период Античности и Средневековья говорится туманно, завуалировано и в обтекаемой форме. В лучшем случае, указана дата ликвидации государства каким-то внешним актором либо описана деятельность одного или нескольких армянских царей, в первую очередь и преимущественно Тиграна II.

Такое изложение арменистами истории собственного народа кардинально отличается от, скажем, изложения истории Азербайджана периода Античности и Средневековья. Например, конкретно говорится, что в IX–VII веках до н.э. предки азербайджанцев создали своё первое государство — Маннейское царство⁹³. И так — на протяжении всего античного и средневекового периодов⁹⁴.

Относительно сказанного об изложении арменистами истории своего народа приведём несколько пассажей.

1. *«История армянского народа»* под редакцией Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. Попутно отметим, что в тексте ни разу не указано, какая конкретно из 33 «армений» имеется в виду:

— IV–II века до н.э. — армянские царства Айраратское, Малая Армения и Софена⁹⁵. Отметим, что вряд ли существовало государство «Малая Армения», ведь это хороним.

— 189 год до н.э. — создание единого государства, имеется в виду «Великая Армения», то есть географический термин. Подробно расписана лишь деятельность Тиграна II (95–55 годы до н.э.)⁹⁶.

— 64 год — восстановление независимого Армянского государства⁹⁷. Нет даты его создания.

— 387 год — раздел Армянского царства между Византийской и Сасанидской империями⁹⁸. Не известна дата его создания.

— 591 год — второй раздел Армении⁹⁹. Вероятно, имеется в виду государство, но в тексте речь опять о хорониме, то есть о географическом понятии, а не политическом. Не указана дата раздела — она приведена в другой работе¹⁰⁰. Неизвестно также, когда это государство появилось.

— 860–1045 годы — сказано конкретно: Анийское царство¹⁰¹.

— 1045 год — захват и ликвидация Анийского царства Византией.

— 1080–1375 годы — Киликийское армянское государство¹⁰².

2. *«История армянского народа. С древнейших времён до наших дней»* под редакцией профессора М. Г. Нерсисяна.

— 520 год до н.э. — под этой датой упомянуто «армянское государство Армина», союзник могущественной Мидии¹⁰³. Однако, это, скорее, нечто мифическое, так как «Подробные сведения об армянском государстве дошли до нас в предании, сохранившемся в историко-правовом произведении греческого историка V–IV веков Ксенофонта „Киропедия“»¹⁰⁴.

⁹² Микаэлян, 1952; Сукиасян, 1969.

⁹³ Кашнай, 1977.

⁹⁴ История Азербайджана. Т. I. Баку, 1958.

⁹⁵ История армянского народа, 1951. С. 31–33.

⁹⁶ Там же. С. 34–37.

⁹⁷ Там же. С. 50–53.

⁹⁸ Там же. С. 80–81.

⁹⁹ Там же. С. 100–101.

¹⁰⁰ Юзбашян, 1988. С. 5.

¹⁰¹ История армянского народа, 1951. С. 134–135.

¹⁰² Там же. С. 171–179, 200–205.

¹⁰³ Там же. С. 30–33.

¹⁰⁴ История армянского народа, 1980. С. 30.

В *«Истории армянского народа»* 1951 года издания это «армянское государство Армина» даже не упоминается. К тому же, как объясняют сами арменисты, «Армина» — это грецизированная форма хоронима «Армения»¹⁰⁵, то есть географическое определение, а не политическое.

— 189 год до н.э. — создание армянского объединённого государства «Великая Армения»¹⁰⁶ и — подробно о правлении Тиграна II (95–55 годы до н.э.)¹⁰⁷. Однако и тут фактически назван хороним, который не может быть политической дефиницией.

— 387 год — раздел Армении между Византийской и Сасанидской империями. Падение древнеармянского государства¹⁰⁸. Опять речь о территории, а не о государстве.

— О втором разделе Армении в 591 году не сказано ничего.

— Зато дальше говорится о «восстановлении независимости Армении в IX–XI веках»¹⁰⁹. Такая формулировка не позволяет понять, в течение этих столетий восстанавливалась ли независимость Армении или существовало армянское государство? Хотя говорится, что в 885–1045 годы было царство Багратидов, ликвидированное Византийской империей¹¹⁰. Этому периоду посвящено специальное исследование К. Н. Юзбашяна, в котором рассказано о существовавших в те столетия так называемых «армянских государствах эпохи Багратидов»¹¹¹. Но предваряет их историю период самоуправления армян в условиях персидского, византийского и арабского владычества в IV–IX веках¹¹².

— Глава одиннадцатая посвящена Киликийскому армянскому государству (XI–XIV века).

— Далее, вплоть до 1918 года, речь ведётся об Армении в составе различных государств — Сефевидского, Османского, Российского. Но вновь не уточнено, какая из 33 «армений» имеется в виду.

— Завершает изложение история Армянской ССР (1920–1991).

О первой армянской республике — Араратской, — где правил «Дашнакцутюн», нет ничего. Эта тема обойдена молчанием. Точно так же не сказано, что Армянская ССР появилась на землях азербайджанского Эриванского ханства.

З. Г. Х. Саркисян, К. С. Худавердян, К. Н. Юзбашян *«Потомки Хайка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времён до становления Третьей республики»*. Здесь также не указано, какая конкретно из 33 «армений» имеется в виду. Нет хронологической таблицы.

— В этом издании, насколько можно судить, конкретно указаны начатки армянской государственности, отнесённые ко времени падения Урарту (Ванского царства) в 590 году до н.э.: «на его [Урарту] территории, под протекторатом Мидийской державы, сложилось уже собственное армянское государственное образование — царство»¹¹³.

— Далее однозначно и внятно сказано, что в эпоху Эллинизма Армения (какая конкретно — не указано) находилась в составе империи Александра Македонского, затем — Селевкидской державы, Рима, после чего появляется «Армянская империя» и следует «дежурная» апология правления Тиграна II (95–55 годы до н.э.)¹¹⁴.

— 387 год — одной строкой говорится о разделе «Великой Армении» между Сасанидской и Византийской империями¹¹⁵. Здесь явная натяжка. Коль скоро, как считают арменисты, «Великая Армения» — это территория от моря до моря, то есть в треугольнике «Средизем-

¹⁰⁵ История армянского народа, 1980. С. 31.

¹⁰⁶ Там же. С. 36–40.

¹⁰⁷ Там же. С. 40–45.

¹⁰⁸ Там же. С. 95–97.

¹⁰⁹ Там же. Гл. 8.

¹¹⁰ Там же. С. 124–127.

¹¹¹ Юзбашян, 1988.

¹¹² Там же. Гл. I.

¹¹³ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 15.

¹¹⁴ Там же. С. 20–23.

¹¹⁵ Там же. С. 69.

ное — Черное — Каспийское моря», значит, речь должна вестись об огромной территории. Однако раздел «армении» привел к образованию Персармении и фемы Армениака. Значит, «Великая Армения» — это территория между озёрами Ван, Урмия и Севан. Ибо в Античности и Средневековье «морями» именовали и озёра.

— 571 год — точно так же — о втором разделе Армении¹¹⁶.

— 886–1045 годы — царство «Великая Армения» распалось в X веке на Васпураканское, Карсское, Лорийское, Сюникское. Парисосское царства и Таронское княжество¹¹⁷.

— 1045 год — византийское завоевание Армении¹¹⁸. Правда, из изложения не ясно, какая «Армения» была завоёвана.

— Чётко говорится о Киликийском армянском государстве¹¹⁹.

— После всего этого — речь только об армянских колониях, образовавших спюрк¹²⁰.

— Далее, вплоть до 1918 года, рассказано об Армении в составе различных государств — Сефевидского, Османского, Российского.

— Завершает изложение история первой — Арагатской (1918–1920), второй — Армянской ССР и третьей — Республики Армения (с 1991 года). Но без какого-либо указания, что они появились на землях азербайджанского Эриванского ханства.

4. К. В. Тревер «Очерки по истории культуры древней Армении (II век до н. э. — IV век н. э.)».

— Автор считает, что «в VI–III веках до н. э. Армения, как известно, входила в состав Ахеменидской империи, а потом, хотя и недолго, в состав Селевкидского государства»¹²¹.

5. Д. Лэнг «Армяне. Народ-созидатель».

— Этот апологет армянства оказался «большим роялистом, чем король»: Д. Лэнг считает, что «Урарту — первое армянское государство»¹²². Однако арменисты не признают Урарту «своим». По их мнению, «Урарту было империей и далеко не все атрибуты этого деспотического государства, типичного для Передней Азии, были унаследованы собственно армянской государственностью, которая сложилась после Ванского царства»¹²³.

— Как и арменисты, этот автор также уделяет излишне большое внимание Тиграну II¹²⁴.

В таком стиле идёт изложение арменистами истории армянского народа, и не понятно, когда существовала «Великая Армения», как и почему появились остальные «армении». Из доступных историй армянского народа однозначного ответа не получить, ибо в течение почти всего XX столетия арменисты постарались «загладить» и обойти «неудобные» периоды истории своего этноса. Это периоды, когда ещё не появилась армянская государственность, либо она уже исчезла, или армяне находились в составе других государств — иноэтничных, иноязычных, иноверных, либо мигрировали с места на место. Поэтому, чем ближе к нашему времени, тем благообразнее изложение, обойдены «острые углы», общими словами и выражениями представлены периоды, не выгодные для арменистов. Зато все ярче излагаются «подвиги» героев, «борьба против иноземцев и эксплуатации народа», огромный «вклад армян» в мировую цивилизацию. Дошло до того, что английский кавказовед Д. Лэнг издал не просто проармянскую книгу, но представил Армению как «колыбель цивилизации»¹²⁵. Правда, издатели этого опуса в русском переводе не сочли возможным оставить такое название и перевели его несколько «мягче»: «Армяне. Народ-созидатель».

¹¹⁸ Там же. С. 90–93.

¹¹⁹ Там же. С. 106–112.

¹²⁰ Там же. Гл. IX, XII, XIII, XX.

¹²¹ Тревер, 1953. С. 14.

¹²² Лэнг, 2004. Гл. 4.

¹²³ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 15.

¹²⁴ Лэнг, 2004. Гл. 6.

¹¹⁶ Там же. С. 78.

¹¹⁷ Там же. С. 86–87.

¹²⁵ Lang D. Armenia: Cradle of Civilization. London, 1970.

Почти во всех приведённых выше пассажах обращает на себя внимание одна и та же особенность: в большинстве случаев, говоря об армянском государстве, названа территория, на которой оно существовало. То есть назван хороним — понятие географическое, но не политическое. Не может же государство именоваться «Армина», «Армения» или «Великая Армения»?! Это — хоронимы. Тем более, что, например, известны такие армянские политические структуры, как Киликийское государство, царство Багратидов, Анийское, Васпураканское и Карсское царства.

Поэтому искусственность и надуманность мифологемы-идеологемы «Великая Армения от моря до моря» проступает конкретно, отчетливо и однозначно. И её главная цель — именно политическая: представить множество «армений» как единую территорию и убедить всех в существовании такой территории. Ибо эта самая виртуальная «Великая Армения от моря до моря» покрывает собой все другие «армении», каждая из которых в отдельности именуется «армянской землей». В «комплексе», они обозначают треугольник Средиземное — Черное — Каспийское моря, который включает Турецкую Республику, Северный и Южный Азербайджан и Грузию. А это, ни много, ни мало 1 265 188 кв. км! То есть территория Нигера, либо Анголы, или Чада.

Вместе с тем, 33 «армении» и их локализация в обозначенном выше треугольнике способствуют своеобразному, свойственному армянской историко-политической географии парадоксу. Он выражается в том, что у армянских историков отсутствует конкретика в локализации и привязке как истории армянского народа, так и, собственно, дефиниции «Армения» к определённой территории. В отличие, скажем, от историков Азербайджана, Грузии, Дагестана. Собственно говоря, любой другой страны или народа как на Востоке, так и на Западе. Поэтому, как только заходит речь об «Армении», указывается виртуальная «страна Армения», так как невозможно эту дефиницию соположить с какой-то конкретной физико-географической площадкой. Такой вывод следует из публикаций арменистов. Например:

1. В «Истории армянского народа» под редакцией Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна изложение начинается с Армянского нагорья, которое находится за пределами Кавказа. Ибо «Армянское нагорье — среднее из трех *переднеазиатских нагорий*. Расположено главным образом в Турции, частично в СССР и в Иране»¹²⁶. После этого изложение плавно «передвигается» на восток, и доходит до Кавказа. Говоря об античном периоде истории армянского народа, сопредельными с «Арменией» странами называют Понт и Каппадокию, Парфию и Атропатену, Иберию и Колхиду, Албанию. А это — территории Малой Азии и Кавказа¹²⁷. Продолжая рассказ об этом периоде, упоминают сатрапию «Армения», которую локализуют как «земли по среднему и верхнему течению реки Арацани, бассейн Ванского озера и истоки Тигра»¹²⁸, то есть в Малой Азии. Лишь в период Средневековья Армению «привязывают» к Кавказу¹²⁹. Таким образом, как и следует из армянской географии, речь идёт не об одной «армении».

2. В «Истории армянского народа. С древнейших времён до наших дней» под редакцией профессора М. Г. Нерсисяна изложение также начинается с Армянского нагорья, а потом уже доходит до Кавказа. События Нового времени связаны с так называемой «Западной Арменией», то есть с Малой Азией, а Советского периода — с «Восточной, то есть уже Кавказской, Арменией»¹³⁰. Таким образом, и здесь речь не об одной «армении».

3. В. А. Парсамян в его «Истории армянского народа. 1801–1900 годы» имеет в виду как Западную (в Малой Азии), так и Восточную (Кавказскую) Армению. То есть две «армении», ибо иначе не получается рассказать историю армян¹³¹.

¹²⁶ Маганьян, 1970. С. 249; Маганьян, 1966.

¹²⁷ История армянского народа, 1951. С. 30.

¹²⁸ Там же. С. 33.

¹²⁹ Там же. Гл. 9 и сл.

¹³⁰ История армянского народа, 1980. Гл. 15 и сл.

¹³¹ Парсамян В. А. История армянского народа. 1801–1900 годы. Ереван, 1972. Кн. 1.

4. Г. Х. Саркисян, К. С. Худавердян, К. Н. Юзбашян в книге «Потомки Хайка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времён до становления Третьей республики» традиционно, следуя своим предшественникам, начинают историю армянского народа с Армянского нагорья. Рассказывая о Западной (в Малой Азии) и Восточной (Кавказской) «армениях», они тем самым поэтапно «передвигаются» на восток, пока не доходят до Кавказа. Однако, из названия самого издания «Потомки Хайка» не вполне понятно, о какой, всё-таки, «Армении» они рассказывают¹³².

5. На обоих форзацах книги В. А. Арутюновой-Фиданян «Повествование о делах армянских. VII век. Источник и время» есть подробная карта «армений». На ней обозначены Первая, Вторая, Третья, Четвёртая, Великая, Внутренняя, Малая, Глубинная, Месопотамская, часть Великой Армении, большая часть Великой Армении, Персармения, Армениака¹³³.

6. В книге К. В. Тревер «Очерки по истории культуры древней Армении (II век до н. э. — IV век н. э.)» рассказано о «Древней Армении»¹³⁴. Однако автор имеет в виду «Кавказскую Армению», за пределы которой, по ходу изложения, она выходит, когда говорит об армянских эпиграфических памятниках в Малой Азии. То есть вне Кавказа.

Когда в составе мировых держав — Византийской и Сасанидской империй, Арабского халифата, Сельджукской, Монгольской, Тимуридской, Сефевидской, Иранской, Османской, Российской империй — оказались огромные пространства с полиэтничным населением, тогда происходили миграционные передвижения. В них оказались вовлечены не только коренные жители этих обширных государств, но и те этносы-аллохтоны, что оказались под их властью. Тогда, поэтапно, армяне и прошли хронологически длинный и многовековой путь по Передней Азии — с запада на восток, вплоть до Кавказа.

Однако начало их миграционного маршрута лежало в Европе, в связи с чем можно констатировать, что, во-первых, прародина армян — область Фракия на Балканах, то есть в Юго-Восточной Европе. Во-вторых, следующая их «родина» — в Малой Азии, которую они пересекли с запада, из области Фригия, на восток — до района озера Ван. На этой именно территории, то есть на востоке Малой Азии — в «стране Хайаса»¹³⁵, — сформировался армянский этнос. В-третьих, последняя по времени «родина» армян — Южный Кавказ, конкретно — земли бывших азербайджанских ханств — Эриванского и, частично, Нахчыванского. Далее на восток армянский этнос не прошёл. Причин тому несколько, в первую очередь, военно-политические.

Докавказское же происхождение армян подтверждают многие артефакты. Например, антрополог В. В. Бунак на основе исследованных им черепов железного века (XIV–XIII века до н. э.) из Севанского района доказал, что армяне не имеют ничего общего с более ранними насельниками этой зоны¹³⁶. Этническая одонтология, содержащая информацию об этногенезе популяций и их взаимоотношениях, однозначно отрицает автохтонность армян на Кавказе, ибо их зубы по своему составу резко отличаются от зубов автохтонов как Северного, так и Южного Кавказа¹³⁷. Так называемая армянская болезнь подтверждает, что армяне являются на Кавказе аллохтонами. Известный армянский писатель и публицист Зорий Балаян писал: «На земле, специалисты подсчитали, есть более четырёх тысяч наций и народностей, и лишь армяне имеют “свою” болезнь»¹³⁸. Однако он «забыл» отметить, что это «заболевание встречается преимущественно у представителей народностей, предки которых жили в бассейне Средиземного моря, особенно у армян, евреев (чаще сефардов), арабов, и лишь в 6% всех случаев у лиц прочих национальностей»¹³⁹.

¹³² Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998.

¹³³ Арутюнова-Фиданян, 2004. Карта на форзацах.

¹³⁴ Тревер, 1953.

¹³⁵ Капанцян, 1947. С. 240, 242.

¹³⁶ Бунак В. В. Череп железного века из Севанского района. // РАЖ, 1928. Т. XVII. Вып. 3–4.

¹³⁷ Кочиев Р. С. Закавказье и Северный Кавказ. // Этническая одонтология СССР. М., 1970. С. 135, 141.

¹³⁸ Балаян З. Г. Очаг. Ереван, 1984. С. 289.

¹³⁹ Виноградова О. М. Периодическая болезнь. // БМЭ. 3-е изд. Т. XIX. М., 1982. Стб. 181–185; Оганесян К. Ереванская болезнь. [http://www.medinformnews.com/2007/index ru %20\(2\).htm](http://www.medinformnews.com/2007/index ru %20(2).htm)

Таким образом, предыстория армянского народа позволяет прийти к важному выводу: армяне — фракийское племя, переселившееся в Малую Азию, Армения — горная страна, где берут начало Тигр и Евфрат¹⁴⁰. Отсюда они вступили в долину Аракса, затем появились в долине Куры, то есть в пределах Кавказа. На основе вышесказанного можно констатировать, что армяне не являются автохтонами ни Малой Азии, ни, тем более, — Кавказа.

В период миграционных блужданий по Передней Азии, армяне многое заимствовали из культурного наследия местных племён и народов, в том числе у греков и урартов, римлян и византийцев, эфиопов и мидян, персов и сирийцев, арабов и тюрок. Это дало основание древнегреческому автору Страбону заметить: «Обычаи мидийцев большей частью те же, что и у армян, по причине сходства их стран. Мидийцы, однако, являются родоначальниками обычаев армян и еще раньше персов»¹⁴¹.

М. Х. Абемян, говоря о внешнем влиянии на быт, нравы, обычаи армян, заметил, что гораздо больше урартской было влияние на них иранской культуры. Оно «прежде всего заметно в армянском языке, в котором так много уже окончательно арменизированных персидских слов, заимствованных большей частью в парфянскую эпоху [III век до н. э. — III век н. э.] и весьма схожих с пехлевийскими [III–VI века], что в одно время армянский язык относили к иранской ветви индоевропейских языков. Не говоря о многочисленных собственных именах, приблизительно восемьсот корней уже уточнены, как заимствования из персидского языка. Они касаются различных сторон жизни и культуры, а именно: военного искусства, быта, классов и социальной жизни, ремесел, торговли, религии, растительного мира и т. д. Большая часть имён армянских богов иранского происхождения. Арамаза, Ваагн, Михр, Тир. От персов же перешло к армянам множество верований... Это влияние и до наших дней продолжает существовать в суевериях нашего народа»¹⁴².

Таковы, например, армянские имена собственные иранского происхождения — Анаит, Ануш, Анушаван, Арам, Артавазд, Арташес, Арусяк, Аршак, Бакур, Вагарш, Вардан, Вахтанг, Вртанэс, Гургэн, Ерванд, Карэн, Нерсэс, Санатрук, Сурэн, Тигран, Трдат. Или же — армянские топонимические окончания иранского корня — ван, -кан, -керт, -стан, -шен; например, Ван, Кировокан, Пемзашен, Севан, Тигранакерт, Хайастан.

Историк церкви В. В. Болотов также отметил в армянском языке аршакидский (парфянский) слой, то есть лексику, заимствованную в III веке до н. э.¹⁴³ Например, Мех — бог Митра, седьмой месяц — михр-мах, то есть месяц Митры, у армян — Мехекан.

В древнеармянском календаре названия ряда месяцев явно из иранского культурного круга: первый — навасард, седьмой — мегекан, девятый — агекан¹⁴⁴. В современном армянском календаре названия некоторых месяцев по-прежнему остаются иранскими: первый — навасард, седьмой — мехекан, девятый — ахекан¹⁴⁵. Точно так же названия дней месяца, например, в древнеармянском: Маргар, Маздех, Астхик, Мигр, Ани, Пархар, Ванатур, Арамазд, Мани, Ваагн, Вараг¹⁴⁶. В современном: Анаит, Арамазд, Астхик, Ваагн, Гишеравар, Михр¹⁴⁷.

Название верховного божества у армян-григориан, скорее всего, заимствовано из иранского — авестийского, то есть зороастрийского, пантеона: армянское Аствац (Бог) весьма созвучно с авестийским Астват-Эрэта¹⁴⁸. И это не случайно.

¹⁴⁰ Геродот, I:180, 194; III:93; V:49,52; VII:73.

¹⁴¹ Страбон, XI:13/9, 14/16.

¹⁴² Абемян, 1975. С. 13–14.

¹⁴³ Болотов В. В. Из истории церкви сиро-персидской. // ХЧ. 1899 (далее — Болотов, 1899). № 1. С. 104.

¹⁴⁴ <http://www.armportal.ru/articles/172-drevnij-armjanskij-kalendar.html>

¹⁴⁵ Айвазян С. М. История России. Армянский след. М, 2000 (далее — Айвазян, 2000). Т.1. С. 125.

¹⁴⁶ <http://www.armportal.ru/articles/172-drevnij-armjanskij-kalendar.html>

¹⁴⁷ Айвазян, 2000. С. 125.

¹⁴⁸ Бойс М. Зороастризм. Верования и обычаи. М., 1987. С. 54.

По официальной версии арменистов, армян обратил в христианство *парфянин* (а не армянин) Григор Партев Лусаворич (*партев* — арменизированная форма иранского этнонима «парфянин») ¹⁴⁹. Он — младший сын парфянского князя Апака и, естественно, был зороастрийцем, получившим при крещении христианское имя Григорий. Он является основателем армянской церкви и её первым епископом/католикосом (314–320) ¹⁵⁰. Парфянами по происхождению были ещё несколько армянских католикосов: Аристахэс I Парфянин (320–333), Вртанэс I Парфянин (333–341), Йусик I Парфянин (341–347), Нэрсэс I Парфянин Великий (353–373), Саак I Парфянин Великий (387–425) ¹⁵¹.

В связи с заимствованиями отметим, что «в пределы Аршакидской Армении христианство проникало через сирозычную Эдессу и грекоязычную Кесарию Каппадокийскую, что нашло отражение, в частности, в терминологии, заимствованной как из сирийского, так и из греческого обихода» ¹⁵².

Поэтому вряд ли есть основания считать, что армяне уверовали в Иисуса Христа уже в 301 году и стали первыми в мире «законными» или «официальными» христианами. Согласно легенде, не менее легендарный царь Эдесский Абгар V, состоявший в переписке с самим Иисусом Христом, просил его прислать в Эдессу (ныне Шанлыурфа, Турция) миссионеров и объявил в своём государстве христианство официальной религией ¹⁵³. Значит, легитимизация этой религии произошла ещё в I веке, причём в сирийской среде. А в конце II века появилась Эдесская церковь ¹⁵⁴.

Н. Г. Адонц отметил, что начальные документы христианской литературы армян «тяготеги преимущественно к сиро-персидскому церковному миру» ¹⁵⁵. По мнению М. Х. Абеяна, «армяне многому научились у сирийцев. Сирийский язык, хотя сравнительно меньше, чем персидский, все же имел влияние на армянский язык. В армянский вошло значительное количество сирийских слов, которые с древнейших времён уже арменизировались. На религию древних армян оказали влияние и сирийцы. Из их божеств в древнеармянский пантеон вошли Варшамин, Нанэ, Астхик, Анаит, которым поклонялись главным образом в юго-западной Армении. Из сирийского же языка происходит слово курм — жрец» ¹⁵⁶. Он же отметил, что арамейский антропоним *Арим* трансформировался у армян в *Арам*, вероятно, под влиянием упомянутого в Библии Арама, который является предком-родоначальником (эпонимом) жителей Сирии и Месопотамии — арамеев, то есть одной из ветвей семитов ¹⁵⁷.

Г. Г. Мелконян акцентировал внимание на многоплановых связях армян с сирийцами в раннем Средневековье; он же составил список сирийских слов и терминов, вошедших в армянскую лексику ¹⁵⁸. По его мнению, одним из доказательств связей армянского народа с сирийским культурно-церковным кругом служат армяно-сирийские контакты в создании армянской письменности. Р. А. Ачарян в своём «Этимологическом корневом словаре ар-

мянского языка» зафиксировал 200 коренных сирийских слов, до сих пор употребительных у армян. Л. А. Тер-Петросян, имея ввиду сиро-армянские культурные связи, пишет: «На всём протяжении существования армянской национальной литературы ей сопутствовали переводы, выполненные с греческого, сирийского, латинского и арабского языков, явившиеся важнейшим фактором её развития, одним из основных источников, питавших её» ¹⁵⁹. К. Н. Юзбашян, говоря о сирийском влиянии на армян, заключает: «Роль Византии в формировании армянской культуры исключительно велика. В области литературы можно настаивать если не на равенстве, то на безусловной соизмеримости греческого и сирийского влияния. С греческого и сирийского языков переводили различного рода и жанра произведения. Значительно влияние Византии, в частности, византийской Сирии, на армянское искусство — монументальную и книжную живопись, архитектуру» ¹⁶⁰. Н. В. Пигулевская называет сирийцев «учителями армян» ¹⁶¹. В. Райт отметил, что «армянская литература в свои ранние дни многим обязана сирийской. Она обязана ей не только переводом Церковной истории Евсевия, но и такими сочинениями, как Учение Аддая, Поучения Аффраата. Некоторые утраченные сирийские творения сохранились даже только в армянских переводах» ¹⁶². Он же считает, что основатель сирийской церкви и литературы Бар Дайсан (Вардесан) ещё во II веке проповедовал «среди горцев Армении», то есть в восточной части Малой Азии; он же является автором первой известной «Истории Армении», которой воспользовался в греческом переводе «отец армянской истории» Мовсэс Хоренаци ¹⁶³.

Таким образом, начальная история армянской церкви и культуры напрямую связана с сиро-персидским миром. В связи с этим отметим следующее. *Во-первых*, этот самый мир ассоциируется с Сасанидской империей, в пределах которой функционировала сиро-персидская церковь. *Во-вторых*, в первой четверти IV века христианство уже было распространено в этом государстве, и в том же столетии появилась сиро-персидская церковь ¹⁶⁴. *В-третьих*, как раз в это время, в 387 году, Армянское царство было ликвидировано, и его территория разделена между Сасанидской и Византийской империями ¹⁶⁵. Так появилась Персармения в составе владений Сасанидов, а армянская церковь оказалась в их подчинении. *В-четвёртых*, митрополит Нисивийский и Армянский Абд Ишо Бар Бериха, сириец по происхождению, составил в XIV веке список 14 митрополий сиро-персидской церкви «в порядке предшествования [то есть создания] кафедр и их церковного значения, основанного на исторической давности» ¹⁶⁶. В этом перечне армянская кафедра по счёту тринадцатая, то есть *предпоследняя*, по времени своего создания, и учреждена она Тимофеем I только в IX веке ¹⁶⁷. *В-пятых*, католикосы сиро-персидской церкви — все сирийцы ¹⁶⁸.

Симптоматично и примечательно, что ни Албанской, ни Грузинской церковью нет в списке митрополий сиро-персидской церкви, так как они существовали независимо в своих «национальных» государствах, которые и обслуживали.

Таким образом, армянская литература, как и армянская церковь, зародилась «под колпаком» зороастрийской Парфянской державы и первоначально функционировала «под контролем» другой зороастрийской империи — Сасанидской. Эта церковь была нужна персидским

¹⁴⁹ Армянская апостольская церковь. // ПЭ. Т. III. М., 2001 (далее — Армянская апостольская церковь, 2001). С. 332.

¹⁵⁰ Григорий Просветитель. // НЭС. Т. 15. Стб. 4; Армянская апостольская церковь, 2001. С. 332; Лэнг, 2004. С. 184–185.

¹⁵¹ Армянская апостольская церковь, 2001. С. 352.

¹⁵² Армянская апостольская церковь, 2001. С. 332; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 41.

¹⁵³ The Oxford Dictionary of the Christian Church. London, 1957. P. 5; Cheetham S. A History of the Christian Church During the First Six Centuries. London, 1905. P. 58.

¹⁵⁴ Болотов В. В. Из истории церкви сиро-персидской. // ХЧ. 1900 (далее — Болотов, 1900). № 1. С. 69.

¹⁵⁵ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908. С. IX.

¹⁵⁶ Абеяна, 1975. С. 14, 22–23.

¹⁵⁷ Быт. 10:22, 23.

¹⁵⁸ Мелконян Г. Г. Из истории армяно-сирийских отношений (III–V века). Ереван, 1970 (на арм. яз.); Он же. Сирийские источники. / Пер. с оригинала, предисловие и прим. Г. Г. Мелконяна. Вып. 1. Ереван, 1976 (на арм. яз.); Он же. Армяно-сирийские связи в III–V веках. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1964. С. 36. Севан Г. Месроп Маштоц. Создание армянских письмен и словесности. Ереван, 1962 (далее — Севан, 1962). С. 42 (на арм. яз.); Ольдерогге Д. А. Из истории армяно-эфиопских связей (алфавит Маштоца). // Древний Восток. Сборник 1. К 70-летию академика М. А. Коростовцева, М., 1975 (далее — Ольдерогге, 1975). С. 201 и сл.

¹⁵⁹ Петросян Л. А. Древнеармянская переводная литература. Ереван, 1984. С. 5; Он же. Фонетика среднеармянского языка по данным сирийских источников. // ИФЖ АН Армении. 1974. № 8 (на арм. яз.).

¹⁶⁰ Юзбашян, 1988. С. 5, 36.

¹⁶¹ Пигулевская Н. В. Итоги и перспективы отечественной сириологии. // Семитские языки. Материалы 1-й конференции по семитским языкам. 1964 год. М., 1965. Вып. II. С. 81.

¹⁶² Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб., 1902 (далее — Райт, 1902). С. 6, 24–25, 44.

¹⁶³ Там же. С. 21.

¹⁶⁴ Болотов, 1900. № 1. С. 74.

¹⁶⁵ Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 69–71; Юзбашян, 1988. С. 4.

¹⁶⁶ Болотов, 1899. № 2. С. 323; Райт, 1902. С. 207.

¹⁶⁷ Болотов, 1899. № 2. С. 323–324.

¹⁶⁸ Болотов, 1899. № 5. С. 1105.

ладьякам для противостояния с их главным политическим и военно-идеологическим соперником в Передней Азии — с христианской Византийской империей. Тогда же армянская церковь находилась под влиянием сирийской. Не случайно, что в Сасанидской империи действовала сиро-персидская церковь, находившаяся под патронажем шаханшахов-зороастрийцев¹⁶⁹.

В связи со всем этим отметим, что, *во-первых*, армяне приняли христианство лишь в IV веке и, *во-вторых*, — от сирийцев. *В-третьих*, до создания армянского алфавита армяне пользовались сирийским письмом несторианского пошиба. Об этом можно судить по эпиграфическим надписям в Малой Талинской церкви, отредактированных на сирийском языке несторианским письмом. Первоначально на языке сирийцев велась церковная служба и обучение в школе, в ходу была сирийская версия Библии — Пешитта. Поэтому, *в-четвёртых*, не случайно, что несколько армянских католиков были по происхождению сирийцами: Барк-Ишо Сириец (426–429), Шамуэл Сириец (429–434)¹⁷⁰.

В связи с заимствованиями армян отметим, что, излагая историю «создания» Месропом Маштоцем армянского алфавита, армяне «забывают» отметить очень важную «деталь»: его основу составляет эфиопский алфавит. Это подтверждают исследования Г. Севака¹⁷¹ и Д. А. Ольдерогге¹⁷². Они доказали, что алфавит армян — южносемитского происхождения и идентичен эфиопской системе письма.

Что касается армянской кухни, то и здесь имеются многочисленные заимствования. Например, *лаваш* — плоская хлебная лепёшка, термин тюркский; *тонир* — круглая конусообразная печь, это тюркское *тендир*; *суджук* — вяленое мясо, тюркское; *бастурма* — вяленое мясо, тюркское; *кюфта* — мясные катышки, персидское; *мацун* — простокваша, персидское; *ариса* — семитское блюдо, разваренная пшеница с мясом, заправленная маслом; *каш* — крутой мясной бульон, общекавказское блюдо; *кята* и *пахлава* — восточные кондитерские мучные изделия; *долма* — тюркский термин, означает «наполненный, фаршированный», блюдо из начинённых мясным фаршем виноградных листьев, баклажан, помидор, капуста, огурцов, болгарского перца.

Ввиду того, что армянский народ многие столетия не имел собственной государственности, он пользовался чужими денежными единицами. Ныне таковой в Республике Армения является *драм*, то есть древнегреческая *драхма*, — вероятно, в память о времени, когда предки армян обитали в греческой области Фракия.

Известны также заимствования армян из реалий мусульманского культурного мира. У любого народа имеется примерно 350–450 личных имён и фамилий. Армянская ономастика свидетельствует, что наиболее распространённые фамилии армян имеют мусульманские корни — персидские, арабские, тюркские, в том числе азербайджанские¹⁷³. Несколько примеров для наглядности: Агабекян (агабек — азерб. — господин-вождь), Бабаджанян (бабаджан — азерб.-перс. — душа-дед), Гарагашьян (гарагаш — азерб. — чернобровый), Даллакян (даллак — азерб. — брадобрей), Еганян (еган — перс. — единственный), Зулалян (зулал — араб. — прозрачный, чистый), Игитян (игит — азерб. — герой), Караханян (карахан — азерб. — большой повелитель), Лалаян (лала — тюрк. — гувернер), Мамурян (мамур — араб. — чиновник), Назарбекян (назарбек — тюрко-перс. — милостивый вождь), Османян (Осман — тюрк. имя собств.), Памбукчян (памбукчи — азерб. — хлопкороб), Стамболчян (житель Стамбула), Таривердиев (тангрыверди — азерб. — данный верховным божеством), Улубабян (улубаба — азерб. — прадед), Фиданян (фидан — азерб. — бутон), Ха-

ладжян (халадж — этноним тюрк. племени), Чилингаров (чилингар — азерб. — слесарь), Шамкорян (житель азерб. города Шамкир), Эмин (эмин — араб. — доверенность), Юзбашян (юзбаши — азерб. — сотник), Якшиянц (Якши — азерб. — хорошо).

Отметим, что выдающиеся представители армянской культуры и науки подчёркивали, что армяне многое заимствовали от азербайджанцев. Они высоко оценили эти заимствования.

Основоположник новой армянской реалистической литературы, писатель-просветитель Хачатур Абовян (1805–1848) ещё в XIX веке отметил: «Тюркча настолько внедрился в наш язык, что песни, стихи, пословицы звучат у нас по-тюркски. Наш язык, как минимум, на 50 % состоит из тюркских слов. Народ [армянский] от татарского [азербайджанского] языка заимствовал много слов и выражений, которые и сегодня используются им. Тюркский язык у нас настолько распространён, что его понимают даже женщины и дети. Поэтому стало обычным явлением среди самородков, вышедших из народа, создание и чтение стихов на татарском языке»¹⁷⁴.

Писатель, критик, философ Микаэл Налбандян (1829–1866) в том же XIX столетии писал: «Сегодня тюрк и армянин, можно сказать, живут в одном краю. Эти национальности покорны влиянию одной природы. Тюрк получает удовольствие, слушая жалобные, печальные напевы армянина, а армянин вдохновляется от тюркского исполнения. Каждый из них тысячекратно предпочитает петь „Дурна, хардан гялирсен“, песню Кёроглы „Эйвазын гюмюш кемери“, а также песни Керема и Ашуга Гариба. Есть такие тюркские слова, которые используются всей [армянской] нацией. Несмотря на то, что смысловые значения этих слов имеются и в староармянском языке, тюркские слова настолько вжились в разговорную речь народа, что их невозможно „оторвать“ от привычного диалекта и привнести свои, но давно забытые и не существующие для народа слова»¹⁷⁵.

Историк и писатель Аракел Бабаханян (Лео, 1860–1932 годы) считал: «Воспевая жизненный быт в сказках, песнях, [наши] ашыги предпочитают тюркский язык, так как он более плавный, более выразительный и богатый, нежели армянский. Малая, можно сказать, что даже незначимая, часть армянского ашыгского творчества относится к нашей литературе. Большая часть крупных произведений (дастаны, героические сказки) созданы на тюркском»¹⁷⁶.

Уроженец Азербайджана, писатель и драматург Александр Ширванзаде (Мовсисян, 1858–1935 годы) подчёркивал: «Вам известно, что я, будучи гражданином Азербайджана, всегда интересовался культурными вопросами изначальной Родины и, в первую очередь, состоянием тюркского театра и литературы. Поэтому я восторгаюсь, видя большие успехи в области культуры тюркского народа. Чрезвычайный прогресс тюркского театра особенно меня радует. Уверяю вас в том, что всё это меня безгранично радует»¹⁷⁷.

Религиозный деятель и собиратель фольклора Трдат Балеан (рубеж XIX–XX веков) отметил: «[У нас] названия ашыгских инструментов тюркские — саз, сантур, кеман или кеманча, баглама. Даже названия стихов также тюркские: гошма, дастан, гелендар, мустезад-гелендар, мухеммес-гелендар, дивани, газель, рубаи-дивани, муседдес-дивани, семай, муседдес-семай, нахшикар-семай, едеклисемай, дубейди, мухеммес, теджнис, зенд-жирлеме, лебдей-мез, елифлеме, сетрендж, гите, гасиде, негерат»¹⁷⁸.

Собиратель фольклора Гегам Тарвердян (XX век): «Собранная мною у армянских ашыгов определённая часть стихов полностью на азербайджанском языке. Большая же часть ос-

¹⁶⁹ Подробнее см.: Болотов, 1899. № 1, 2, 3, 4, 5; Болотов, 1900, № 1, 3.

¹⁷⁰ Армянская апостольская церковь, 2001. С. 352.

¹⁷¹ Севак, 1962. С. 46.

¹⁷² Ольдерогге, 1975. С. 207, 210.

¹⁷³ См., например: Мамулов С. С. Удивительный народ из страны чудес (Армения и армяне — уникальный феномен цивилизованного мира). М., 2005. Кн. 4. С. 403–409. М., 2007. Кн. 5. С. 302–304.

¹⁷⁴ Азербайджанские истины в армянских литературных источниках. / Сост., пер. с армянского и сбор материалов: доктор филологических наук, профессор И. Аббаслы. Баку, 2008 (далее — Азербайджанские истины, 2008). С. 10–15. В этой публикации указаны использованные её автором первоисточники на армянском языке, откуда почерпнуты приводимые пассажи из сочинений армянских деятелей культуры и науки.

¹⁷⁵ Там же. С. 15–17.

¹⁷⁶ Там же. С. 27–29.

¹⁷⁷ Там же. С. 29–30.

¹⁷⁸ Там же. С. 30–31.

тальных ашыгов создавала свои произведения на азербайджанском и армянском языках. Не более 20–25 ашыгов сочиняли стихи только на армянском»¹⁷⁹.

Академик АН Армении, литературовед, фольклорист и языковед *Манук Абебян* (1865–1944): «Под рукой у нас имеются разные варианты баяты в количестве около 1700. Жалеем, что наш язык не столь богат многозначительными словами, мало синонимических выражений, поэтому мы и обращаемся к близкому нам тюркскому языку»¹⁸⁰.

Академик АН Армении, языковед и литературовед *Грачиа Ачарян* (1876–1954): «С XI века начались походы тюрков на армян, а это влияло на формирование языка. Именно в результате влияния тюркско-татарского языка изменились грамматические закономерности армянского языка»¹⁸¹.

Академик АН Армении, поэт *Аветик Исаакян* (1875–1957): «Гаджибеков, создавая свои оперы, использовал богатую и бесподобную народную музыку Азербайджана. Его музыка всегда была родной армянскому народу. Эта музыка была самым прекрасным средством братского сближения армянского и азербайджанского народов. Армянский народ также очень любит баяты и при этом с любовью поют как армянские, так и азербайджанские баяты. Столетиями азербайджанский и армянский народы жили на одной земле, под одним солнцем, возлагая друг на друга большие надежды. Вековые творческие созидания — пословицы и сказания, песни и музыка всегда были родными для армян. Эпический народный герой Кёроглы, борясь против народных врагов, ханов и беков, в равной степени вдохновлял на борьбу и наших армян. По всей истории наши ашыги и на том же сазе исполняли родные нам песни на азербайджанском языке. С детских лет, слушая азербайджанские песни, я, со своим народом, чувствовал себя как на родине. Низами для нас, для кавказских народов, в равной степени родим и дорог. Он своими гуманными, воспевающими свободу идеями был и есть посредник в братстве народов Кавказа. Он всегда был участником братских взаимоотношений кавказцев. Низами гордость не только Азербайджана, но всех кавказских народов — гордость азербайджанцев, грузин и армян»¹⁸².

Выдающийся поэт *Егише Чаренц* (1897–1937): «Меня потрясла весть о кончине известного закавказского и азербайджанского драматурга Джафара Джаббарлы. По нескольким встречам с этим известным человеком мне стало ясно, что он та личность, благодаря которой не только азербайджанская, но вся закавказская литература и театр получили всеобщую известность. Он был одним из первых среди общественности Закавказья и, как одаренный мастер слова, передовой драматург он описывал и воспевал в своих произведениях нашу интернациональную борьбу и победу»¹⁸³.

Академик АН Армении, литературовед *А. Тертерян*: «Армяне во время беседы, разговора всегда обращаются к азербайджанским пословицам и сказаниям»¹⁸⁴.

Писатель *Степан Зорян*: «Низами, возвысившись над своим временем, протягивает руку гуманистам будущих веков. Низами был одним из больших поэтов мира, заняв прочное место в пантеоне гигантских мастеров слова мировой литературы, он был единственным, особенно на Востоке, как поэт, творец, мыслитель. Мы считаем этого гениального поэта для себя родным, потому что в его произведениях есть настолько милые чувства и мысли, что они и по сегодняшний день волнуют и приводят нас к размышлению. Своим творчеством и идеями, по словам наших литературоведов, он благотворно влиял не только на своих современников и последующих поэтов, но также и на некоторых армянских поэтов Средневе-

ковья. Мы гордимся, что великий сын азербайджанского народа и сын нашего прекрасного Закавказья Низами подарил миру такие жемчужины-произведения, благодаря которым давно уже занял своё место в пантеоне гениальных словесных творцов мира»¹⁸⁵.

Поэт *Гурген Борян*: «Я не читал Сабира на азербайджанском языке. Я его узнал, прочитав сначала на русском, а затем на родном армянском языке. Но, как говорится, хорошие поэты во время их перевода проигрывают. Конечно, в этом есть доля правды. Хотя живое волнение, интонации, собственная структура стихотворения, наконец, во время перевода, даже за тридевять земель, можно узнать. Нельзя оставаться равнодушным, когда чувствуешь настоящее дыхание поэзии и жаркое сердцебиение поэта. Нас от Сабира отделяет больше полувек. Но время сработало в пользу большого поэта азербайджанского народа. Спустя годы, Сабир стал нам ещё ближе, ещё родней, и сегодня он богатым умом и широкой душой, как никогда, светится больше. Окруженный общенародной любовью и гордостью своих соотечественников, Сабир не только стоит на воздвигнутом ему гранитном памятнике в родном Баку, но при этом он возвысился на такую высоту, откуда его видит весь мир»¹⁸⁶.

Академик АН Армении, фольклорист *А. Т. Ганалаян* (1909–1983): «„Кефи коне, кянди кйохвини“, „Бир или пир у пир или“ и „Хасан кечал, кечал Хасан“ — это арменизированные варианты пословиц, соответствующие азербайджанским пословицам („Кеф сениндир, кенд коханын“, „Бир олсун, пир олсун“, „Йа Хасан кечал, йа кечал Хасан“). Выше сказанное, прежде всего, подтверждается тем, что приведённые в пример, каждая из трех пословиц, записаны в районах совместного проживания армян и азербайджанцев (Карабах, Зангезур) или же в приграничных областях с Азербайджаном. Подтверждением служит и то, что слова в пословицах, а именно кенд, бир, пир (хороший, верный) и особенно имя Хасан, в отдельности, в армянском языке не используются, эти слова привнесены из азербайджанского языка»¹⁸⁷.

Литературовед *А. Аршаруни*: «Азербайджанский язык, можно сказать, был родным языком для армянских ашыгов и армянского народа. В противном случае они [ашыги] не смогли бы завоевать успех у слушателей, и их язык слушателям был бы непонятен. Излишне говорить об успешном стихосочинительстве армянских ашыгов на армянском, азербайджанском, и даже грузинском языках. Армянский народ всегда с успехом мог использовать азербайджанский фольклор и классическое литературное наследие азербайджанского народа, армянский народ всегда с любовью относился к этой литературе и фольклору»¹⁸⁸.

Литературовед, доктор филологических наук *Г. Антонян*: «Начиная с XIII века, многие наши писатели — Хачатур Гечареци, Ахтамаретен, Константин Ерзнкаци, Саят-Нова, Прошян, Раффи, Туманян, Папазян, Исаакян, Терян и другие более или менее были связаны с творчеством Низами, использовали его темы, образы, при этом глубоко усвоив бессмертные поэмы большого поэта азербайджанского народа. Известные любовные дастаны, сказания Востока — „Ашыг Гариб“, „Асли-Керем“, „Шах Исмаил“, „Фархад-Ширин“, „Лейли-Меджнун“, богатый героическими мотивами „Кёроглы“ стали переводить с азербайджанского на армянский язык, подражая или же создавая одинаковые по содержанию. Принята и распространена мысль о том, что, будучи арабским сказанием, „Лейли и Меджнун“ распространилось среди кавказских народов в период нашествия арабов. Но, с другой стороны, известно, что сказание „Лейли и Меджнун“ знают среди кавказских народов, начиная с XII века или же позднее. Наступления в период господства арабов на Кавказе продолжались с VII до начала X веков. Действительно, если „Лейли и Меджнун“ вошел в армянский фольклор и литературу как фольклор, то, значит, это сказание в армянской среде должны были знать в VII–X веках, то есть в период Арабского халифата.

¹⁷⁹ Азербайджанские истины, 2008. С. 31.

¹⁸⁰ Там же. С. 35.

¹⁸¹ Там же. С. 34–35.

¹⁸² Там же. С. 36–40.

¹⁸³ Там же. С. 40–41.

¹⁸⁴ Там же. С. 44.

¹⁸⁵ Азербайджанские истины, 2008. С. 45–46.

¹⁸⁶ Там же. С. 48–49.

¹⁸⁷ Там же. С. 49–50.

¹⁸⁸ Там же. С. 51.

Но это не так: „Лейли и Меджнун” у нас распространился после Низами. Это значит, что „Лейли и Меджнун” распространён в армянской среде и среди других народов, благодаря Низами. Только после Низами многие писатели разных народов стали разрабатывать этот прекрасный восточный рассказ. До Низами никто о нем не писал. Из этого можно сделать вывод, что Низами взял сюжет „Лейли и Меджнун” из фольклора и своим благоволением он превратил этот очаровательный любовный дастан в достояние масс всего Востока, удалив в забвение его изначально-фольклорный вариант. Рассказ „Хосров и Ширин” и образ Искендера в армянской литературе, можно сказать, распространены в том же или немного ином варианте»¹⁸⁹.

Однако, наряду с заимствованиями, армяне не чурались прямого захвата и присвоения себе чужого. Так, в начале VIII века армянская церковь сумела завладеть Албанской Апостольской Автокефальной церковью. Современник этого события — албанский историк VIII века Моисей Каланкатуйский — описывает, каким образом его родная церковь оказалась в подчинении у армянской¹⁹⁰. Это случилось в 705 году, когда армянский католикос Елия I (703–717) отправил арабскому халифу Абд ал-Малику Омейяду (685–705) доклад, в котором сообщал, будто Албанский католикос вступил с византийским императором в анти-арабский заговор. Не разобравшись в сути проблемы, сидевший в далеком Дамаске халиф, во владения которого входили, в частности, Малая Азия и почти весь Кавказ, распорядился подчинить Албанскую церковь армянской. Сразу же после этого пошёл обвальный процесс арменизации и григорианизации албан-христиан по религии и языку¹⁹¹. Тогда же армянская церковь захватила и присвоила себе 10 строений Албанской церкви в Иерусалиме. В связи с этим отметим, что, по положению, апостольские автокефальные церкви, в том числе Албанская, имеют в этом городе свои подворья. Сведения об этом сохранил современник аннексии, местный албанский историк Моисей Каланкатуйский. В части второй его сочинения есть глава LII «Здесь названия монастырей, построенных в Иерусалиме албанами»¹⁹²:

1. «Монастырь Панда, находится к востоку от Елеонской горы. Построил его некий Панон, пустынный из Албании». Монастырь назван в честь пятого католикоса Албанского — Панда.

2. «Монастырь Мрува сорока святых [мучеников отроков], на той же стороне, поблизости от предыдущего».

3. «Монастырь Партава (ныне город Барда, в Азербайджане) — Святой Богородицы, близ башни Давида, ныне его содержит некая женщина Мариам из Шамхора (ныне город Шамкир в Азербайджане)».

4. «Монастырь Каланкатуйка (родного села Моисея Каланкатуйского, в Северном Азербайджане), на той же стороне».

5. «Монастырь Арцах — Святой Богородицы, находящийся к югу от [монастыря] святого Стефана». В связи с наименованием этого монастыря остановимся на топониме *Арцах*. Нагорный Карабах, который арменисты упорно именуют «Арцах», считая этот топоним «армянским», является горной частью обширной азербайджанской исторической области Карабах, включающей междуречье Куры и Аракса. Именно там существовало в 1747–1822 годы азербайджанское Карабахское ханство. А дефиниция *Арцах*, по происхождению и этимологии, — *албанская*. В современном удинском языке кавказской семьи, принадлежащем к одному из 26 языков Кавказской Албании, глагол *арцесун* означает «сидеть, садиться». От этой глагольной формы образовано *арци* — «осёдлый; люди, ведущие осёдлый образ жизни»¹⁹³.

¹⁸⁹ Азербайджанские истины, 2008. С. 52–54.

¹⁹⁰ История албан Моисея Каланкатуйского. / Перевод с армянского К. Патканьяна. СПб., 1861. Ч. 3 (далее — История албан, 1861). Гл. V–VIII.

¹⁹¹ Подробнее см.: Буниятов З. М. Азербайджан в VII–IX веках. Избранные сочинения. Т. I. Баку, 1999 (далее — Буниятов, 1999). Гл. III/2.

¹⁹² История албан, 1861. С. 229–230.

¹⁹³ Гунасян В. Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974. С. 48.

В том же ряду находится топоним *Арцах*, образованный от корня *арци-* и форманта *-ах*. Он представляет собой один из топонимов, которые снабжены суффиксами множественности (собирательности). На Кавказе до сего дня известны десятки топонимов с формантами *-ах*, *-ех*, *-их*, *-ух*, *-ых*, *-юх*, которые свойственны именно кавказским языкам¹⁹⁴. Например: *Ади-юх*, *Анци-ух*, *Ботл-их*, *Дарб-ах*, *Датт-ых*, *Джин-их*, *Дуср-ах*, *Казикум-ух*, *Кар-ах*, *Касс-ах*, *Кум-ух*, *Кафиркум-ух*, *Кур-ах*, *Мар-ух*, *Матр-ах*, *Микр-ах*, *Мос-ах*, *Недр-ах*, *Неченс-ух*, *Нечепс-ух*, *Об-ох*, *Псед-ех*, *Сурх-ах*, *Таб-ах*, *Теп-ух*, *Укр-ух*, *Ур-ах*, *Уркар-ах*, *Ур-ух*, *Хаар-ах*, *Хи-ах*, *Хинд-ах*, *Хунз-ах*, *Цатан-их*, *Чир-ах*, *Шин-ах*. В Северном Азербайджане, где исторически фиксированы албанские племена, принадлежащие к предкам азербайджанцев, а среди них — современные будуги, ингилои, крызы, лезгины, удины, хиналуги, — до сего дня сохраняются топонимы с теми же формантами: *Аз-ых*, *Арц-ах*, *Джимджим-ах*, *Кохм-ух*, *Курм-ух*, *Мамр-ух*, *Му-хах*, *Сам-ух*, *Шад-ух*¹⁹⁵. Были таковые и на территории Республики Армения до тех пор, пока азербайджанские топонимы не арменизировали. Например, *Ах-ых*, *Ашиг-ах*, *Арал-ых*, *Баш-гюх*, *Бозиг-ех*, *Гарпал-ых*, *Котг-ах*, *Сарыг-ех*, *Тапазаг-юх*, *Тайгар-ух*, *Хачиг-юх*¹⁹⁶.

6. «Монастырь Амараса — святого Григория, ныне его содержит некая женщина». Относительно дефиниции *Амарас* следует отметить, что в Албанском царстве в IV веке была возведена церковь под тем же названием. Она являлась центром одного из 12 местных епископств — в области Амарас, ныне Агдамский район Азербайджанской Республики, — на левом берегу реки Амарас-чай, «в священном ущелье»¹⁹⁷.

7–9. «Еще три других албанских монастыря, названия их неизвестны».

10. «Еще один монастырь албанский, ниже монастыря Аравенеан, находящегося посередине рынка».

В 1836 году Русская православная церковь (РПЦ) и Кабинет министров Российской империи утвердили «Положение об армяно-григорианской церкви в Российской империи», по условиям которого¹⁹⁸:

— Албанская церковная организация, в том числе католикосат, была упразднена.

— Под юрисдикцию Эчмиадзина перешли албанские паства и храмы, монастыри и имущество, канцелярия и библиотека, в которой, возможно, хранились оригиналы «Агуэнских церковных канон» Албанской церкви, а также исторических и иных сочинений албанских авторов раннего и развитого Средневековья, в том числе «История албан» Моисея Каланкатуйского, «Покаяние» Давида Гандзакского, «История» Киракоса Гандзакского, «Судебник» Мхитара Гоша.

— На территории, где действовала юрисдикция Албанской церкви, создали подчинённые Эчмиадзину епархии.

Позднее, в 1909–1910 годах, Святейший Синод РПЦ разрешил Эчмиадзину ликвидировать архивные дела подведомственных епархий¹⁹⁹. Тогда исчезли документы Албанской церкви, а также оригиналы сочинений на албанском языке.

В заключение остановимся на весьма любопытной подробности армянского жителя-бытия. С раннего Средневековья, после первой утраты собственной государственности в IV веке, и до сих пор армяне в большинстве своём проживают в широкой диаспоре в различ-

¹⁹⁴ Пагирев, 1913; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988. Указатели. С. 525 и сл.

¹⁹⁵ Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. / Сост. Е. Н. Бушуева. М., 1971.

¹⁹⁶ Пагирев, 1913.

¹⁹⁷ Гёюшев Р. Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку, 1981. С. 88–89.

¹⁹⁸ ГИА РФ. Справка 1907 года. Ф. 821. Оп. 139 (173). Ед. хр. 96; Оп. 1. Д. 97; Оп. 7; Оп. 10, Д. 89; Ф. 880. Оп. 5. Д. 387 и 389; Ф. 1018. Оп. 9. Д. 21; Буниятов, 1999. Гл. III/2; Гаджиева, 2004.

¹⁹⁹ ГИА РФ. Справка 1907 года. Ф. 821. Оп. 10. Д. 89.

ных государствах, в разных иноэтничных, инорелигиозных, иноязычных реалиях²⁰⁰. Несколько факторов способствовали тому, что армяне *никогда* в большинстве своём не проживали на определённой территории.

Во-первых, это — последствия продолжающихся по сей день миграционных блужданий армян, но теперь уже по всему земному шару. «Охота к перемене мест» привела к тому, что почти в каждой стране мира до сих пор есть армянские колонии. Поэтому не случайно, что для консолидации различных групп армян, проживающих в других странах мира, 1 октября 2008 года в правительственном аппарате Республики Армения создано Министерство по делам Диаспоры.

На исходе XX столетия общая численность армян в мире составляла 7 миллионов человек²⁰¹. Сейчас считают, что их — до 11 миллионов. Из них в Российской Федерации — 533 тысячи, США — 700 тысяч, Франции — 270 тысяч²⁰², Исламской Республике Иран — 200 тысяч, Сирии, Ливане и Турции — по 150 тысяч, Аргентине — 70 тысяч, Украине — 54 тысячи, Узбекистане — 50 тысяч, Туркменистане — 32 тысячи, Болгарии — 25 тысяч, Канаде и Ираке — по 20 тысяч, Казахстане — 19 тысяч, Австралии — 16 тысяч, Греции, Египте, Уругвае и Великобритании — по 15 тысяч, Кувейте — 10 тысяч, Румынии — 6 тысяч²⁰³.

На Южном Кавказе, за пределами Республики Армения, армяне компактно расселены в Грузии и Нагорном Карабахе (Азербайджанская Республика). До распада СССР в 1991 году в Северном Азербайджане проживали 390 505 армян²⁰⁴. Из них 137 тысяч — в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР²⁰⁵.

Исходя из известных демографических данных, можно констатировать, что в «Кавказской Армении» всегда проживала и проживает меньшая часть армян. Большая часть — всегда в широкой диаспоре. Сейчас их здесь тем более мало, ибо нынешняя политическая, социальная и экономическая ситуация в Республике Армения не способствует тому, чтобы армяне «задерживались» в этом государстве. В Республике Армения, которая ныне является уже моноэтничным государством на 1 января 2000 года, по данным местного Министерства статистики, проживали 3 803 400 человек²⁰⁶. Однако, по другой информации, её население к концу 1994 года составляли 2 500 000 человек²⁰⁷. Как считает Г. А. Погосян, «К концу 90-х годов (XX века. — Р. Г.) Армению покинули около 1 миллиона человек. Основные причины, вызвавшие такую мощную волну миграции, — резкое сокращение рабочих мест, экономический кризис и сильное падение уровня жизни»²⁰⁸. 54% участников социологического опроса, проведённого в июне 2011 года по заказу правительства Республики Армения, главной проблемой своих семей назвали безработицу. На втором месте (23%) — бедность и трудное социальное положение. Поэтому закономерно, что в первой половине 2011 года миграционное сальдо в Республике Армения было отрицательным²⁰⁹. Таким об-

разом, можно констатировать, что миграция из Республики Армения перерастает в национальную катастрофу²¹⁰.

Президент Республики Армения С. Саргсян заявил в июле 2011 года: «Основная беспокоящая нас тема — отрицательное сальдо отправляющихся и прибывающих, то есть в течение года больше людей выезжает, чем возвращается. Эта тенденция существовала всегда со времени независимости и сегодня должна привлечь наше особенно большое внимание и стать предметом реализуемой политики. В 2000 году в Армению не вернулось приблизительно 57 тысяч человек. В 2001-м — 60 тысяч человек, затем этот показатель уменьшился, и уже в 2004–2006 годах зафиксирован положительный баланс. В последние годы число не возвратившихся в Армению составляло 23–29 тысяч человек»²¹¹.

Во-вторых, сами армяне констатируют, что между армянами, происходящими из разных стран, до сих пор существуют как этно-лингвистическая, так и конфессиональная разнородность. Так, не все армяне придерживаются григорианства: есть *католики* (среди них наиболее известны *мхитаристы*²¹², которые уже более 300 лет существуют под эгидой Папы Римского), *протестанты* и *православные*²¹³. До сего дня известны 11 субэтнических групп. Это — *армяне-черкесогаи*, *армяне-зоки*, *армяне-католики*, *армяне-греки*, *донские армяне*, *амшенские армяне*, *эдессийцы*, *цыгане-армяне* или *боша*, *тумбульцы*, *хемшилы*, *ираноязычные армяне*²¹⁴. Не исключено, что до недавнего прошлого существовала и 12 субэтническая группа армян. Так, до XVII века были известны армяне, говорившие и писавшие на кипчакском языке. В результате ряда исторических событий они обитали где-то на Украине, где их называли *армянскими евреями*. Современное их местонахождение и существование требуют уточнения²¹⁵.

В-третьих, в течение XIX — начала XX века большая часть османских и иранских армян была обустроена Российской империей на Южном Кавказе, конкретно, — в Северном Азербайджане. Здесь, специально для них создали Армянскую область. Однако обустроенные на Южном Кавказе армяне не выглядели монолитной массой. Так, в 1907 году, то есть сто лет спустя после начала переселения армян на Южный Кавказ, в своей справке Святейшему Синоду Русской православной церкви прокурор Эчимадзинского синода А. Френкель отметил, что они остаются разнородными: различаются, как *тифлисские*, *акулиссские*, *елизаветпольские*, *карабахские*, *ахалцихские*, *ахалкалакские*, *османские*, *иранские армяне*, которые «почти не понимают друг друга и браки между ними крайне редки»²¹⁶.

В связи с разнородностью армян и с нынешней Карабахской ситуацией напомним мнение русского генерала Н. Дубровина, который ещё в последней четверти XIX века писал: «Находясь в подданстве различных государств и разбросанное, можно сказать, по всему земному шару, армянское племя, подвергаясь вследствие того различному климату, образу жизни и занятиям, утратило свою общую типичность»²¹⁷. Тогда же русский кавказовед С. П. Зелинский заметил: «Главную разницу между армянами разных местностей Зангезура (западная часть Карабаха. — Р. Г.) составляют наречия, на которых они говорят. Здесь чуть ли не столько наречий,

²⁰⁰ Численность армян в различных странах мира. 1992 год. // www.armnet.ru/armenia_html/population.htm/; Численность и расселение армян в мире. 1974–1992 годы. // www.iatp.am/economics/migr/obd.htm/

²⁰¹ Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Армяне. // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998 (далее — Арутюнов, Мкртумян, 1998). С. 57; www.iatp.am/economics/migr/demo-r11/htm/

²⁰² По сообщению euronews (22 декабря 2011 год), на 2011 год во Франции их 600 тыс.

²⁰³ Арутюнов, Мкртумян, 1998. С. 56–57; www.armnet.ru/armenia_html/population.htm/; www.iatp.am/economics/migr/obd.htm/

²⁰⁴ «Союз». № 32. Август 1990. С. 12–13.

²⁰⁵ Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 70-летию Великого Октября. Юбилейный статистический сборник. Баку, 1987. С. 270.

²⁰⁶ www.iatp.am/economics/migr/demo-r11/htm/

²⁰⁷ Там же; Погосян Г. А. Современное армянское общество. Особенности трансформации. М., 2005 (далее — Погосян, 2005). С. 199; Ходнабекян В. Е. Демография и проблемы занятости в Армении. С начала XIX века до середины XXI века. Ереван, 2006. С. 465.

²⁰⁸ Погосян, 2005. С. 199.

²⁰⁹ www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/economy/1433706.html/ 08:27 10.08.2011

²¹⁰ Там же.

²¹¹ www.vestikavkaza.ru//20.07.2011.

²¹² «Голос Армении. Общественно-политическая газета». Электронная версия. № 142, за 26.12.09 // www.golos.am/index.php?option=com_content&task=view&id=8941&Itemid=53

²¹³ Шпажников Г. А. Религии Западной Азии. М., 1976. С. 43, 46; Величко, 1904. С. 126.

²¹⁴ Григорьян, 2006. См. также: Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 21; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988. С. 373; Чурсин Г. Ф. Кавказский край. // ЭС. Т. 26; Лиозен Э. К. Берег Русского Лазистана. // Известия НОИРГО. Т. XVIII. 1905–1906 годы. Тифлис, 1906.

²¹⁵ <http://www.whp.ru/?p=372>

²¹⁶ Справка прокурора Эчимадзинского синода А. Френкеля, представленная в 1907 году св. Синоду. // ИАН Азерб. ССР. СИФП. 1989. № 2. С. 145.

²¹⁷ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. 2. СПб., 1871. С. 406.

сколько округов или отдельных селений»²¹⁸. Его современник А. Е. Хан-Агов добавил: «Армяне-переселенцы из Персии во многом отличаются от коренных армян-карабагцев как по языку, так и по костюмам. Наречие персидских армян не вполне понятно для армян-туземцев»²¹⁹. Из этих высказываний можно заключить, что столь неоднородный этнос не мог быть автономом в Карабахе, как вообще в Азербайджане, да и на Южном Кавказе. В Зангезур, составляющий часть Карабаха, а также в другие зоны Азербайджана, армяне заселялись из разных стран и в различное время. Их «рандеву» на Кавказе свидетельствовало, что они до того даже не подозревали о существовании друг друга, да и говорили на разных наречиях.

В связи с этим стоит отметить также следующее. Коль скоро арменисты претендуют на Южном Кавказе на Арцах, Борчалы, Джавахети, Зангезур, Карабах, Нахчыван, как и чем они могут объяснить, что ни один из этих топонимов по происхождению не армянский?

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить следующее. Армянский этнос впервые «тронулся в путь» в VIII веке до н.э. Тогда из Фракии, что в Юго-Восточной Европе, он вступил во Фригию, которая в Малой Азии. С тех пор этот этнос неоднократно перебирался с места на место, и для него подходит, как норма этно-миграционного поведения, латинская поговорка «*Ubi bene — ibi patria!*» («Где хорошо, там родина!»).

В связи с этим к месту сослаться на мнение армянского историка Аслана Геворга, который почти 100 лет назад отметил: «У армян не было государственности. Они не связаны чувством родины и не связаны политическими узами. Армянский патриотизм связан только с местом проживания»²²⁰. Ему вторят современные армяне. Так, по словам Г. Маркосяна-Каспера, «Армения всегда была тесна армянам, потому они всегда стремились в другие государства от плохой жизни и в поисках хорошей жизни»²²¹. С. С. Мамулов заметил: «У армян или нет родины или их слишком много»²²².

Эти высказывания арменистов как нельзя лучше, характеризуют один из наиболее «болезненных» (если не самый болезненный) и проблематичных сюжетов арменистики с тех пор, как начался поиск «родины армянского народа». Вот почему «одна из важных тем арменистики — переселение армян с родной земли»²²³. Однако, где она, эта самая «родная земля», арменисты для каждого конкретного случая и периода называют одну из 33 «армений». Поэтому, не имея возможности отдать приоритет, то есть пальму первенства, какой-либо одной из них, арменисты нашли выход в мифологеме «Великая Армения от моря до моря», под которой «скопом» подразумевают все 33 «армении»²²⁴. Поэтому не вполне ясен и понятен повторяемый армянами, как рефрен, слоган «Армения, Армения! Наша родина, наша земля!» Ибо невольно напрашивается вопрос: «Какую конкретную «армению» имеют в виду, скажем, не просто рядовые армяне, а выдающиеся представители армянства?» Например, «отец армянской истории» Мовсэс Хоренаци, поэт Аветик Исаакян, живописец Мартирос Сарьян, писатель Уильям Сароян.

Таким образом, начиная с IV века, когда армяне впервые утратили собственную государственность, они оказались в широкой диаспоре (спюрк), которая существует по сей день. Другая особен-

ность в том, что и сегодня, как и ранее, армяне проживают преимущественно за пределами собственной, возрожденной в пятый раз, государственности. Ещё одна особенность — это последствия многовекового отсутствия собственной государственности, миграционные блуждания по Передней Азии, политические и социально-экономические реалии, различные конфессиональные и субэтнические группы армян.

Поэтому «Вечную боль армянской истории составляет тот факт, что в течение значительной части средневекового периода и в последующую эпоху, вплоть до 1918 года, у армян практически не было своего независимого государства»²²⁵.

Если же армяне воистину патриоты «своей родины», почему, имея сейчас уже в пятый раз созданное собственное государство — Республику Армения, — они в большинстве своём по-прежнему предпочитают жить в диаспоре? То есть в рассеянии по различным городам и весям разных континентов и стран, в иноэтничных, иноконфессиональных, иноязычных реалиях.

Поэтому с полным основанием можно сказать, что физико-географическая дефиниция «армения» применительно к Кавказу вплоть до XX столетия является одним из очередных *ноу-хау* арменистов. Во-первых, она появилась в реестре этого региона лишь в XX веке. Во-вторых, этот инновационный неологизм понадобился для того, чтобы «застолбить» очередную «родину» армян, теперь уже на азербайджанской земле. Вот почему, в-третьих, о какой-то «армении» на Южном Кавказе в XI–XII веках, как, впрочем, и позднее, вплоть до XX столетия, говорить не приходится.

В завершение приведём высказывание, которое приписывают великому арабскому историку XIII века Ибн аль-Асиру: «История должна предоставлять государям хороший и плохой пример». Можно добавить, что точно так же — и историкам.

²¹⁸ Зелинский С. П. Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии. // МИЭБГКЗК. Т. IV. Тифлис, 1886. С. 10.

²¹⁹ Хан-Агов А. Е. Экономический быт государственных крестьян Джеватского уезда Елисаветпольской губернии. // МИЭБГКЗК. Т. VI. Тифлис, 1887. С. 339. Под «коренными армянами-карабагцами» имеются ввиду албаны-христиане, оказавшиеся после 1836 года в лоне Эчмиадзина.

²²⁰ Аслан Г. Армения и армяне. Стамбул, 1914 // poev-kovcheg.ru/mag/2010-04/2003.htm

²²¹ Цит. по: Мамулов С. С. Удивительный народ из страны чудес (Армения и армяне — уникальный феномен цивилизованного мира). М., 2009. Кн. 6. С. 35.

²²² Там же. С. 43.

²²³ Арутюнова-Фиданян, 2004. С. 68.

²²⁴ История армянского народа, 1980. Карты; Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. Карты; Арутюнова-Фиданян, 2004. Карта форзацев и указатель географических названий; Еремян, 1952; Еремян, 1963; Айвазян, 2003; Даниелян, 2003; Newsen, 2001; *Hovhannisyana*, 2007.

²²⁵ Шнирельман В. А. Албанский миф // Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 98.

Глава I.

Источниковедение и историография Кавказа сельджукского периода

1.1. Вводные положения

Эпоха, связанная с сельджукским завоевательным и миграционным движением привлекала к себе внимание уже современников. Результатом стало появление большого количества свидетельств, подтверждающих как важность этого периода мировой истории, так и влияние сельджуков на судьбу многих стран и народов Центральной и Передней Азии, а также Европы. Не менее значителен по объёму и важности комплекс исследований, посвященных сельджукскому периоду.

1.2. Источники

Источниковедение периода ещё не было объектом специального исследования, хотя накопленный материал позволяет рассмотреть различные группы нарративных памятников, официальных документов, а также эпос и фольклор как исторические источники.

Для нашего исследования использованы несколько групп источников, что продиктовано целями и задачами настоящей работы. Путём сопоставления сведений, авторы которых были представителями разных историографических школ, выходцами из различных слоев феодального общества, появилась возможность выяснить реальную картину событий периода. Наряду с достаточно хорошо известными, для исследования истории Кавказа XI–XII веков широко привлечена новая группа источников: это сирийские памятники письменности.

Средневековая историография по преимуществу ограничивалась описанием деятельности венценосцев, рассказами о походах и сражениях. Другие сюжеты, если и становились объектом внимания, преподносились как второстепенные. Политическое или экономическое состояние государства обычно оставалось вне рамок повествования.

Сирийские источники до сих пор недостаточно привлекались для истории Кавказа и сельджуков XI–XII веков, хотя они позволяют осветить политические, социально-экономические, этнические проблемы, народные движения, идеологию, сирийско-кавказские связи, быт и военное искусство. Сочинения сирийцев, ввиду важности содержащегося в них материала, составляют определённый этап в развитии средневековой восточной историографии.

Уже в XIX веке некоторые исследователи в связи с изучением истории Кавказа обратили внимание на сирийские источники. В первой половине того столетия В. В. Григорьев использовал сведения Бар Эбрея о походах русов на Кавказ. М. Ф. Броссэ включил в «Картлис Цховреба» сообщение Бар Эбрея о «захвате» в 1122 году Тифлиса грузинским царём Давидом IV Строителем. Со временем интерес к сирийским источникам возрос: Н. Я. Марр, Ф. И. Успенский, В. В. Бартольд цитировали Дионисия Телл-Махрского, Михаила Сирийца, Бар Эбрея. А. Е. Крымский, В. А. Гордлевский, Е. А. Беляев придавали большое значение объективности и конфессиональной толерантности сирийцев и высоко оценили важность их свидетельств. Ш. Дефремери, Р. Груссэ, М. Кёймен, М. Йинанч, О. Туран, К. Каэн, А. Мец, А. Людерс также обратили внимание на сирийские источники, главным образом на сочинения Михаила Сирийца и Бар Эбрея. Этот интерес продолжает нарастать, что находит конкретное выражение в специальных исследованиях, посвященных сирийской историографии, в научных библиографиях, где упомянуты Йешу Стилит, Иоанн Эфесский, Дионисий Телл-Махрский, Илья Бар Шинайа, Михаил Сириец, Анонимная хроника 1234 года, Бар Эбрей. Поя-

вились переводы сочинений сирийцев как на европейские языки, так и на языки тех стран, к истории которых они имеют непосредственное отношение. Интерес к сирийской группе источников приобрёл перманентный и прикладной характер.

Большая заслуга в этом принадлежит Н. В. Пигулевской, которая впервые обратила внимание историков на данные сирийцев, причём гораздо раньше, нежели другие в полной мере оценили по достоинству эти источники. Благодаря её многочисленным сириологическим работам, приоритет в изучении истории Кавказа, а также Передней Азии на основании сирийских памятников письменности принадлежит русской школе сириологов. Ещё в 1941 году появилось её важное исследование «Сирийские источники по истории народов СССР», где освещены проблемы раннесредневековой истории Кавказа. В научном архиве Института истории Национальной АН Азербайджана хранится рукопись сочинения Н. В. Пигулевской о своде сирийских источников по истории Азербайджана.

В настоящем обзоре речь пойдёт о тех сирийских источниках, которые имеют непосредственное отношение к теме «Кавказ и сельджуки».

«Хроника» Михаила Сирийца принадлежит перу одного из крупнейших средневековых историографов. Он родился в Мелитене в 1126 году, рано вступил на путь клирика, пройдя последовательно ступени от монаха до яковитского патриарха Востока. Михаил много путешествовал по Ближнему Востоку, ибо ему приходилось представлять интересы своих единоверцев в различных государствах. Скончался в 1199 году. Он получил хорошее образование, знал несколько языков, в том числе арабский, умел объясняться на языке огузов. Все это позволило ему описать политическую, социально-экономическую, военную историю. Его перу принадлежит несколько сочинений, среди которых для нас наиболее ценна «Хроника», где изложение начато от «сотворения мира» и доведено до 1199 года. Она состоит из введения, 21 книги и приложений. Очевидец и современник многих событий, Михаил Сириец сохранил уникальные подчас сведения социально-экономического и политического характера, об идеологии и быте.

«Всеобщая история» Бар Эбрея, Абу-л-Фараджа Иоанна Григория, выдающегося представителя средневековой восточной историографии, известного в мусульманском учёном мире как Ибн ал-Ибри. Он родился в Мелитене в 1226 году, получил хорошее образование, знал несколько языков, в том числе арабский, персидский, один из тюркских. Бар Эбрей посвятил себя клерикальной деятельности и достиг сана мафриана яковитов Востока. Много ездил по Передней Азии, неоднократно бывал на Кавказе. С Азербайджаном связан наиболее плодотворный период жизни Бар Эбрея как писателя и учёного. Вместе с тем его многолетнее пребывание в азербайджанских городах Марага, Табриз и Ушну является одной из страниц истории сирийско-кавказских связей. Бар Эбрей был учёным-энциклопедистом, одним из выдающихся деятелей не только сирийской, но вообще переднеазиатской культуры XIII века. Скончался в 1286 году в Мараге. Среди известных работ Бар Эбрея наиболее важна для нас «Всеобщая история», составленная на сирийском и арабском языках в период его многолетнего пребывания в Азербайджане. Это — важный памятник, содержащий ценные сведения по истории Кавказа и ряда сопредельных регионов.

История XI–XII веков отражена в этом сочинении с достаточной полнотой, порою сведения Бар Эбрея являются уникальными. Последовательно рассказано о появлении на исторической сцене сельджуков, их инфильтрации в Переднюю Азию. В частности, Бар Эбрей высказал предположение, что сельджукские предводители в 1030 году впервые задались целью пройти в земли, лежащие западнее Хорасана, в том числе на Кавказ. Приведены сообщения не только о политической истории, немало сведений экономического, социального, конфессионального, этнографического характера. Указаны цены на продукты первой необходимости. Имеются данные о взаимоотношениях сельджуков с арабскими владетелями, государствами Кавказа и крестоносцев, с Византийской империей. Благодаря своим достоинствам, сочинение Бар Эбрея ещё при его жизни привлекло внимание арабоязычной

учёной среды. Поэтому, по просьбе жителей Мараги, он создал арабский вариант своего исторического труда, известного как «Сокращенная история династий» (*«Китаб мухтасар ад-дувал»*) и имеющего самостоятельное значение.

«Анонимная хроника 1234 года» — важное историографическое сочинение, в котором большая часть изложения отведена периоду X — первой половины XIII века. Достаточное место уделено событиям, связанным со странами Кавказа. Взаимоотношения Византийской империи с государствами сельджуков и крестоносцев, положение местного населения — всё это отражено с известной полнотой.

Арабоязычные источники содержат важные сведения о периоде XI–XII веков. Они достаточно многочисленные, в настоящем обзоре отметим лишь те, которые имеют отношение к нашей теме.

Ал-Исфахани (1125–1201) происходил из исфаханской чиновной знати, состоял на государственной службе у халифов Аббасидов. Затем появился при дворе аййюбидских султанов Египта. Его перу принадлежит ряд историографических сочинений. Среди них особенно ценен труд по истории государства Сельджукидов «*Зубдат ал-нусра ва нухбат ал-усра*» («Сливки из [книги] помощи и извлечение из [книги] убежища»). Он представляет собой арабский перевод персидского сочинения Ануширвана ибн Халида, но значительно расширенного по охвату во времени: от первых великих султанов Сельджукидов до распада Иракского сельджукского государства (1036–1191). Часть записей является свидетельствами современника и очевидца, так как ал-Исфахани мог наблюдать или знать о многих событиях XI–XII веков, тесно связанных с сельджукскими завоевателями. Источник содержит важные сведения о взаимоотношениях сельджуков с Аббасидами, а также о политической, социальной, военной истории периода. Из него можно почерпнуть много интересного не только по истории сельджукских государств XI–XII веков, но также об их взаимоотношениях с государствами Кавказа.

Ибн ал-Асир (1160–1234), араб из Джазиры (Верхней Месопотамии), — выдающийся богослов и историк. Большую часть жизни провел в Мосуле, где получил хорошее образование, которое продолжил в городах Сирии и Палестины. В составе армии аййюбидского султана Салах ад-Дина участвовал в сражениях с крестоносцами. Позднее выполнял дипломатические поручения халифов Аббасидов. Возвратившись в Мосул, занялся составлением трудов, прославивших его имя. Ибн ал-Асир хорошо известен как автор обширного 12-томного труда по всеобщей истории «*ал-Камиль фи-т-тарих*» («*Полный свод истории*»). Строго хронологическое изложение событий по годам, доведенное до 1231 года, выполнено на основании ранних источников и собственных сведений автора. Работа Ибн-ал-Асира до сих пор остаётся важным сводом по истории XI–XII веков и сохраняет самостоятельное значение. В ней содержится большое количество ценных сведений по социально-экономической, политической и военной истории, имеется интересный материал о Кавказе. Касаясь вопросов «тюркской проблемы» в Передней Азии, Ибн ал-Асир приводит сообщения о проникновении огузов на Кавказ и далее на запад, о сельджукском завоевательном движении, о деятельности великих султанов Тогрул-бека, Алп-Арслана и Мелик-шаха, о столкновениях сельджукских завоевателей с Византией и крестоносцами. Сохранены сведения об атабеках Азербайджана Ильденизидах и грузинских царях Багратидах.

Анонимный автор, живший не позднее начала XIII века, оставил сочинение «*Зубдат ат-таварих*» («Сливки историй»), известное также, как «*Ахбар ад-даула ас-Сальджукийя*» («Известия о государстве сельджуков»), и приписал его автору XII века *Садр ад-Дину*. В этой работе имеются сведения о взаимоотношениях султанов и халифов, описана деятельность сельджуков в Передней Азии, в том числе на Кавказе. Большую часть повествования занимает история Иракского султаната и атабеков Ильденизидов.

Среди сочинений местного происхождения важно оригинальное и значительное произведение *Масуда ибн Намдара* (название труда не сохранилось). Он родился в азербайджанс-

ком городе Бейлаган в XI веке, там же составил свой труд в начале XII века. Масуд занимал ответственные посты в государственном аппарате ширваншахов, служил в управлении (диване) Гянджи и Бейлагана. По роду своей деятельности он был хорошо осведомлен о жизни населения, многие события описал как очевидец или участник. Сочинение Масуда ибн Намдара является важным и надёжным источником, содержащим много интересного и полезного по истории городского управления и городской жизни. Автор сохранил социальную терминологию периода, дух эпохи.

Махмуд Кашгари происходил из знатного тюркского рода и прославился своим энциклопедическим трудом «*Диван лугат ат-тюрк*» («Словарь тюркских языков»), составленным в 1072–1074 годах. Это — один из ранних памятников языка огузов и об огузских родах, вошедших в сельджукскую группировку. Он содержит интересные сведения по лингвистике и истории, географии и этнографии, экономике и идеологии, фольклору и культуре.

В известной степени Махмуда Кашгари дополняет *Марвази*, живший в XII веке. Родом из Мерва (ныне Мары, Туркменистан), он был учёным-естествоиспытателем и медиком, служил при дворе великого султана Малик-шаха Сельджукида и, возможно, его преемников. Марвази много путешествовал, благодаря чему сведения, имеющиеся в его сочинении «*Таба'и ал-хайаван*» («Природа животных»), приобретают особую ценность как свидетельства не только современника, но и очевидца. Марвази оставил описание тюркских племён и большое количество других сведений.

Современником Марвази был *Ал-Фарики* (1117–1226), который составил историю своего города — Маййафарикина — «*Тарих Маййафарикин*». В этом сочинении он рассказал также о своём пребывании на Кавказе в бытность на службе у грузинского царя Димитрия I. Ал-Фарики оставил ценные описания Тифлиса, Хилата и Дербенда. Его свидетельства очевидца представляют большой интерес. Нередко он пишет о том, чего нет в других источниках по истории Кавказа XII века.

Абу-Хамид ал-Гарнати ал-Андалуси (1080–1169/70) повидел многие описанные им места. Он пользовался большой популярностью, хотя не всегда отличается достоверностью, приводя, наряду с действительными, много легендарных рассказов. Цикл путешествий по Передней Азии он начал в XII веке, побывав также в Азербайджане. В его географическом сочинении «*Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб*» («Подарок умам и выборки диковинок») важны сообщения о Кавказе, тюркских племенах, торговых взаимоотношениях региона с Восточной Европой, описания местных товаров.

Йакут (1179–1229), совершивший ряд путешествий, в том числе на Кавказ, составил словарь «*Му'джам ал-булдан*» («Алфавитный перечень стран»), где имеется, в частности, описание городов и областей. Автор сообщает много полезного не только по истории, но также об образе жизни, учёных, традициях, о развитии ремесла и торговли.

Ибн ал-Тиктака (XIII — начало XIV века) в 1297 году побывал в азербайджанском городе Марага. Его работа «*Китаб ал-Фахри*» («Книга ал-Фахри») составлена в двух частях. Первая является политическим трактатом, вторая содержит историю мусульманских династий, здесь имеются сведения о сельджуках и их взаимоотношениях с переднеазиатским миром.

Абу-л-Фида (1273–1357) — принц из рода сирийских Аййюбидов; много ездил по Востоку, участвовал в ряде военных кампаний. Прославился как историограф и географ; в одном из его сочинений — «*Таквим ал-булдан*» («Упорядочение стран») — имеются сведения по истории и географии XI–XII веков, в том числе об Иракском султанате и атабеках Ильденизидах, о странах Кавказа и многом другом, связанном с сельджуками.

Известный интерес представляет многотомная энциклопедия *ал-Калкашанди* (1355–1418) «*Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша*» («Заря для подслеповатого в искусстве писания»), в которой имеются сведения по географии, истории, литературе, стилистике. Приводятся формуляры актов о назначениях и пожалованиях, правила составления мирных договоров, различных категорий эпис-

толярных и правительственных документов, формулы присяги и клятвы. По ходу изложения автор приводит в качестве примеров тексты подлинных документов.

Из мемуарной литературы представляет интерес сочинение арабского эмира и мусульманского рыцаря *Усамы ибн Мункыза* (1095–1188). Он побывал в некоторых переднеазиатских странах, участвовал в сражениях с крестоносцами, состоял на службе у крупных владельцев феодалов. На склоне лет Усама предался воспоминаниям, в результате чего появилась «*Китаб ал-и'тибар*» («*Книга назидания*»). Это не просто художественное произведение, но важный исторический источник, дающий яркое представление о многогранной жизни средневековой Передней Азии.

Персоязычные источники отличает особое отношение к сельджукам. Даже самые объективные среди них не избежали апологетики в адрес султанов Сельджукидов. Они же обычно замалчивают теневые стороны сельджукского завоевания и владычества. Изложение, как правило, содержит описание деятельности султанов, халифов, атабеков и эмиров. Вместе с тем эти источники сообщают много важного и ценного по социально-экономической, политической, военной, этнической истории стран, оказавшихся в контакте с завоевателями. Интересен материал о взаимоотношениях султанов Сельджукидов с халифами Аббасидами и местными правителями; достаточно подробно изложена история атабеков Ильденизидов, их связи с государствами Кавказа и Иракским султанатом Сельджукидов.

Равенди, живший в XII веке, составил сочинение «*Рахат ас-судур ва айат ас-сурур*» («*Успокоение сердец и чудо радости*»). Его родственники по мужской линии, как и сам Равенди, служили при дворе иракских султанов Сельджукидов. Одно время он состоял при Тогруле II Сельджукиде. Поэтому в сочинении Равенди основное внимание уделено Иракскому султанату Сельджукидов. Стержень изложения — политическая история этого государства и того, что произошло в правление иракских султанов Сельджукидов. Это позволяет выявить феодальную иерархию и титулатуру периода. У Равенди много сведений о положении податного сословия. Он перечисляет и объясняет большое количество статей обложения, что является одной из ценных особенностей его сочинения. Немалое место занимают сведения о взаимоотношениях сельджуков с Византийской империей, государствами Кавказа и крестоносцев. Имеются сведения об атабеках Ильденизидах. Интересен материал по военной истории, о быте тюркских племён.

Ибн Биби — автор XII века, служил при дворе хорезмшаха Джалал ад-Дина. Впоследствии попал в Малую Азию, к конийским султанам Сельджукидам, у которых состоял на государственной службе и имел титул эмира. Составил ценную хронику «*Сельджук-намэ*» («*Книга о сельджуках*»), посвященную истории Конийского султаната, в которой охвачены события последней четверти XII века и почти всего XIII века. Ибн Биби видел и знал многое, ибо долгое время находился при дворе; часть сведений почерпнул у современников и очевидцев. Его сочинение полезно не только для политической, но также для социально-экономической истории сельджукского периода. Сведения Ибн Биби позволяют восстановить характерные черты того времени, содержат много полезного по вопросам феодальной структуры, о сюзеренитете и вассалитете; о взаимоотношениях сельджуков с государствами Кавказа и крестоносцев, с Византией и Арабским халифатом; по этнической истории и этнографии тюркских племён.

Бейхаки (995–1078) — знаменитый дабир (письмоводитель) и глава государственного секретариата султанов Газневидов. Он составил многотомное сочинение, от которого сохранилась только «*Тарих-и Мас'уд*» («*История Масуда*»), посвященная правлению газневидского султана Масуда I (1030–1041). Бейхаки описал многие важные события первой половины XI века, когда началось возвышение сельджуков, история которых в то время была тесно связана с Газневидами. Он использовал государственные документы, свидетельства современников и очевидцев. «История Масуда» — насыщенный множеством деталей рассказ о политичес-

кой истории, феодальном быте, военных кампаниях. Подробно описано столь важное для истории Центральной и Передней Азии, в том числе для Кавказа, событие, как этапное сражение 1040 года при Данданакане между сельджуками и Газневидами.

В анонимном сочинении XII века «*Муджмад ат-таварих ва-л-кысас*» («*Краткое содержание истории и рассказов*») в сжатой форме изложены важнейшие исторические события периода. Аноним был, возможно, родом из азербайджанского города Хамадан и состоял на государственной службе у иракских султанов Сельджукидов в должности катиба (секретаря). В его сочинении приведены сведения по истории и географии ряда стран, по генеалогии халифов и некоторых других династий, в том числе султанов Сельджукидов.

Для понимания сущности периода, связанного с сельджуками, весьма важна «*Сиасет-намэ*» («*Книга о правлении*»), представляющая собой политический трактат. Он составлен, как принято считать, выдающимся государственным деятелем *Низам ал-Мульком* (1018–1092), везиром великих султанов Сельджукидов Алп-Арслана и Малик-шаха. Сочинение является одним из полезнейших источников и содержит большое количество сведений о многогранной жизни Передней Азии. Свидетельства касаются многих вопросов политического устройства, социально-экономического состояния, феодального и придворного быта и церемониала.

Насир-и Хусрау (XI век) был на государственной службе, затем отошел от светской жизни и совершил хадж, побывав в течение 7-летнего путешествия в различных странах, что позволило ему составить «*Сафар-намэ*» («*Книга путешествия*»). Сочинение содержит достоверное описание увиденного в разных городах и областях; в частности Насир-и Хусрау оставил записи об азербайджанских городах. Его сочинение — не история династий, а рассказ о повседневной жизни рядовых тружеников, описание обычаев и природы, характеристика деятелей культуры, с которыми автор встречался и беседовал.

Важен анонимный географический трактат XIII века «*Аджаиб ад-дунья*» («*Диковинки мира*»), автор которого, несомненно, провел несколько лет на Кавказе, а также в других переднеазиатских регионах. Аноним уделяет много внимания атабекам Ильденизидам, время правления которых идеализирует и считает периодом расцвета ряда областей и городов Кавказа, в первую очередь Азербайджана. Это позволяет предположить, что автор, возможно, служил при дворе этих могущественных атабеков. Аноним содержит много важных и ценных, а порою оригинальных, сведений по истории, ремеслу, торговле, о городах и товарах, об образе жизни местного населения и его занятиях, по географии и этническим вопросам.

Ценен и интересен географ и историограф *Хамдаллах Казвини* (XIV век), составивший важные труды «*Тарих-и гузидэ*» («*Избранная история*») и «*Нузхат ал-кулуб*» («*Улада сердец*»). Как и его предки, он был высокопоставленным чиновником фискального аппарата, и поэтому имел доступ к ценнейшим сведениям по экономической истории своего времени, которые сопоставил с данными XI–XII веков, что более всего привлекает внимание. Это до известной степени помогает при воссоздании картины экономического состояния Кавказа домонгольского времени. Достоверность сообщений Хамдаллах Казвини не подлежит сомнению.

«*Джами ат-таварих*» («*Сборник летописей*»), составленный в Азербайджане под руководством выдающегося государственного деятеля *Рашид ад-Дина* (конец XIII — начало XIV века), содержит важные и интересные сведения социально-экономического и политического характера о многих странах и народах Востока и Запада, в том числе Кавказа, о сельджуках и крестоносцах, о тюркских племенах, халифах, атабеках и эмирах.

«*Тарих-и Табаристан*» («*История Табаристана*») *ибн Исфандийара* (XIII век) содержит хронологически последовательное изложение событий от раннего Средневековья до времени автора. Он сообщает интересные сведения о связях Табаристана с Иракским султанатом Сельджукидов и атабеками Ильденизидами.

Сочинение «*Табакаат-и Насири*» («*Насировы разряды*») составлено в 1259–1260 годы *Абу Омаром Минхадж ад-Дином*, представителем знатной владетельной семьи, отмеченной внимани-

ем и милостями халифов Аббасидов. Привлекают внимание сведения по истории XI–XII веков, в том числе сообщения об Азербайджане, атабеках Ильденизидах, тюркских эмирах и наместниках.

Аксарай (XIV век) составил хорошо известное историографическое сочинение «*Мусамарат ал-ахбар ва мусайарат ал-ахйар*» («Беседы об известиях и состязания благочестивых»), которое преподнес монгольскому наместнику Малой Азии. Его труд содержит множество интересных сведений по социально-экономической и политической истории стран Передней Азии.

В ценном анонимном труде «*Сельджук-намэ*» («Книга о сельджуках»), составленном в XIV веке, изложена преимущественно история Конийского султаната Сельджукидов. Приведены познавательные сведения о взаимоотношениях сельджукских султанов с халифами Аббасидами, уделено внимание истории атабеков Ильденизидов.

Много полезного и интересного имеется у величайшего азербайджанского поэта и мыслителя Средневековья *Низами Гянджеви* (1141–1209). Автор знаменитой и широко известной на Востоке и Западе художественной антологии «*Хамсэ*» («Пятерица»), включающей пять больших поэм — «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендер-намэ», — он сохранил в этом сочинении черты современной ему жизни Азербайджана и сопредельных стран.

Современником великого Низами был другой азербайджанский великий поэт и мыслитель Средневековья *Хагани Ширвани* (1126–1199). Он много путешествовал, побывал в ряде городов Передней Азии, в том числе в Багдаде и Мекке; встречался с венценосцами, простодушиями и учёными, что не могло не оставить следа в его жизни и творчестве. Поэтические произведения Хакани позволяют придти к определённым выводам о многих сторонах жизни Кавказа XII века. В этом аспекте его сочинения, в том числе «*Тохат-ул-Ирагейн*» («Подарок обоим Ираков»), «*Хабсийе*» («Тюремное»), являются важными источниками.

Низами Арузи Самарканди (XIII век), служивший при дворе небольшой феодальной династии в Бамиане (Афганистан), составил сочинение «*Чахар макала*» («Четыре беседы»), в котором имеются сведения о придворной жизни сельджукских султанов, об их поэтическом окружении, о некоторых социальных категориях периода.

Тюркоязычные источники, по большей части, позднейшего происхождения. Среди них привлекает внимание ряд сочинений, содержащих много ценного по истории сельджуков и других тюрок XI–XII веков, а также об их взаимоотношениях с государствами крестоносцев и Кавказа, с Византией, о бытовых и военных чертах тюрок.

«*Кысса-и малик Данишменд*» («Деяния мелика Данишменда») — эпический памятник XII–XIII веков. Основные герои повествования — могущественные и владетельные малоазиатские эмиры Данишмендиды, история которых тесно переплетена с судьбами Конийского и Иракского султанатов Сельджукидов, а также государств Кавказа. В сказании содержится интересный материал, имеющий прямое отношение к истории кавказских стран, в первую очередь, Грузии; неоднократно упомянуты города Барда и Хилат, говорится о взаимоотношениях грузинских царей Багратидов с Данишмендидами, а также с другими мусульманскими феодалами и крестоносцами.

«*Китаб-и дедем Коркуд*» («Книга моего деда Коркуда») — уникальный письменный памятник средневекового огузского героического эпоса, построенный на широком историческом фоне. Он сложился в период XI–XIV веков и записан в начале XV века на территории Азербайджана. Местом действия его героев являются различные ареалы, в том числе Южный Кавказ, что значительно повышает ценность эпоса для нашей темы и привлекает внимание к его содержанию. Произведение содержит реальное, хотя и эпически героизированное, изображение военной и мирной жизни тюркских племён эпохи военной демократии, их быта и общественных отношений, обычаев и верований. Приведены также сообщения об образе жизни местного осёдлого населения, о социальной титулатуре и феодальной структуре.

«*Огуз-намэ*» («Книга об Огузе») — сочинение, сложившееся на рубеже XIII–XIV веков. Содержит исторические свидетельства, своеобразно преломлённые в контексте художественного повествования, и заслуживает внимания как источник, позволяющий осветить некоторые вопросы этнографии и идеологии тюркских племён.

Абу-л-Гази Бахадур-хан (XVII век) — владетельный феодал, который на склоне лет занялся сочинительством и составил генеалогию тюркских и монгольских племён от их мифических предков до XVII века. Результатом его занятий стали два познавательных труда: «*Шеджерэ-и тюрок*» («Родословная тюрок») и «*Шеджерэ-и теракимэ*» («Родословная туркмен»), которые представляют определённый интерес для изучения истории и быта тюркских племён XI–XII веков.

Грузинские источники составляют важную часть местной средневековой историографии Кавказа. Почти все они собраны в «*Картлис Цховреба*» («История Грузии»), представляющей собой свод древнегрузинских летописей. Здесь имеются сведения по социально-экономической, политической и военной истории Грузии и сопредельных стран. Для XI–XII веков это — деятельность грузинских царей Багратидов, их взаимоотношения с соседними государствами, в частности с Ширванским и его правителями ширваншахами, с Византией, с сельджукскими и другими тюркскими государствами. Много места занимают сообщения о положении податного сословия, о его обложении, об интеллектуальной жизни, о тюркских кочевниках. Интересен материал по истории Передней Азии; он позволяет коснуться ряда вопросов, связанных с пребыванием сельджуков на Кавказе.

В «Картлис Цховреба» привлекают внимание несколько сочинений. «*Матианэ Картлиса*» («Летопись Грузии») — труд анонимного автора XI века, охватывающий события VIII–XI веков. «*Жизнеописание царя царей Давида*» — сочинение придворного историографа Давида IV Строителя, которое содержит изложение событий с 80-х годов XI века по 20-е годы XII века. Труд *Басили* посвящен истории Грузии последней четверти XII — первой четверти XIII века. Автор был приближенным царицы Тамары, поэтому в его работе проглядывает большая осведомлённость современника и очевидца описанного. «*История и восхваление венценосцев*» содержит изложение деятельности Георгия III и Тамары. В обоих произведениях имеются весьма важные сведения по истории взаимоотношений Грузинского царства со своими соседями, однако при их использовании необходимо учитывать данные синхронных разноязычных источников.

Много полезного и ценного имеется у *Шота Руставели* — выдающегося государственно-го деятеля Грузинского царства, величайшего грузинского поэта и мыслителя Средневековья. Он получил хорошее образование и знал несколько языков. При дворе царицы Тамары поэт занимал высокое положение и был министром финансов. Создатель «*Витязя в тигровой шкуре*» сохранил в своём произведении интересные свидетельства об идеологии и социальной среде XII века.

Византийские источники содержат интересные параллели и дополнения к сведениям восточных памятников. В ряде случаев они служат также самостоятельными авторитетами. Эту группу источников отличает свой, особый, взгляд на события периода, бывшего важным в истории Византийской империи и связанного как с сельджукскими государствами, так и с крестоносцами. Находясь на стыке Востока и Запада, Византия постоянно пребывала в гуще событий, главными героями которых выступали западно-европейские рыцари и тюркские племена.

Анна Комнина — автор «*Алексиады*», благодаря которой сохранены многие значительные события истории Византии и ряда других государств Передней Азии. Это сочинение является одним из значительных в средневековой историографии. «*Алексиада*» посвящена деятельности отца Анны — императора Алексея I Комнина в 1069–1118 годы. Она освещает внешнюю политику империи, взаимоотношения с крестоносцами и сельджуками. Имеются ценные сведения о тюркских племенах. Анна была очевидцем значительной части описанного, что повышает интерес к «*Алексиаде*», а также использовала свидетельства совре-

менников, сведения высокопоставленных сановников Византии, письменные источники, официальные документы.

«Исторические записки» принадлежат перу весьма осведомлённого автора — Никифора Вриенния (XII век). Он происходил из знатной семьи и достиг высокого положения при императоре Алексее I Комнине, на дочери которого — принцессе Анне, авторе «Алексиады», — был женат. Никифор описал историю 976–1087 годов, которые были сложными и важными для Византии и Передней Азии.

Иоанн Киннам — представитель старинного аристократического рода; при императоре Мануиле I Комнине был высокопоставленным чиновником гражданской и военной администрации. Его «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов» является продолжением труда Анны и содержит описание тяжёлого периода в истории Византии, когда её теснили сельджуки и крестоносцы.

Никита Хониат — автор «Истории», в которой сохранены интересные сведения о взаимоотношениях сельджукских султанов с Византийской империей и другими государствами. Повествование сравнительно богато деталями и довольно объективно. Тем не менее автор отказывается признать достоинства сельджуков и крестоносцев, которых иногда сам же противопоставляет «испорченным» византийцам. Большую ценность имеют сведения Никиты Хониата о взаимоотношениях Византийской империи с государствами сельджуков и крестоносцев.

Документальные источники содержат много важного и полезного для нашей темы. Э. Хорст — автор публикации «Органы государственного управления великих Сельджукидов и хорезмшахов (1038–1231)». В ней приведены формуляры указов великих султанов о различных пожалованиях и назначениях на государственные посты, сведения о системе центральной, провинциальной и местной администрации Сельджукской державы. Ж. Соважэ издал «Четыре указа Сельджукидов» — документы периода по различным вопросам. О. Туран издал «Официальные документы о сельджуках Турции», которые касаются различных сторон жизни Конийского султаната Сельджукидов. Г. М. Курпалидис опубликовал со своим переводом и комментариями сочинение «Атабат ал-Катаба» («Ступени совершенствования катибов») арабского автора XII века Мунтаджаб ад-Дина Бади Атабека ал-Джувайни. Здесь приведены формуляры различных официальных документов сельджукского периода.

Археология предоставила материал, который позволяет прийти к определённым выводам об экономическом состоянии Кавказа XI–XII веков. В частности, изучение керамики помогает локализовать местонахождение ремесленно-торговых центров и торгово-транзитных путей. Появилась возможность сопоставить свидетельства письменных источников с результатами археологических изысканий. В результате, удалось подтвердить важность и большую роль в экономической системе Передней Азии XII века городов Кавказа, в том числе таких значительных, как Дербенд и Тифлис, Табриз и Марага, Шамаха и Баку. Появилась также возможность прийти к интересным заключениям о развитии сельского хозяйства, ремесла, товарного производства и торговли. Археологические артефакты подтвердили разнообразие продукции, которую местные ремесленники предлагали на продажу на внутреннем и внешнем рынках. Археология подтвердила также, что города Кавказа переживали в XII веке расцвет и подъём; что они являлись центрами ремесла и торговли, администрации, культуры и идеологии, науки и искусства; что в них велось большое строительство; что они обрели характерные черты феодальных центров.

Нумизматика также помогает выяснить особенности периода в области экономики. В частности, благодаря монетному материалу, удалось установить характерные черты денежного обращения, его особенности, связанные с «серебряным кризисом», охватившим в XI–XII веках Центральную и Переднюю Азию и распространившимся также в Европе. Монетные находки свидетельствуют и о том, что Кавказ участвовал в развитых торгово-транзитных

отношениях с восточными и европейскими регионами. Здесь обнаружены многочисленные клады византийских и сельджукских монет. В свою очередь, монета ряда местных государств выполняла роль средства обращения за их пределами. Все это с достаточной полнотой изложено в публикациях А. К. Маркова, Е. А. Пахомова, А. М. Раджабли, Д. Г. Капанадзе¹.

Эпиграфика содействует выявлению как социально-экономического состояния податного сословия, так и титулатуры феодальных правителей. Сохранившиеся надписи помогают установить датировку ряда событий, они бывают полезными для некоторых вопросов политической истории, а также свидетельствуют, что народы Кавказа оказали сопротивление сельджукскому нашествию и временному господству. Перечисленные сюжеты освещены в публикациях Л. И. Лаврова, А. Р. Шихсаидова, В. Цискаришвили, М. С. Нейматовой².

Топонимика способствует решению проблемы тюркских этнических напластований XI–XII веков на Кавказе. В частности, благодаря наименованиям населённых пунктов, удалось установить места расселения тюркских племён в регионе. Наиболее полный список кавказских топонимов составил Д. Д. Пагирев. Немало сведений можно найти в «Словаре географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР», составленном Е. Н. Бушуевой³.

Труды по генеалогии и хронологии позволяют восстановить или уточнить время правления как сельджукских, так и современных им других династий в целом, а также их отдельных представителей⁴.

1.3. Историография

Сельджукская проблема, являющаяся частью более обширной — огузской, а вообще — общетюркской, давно привлекает внимание исследователей⁵. Разработка её показала, что, хотя огузы стали известны уже в раннем Средневековье, их историческая роль выявилась позднее, в XI–XII веках. Тогда огузские племена, принявшие участие в сельджукских завоеваниях, сумели оказать влияние на судьбы Центральной и Передней Азии, в том числе Кавказа, а также Европы, ещё шире — на историю Средневековья.

Начиная с середины XIX века и по сей день, изданы многочисленные публикации по сельджукской тематике. Одним из первых специальных трудов стала увидевшая свет в 1853 году работа Ш. Дефремери о правлении Бёркийарука (1094–1105), пятого представителя династии великих султанов Сельджукидов⁶.

С тех пор появилось огромное количество печатных работ по различным проблемам и частным сюжетам сельджукского цикла. Ныне их более шести с лишним тысяч. Они посвящены политической, социально-экономической и династийной истории, культуре и ге-

¹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896; Он же. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910; Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I–IX. Баку, 1926–1966 (далее — Пахомов, 1926–1966); Он же. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970 (далее — Пахомов, 1970); Раджабли А. М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997 (далее — Раджабли, 1997); Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955 (далее — Капанадзе, 1955).

² Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Тексты, перевод, комментарии, введение и приложения. Ч. I. Надписи X–XVIII веков. М., 1976; Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVIII веков как исторический источник. М., 1984; Цискаришвили В. Эпиграфика Джавахети как исторический источник. Тбилиси, 1959; Нейматова М. С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Баку, 1991.

³ Пагирев Д. Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края, издания Кавказского военно-топографического отдела. // Записки КОИРГО. Кн. XXX. Тифлис, 1913; Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. / Сост. Е. Н. Бушуева. М., 1971.

⁴ Zambaur de, E. Manuel de Genealogie et de Cronologie pour l'Histoire de l'Islam. Hannover, 1927. Переизд.: Bad Pyrmont, 1955.

⁵ Гусейнов Р. А. Сельджукская тематика в современной историографии. // ТС-1970. М., 1970; Он же. Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы. // ТС-1973. М., 1975.

⁶ Defréremery Ch. Recherches sur le Règne du Sultan Barkiaroc. // JA. Ser. V^e. T. I–II. Paris, 1853.

неалогии, нумизматике и искусству, археологии и эпиграфике, ремеслу, городам, торговле, сословиям и земельным институтам, религии, материальной и духовной культуре XI–XII веков. Эти публикации можно классифицировать тематически:

- *Центральная Азия и сельджуки.*
- *Передняя Азия и сельджуки.*
- *Иран и сельджуки.*
- *Малая Азия и сельджуки.*
- *Византийская империя и сельджуки.*
- *Крестовые походы и сельджуки.*
- *Балканы и сельджуки.*
- *Социально-экономические отношения.*
- *Ремесло, искусство, архитектура.*
- *Наука и культура.*
- *Идеология и конфессия.*
- *Этническая история.*
- *Миграции огузов.*
- *Нумизматика и эпиграфика.*
- *Военное дело и искусство.*

Естественно, не осталась вне поля зрения исследователей также проблема «Кавказ и сельджуки». В связи с ней в современной историографии существует ряд направлений, представителей которых объединяет общая источниковедческая база, но индивидуализирует различный методологический подход к объекту исследования и методика раскрытия явлений эпохи.

Первое направление — российская историография, в которой почти до середины XX века не было специальных работ, посвященных сельджукской тематике. Однако, в трудах по истории Центральной и Передней Азии, преимущественно в сочинениях одного из классиков мирового востоковедения В. В. Бартольда⁷, эта тематика рассмотрена. На основе анализа широкого круга письменных источников, известных в его время, В. В. Бартольд осветил узловые проблемы истории тюркских народов, в том числе азербайджанского. Его классический труд «*Очерк истории туркменского народа*» положил начало исследованию прошлого этого этноса, судьбы которого тесно переплетены с сельджуками. В ряде работ В. В. Бартольд обрисовал историю кавказских и североиранских районов, прежде всего Азербайджана и Дагестана. Он впервые последовательно изложил историю Азербайджана с древнейших времён до нового времени, причём как в связи с историей Центральной Азии (Туркмении), так и соседних областей Кавказа. Работы В. В. Бартольда содержат ценный материал по экономической, этнической и политической истории, а также обстоятельные экскурсы по истории различных терминов. Особняком стоит уникальная работа В. В. Бартольда по изданию русского перевода и комментированию огузского героического эпоса «*Китаб-и Дедем Коркуд*»⁸.

Ф. И. Успенский в сравнительно небольшой работе рассматривает проблему миграции тюркских народов из Центральной Азии в Европу, а также в Малую Азию. В своей фундаментальной трёхтомной «*Истории Византийской империи*» он специально останавливается на сельджукской проблеме в связи с судьбой этого восточно-христианского государства в XI–XII веках⁹.

⁷ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. // Сочинения. М., 1968. Т. V; Он же. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. // Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. I; Он же. Очерк истории туркменского народа. // Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. I; Он же. Тюрки. // Сочинения. Т. V. Подробнее см.: Умняков И. И. Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда. М., 1976.

⁸ Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. / Перевод, вступительная статья и комментарий академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962 (далее — Книга моего деда Коркуда, 1962).

⁹ Успенский Ф. И. Движение народов из Центральной Азии в Европу. // ВВ. 1947. Т. I; Он же. История Византийской империи. Т. III. М.—Л., 1948.

Второе направление — советское. Ученые СССР внесли ценный вклад в исследование периода XI–XII веков, в том числе истории народов Кавказа и Центральной Азии. Их труды базируются на хорошо известных источниках, сведения которых сопоставлены и проанализированы. Работы этого направления посвящены как политической истории, так и проблемам государственного и социального строя, эволюции феодальных и земельных институтов, формам эксплуатации податного сословия.

Первым в советской историографии стал монографический труд В. А. Гордлевского, посвященный государству Сельджукидов Малой Азии¹⁰. Он впервые на примере конийских султанов Сельджукидов продемонстрировал правомочность и истинность предложенных им обобщений для истории XI–XII веков и показал присущие сельджукскому периоду закономерности. В. А. Гордлевский внес новое в понимание ряда вопросов истории не только Конийского султаната Сельджукидов, но и сопредельных с ним стран; подробно исследовал его внутреннюю историю, уделил внимание аграрным отношениям, в первую очередь земельному институту *икта*, его эволюции, а также категории земель типа *вакф* и тех, что были предоставлены *уджбеям*. Автор осветил землепользование, систему обложения, взаимоотношения центральной власти с племенами; торговые связи, денежную систему, цеховую организацию ремесленного производства, жизнь городов, религию, вооруженные силы, искусство. В. А. Гордлевский пришёл к выводу, что сельджуки, попав в более культурную среду, испытали на себе её влияние, но, вместе с тем, сохранили многое из того, что свойственно степнякам-кочевникам. В целом, его исследование помогло установить место сельджуков в истории мусульманского и христианского Востока и, отчасти, Запада, показать их значение для мировой истории, для судеб народов Кавказа и Центральной Азии.

Среди публикаций Б. Н. Заходера для нас наиболее важно издание его русского перевода «*Сиасет-намэ*», политического трактата, который являлся настольным руководством для нескольких поколений сельджукских и других государей. Издание сопровождается обширным введением и богатым комментарием¹¹.

А. Ю. Якубовский в ряде своих работ рассмотрел вопросы сельджукского движения, историю туркмен в XI веке, взаимоотношения Газневидского султаната с огузскими племенами, а также историю Кавказа в связи с сельджуками¹².

И. П. Петрушевский во многих своих трудах касается таких важных тем, имеющих прямое отношение к сельджукской проблематике, как землевладение и землепользование, положение крестьян и ремесленников. Он специально останавливается на роли и значении земельных институтов *икта*, *мюльк*, *вакф*, на системе фиска и характере эксплуатации податного сословия (эволюции личного состояния крестьян)¹³.

С. Г. Агаджанов посвятил серию монографий истории огузов и туркмен Центральной Азии в IX–XII веках. В своих обстоятельных исследованиях, построенных на комплексе данных

¹⁰ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941; переиздание: Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. I. М., 1960.

¹¹ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мульк. / Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949; Заходер Б. Н. История восточного Средневековья. М., 1944; Он же. Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII века. М., 1940; Он же. Хорасан и образование государства сельджуков. // ВИ. 1945. № 5–6.

¹² Якубовский А. Ю. Кавказ и Иран в эпоху Руставели. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938; Он же. «Китаби-Коркуд» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего Средневековья // Книга моего деда Коркуда, 1962; Он же. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства // Фердовси. 934–1934. Л., 1934; Он же. Сельджукское движение и туркмены в XI веке. // ИАН СССР. ООИ. 1937. № 4.

¹³ Петрушевский И. П. Бешкениды-Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара в XII — начале XIII века. // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. VII; Он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.—Л., 1960; Он же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века. Л., 1949; Он же. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. // ИАН СССР. ООИ. 1937. № 4.

различных источников, он касается всех сторон жизни тюрков — от основных проблем до вопросов частного характера¹⁴. Историей военного искусства туркмен XI–XII веков занимался А. А. Росляков¹⁵. Сельджукская тематика отражена и в сводных работах по истории стран Центральной Азии¹⁶.

Л. А. Семенова исследовала малоизученный период прошлого Сирии, связанный с сельджуками¹⁷. На базе арабских источников она осветила политическую историю, социальную структуру, ремесло и торговлю в XI–XII веках.

Интересны публикации Г. М. Курпалидиса¹⁸. Одна из них посвящена официальным документам сельджукского периода; другая является переводом источника, в котором содержатся официальные документы и письма, что помогает реконструировать административную систему и социальный состав городского населения.

Третье направление — кавказское. Ученые Кавказа уделяют значительное внимание сельджукам, что связано с ролью последних в судьбе стран и народов региона. В большинстве исследований социально-экономическая, политическая, этническая, конфессиональная и культурная история, во многом общая для автохтонов Кавказа в XI–XII веках, рассматривается с объективных позиций. Положение крестьян и ремесленников, податное обложение, землевладение и землепользование, города, ремесло и торговля, торгово-транзитные пути, товарно-денежные отношения, товарное производство, конфессиональная политика, военное дело — вот примерный круг проблем, ставших объектом исследования кавказских учёных¹⁹. Те же проблемы отражены в сводных трудах по истории отдельных стран и регионов Кавказа²⁰.

Особняком стоит капитальный труд А. А. Кудрявцева о крупнейшем и самом известном в Средневековье городе Кавказа — Дербенде²¹. Это монографическое исследование построено как на результатах 25-летних (1970–1995) комплексных исследованиях города Дербендской археологической экспедицией под руководством А. А. Кудрявцева, так и на большом круге письменных источников и публикаций предшественников.

Местные кавказоведы дали объективную, в целом, оценку сельджукского завоевания и временного господства в регионе, показали их отрицательные последствия для захвачен-

ных стран. Вместе с тем, многие исследователи отмечают, что даже в условиях иноземного, а в ряде случаев иноязычного и иноверного, господства продолжалось политическое, социально-экономическое и культурное развитие.

Монографических публикаций по истории Кавказа в целом или по каждой стране в отдельности, в которых специально рассматривались бы проблемы, связанные с сельджуками, до сих пор мало. Сравнительно широко представлена сельджукская тематика в труде И. П. Бекзади о персоязычном сочинении, составитель которого, Равенди, был современником Иракского султаната Сельджукидов. И. П. Бекзади осветил, преимущественно на основе одного источника, некоторые вопросы истории Азербайджана XI–XII веков²². Особое место занимает труд З. М. Буниятова об атабеках Азербайджана Ильденизидах, которые в XII веке сыграли весьма заметную роль в истории как Кавказа, так и прилегающих регионов²³.

Этнополитические процессы периода освещены в специальном исследовании Ш. М. Мустафаева²⁴.

Интересны исследования грузиноведа Н. Н. Шенгелия, который проследил взаимоотношения сельджуков с Грузией и Малой Азией²⁵.

Четвёртое направление — западное. Среди работ западных учёных отметим основные монографические публикации. Исследование Т. Тальбот-Райс посвящено преимущественно архитектуре и искусству малоазиатских Сельджукидов. У неё имеется ряд интересных наблюдений по истории периода, в частности высказана мысль о том, что некоторые положения и учреждения XI–XII веков были заимствованы впоследствии Османской империей для государственного устройства и общественных отношений²⁶.

Д. Бранденбург и К. Брюзехофф издали альбом, посвященный архитектурным памятникам сельджукского периода, в том числе на Кавказе²⁷, в частности, в азербайджанских городах Марага, Савэ, Урмийа, Хамадан. Это — мечети и медресе, башни и мавзолеи, минареты и гробницы.

Ж. Лоран осветил проблему взаимоотношений Византии с тюрками в 1021–1081 годы²⁸.

В. Ф. Минорский в многочисленных публикациях, в первую очередь, в специальном исследовании по истории Ширвана и Дербенда, интерпретировал важные сведения источников о расселении, племенном составе и социально-экономической жизни тюрков²⁹. Он предложил также своё решение ряда неясных сюжетов политической истории Кавказа.

Исследование А. Лэмбтон о великих Сельджукидах осталось неопубликованным и известно лишь по краткому реферату. В более поздних своих публикациях она развила отдельные проблемы, в частности, рассмотрела поземельные отношения, положение податного сословия, подати, администрацию, систему управления в Сельджукском государстве³⁰.

Многочисленные публикации К. Казна помогают воссоздать характерные черты периода. Они объединены единством замысла, которому подчинены проблемы, ставшие предметом рассмотрения, и затрагивают различные стороны жизни сельджуков и их окружения.

¹⁴ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII веков. Ашхабад, 1969; Он же. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII веках. Ашхабад, 1973; Он же. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII веках. М., 1991.

¹⁵ Росляков А. А. Из истории военного искусства туркмен. // Труды Ашхабадского Государственного педагогического института им. М. Горького. Вып. I. Исторические науки. Ашхабад, 1947; Он же. Очерки военного искусства туркмен X–XIII веков. Неопубликованная канд. дисс. Ашхабад, 1947.

¹⁶ История народов Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1950; История Туркменской ССР. Т. I. Кн. 1. Ашхабад, 1967; Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2004.

¹⁷ Семенова Л. А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990.

¹⁸ Мунтаджиб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-натаба). / Пер. с персидского, введение и комментарий Г. М. Курпалидиса. М., 1985; Курпалидис Г. М. Государство великих Сельджукидов. Официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях. М., 1992.

¹⁹ Мяммадов Р. Я. Нахчыван шяцяринин тарихи очерки. Орта ясрляр дюрц. Бакы, 1977; Шярифли М. Х. IX–XI ясрлярда Азярбайъан феодал дювлятляри. Бакы, 1965; Əhmədov Q. M. Orta əsr Vəyləqan şəhəri. Bakı, 1979; Месхиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1959; Альтман М. М. Исторический очерк города Гянджи. Бакы, 1949; Джафар-заде И. М. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Бакы, 1949; Капанадзе, 1955; Майсурадзе З. П. Грузинская художественная керамика XI–XIII веков. Тбилиси, 1954; Раджабли, 1997; Ашурбейли С. Б. История города Баку. Средневековый период. Бакы, 2006; Она же. Государство ширваншахов. Бакы, 2006; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XV веках. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975; Пахомов, 1970; Пахомов, 1926–1966; Юнусов А. С. История военного дела в Азербайджане в IX — начале XIII века. Автореф. канд. дисс. Бакы, 1986.

²⁰ История Азербайджана. Т. I. Бакы, 1958; Азярбайъан тарихи. Икинъи ъилд. Бакы, 1998; Гусейнов Р. А., Вердиева Х. Ю. История Азербайджана. С древнейших времён по начало XX века. Бакы, 1999; История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988; Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времён до конца XV века. Махачкала, 1996; Очерки истории Грузии. Т. III. Грузия в XI–XV веках. Тбилиси, 2002; Лордкипанидзе М. Д. История Грузии XI — начала XIII века. Тбилиси, 1974 (далее — Лордкипанидзе, 1974); Она же. Эпоха Руставели. Тбилиси, 1966; Silogava V., Shengelia K. History of Georgia. Tbilisi, 2007.

²¹ Кудрявцев А. А. Пути развития северокавказского города (По материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь, 2003.

²² Бекзади И. П. Равяндинин «Ращат-ас-судур вя аят-ас-сурур» ясяри тарихи мянбя кими. Бакы, 1963.

²³ Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана: 1136–1225. Бакы, 1978; переиздание: Избранные сочинения. Т. II. Бакы, 1999.

²⁴ Mustafayev Ş. M. Səlcuklاردən Osmanlılara: XI–XV yüzilliklərdə Anadolunun Türk Mühitində Etnosiyasi Proseslər. Bakı, 2010.

²⁵ Шенгелия Н. Н. Сельджуки и Грузия в XI веке. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.); Он же. Сельджуки Малой Азии и Грузия. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.).

²⁶ Rice T. T. The Seljuks in Asia Minor. London, 1961; Она же. Die Seldschuken in Kleinasien. K?ln, 1963; Она же. Сельджуки. М., 2004.

²⁷ Brandenburg D., Brühsehoff K. Die Seldschuken. Baukunst des Islam in Persien und Turkmenien. Graz, 1980.

²⁸ Laurent J. Byzance et les Turcs Seldjoukides dans l'Asie Occidentale jusqu'en 1081. Paris — Nancy, 1913.

²⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963; Minorsky V. A History of Sharvān and Darband in the 10–11th Centuries. Cambridge, 1958; Он же. Studies in Caucasian History. London, 1953; Он же. Iranica. Twenty Articles by V. Minorsky. Teheran, 1964.

³⁰ Lambton A. K. S. Contributions to the Study of Seljuk Institutions. Unpublished Dissertation. London, 1939; Она же. Landlord and Peasant in Persia. London, 1953; Она же. Islamic Society in Persia. London, 1954; Она же. The Administration of Sanjar's Empire as Illustrated in the «Atabat al-Kataba». // BSOAS. London, 1957. Vol. XX.

Выводы автора могут быть полезны для истории других районов Передней Азии, в особенности по вопросам землепользования и землевладения, политического устройства, военного искусства. Автор делает обобщения широкого плана, охватывая порою историю тюрок на протяжении нескольких столетий или историю сельджуков во всей Передней Азии. Однако, объектом внимания К. Каэна является преимущественно сельджукский период Малой Азии (нередко в интересном сопоставлении с западноевропейскими реалиями того же времени). Об этом свидетельствует его специальная публикация о Конийском султанате³¹.

Капитальный труд С. Вриониса Мл. посвящен взаимоотношениям Византийской империи с государством Сельджукидов Малой Азии, а также с османами³². В центре внимания автора были ситуация в этом регионе накануне сельджукского нашествия, политический и военный упадок Византии, а также многоплановый и многовекторный процесс трансформации Малой Азии из христианской в мусульманскую.

Есть также публикации западных авторов, которые осветили историю сельджуков в связи с Балканами³³. Объектом их исследований стали сельджукская администрация, общегосударственные, центральные, провинциальные и местные системы управления, формуляры указов и других официальных бумаг XI–XII веков. В частности, появились публикации об официальных документах, а также об устройстве и системе управления периода великих султанов Сельджукидов³⁴.

Пятое направление — турецкое. Чрезвычайно большое внимание сельджукской тематике уделяют турецкие историки. Достаточно сказать, что в Турции существует специальный Научно-исследовательский институт сельджукской истории и культуры, который периодически проводит международные научные форумы. Из огромного количества турецких публикаций отметим, в первую очередь, обобщающие труды, в которых освещён также сельджукский период³⁵. Однако, гораздо интереснее и важнее монографические публикации. Среди них привлекают внимание следующие.

И. Кафесоглу принадлежит работа о политической истории Сельджукской империи во второй половине XI века, основное внимание уделено правлению великого султана Мелик-шаха (1072–1092)³⁶. Автор правильно полагает, что победа над Газневидами при Данданакане в 1040 году и установление сельджукского господства в Хорасане были началом завоевания сельджуками стран ислама.

Труд М. А. Кёймена по истории государства великих Сельджукидов шире, нежели работа И. Кафесоглу, по охвату политических событий, которые составляют основное его содержание³⁷.

Исследования О. Турана посвящены преимущественно социально-экономической истории Конийского султаната Сельджукидов, а также идеологии, культуре, архитектуре, взаимоотношениям султанов с исмаилитами³⁸.

Публикация Ф. Сюмера об огузах не имеет параллелей среди работ по сельджукской тематике³⁹. Автор рассматривает политическую историю огузов, племена и их организацию, огузский эпос.

Цикл турецких публикаций посвящен отдельным султанатам, атабекствам и меликствам, существовавшим в сельджукский период в Малой Азии⁴⁰. Изданы специальные труды об одном из важнейших событий мировой истории Средневековья — эпохальном сражении при Манцикерте 26 августа 1071 года между армиями великого султана Сельджукида Алп-Арслана и византийского императора Романа IV Диогена⁴¹. Победа в этой исторической битве позволила сельджукам стать полновластными хозяевами в Передней Азии. Византия же не только утратила свою былую военную мощь и престиж на мировой арене, но уже никогда не смогла оправиться от поражения.

Отдельное исследование посвящено столице государства Сельджукидов Малой Азии — Конье⁴². Есть и специальная публикация о социально-экономической истории Малой Азии сельджукского периода⁴³.

Шестое направление условно именуется иранским, ибо большинство публикаций принадлежит западным авторам. Среди обобщающих исследований здесь привлекает внимание коллективный труд «Кембриджская история Ирана», в пятом томе которой освещён сельджукский период⁴⁴. Основное внимание уделено политической и династийной истории, структуре Сельджукской империи, религии и культуре, прикладному искусству и точным наукам. Эти же сюжеты представлены в ряде отдельных публикаций западных и местных иранистов⁴⁵.

***

Таким образом, историографический обзор сельджукской тематики свидетельствует, что исследователи давно обратили внимание на важность сельджукского периода для понимания истории как мусульманского и восточнохристианского мира, так и вообще мировой истории Средневековья. В этом контексте подтверждается справедливость тезиса В. В. Бартольда о том, что, благодаря образованию Сельджукской державы, огузы приобрели «для мусульманского мира (можно добавить — также для восточнохристианского. — Р.Г.) такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов»⁴⁶.

Вместе с тем понять историю Кавказа XI–XII веков как часть всемирной истории можно лишь при изучении диалектического взаимодействия объективных (общее) и субъективных (особенное) факторов. Конкретные условия накладывают специфический налёт на ход исторического процесса, что позволяет отличать историю одного народа от истории другого. Но общее и особенное тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Поэтому «Синхроническое единство мировой истории должно мыслиться не как унификация с отстранением на задний план особенностей и колоссального перепада уровней экономического развития разных стран, а как взаимосвязь всего этого многообразия»⁴⁷.

³¹ Cahen C. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968; Он же. La Campagne de Mantzikert d'après les Sources Musulmanes. // Byzantion. 1934. Vol. IX; Он же. La Première Penetration Turque en Asie-Mineure. // Byzantion. 1948. Vol. XVIII.

³² Vryonis Jr. S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971. См. также: Canard M. Byzance et les Musulmans du Proche Orient. Paris, 1973.

³³ Mutağçiev P. Die Angebliche Einwanderung von Seldschuk-Türken in die Dobrudscha in XIII. Jahrhundert. Sofia, 1943; Цлк-цал М. Добруџа ве Търклер. Анкара, 1966; Эюкбилэин Т. Румелиде Үцрцклер, Татарлар ве Овлад-и Фатицан. Истанбул, 1957; Шимшир В. Contribution à l'Histoire de Population Turque en Bulgarie. Ankara, 1966.

³⁴ Sauvaget J. Quatre Decrets Seldjoukides. Beyrouth, 1947; Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosselguken und Horazmşahs. Wiesbaden, 1964; Goitein S. D. Studies in Islamic History and Institutions. London, 1966; Klauser C. L. The Seljuk Vizirate. A Study of Civil Administration: 1055–1194. Cambridge, 1973.

³⁵ Узунчаршылы И. Ш. Османлы Тарици. I. Ёилт. Анкара, 1988; Sevim A., Yücel Y. Türkiye Tarihi. 1. Cilt. Fetihten Osmanlılara kadar (1018–1300). Ankara, 1990; Berktaş H., Hassan Ü., Ödekan A. Türkiye Tarihi. 1. Cilt. Osmanlı Devletine Kadar Türkler. Ankara, 2000; Търкийе Тарици. I. Истанбул, 2000; Bayram M. Türkiye Selçukluları Üzerine Araştırmalar. Konya, 2003.

³⁶ Кафесоглу İ. Султан Меликшах девринде Бюйцк Селчуклу Импараторлуу. Истанбул, 1953.

³⁷ Кюймен М. А. Бюйцк Селчуклу Импараторлуу Тарици. Cilt. II. Ankara, 1954.

³⁸ Туран О. Търкийе Селчуклулары щаккында гесми Весикалар. Ankara, 1958; Он же. Селчуклулар Тарици ве Търк-İслам Меденийети. Ankara, 1965.

³⁹ Сюмер О. Огузлар (Търкменлер). Таришлери, Вой Тешкилаты, Дестанлары. Ankara, 1967.

⁴⁰ Sevim A. Сурийе Селчуклулары. Ankara, 1965; Он же. Щалеб Селчуклу Меликлии. Ankara, 1971; Он же. Сурийе ве Филистин Селчуклулары Тарици. Ankara, 1983; Мерчил Е. Кирман Селчуклулары. Истанбул, 1980; Он же. Атабэз-ликлер (Салэурлулар, Илденизлер). // Дюуштан Эцнцмце Kadar Бюйцк Ислам Тарици. VIII. Ёилттен айры basım; Он же. Симзурилер (айры басым); Алптекин Ё. Димашк Атабэзлизи. Истанбул, 1985.

⁴¹ Диримтезин Ф. Малазэирт Мейдан Савашы. Истанбул, 1943; Sevim A. Малазэирт Мейдан Савашы. Ankara, 1971; Семави Е. Малазэирт Савашыны Кайбедян IV. Романос Диозенес (1068–1071). Ankara, 1971.

⁴² Байкара Т. Търкийе Селчуклулары Девринде Конйа. Ankara, 1985.

⁴³ Байкара Т. Търкийенин Sosyal ve İktisadi Tarihi: XI–XIV. Üzüyullar. Ankara, 2000.

⁴⁴ The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods. Cambridge, 1968.

⁴⁵ Houtsma M. T. Zur Geschichte der Selguken von Kirman. // ZDMG. 1885. Vol. XXXIX; Kasravi Tabrizi A. Shahriyaran-i gumnam. Tehran, 1928–1930; Sanaullah M. F. The Decline of Saljuqid Empire. Calcutta, 1938; Bowen H. Notes on some early Seljuqid Viziers. // BSOAS. 1957. Vol. XX.

⁴⁶ Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Сочинения. Т. 2. Ч. I. М., 1963. С. 574.

⁴⁷ Поршнев Б. В. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 304.

Рассмотрение же взаимоотношений Кавказа и сельджуков как части мировой истории помогает понять, почему судьба этого региона неотделима от процесса, в который, наряду с ним, были вовлечены многие зоны средневековых Востока и Запада. Поэтому история сельджукского периода требует своего воспроизведения как неразделимого комплекса явлений, в основе которых лежат общие закономерности, связанные с конкретными их носителями — субъектами исторического процесса. Вот почему история, сохраняя локальный характер, одновременно выходит за рамки одной страны или региона. Вот почему, как бы ни была обособлена, специфична история каждой кавказской страны, она находилась в определенной связи и зависимости от явлений, характерных для Востока и Запада в XI–XII веках. Вот почему историки знают и понимают, что обособленной страны не существует, что история одной страны немыслима. Как внешняя, так и внутренняя политика государства, его многогранное и многовекторное развитие теснейшим образом связаны с соседними. Невозможно обособить историю одной страны от широкой исторической среды, в которую она органически включена: «Кто пишет историю страны, фактически в огромной степени понимает под ней историю государства, а история государства не может и не должна быть абстрагирована от тех сношений, в каких оно находилось со своим населением и с властями вне данных государственных границ»⁴⁸. Вот почему изучение истории Кавказа в связи с сельджуками должно вестись в комплексе, ибо только тогда возможно понять, что XI–XII столетия являются одним из этапов поступательной и непрерывной эволюции местных обществ, бывших составными частями мировой феодальной системы. Ибо только в таком контексте появляется возможность осветить и сопоставить общее и особенное в истории Кавказа, связанной с сельджуками.

1.4. О характере экономической жизни Кавказа в XII веке

Несмотря на разнообразие и немалое количество публикаций по сельджукской тематике, до сих пор не все проблемы истории Кавказа XI–XII веков нашли своё объективное освещение и толкование. Причины тут различные. В одних случаях сказались тенденции локальной историографии, проявляющиеся в преемственности традиционных взглядов, принимаемых за постулат; в других — последствия незнания комплекса данных разных групп источников и существующих публикаций; в третьих — результат абстрагирования от реальных периодов. В итоге, появляются своеобразные интерпретации взаимосвязанной истории Кавказа и сельджуков.

Одной из принципиальных является интерпретация характера экономической жизни Кавказа в XII веке. Так, Е. А. Пахомов считал, что «время с XII века и до начала XIII века было периодом экономического упадка... для всего Азербайджана и окружающих стран»; что «наблюдалось падение товарообмена и происходил поворот к замкнутому натуральному хозяйству»⁴⁹.

Возможно, что тезис о замкнутом натуральном характере экономики навеян натуральным характером самой феодальной ренты, а не хозяйства непосредственных производителей и феодалов. Ибо и в период доминирования денежной формы феодальной ренты условия хозяйствования в подавляющем большинстве случаев возмещаются и воспроизводятся прямо из валовой продукции крестьянского хозяйства, без содействия рынка. В деньгах превращается не весь крестьянский продукт, а лишь та его часть, которая составляет ренту. Собственно, в сумме, феодальная экономика считается натуральной даже при полном господстве денежной ренты, ибо большая часть сельскохозяйственной продукции по-прежнему не попадает на рынок (личное потребление, воспроизводство). Поэтому «товарное

⁴⁸ Там же. С. 308. См. также: Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974. С. 70.

⁴⁹ Пахомов Е. А. Башни-мавзолей в Барде и их надписи. // Труды Азерб. ФАН СССР. Историческая серия. 1936. Т. 25. С. 83; Он же. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII веков // Труды ГИМ. 1957. Вып. XXVI. С. 90.

производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления»⁵⁰.

Против натурализации экономики региона в XII — начале XIII века свидетельствует расцвет именно в этот период значительного числа феодальных городов Кавказа, бывших центрами, в первую очередь, экономической жизни. А это следует связать с развитием рыночных отношений, с нарастанием удельного веса денежной формы феодальной ренты. Доминирование же последней предполагает значительное развитие ремесла (бывшего занятием городского населения), торговли, вообще товарного производства, а вместе с ним и денежного обращения⁵¹. Эти черты экономической эволюции были присущи Кавказу XII — начала XIII века. Возможно, что именно в этом заключается одна из особенностей сельджукского периода восточного феодализма, в том числе на Кавказе.

Дальнейшим развитием тезиса о якобы натуральном характере экономики региона являются выводы А. П. Новосельцева. Он полагал, что с появлением на Кавказе сельджуков здесь исчезла большая часть прежних местных землевладельцев и что в XI–XII веках тут все определеннее проступали черты кочевых форм хозяйства⁵². Это заключение отнесено, в первую очередь, к Азербайджану. По мнению автора, местное многовековое осёдлое земледельческое хозяйство было значительно потеснено пришлым кочевым, или же, в лучшем случае, местные землевладельцы в большинстве случаев оказались заменены пришлой военно-кочевой знатью. Подобное же заключение относительно Грузии бытует в грузинской литературе⁵³.

Однако, следует говорить лишь как о частичном обновлении сословия местных феодалов за счёт пришлой военно-кочевой знати, так и о сохранении местного этноса, а также только о временном застое в местной экономике, носившей принципиально осёдлый земледельческий характер. Ни в коем случае нет оснований говорить о возобладании в регионе кочевых форм хозяйства. Так, сам же А. П. Новосельцев писал, что развитие производительных сил зависит от комплекса условий, и прежде всего от природной и внешней социальной среды: «Говоря о первой, нельзя забывать, что в докапиталистических формациях человек неизмеримо больше зависел от природной среды и именно она в основном определяла и типы хозяйства, и направление его развития (курсив наш. — Р. Г.)»⁵⁴.

Раз дело обстоит именно так, почему А. П. Новосельцев полагал, что многовековые традиции осёдлого земледельческого образа жизни местного населения должны были уступить место кочевым формам хозяйства?

В данном случае верным и объективным является заключение Н. В. Пигулевской, которая полагает, что «общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между осёдлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них»⁵⁵.

Кстати отметить, в связи с этим, что А. П. Новосельцев привел известное высказывание К. Маркса о возможности сосуществования осёдлых и кочевых обществ на Востоке⁵⁶, то есть о своеобразном симбиозе кочевой и осёдлой форм хозяйств, а не об обязательном поглощении или подавлении одной другою. Можно напомнить также определение Ф. Энгельса:

⁵⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960. С. 180.

⁵¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. М., 1962. С. 361.

⁵² Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972 (далее — Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972). С. 124; Новосельцев А. П. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). Автореф. докт. дисс. М., 1973 (далее — Новосельцев, 1973). С. 8–9, 29–30, 38.

⁵³ Лордкипанидзе, 1974. С. 25, 85; Месхиа Ш. А. Дидгорская битва. Тбилиси, 1974 (далее — Месхиа, 1974). С. 54.

⁵⁴ Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972. С. 18.

⁵⁵ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI веках, М.—Л., 1964. С. 4.

⁵⁶ Маркс — Энгельс. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 28, М., 1962. С. 214.

«Каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому „хозяйственному положению“ завоёванной страны в том виде, каком она оказывается после завоевания»⁵⁷.

Далее. Некоторые кавказоведы считают, что сельджукское завоевание отсрочило завершение процесса закрепощения крестьян, и это является показателем застоя в местном социальном развитии⁵⁸. Так, А. П. Новосельцев считал, что в XI–XII веках в Передней Азии, а значит, и в её составной части — на Кавказе, — процесс феодализации, в отличие от Западной Европы того же времени, не был завершён, ибо в те столетия здесь сохранялся рабовладельческий уклад и неоднократно прерывался процесс оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие⁵⁹.

В связи с этим следует напомнить, что, насколько известно, действительно, юридически, крепостных в Кавказском регионе в домонгольское время не было⁶⁰. И период XI–XII веков можно считать переходным этапом, когда свободное крестьянство сходило на нет, а относительно позднее установление крепостничества (или его юридическое оформление) не оказало существенного влияния на местную экономическую, политическую, культурную и даже социальную жизнь. *Это — одна из особенностей восточного феодализма.*

Для сравнения, можно напомнить, что, хотя в Западной Европе в XI–XII веках существовало юридически оформленное крепостничество, она во всех отношениях отставала в своём развитии от Востока. На Кавказе же в домонгольское время не было необходимости в закрепощении, ибо поземельные отношения, как и вообще феодальные, имели свою специфику, что не могло не отразиться на характере процесса феодализации и оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие.

Да и вообще, можно ли считать незавершённым процесс феодализации в Кавказском регионе, где, в отличие от Западной Европы, зафиксирована непрерывность и преемственность эволюции города и городской жизни; где налицо плавный переход города из Античности в Средневековье; где раньше наступает период товарно-денежных отношений и развитого денежного хозяйства; где доминирует денежная форма феодальной ренты, что свидетельствует о подъёме экономики?

К тому же Кавказ был той самой зоной контактов и синтезного развития, где новое переплеталось и рождалось в сплаве со старым, местное — с привнесённым извне; где существовала зона континуитета. И всё это — особенности местного, если не вообще восточного, феодализма.

А. П. Новосельцев также писал, что в его работах выявляются общие для Кавказского региона закономерности и особенности сложного и трудного для анализа процесса становления и укрепления феодализма⁶¹. При этом его отправным пунктом служил вывод о «недоразвитости» феодализма на Кавказе в сравнении с его «классической» формой в Западной Европе. Таким образом, восточному феодализму с его особенностями и отличиями от западного вновь отказано в праве на существование, то есть налицо рецидив возврата к европоцентристской теории.

В качестве контраргумента достаточно сослаться на объективное и обоснованное мнение Н. И. Конрада, считавшего, что, если и сравнивать, то следует отталкиваться не от западного,

а от восточного феодализма, который старше, и только в таком случае можно выявить общее и особенное в феодальный период, а вместе с тем и типологию эволюции феодализма вообще»⁶².

Действительно, в развитии Запада и Востока, при наличии единства самой социальной системы, имелись черты, которые свидетельствуют о преимущественном и более «рациональном» развитии средневекового Востока, по сравнению со средневековым Западом, что позволяет говорить об особенностях восточной феодальной системы и характерной для неё совокупности явлений, определяемых понятием «восточный феодализм». Да и сам А. П. Новосельцев, под давлением неопровержимых фактов, пришёл-таки к заключению, что «процесс сложения феодализма в странах Передней Азии шёл иными путями и не был непосредственно связан с кризисом рабовладельческого строя, который привел к гибели античную цивилизацию на Западе. *Культура народов Ближнего Востока IV–XIII веков явилась как бы мостом, связавшим античную цивилизацию с возникшей на её развалинах новой, европейской культурой. В этом одна из исторических заслуг народов Ближнего Востока, в том числе и закавказских (выделено нами. — Р. Г.)»⁶³.*

В заключение отметим, что в рецензии на публикацию «Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)», одним из авторов которой является А. П. Новосельцев, точно подмечено, что «при всем многообразии путей формирования и особенностей развития феодальных отношений существует единство самой формации во всех её разновидностях. Это важно отметить, потому что за последние годы под впечатлением раскрывающегося на современном этапе развития науки многообразия конкретных форм, в которых происходило развитие общественно-экономических формаций, отдельные историки даже поставили под сомнение сам принцип выделения рубежей формации»⁶⁴.

⁵⁷ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. М., 1961. С. 188.

⁵⁸ Думбадзе М. К. Историческая действительность Грузии и Шота Руставели (на груз. яз.). // Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси, 1966. С. 294; Лордкипанидзе М. Д. Из истории социального развития в Грузии XII века. // Грузия в эпоху Руставели. С. 295; Месхиа, 1974. С. 54.

⁵⁹ Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972. С. 99–100.

⁶⁰ Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века. Л., 1949. С. 250; Он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.—Л., 1960. С. 324–326.

⁶¹ Новосельцев, Пашуто, Черепнин, 1972. С. 9 и сл.; Новосельцев, 1973. С. 3 и сл.

⁶² Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972. С. 77–102.

⁶³ Новосельцев А. П. Раннесредневековая культура народов Закавказья // Вопросы истории. 1973. № 6. С. 115.

⁶⁴ Сахаров А. М. Рецензия на книгу: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 160.

Глава II. Политическая история Кавказа в XI веке

2.1. Вводные положения

До появления на Кавказе сельджукских завоевателей этот регион переживал своеобразный «interregnum». Некогда обширный и могущественный Арабский халифат, ранее включавший необозримые пространства, в том числе значительную часть Кавказского края, в IX веке переживал кризис. Его политическое единство стало разрушаться, к власти пришли местные независимые династии. Реальная политическая власть халифов Аббасидов территориально была ограничена Ираком, особенно в X веке. Тогда политический шиизм, в немалой степени благодаря халифам Фатимидам, одержал победу в значительной части мусульманского мира. Даже приход в XI веке сельджуков не избавил Аббасидов от их политического бессилия, так как эти завоеватели не собирались реанимировать власть халифов.

2.2. Кавказ накануне сельджукского завоевания: первая половина XI века

В первой половине XI века на Кавказе существовал ряд государств и значительных феодальных владений. В Азербайджане — Ширванское государство во главе с династией ширваншахов, со столицей в Шамахе. Оно занимало земли исторической области Ширван и часть Южного Дагестана. На северо-западе страны находилось Шекинское меликство с собственной династией. Шаддадидский эмират с центром в Гяндже занимал Арано-Нахчыванскую зону. Впоследствии появились ещё два Шаддадидских эмирата с центрами в Дабиле и Ани, где правили дочерние ветви той же династии. Вместе они образовали обширное и мощное конфедеративное государство, сыгравшее заметную роль в истории Южного Кавказа.

Грузия, включая Абхазию, стала единым царством под эгидой династии Багратидов. Грузино-Абхазское царство было заинтересовано в поддержании добрососедских отношений с вайнахами Северного Кавказа. Среди них миссионерствовали грузинские христианские клирики. Это отвечало внешней политике грузинских царей, которые старались контролировать Дарьяльский проход и поддерживать союзнические отношения со своими горскими соседями, в первую очередь, с Ингушетией. Городом Тифлис с прилегающей к нему областью владели и управляли арабские эмиры Джаффариды — главы Тифлисского эмирата.

На Северном Кавказе в исследуемый период столь значительных этно-политических образований не имелось. Тем не менее, аланы и кипчаки в период с XI века и до монгольского нашествия в XIII столетии представляли собой наиболее крупные и важные силы. Алания в XI веке превратилась в значительное и сильное этно-политическое объединение. Аланскому царю подчинялись многие племена Северного Кавказа¹. Не случайно русы совместно с аланами совершали набеги на Ширванское государство, то есть на Южный Кавказ. Сюда же проходили с различными целями и другие горцы Северного Кавказа².

Вместе с тем у алан существовали связи с Грузией и Абхазией³. По горным тропам они проходили к Черному морю и далее — в Византийскую империю. В 1062 году аланский царь Дар-

голел вместе с грузинским царём Багратом IV воевал с эмиром Фадлом Шаддадидом. В целом, «в средневековой истории народов Северного Кавказа Алания сыграла важную роль, объединив под эгидой алан многие народы Северного Кавказа в единую, хотя и непрочную, политическую систему, ставшую заметным явлением в истории юго-востока Европы X–XI веков»⁴.

В Дагестане в первой половине XI века существовали несколько политических структур, в том числе эмират Баб ал-Абваб (Дербенд), владения Лакз (Южный Дагестан), Табасаран, Сарир (Авария), Филан. Дагестан имел многовекторные связи с Южным Кавказом, в первую очередь и главным образом с Ширванским государством.

На Северном Кавказе огромные пространства равнинного Предкавказья — от Нижнего Дона до Дербенда — составляли важную часть «Дешт-и-Кипчака» — Кипчакской степи, простиравшейся широкой полосой от верховий реки Сыр-Дарья и западных отрогов Тянь-Шаня на востоке до устья Дуная на западе. Кипчаки активно контактировали на Северном Кавказе с аланами, адыгами, вайнахами. По преимуществу, это были столкновения и борьба за пастбища. Лишь после того, как определилась граница между кипчаками и автохтонами, в этом субрегионе установилось относительное военно-политическое равновесие и началось их взаимное сближение⁵.

Вскоре же кипчаки стали проникать на Южный Кавказ, преимущественно через Дербендский проход, а также через Дарьяльское ущелье. Однако, они стали играть здесь заметную военно-политическую роль лишь в XII веке, то есть при атабеках Азербайджана — Ильденизидах.

В первой половине XI века Кавказ неоднократно подвергался с севера набегам русов. В 1030 году они впервые появились во владениях ширваншахов; в 1032 году, в союзе с северокавказскими племенами сарир и алан, совместно напали на Ширванское государство; в 1033 году те же союзники совершили рейд на Дербенд⁶. Ширваншах Минучихр I (1027–1034) пытался остановить их около Баку, не пропустить далее на юг — в Аран (междуречье Куры и Аракса), — но успеха не имел. Захватчики дошли до Куры и направились к Гяндже, где эмир Муса Шаддадид (1031–1034) использовал их против восставших жителей Байлакана. Вскоре после этого русы покинули Аран, что явилось, несомненно, большим дипломатическим успехом Шаддадида.

Для нашей темы важно отметить, что уже в первые десятилетия XI века засвидетельствованы рейды тюркских племён из Центральной Азии на Кавказ. Традиция письменных источников связывает их с огузами и сельджуками. Первые огузские рейды коснулись южных областей Азербайджана и Восточной Анатолии. Они датируются 1015–1016 годами. В 1018–1021 годы огузы с юга форсировали Аракс и проникли в Аран⁷. Появившись здесь, они стали опорой эмиров Шаддадидов и помогали им в борьбе с византийской армией, намеревавшейся завладеть Азербайджаном.

В 1028 году огузы, кочевавшие в Хорасане, принадлежавшем Газневидскому султанату (977–1186), подняли мятеж против главы этого государства Махмуда Газневида (998–1030). Последний подавил его, и около 2000 огузских шатров (семей) бежали в Ирак-и Аджам, то есть в Иран, а оттуда в Азербайджан, в Раввадидское государство. Во главе этих шатров стояли эмиры Буга, Гёк-Таш и Мансур. Их дружелюбно встретил эмир Вахсудан Раввадид (1025–1053), снабдил всем необходимым и даже взял в жёны дочь одного из огузских предводителей.

Наделив огузов землей с обязательством уплаты дани и участия в его военных операциях, Раввадид сделал их своими вассалами и намеревался использовать в борьбе против со-

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963 (далее — Минорский, 1963). С. 70–71; Minorsky V. Studies in Caucasian History. London, 1953 (далее — Minorsky, 1953). P. 11–12; История народов Северного Кавказа, 1988. С. 147.

⁷ Жордания Ф. Д. К материалам по истории Грузии XI–XII веков. М., 1895. С. 4, 7.

¹ История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988. С. 150–151 (далее — История народов Северного Кавказа, 1988).

² Там же. С. 152.

³ Там же. С. 151.

седних государств, в том числе против Шаддадидского эмирата и Византийской империи. Последняя посягала на владения Раввадидов, как и на другие территории на Кавказе.

По сообщению грузинской хроники, в 1029 году огузы совершили рейд вглубь Картли, опустошили Шиомгвимскую лавру и сопредельные земли, и царь Баграт IV, «ввиду многочисленности язычников, остановить их не смог».

Так огузы стали известны на Южном Кавказе.

В Раввадидском государстве огузы недолго были верны сюзерену: в 1040 году они подняли мятеж. Тогда Вахсудан пригласил огузских эмиров на пир, во время которого тридцать из них были схвачены и брошены в темницу. Около Табриза произошло избиение инсургентов; уцелевшие огузские шатры бежали в Месопотамию и обосновались около Мосула. Вскоре туда же направились огузы из-под Рея, владетель которого Ала ад-Даула ранее принял их в качестве военных наёмников. Часть огузов в течение года оставалась в захваченной ими Мараге, где они сожгли соборную мечеть, а население предали мечу или увели с собой. В ответ эмир Васхудан и курдский эмир Абу-л-Хайджа заключили союз, объединили свои силы и изгнали непокорных огузов.

На исходе первой четверти XI века в Хорасан из Туркестана продвинулись сельджуки. С дозволения султанов Газневидов, они обосновались в области Нисы, за что были обязаны натуральной данью. Некоторое время спустя, в 30-е годы того же столетия, они впервые появились на Южном Кавказе. В период 1033–1040 годов их рейды из Центральной Азии на западном направлении происходили преимущественно в треугольнике Каспий — Исфahan — Урмия. Сельджуки попадали сюда в качестве военных наёмников местных правителей, в частности эмиров Раввадидов, которые использовали их в междоусобной борьбе и военных кампаниях, в том числе против Византии.

Уже тогда сельджуки нередко проникали дальше на запад. Так, в 1030 году их отряды дошли до восточных фем Византийской империи в Малой Азии, где разбили несколько византийских отрядов, взяли пленных и военную добычу. Рейд возглавил один из сельджукских предводителей Чагры-бек Дауд, который по возвращении предложил своему брату Тогрул-беку «обосноваться» на Южном Кавказе. По его словам, «там нет кого-либо, способного оказать нам сопротивление». В 1037 году сельджуки вновь, как и до того, разгромили несколько византийских отрядов.

Так было положено начало многолетним сельджукским рейдам на запад, вылившимся позднее в завоевания и установление власти великих султанов Сельджукидов как на Кавказе, так и в Передней Азии.

Положение Кавказа было усугублено экспансионистской политикой Византии, войска которой неоднократно вторгались в регион. Вместе с византийскими войсками сюда шли христианские миссионеры. Благодаря этим последним, часть аланов Северного Кавказа приняла христианство.

Грузия также испытала на себе византийское давление и зависимость. Так, население западно-грузинских земель, находившихся в составе Византии, было обязано содержать 50-тысячное войско против вторжений в империю с Кавказа, в частности против армий Раввадидского и Шаддадидского эмиратов Азербайджана и Аланского царства.

Вместе с тем, уже тогда Византийская империя пыталась создать для себя «зону безопасности» на своих восточных границах от участвовавших рейдов огузов и сельджуков. Тем не менее, она не смогла организовать надёжный заслон против начавшейся вскоре планомерной сельджукской экспансии из Центральной Азии на Кавказ и в Малую Азию, то есть в зону византийских владений и интересов. Более того, именно Византийская империя ослабила в военном отношении местные государства, и, не начнись сельджукское движение на запад, она успела бы полностью осуществить свои захватнические планы в отношении Кавказа.

Но уже вскоре наиболее реальной опасностью для Передней Азии, в том числе для самой Византии, стали сельджуки. Тем не менее усматривать причину бедствий, выпавших

на долю Кавказа в первой половине XI века, лишь в огузских, сельджукских, византийских и иных рейдах и нашествиях неверно.

Политическая раздробленность и рост центробежных сил в местных государствах, междоусобные войны, — все эти процессы в немалой степени способствовали их ослаблению. Крупным внешнеполитическим потрясениям, как правило, предшествуют внутренние коллизии. Преимущественно, благодаря этому, страны оказывались беззащитными и изнутри «подготовленными» к завоеванию. Подобное могло иметь место лишь в условиях, созданных не внешними силами, а, в первую очередь, теми внутренними неурядицами, которые перед началом сельджукского нашествия были характерны как для Кавказа, так и для самой Византийской империи, вообще для Передней Азии в целом.

История Кавказа первой половины XI века подтверждает справедливость этого тезиса. Можно сказать, что регион перед началом сельджукского завоевания переживал потрясения в области социальной, экономической, политической и военной. Реальной внутренней консолидации в местных этно-политических структурах не было, что, наряду с другими факторами, весьма осложняло их сопротивление внешней опасности.

2.3. Кавказ и сельджукское завоевательное движение: вторая половина XI века

В течение 1035–1040 годов султаны Газневиды с переменным успехом боролись против выходящих из под их контроля сельджуков. Ситуацию усугубляли выступления местного населения, а также антигазневидская политика хорасанской знати, соседних государств и Арабского халифата. Вот почему, когда султан Масуд I (1031–1041) потерпел в 1034 году поражение от сельджуков, то был вынужден передать их предводителям — братьям Тогрул-беку и Чагры-беку — на правах икта часть земель в Хорасане. Вскоре сельджуки захватили новые территории Газневидского султаната, а в 1038 году Тогрул-бек провозгласил себя первым великим султаном Сельджукидом (1038–1063).

Так в 1038 году на политической сцене появилось новое обширное, мощное и влиятельное государство — Сельджукская держава (1038–1157) — во главе с династией Сельджукидов и, первоначально, со столицей в Нишапуре.

Через несколько лет произошло знаменательное событие. 25 мая 1040 года в решающей битве при местечке Данданакан, близ города Мерв (ныне Мары, Туркменистан), сельджуки одержали победу над Газневидским султанатом и сделались хозяевами Хорасана. Отныне эта обширная, богатая, стратегически важная область превратилась в ядро Сельджукской державы и домен великих султанов Сельджукидов.

После знаковой победы при Данданакане Сельджукиды обратили оружие против Ирана, Кавказа, Малой Азии. Собственно, с 1040 года начинается сельджукское завоевательное движение на западном направлении. С этого времени, и вплоть до начала монгольского завоевания, сельджуки играли важную роль в судьбах многих народов и государств Востока, в том числе стран Кавказа — Азербайджана, Грузии, Дагестана.

Вместе с тем, после 1040 года началась массовая миграция огузских и ряда других тюркских племён, которые обосновались в Передней Азии, в том числе на Кавказе. Поэтому не случайно, что современник сообщал: «Зиму тюрки проводят в местности от Тифлиса до Барды, где так прекрасно зимой, где всё это время, как весной, высокая трава, где обильный лес и вода, где имеется множество различной дичи и того, что необходимо для любого рода пользования. Там они разбивают свои шатры. Их кони, мулы и верблюды бесчисленны. Весной они поднимаются в горы Сомхети и Арарат. Летом они также находят изобилие трав и источники воды в этих прекрасных местах»⁸.

⁸ Chronique de Michel le Syrien. / Ed. par J.-B. Chabot. Vol. IV. Paris, 1910 (далее — Chronique de Michel le Syrien, 1910). P. 732.

После 1040 года передовые сельджукские отряды стали проникать в районы Халеба, Нисибина, Синджара, Хабура, Амида и Мосула, то есть в восточные (малоазиатские) византийские фемы. Вот почему при Константине IX Мономахе (1042–1055), который прежде пытался завладеть Кавказом, «восточный вопрос», то есть сельджукская опасность, приобрел для Византийской империи первостепенное значение.

Одновременно со столь далекими рейдами сельджуки основное внимание уделяли завоеванию Ирана, Азербайджана, Дагестана и Грузии. При этом они вели наступление сразу на нескольких направлениях, что было возможно главным образом по трем причинам. Во-первых, завоеватели имели мобильное и боеспособное войско, нацеленное на приобретение «жизненного пространства», то есть новых территорий. Во-вторых, сельджуков влекла возможность захвата богатой военной добычи. В-третьих, они встречали разрозненное и слабое сопротивление, так как местные династии и владельцы предпочитали договориться с сельджуками за счёт своих подданных. Поэтому сельджуки могли позволить себе синхронное ведение операций на обширной территории от Ирана до Малой Азии и от Кавказа до Сирии. Их отряды удалялись на большие расстояния от своих баз в Хорасане, не опасаясь быть отрезанными от них.

Среди других особенностей завоевательного процесса стоит отметить известную конфессиональную толерантность сельджуков. Во всяком случае, они были далеки от религиозного изуверства, суждения об их мусульманском фанатизме являются преувеличением⁹. Не случайно восточнохристианские писатели-современники отмечали, что, не в пример византийским императорам, сельджукские султаны в вопросах веры были толерантны.

Не менее характерным было для сельджукидов сохранение на первых порах местных форм управления и взимания податей (то есть административной и фискальной систем). Поэтому, как правило, в захваченных городах и областях у власти оставляли, на определённых условиях, представителей местной знати, а податному сословию даровали временные льготы¹⁰.

Все это облегчало завоевательный процесс, ибо подобными мерами сельджукиды нейтрализовали местных владельцев и обеспечивали спокойствие на завоёванных территориях. С другой стороны, не имея опыта управления, они вынуждены были сохранять (порой временно) местную автономию с обязательством, что она будет им в помощь. Вместе с тем такая практика освоения захваченных земель облегчала завоевательный процесс, позволяя более концентрированно заниматься военными делами, которые во второй половине XI века стояли у сельджукидов на первом плане.

Предоставляя податному сословию и местным владельцам определённые льготы, сельджукиды получали выигрыш в силе, правда, за счёт некоторого снижения поступлений в свою казну. Однако, временный проигрыш в доходах они компенсировали большой военной добычей. Но позднее почти все подати и повинности были восстановлены в прежнем объеме, а затем увеличены, появились новые формы обложения. Однако, это произошло после того, как сельджукиды уничтожили своих главных противников, завершили завоевательный процесс, а, значит, сократилась военная добыча. Но, вместе с тем, возросла потребность в новых, дополнительных, расходах в связи с усложнением и дальнейшей дифференциацией жизни сельджуков в изменившихся условиях и на новых для них местах. То есть с ростом потребностей и вследствие внутренней трансформации общества завоевателей менялась и усложнялась как их административная, так и фискальная политика.

Среди особенностей сельджукского завоевательного процесса следует отметить и его поэтапный характер. Для перманентного продвижения вперед и захвата все новых территорий сил было недостаточно. Поэтому приходилось после завершения очередной военной

кампании производить перегруппировку и накопление сил, создавать новые базы для следующего этапа. Вот почему появились перерывы в продвижении сельджуков из Хорасана на запад, и завоевание Передней Азии, в том числе Кавказа, растянулось на много лет. Одновременно это является свидетельством как тщательной подготовки военных кампаний сельджукидов, так и сопротивления, которое им было оказано.

Халиф ал-Каим Аббасид (1031–1075), обеспокоенный появлением сельджуков в своих владениях, направил во второй половине 40-х годов XI века к великому султану Тогрул-беку специального посланца, доставившего письмо, суть которого сводилась к четырем пунктам: 1) Эмиру (а не султану! Султаном, то есть светским главой мира ислама, считался халиф) Тогрул-беку достаточно тех земель, что он захватил к моменту получения настоящего послания; 2) Глава сельджуков обязан прислушиваться к советам халифа, своего религиозного сюзерена; 3) Тогрул-бек должен быть честен и искренен во взаимоотношениях с Багдадом; 4) Он обязан, согласно многовековому обычаю, как вассал, присылать халифу ежегодную дань с захваченных территорий¹¹.

Подобными паллиативами Багдад пытался ограничить дальнейшее развитие сельджукской экспансии в Передней Азии и подчинить себе её руководителей. Но рекомендации халифа не были приняты, и сельджукские отряды продолжали действовать в Иране и на Южном Кавказе. В итоге, во второй половине 40-х годов XI века южные области Азербайджана стали местопребыванием завоевателей. Отсюда они совершали нападения на остальной Кавказ.

В связи с дальнейшим развитием сельджукской экспансии на западном направлении великий султан Тогрул-бек перенес свою столицу из Нишапура в Рей, то есть на Южный Кавказ, поближе к районам военных действий и расселения сельджуков.

Во главе самостоятельных отрядов стояли малики (члены династии сельджукидов), получившие конкретные задачи и направление движения. Так, Ибрахим Йанал пошёл на ал-Джибаль (район Хамадан-Исфахан), Кутлумьш и Расул-Тегин — на Прикаспийские области, Хасан и Йакути — на северные области Азербайджана. Таким образом, под ударом оказались прикаспийские территории Южного и Северного Кавказа.

Эти отряды успешно выполняли свои задачи, хотя не обходилось без срывов и неудач. Например, Кутлумьш самовольно ушёл в Малую Азию, в византийские пределы, где потерпел поражение. В Сирии он был разбит эмиром халифа Аббасида — турком Басасири. Кутлумьш вернулся на восток, прошел в Азербайджан и пытался компенсировать свои неудачи осадой Гянджи, одного из важнейших средневековых городов Востока. Владелец этого города и глава Арано-Нахчыванского эмирата Шаддадидов Али Лашкари II (1034–1049) склонен был войти в союз с сельджуками, однако городской хаджиб Абу Мансур и городская верхушка обратились за помощью к грузинам и византийцам. Тогда Али Лашкари II бежал. Новым владельцем Гянджи и главой Арано-Нахчыванского эмирата стал Абу-л-Асвар (Шавур I) ибн Фадл (1049–1067). Чтобы обезопасить Гянджу на будущее, он распорядился провести работы по укреплению городских стен, в которых установили несколько новых железных ворот. Поэтому сельджукский эмир Кутлумьш прекратил осаду Гянджи и совершил новый рейд в Малую Азию, в византийские владения.

Ширваншах Кубад (1043–1049), обеспокоенный появлением сельджукских отрядов в своих владениях, обнес в 1045 году столицу Шамаху новой мощной оборонительной стеной из тесаного камня и установил в ней железные ворота.

Тогрул-бек вернул Кутлумьша с Южного Кавказа и отправил вместе с Ибрахимом Йаналом в Малую Азию, где они успешно сражались с византийцами и их союзниками.

В 1048 году теперь уже Ибрахим Йанал объявился на Южном Кавказе. Через Аран он прошел в Грузинское царство, где 18 сентября при Ордро встретился в битве с объединённым

⁹ Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии. // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960. С. 197–210, 214.

¹⁰ Насир-и-Хусрау. Сафар-наме. М., 1933. С. 198.

¹¹ Barhebraei Gregorii. Chronion Syriacum. / Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890 (далее — Barhebraei, 1890). P. 226–228.

войском византийцев и одного из крупнейших грузинских сановников Липарита Эристави, бывшего креатурой Византии. Сельджуки одержали верх, среди захваченных в плен оказался Липарит. Обеспокоенный событиями, Константин IX Мономах собирался, по просьбе грузинского царя Баграта IV (1027–1072), направить на Южный Кавказ 15-тысячное войско. Но вскоре обстоятельства переменились, и Византия ограничилась специальным посольством с богатыми подарками к великому султану Тогрул-беку с тем, чтобы вызволить из плена «своего» человека в Грузинском царстве. Не желавший преждевременной конфронтации с империей, обладавшей ещё достаточным военным потенциалом, Сельджукид удовлетворил просьбу, и в 1051 году «подарил» Липарита императору¹².

К этому же году относятся военные действия главы Арано-Нахчыванского эмирата Шавура I Шаддадида против Грузии. Воспользовавшись акциями сельджуков и военной неудачей Грузинского царства при Ордро, он попытался распространить свою власть вверх по Куру и захватить крепости неподалеку от Тифлиса.

В 1050 году халиф ал-Каим, опасаясь дальнейших осложнений во взаимоотношениях с сельджуками, де-юре признал Тогрул-бека великим султаном и присвоил ему почётный титул «*Рукн ад-Дин*» (столп веры). Тем самым он дал Сельджукиду инвеституру и вручил ему светскую власть над миром ислама. Этим актом Аббасид узаконил в глазах мусульман узурпацию сельджукскими султанами своих светских прерогатив, а также их захватнические войны. Отныне непременной составной частью титулатуры великих Сельджукидов стала формула «*ас-султан ал-азам шаханшах ал-муаззам*» (великий султан, шаханшах высочайший).

К 1054 году сельджуки подчинили себе Иран. С завершением этой крупной и важной военной кампании они получили возможность уделять больше внимания Кавказу, в том числе Азербайджану, где глава Раввадидского государства принес Тогрул-беку вассальную присягу. Утвердившись на Южном Кавказе, великий султан начал серию военных операций против Византии. Во время одного из походов сельджуки, не встретив организованного сопротивления, прошли с разведывательными целями по ряду районов Малой Азии и дошли до Мелитены. Исходный и конечный пункты этого похода находились на Южном Кавказе, который был превращен сельджуками в одну из основных баз для организации военных кампаний и рейдов на Византию и Кавказ.

Таким образом, к середине XI века сложились благоприятные условия для начала масштабных военных операций сельджуков против Византийской империи, Арабского халифата и других переднеазиатских государств. Только после их нейтрализации можно было подчинить Кавказ, на который претендовали как Сельджукская держава, так и Арабский халифат и Византия.

В 1054 году начался очередной этап сельджукского продвижения на запад, и впервые военную кампанию возглавил сам Тогрул-бек. Одной из его задач было укрепление мусульманских владений на Кавказе — Ширванского государства, Шаддадидских эмиратов в Арано-Нахчыване и Дабиле, Джаффаридского эмирата со столицей в Тифлисе и Хашимидского эмирата — со столицей в Дербенде. По пути следования великий султан осадил крепость Манцикерт, контролировавшую две основные дороги с Кавказа в Византийскую империю. Одновременно три крупных сельджукских отряда двинулись в трех направлениях: один на Абхазию, два других — в Малую Азию. По поводу хоронима «Абхазия» к месту отметить, что в Средневековье под ним имелась в виду «Грузия в целом»¹³. Это, скорее всего, следствие того, что современники, во всяком случае, в сельджукский период, оперировали более им

известными хоронимом «Абхазия» и этнонимом «абхазы». Тем более, что хорошо известна роль Абхазии и абхазов в истории Грузии в исследуемое время¹⁴.

Вскоре султан поспешил в Багдад, откуда зывал о помощи халиф. Один из его приближенных — тюркский эмир, могущественный временщик Басасири, — вознамерился примкнуть к конфессиональным и политическим соперникам Аббасидов-суннитов — египетским халифам-шиитам Фатимидам. Мятежник выдворил халифа из его столицы и держал под стражей, а Багдад предал грабежу. Тогрул-бек ликвидировал мятеж, но Аббасиды взамен одних тюрок получили других¹⁵.

Тогда же состоялась первая встреча великого султана Сельджукида Тогрул-бека и халифа Аббасида ал-Каима, то есть светского и конфессионального глав мусульманского мира. Это было одним из важнейших международных дипломатических и военно-политических событий исследуемого периода. Наряду с подтверждением позитивных отношений между султаном и халифом, что имело большое значение для истории Кавказа, Передней Азии и Запада второй половины XI века и следующего столетия, это событие явилось очередным этапом распространения сельджукского владычества. Не случайно современник отметил, что сельджуки — истинные хозяева мира ислама, и «прекратилась из-за них власть [халифа Аббасида] над многими»¹⁶.

Установив личный контакт с халифом в Багдаде и обеспечив себе поддержку тех государств, где Аббасида признавали религиозным сюзереном, Тогрул-бек вновь нацелил своих воинов на Кавказ, Византийскую империю, Сирию, Малую Азию. В апреле 1060 года, на обратном пути после очередного посещения Багдада, он осадил город Табриз. Не добившись успеха, Тогрул-бек ушёл в августе из-под стен этого важного ремесленно-торгового и военно-стратегического центра мусульманского мира и Кавказа, а с наступлением зимы его войско прекратило осаду. Таким образом, в 1060 году Табриз ещё сохранял независимость от сельджуков, хотя владетель города эмир Мамлан II Раввадид (1059–1071) должен был признать великого султана Сельджукида своим сюзереном. На него наложили дань-харадж, часть которой он уплатил, а в счёт остальной суммы отдал в заложники своего сына¹⁷.

Летом 1063 года Тогрул-бек подошёл к значительному и укрепленному городу Азербайджана — Хою, где райсом был шейх Йусуф, и потребовал уплаты 10 000 динаров отступных. Однако шейх отговорился тем, что горожане заняты джихадом и поэтому не могут внести требуемую сумму, так как «войско стоит больших денег». Султану были предложены только 4000 динаров. Направленный в ответ сельджукский отряд потерпел неудачу, и тогда Тогрул-бек послал для переговоров своего союзника — эмира Хузистана Хазараспа ал-Курди и своего сарханг ал-хасса (военачальника) Сав-Тегина. Встреча с райсом не принесла положительного результата, и сельджуки занялись осадой Хоя, а также соседнего Салмаса. После многодневных сражений в сентябре 1063 года Хой запросил аман у руководителя осады сельджукского вазира Амид ал-Мулька. Эмир Хазарасп и Сав-Тегин вошли в город и «простили» его жителей за 30 000 динаров. Через три дня в Хой прибыл сам вазир и велел казнить часть горожан, другим — отрубить руки. Райс города шейх Йусуф и его брат Муса были схвачены.

Управление Хоем решили передать шейху Абу Саиду, который преподнес сельджукскому вазису 20 000 динаров и просил выдать ему его врага шейха Йусуфа. Однако, султан Тогрул-бек рассудил иначе: управление городом поручил Омару ибн Сах-Тегану. Вскоре Тогрул-бек повелел освободить Мусу, а непокорившийся шейх Йусуф окончил свои дни в темнице.

¹² Histoire de la Géorgie. Depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. Ire partie. Traduit par M.-F. Brosset. S.-Petersbourg, 1849 (далее — Histoire de la Géorgie, 1849). P. 323; Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008 (далее — Картлис Цховреба, 2008). С. 157.

¹³ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959 (далее — Анчабадзе, 1959). С. 171–177; Он же. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976 (далее — Анчабадзе, 1976). С. 54–55.

¹⁴ Анчабадзе, 1959. С. 95–158, 175; Анчабадзе, 1976. С. 54–55.

¹⁵ Aksarayi. Musamerat ul-Ahbar ve Musayerat ul-Ahyar. Ankara, 1943. S. 110; Barhebraei, 1890. P. 232.

¹⁶ Anonymi Auctoris. Chronicon ad A. C. 1234 pertinens. Pars posterior. Parisiis, 1916 (далее — Anonymi Auctoris, 1916). P. 46.

¹⁷ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-Тарих. Пер. с арабск. М. Эфенди-заде. Баку, 1959. С. 141.

Впоследствии Муса отомстил за брата: завладев Хоем, убил часть людей великого султана Сельджукида, остальных изгнал, а себя провозгласил раисом этого города.

В такой непростой ситуации Византийская империя лишь беспомощно взирала на почти беспрепятственное продвижение сельджуков на Кавказе и к своим границам, и отвечала паллиативами. Так, императрица Феодора (1042, 1055–1056) старалась задобрить великого султана дорогими подношениями. Её преемник Михаил VI Стратиотик (1056–1057) не нашёл более действенного средства против чинимых сельджуками опустошений, чем эвакуация населения Черноморского побережья Малой Азии, куда все чаще проходили сельджукские отряды. Несколько позднее ту же политику пассивного сопротивления продолжил Михаил VII Дука (1071–1078)¹⁸.

Урон же, причинённый сельджуками, был немалым. Особенно пострадали сельское хозяйство и крестьяне. Поэтому тягловый скот продавали за бесценок. Пригодный для пахоты бык стоил всего 20 дирхемов, осел — 10. Во многих областях свирепствовали голод и эпидемии болезней, невозможно было достать лечебные снадобья. За один плод граната платили целый динар, столько же стоили две сирийские литры (ок. 5 кг) зерна или вина¹⁹.

Положение городов и их жителей оказалось предпочтительнее: можно было отсидеться за оборонительными стенами, откупиться от сельджуков товарами или денежной суммой. Но, в конечном итоге, выигрыш был невелик, ибо Сельджукиды вели планомерное завоевание, почему рано или поздно наступал также черёд городов.

Правление великого султана Сельджукида Тогрул-бека ознаменовалось ещё одним важным событием. В 1063 году, когда ему исполнилось 70 лет, состоялось его бракосочетание с Саййидой, дочерью халифа ал-Каима, то есть, наряду с военно-политическими связями, между Сельджукидами и Аббасидами были установлены родственные и династические связи. Сведения об этом, как и описание самого бракосочетания, сохранены сирийским автором XIII века Бар Эбреем (см. в Приложениях). Не менее знаменательно, что в честь такого выдающегося события в Багдаде, где состоялся обряд, была отчеканена памятная золотая медаль с изображениями халифа и султана²⁰. Диаметр ее — 47 мм, вес — 23,74 г. На аверсе медали изображен ал-Каим. Круговая надпись по-арабски, почерком куфи: «*ла Илах-и иль Аллах Мухаммад ин Расул Аллах салл Аллаху алейхи ва-с-салам ал-Каим би-эмуллах эмир уль-моминин*» («Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад — Посланец Аллаха. Да благословение ему Аллаха и мир ему! Ал-Каим би-амруллах, глава правоверных»). На реверсе изображён Тогрул-бек, на голове которого характерный для тюрок войлочный головной убор. Круговая надпись по-арабски, почерком куфи: «*Ас-султан ал-муаззам шаханшах рукн ад-дунья ва-д-дин Тогрул-бек. Зарбе би мадинат ас-салам хамсэ ва хамсин ва арба миэ*» («Могущественный султан, шаханшах, столп мира и религии Тогрул-бек. Отчеканено в Мадина ал-Салам [Багдад] в 1063 году»).

В 1063 году вместо скончавшегося Тогрул-бека халиф провозгласил великим султаном Сельджукидом его племянника, сына Чагры-бека Дауда, — Алп-Арслана (1063–1072). При нем было начато систематическое наступление из Ирана на Кавказ, куда вскоре после восшествия на трон Сельджукид совершил свой первый поход. Эта военная кампания преследовала две цели. Во-первых, Алп-Арслан хотел укрепить приграничную зону на Южном Кавказе, главным образом для предупреждения византийского нападения. Во-вторых — упрочить влияние на своих вассалов на Южном Кавказе и на огузские племена, выполнявшие на границе обязанности уджей (пограничных стражей).

Для ударов были избраны три направления. Хаджиб великого султана Сав-Тегин отправился через Азербайджан, вдоль побережья Каспия, к Дербенду. Он вошел в область Мас-

кат, которая являлась составной частью Ширванского государства, и подверг её грабежу. Вскоре Сав-Тегин покинул Каспийское побережье и ушёл в направлении Нахчывана, а оттуда — в Грузию²¹.

Затруднениями Ширванского государства воспользовался эмир Арано-Нахчывана Шавур I Шаддадид, который в течение 1063–1064 годов трижды вторгнулся во владения ширваншахов и уходил с добычей²².

Второй удар сельджуки нанесли через Нахчыван по Грузинскому царству, где в 1064 году Сав-Тегин осадил укрепленный город Ахалкалаки, взял его, разграбил, а защитников перебил. К этому времени следует отнести также захват Рустави, который оказал упорное сопротивление, за что был сожжён. Пытаясь спасти остальные города и провинции государства, Баграт IV принес великому султану вассальную присягу с обязательством уплаты дани-джизьи и отдал ему в жёны свою племянницу²³.

Третий удар пришёлся по восточным фемам Византии. Ещё при Тогрул-беке серия сельджукских походов на западном направлении завершилась захватом ряда византийских территорий в Восточной Анатолии. Теперь назревало падение одного из значительных ремесленно-торговых центров империи — Ани. Этот город стоял на важном стратегическом направлении на Византию. В 1064 году сельджуки осадили его. При помощи баллист была разрушена одна из городских башен, и 16 августа того же года осаждавшие по мосту ворвались в Ани. Ввиду оказанного сопротивления город был разграблен²⁴. За эту операцию халиф Аббасид ал-Каим пожаловал Алп-Арслану лакаб (почётное прозвание) «*Абу-л-фатх*» (отец победы).

Падение одного из важнейших военно-стратегических узлов обороны Византии в Малой Азии, каким являлся город Ани, открыло перед сельджуками оперативный простор. Теперь они могли более целенаправленно и планомерно готовиться к решающему сражению с главным соперником в битве за Кавказ и Малую Азию — с Византийской империей. С этой целью Ани был превращён в основную базу для подготовки решительных военных акций против Византии.

Впоследствии, когда империя потерпела эпохальное сокрушительное поражение от сельджуков при Манцикерте 26 августа 1071 года и перестала существовать как организованный противник, Ани потерял для Сельджукидов своё значение. Уже в следующем году он был уступлен «за узорчатые ткани» их союзникам — эмирам Шаддадидам Арано-Нахчывана. Так появилась третья — анийская — ветвь Шаддадидов, которая владела городом и тяготевшей к нему областью до конца XII века. Эта символическая «продажа» Ани не преследовала меркантильных целей, а была политическим актом, в результате которого сельджуки укрепили свои связи с Шаддадидами и обеспечили себе безопасность со стороны Южного Кавказа.

Территориальный рост владений Шаддадидов является свидетельством роли и значения этих эмиров как для Сельджукидов, так и для истории Кавказа. Во второй половине XI века существовали три Шаддадидских эмирата — Арано-Нахчыванский, Дабильский и Анийский. Вместе они составили единое Шаддадидское федеративное государство. Тогда Шаддадиды владели значительными землями и городами на Южном Кавказе, в том числе такими важными ремесленно-торговыми и военно-стратегическими центрами, как Гянджа, Нахчыван, Дабиль и Ани.

В ноябре 1064 года Алп-Арслан подошёл к Хою, который летом предыдущего года проявил неповиновение великому султану Тогрул-беку, отказавшись уплатить 10 000 динаров

¹⁸ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 573, 579.

¹⁹ Ibid. P. 583; Barhebraei, 1890. P. 233–234.

²⁰ Walker J. A Unique Medal of the Seljuk Tugrilbeg. // Centennial Publication of the American Numismatic Society. New York, 1958. P. 691–695.

²¹ Минорский, 1963. С. 77–78.

²² Там же. С. 78; Minorsky, 1953. P. 20–21, 24.

²³ Картлис Цховреба, 2008. С. 158; Al-Isfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Ustra. Istanbul, 1943 (далее — Al-Isfahani, 1943). P. 31.

²⁴ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 578; Barhebraei, 1890. P. 242.

отступных, за что подвергся наказанию. И в этот раз городские власти, в нарушение традиции, не вышли встретить великого Сельджукида, а ремесленники и торговцы заперли свои лавки и ничего не продавали сельджукским воинам. Последние пожаловались султану Алп-Арслану, и он разрешил силой стать на постой в домах горожан и забирать все, что им понадобится. Начались грабежи и убийства, часть жителей бежала.

Таким образом, ряд городов, в том числе Табриз, Гянджа, Хой, Ани, Ахалкалаки, Рустави, оказал стойкое сопротивление сельджукам. В ответ они принимали карательные меры: непокорный город, как правило, предавали грабежу, облагали контрибуцией, жителей притесняли, местную администрацию заменяли своей военной, то есть вводили режим оккупации.

В 1066 году сельджукские походы на Кавказ были продолжены. Желая избавиться от сельджуков, ширваншах Фарибурз I (1063–1096) одарил их предводителя эмира Кара-Тегина, который после этого покинул пределы Ширванского государства. Но в конце того же года он вновь появился здесь: теперь Кара-Тегин сопровождал мятежный дядя ширваншаха Мамлана, который решил использовать ситуацию к собственной выгоде. Шамаха была осаждена, а столичная округа разорена. Говоря о том, во что превратили сельджуки землю Ширвана, современник цитирует Коран: «Они спрашивают тебя о горах; скажи: „Развеет их мой Господь прахом и оставит их пустой долиной; не увидишь ты там ни кривизны, ни высоты!“»²⁵. Затем Кара-Тегин направился к Баку, где также занялся опустошениями, но вскоре вновь покинул пределы Ширванского государства.

В 1067 году Кара-Тегин опять вторгся в Ширванское государство и прошелся по прикаспийским владениям ширваншахов от Баку до Шабрана, где стал лагерем. Отсюда его воины предприняли ряд рейдов на селения, забирая имущество и жителей и сжигая дома. Так они дошли до Маската, где паслись конские табуны ширваншаха, и угнали их. Вскоре Кара-Тегин опять осадил Шамаху. Положение города было осложнено тем, что на помощь осаждавшим подошло подкрепление в 2000 всадников во главе с хаджибом великого султана Сельджукида.

Осада была упорной, но еще раз доказала неприступность ширванской столицы. Тогда сельджукские предводители пошли на хитрость. Глава вновь прибывшего отряда притворно арестовал Кара-Тегина и дядю ширваншаха, а Фарибурзу I передал через посланца: «Султан прислал нас тебе в помощь, и для твоего избавления от Кара-Тегина». Ему предложили выйти в поле, чтобы получить «арестованных» из рук в руки. Но ширваншах разгадал эту нехитрую уловку, и сельджуки были вынуждены продолжать бесперспективную осаду.

Вскоре ширваншах сам предпринял ряд закулисных маневров с тем, чтобы освободиться от сельджукского давления. В феврале 1067 года он тайно переслал хаджибу великого султана, прибывшему под Шамаху, 6000 динаров, в обмен на которые хотел заполучить своего мятежного дядю. Хаджиб принял взятку и устроил так, что Мамлана наскочил на засаду, устроенную людьми Фабрибурза I, которые его тут же прикончили, а тело доставили в Шамаху. Убедившись в действительности своего золота, ширваншах предал земле останки мятежного родственника. Лишенные союзника, знавшего сильные и слабые стороны противника, сельджуки сняли осаду и отступили на юг, за Куру²⁶.

Затруднениями Ширванского государства решил воспользоваться владетель Казвина эмир Эль-Басан, который брался за ежегодное вознаграждение в 30 000 динаров оберегать владения Фарибурза I от сельджуков. Но дальновидный ширваншах избрал более надёжный путь: он породнился с эмиром Кара-Тегиним, отдав за него свою двоюродную сестру. Таким путём Ширванскому государству удалось не только уцелеть, но и еще раз избежать подчинения великим султанам Сельджукидам.

Внешнеполитическая деятельность ширван-шаха Фарибурза I свидетельствует, что во главе этого азербайджанского государства стоял тонкий политик и дальновидный дипломат, который верно оценивал ситуацию. Он смог справиться с критическим положением, решительными действиями обуздал своих мятежных родственников, нейтрализовал сельджуков и сохранил владения и независимость.

В конце того же 1067 года на Южном Кавказе вновь появился великий султан Алп-Арслан. К нему прибыл с подарками ширваншах и сопровождал в военной кампании 1068 года. Истощенное предыдущими рейдами и походами сельджуков, а также мятежами, Ширванское государство не имело сил, достаточных для сопротивления. Таким образом, к этому времени можно приурочить признание ширваншахами над собой сюзеренитета великих султанов Сельджукидов.

В январе 1068 года султан Алп-Арслан подошёл к Гяндже, и глава Арано-Нахчыванского эмирата Фадл II Шаддадид (1067–1073) подтвердил сюзеренитет великого Сельджукида над собой, преподнес ему 1000 верблюдов, 50 коней, 500 различных подарков, отделанных золотом и серебром. Среди подношений более всего поражала изготовленная местными ювелирами модель фруктового сада: его деревья были имитированы из золота, плоды на них — из гиацинтов и других драгоценных камней. Модель весила 5000 мискалей, то есть более 20 кг²⁷.

Отсюда великий султан послал к Дербенду своего военачальника Сав-Тегина, который завладел этим важным военно-стратегическим и ремесленно-торговым центром. Однако он вскоре покинул этот город, который вошел в состав владений ширваншаха Фарибурза I. Второй раз сельджуки завладели Дербендом в 1069 году. Но уже вскоре захватчики вновь ушли отсюда, и город опять оказался у ширваншаха.

Одновременно с этими событиями Алп-Арслан совершил второй поход в Грузию, куда прошел через Аран. Вначале он с войском подошёл к Тифлису. Владетели этого важного торгового-ремесленного города и военно-стратегического центра — эмиры Джаффарида — открыли городские ворота, принесли вассальную присягу великому султану, признали его сюзеренитет и обязались платить ему дань-харадж. А «царь Кахетии [Ахсартан I, 1058–1084 годы], — как пишет грузинский источник, — покинул веру и сотворил обрезание»²⁸, то есть принял ислам. Но царь Картли Баграт IV пытался организовать сопротивление, однако в решающем сражении грузинское войско потерпело поражение. Алп-Арслан завладел рядом ключевых крепостей в Картли и Аргвети. Перезимовав в Картли, весной он ушёл через Гянджу и Барду в Хорасан. Своим атабеком (наместником) в Тифлисе и Рустави султан Алп-Арслан назначил Фадла II Шаддадида²⁹.

Следует отметить, что в XI веке великие султаны Сельджукиды поддерживали на Кавказе позитивные контакты только с Шаддадидским эмиратом, главы которого являлись единственной опорой и проводниками сельджукской политики в регионе. Шаддадида наиболее упорно противостояли византийским поползновениям на Кавказе, чем объективно помогли Сельджукидам в их продвижении на запад. Вот почему султаны назначили своими атабеками в Тифлисе и Рустави Шаддадидов и им же уступили Ани. Вот почему в период сельджукского завоевания Кавказа только эти эмиры, с молчаливого согласия султанов, имели возможность беспрепятственно расширять свои владения, совершать рейды в Ширванское и Грузинское государства. Поэтому на исходе XI века Шаддадида находились в зените своей военно-политической деятельности, а их владения превратились в одно из зна-

²⁵ Коран / Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М., 1986. XX: 105–106.

²⁶ Минорский, 1963. С. 58–59.

²⁷ Минорский, 1963. С. 55.

²⁸ Картлис Цховреба, 2008. С. 183; Histoire de la Géorgie, 1849. P. 331–335.

²⁹ Sadruddin Ebu'l-Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali al-Husayni. Ahbar ud-Devlet is-Selçükiyye. Ankara, 1943 (далее — Sadruddin, 1943). S. 24–26, 30–32.

чительных государств Кавказа. Благоволение Сельджукидов к Шаддадидам, возможно, объясняется не только их помощью завоевателям, но также тем, что они владели на Кавказе важными торгово-транзитными и военно-стратегическими путями, в частности Гянджой, Нахчываном, Ани, Дабилем. В свою очередь, в альянсе с сельджуками кроется одна из причин активной роли эмиров Шаддадидов в истории Кавказа.

Пока великий султан Сельджукид Алп-Арслан был занят подчинением Грузинского царства, ширваншах Фарибурз I присоединил к своим владениям ряд соседних территорий. Так, в 1068 году он завладел Дербендом и его областью Баб ал-абвабом, которыми стал управлять его сын Афридун. К концу царствования Фарибурз I установил сюзернитет над Араном и Муганом, как «владениями присяги», а также над Байлаканом и Гянджой, укрепил своё влияние в Южном Дагестане. Хотя ширваншах считался вассалом Сельджукидов, как и другие государи Кавказа, он сумел сохранить в этот период свои основные владения, и сельджукские правители, несомненно, считались с его авторитетом.

Во второй половине XI века Сельджукиды подчинили себе на Кавказе ещё ряд территорий, в том числе азербайджанские области Зангезур, Арцах, Ути. На исходе 1071 года Алп-Арслан назначил эмира Йагму своим атабеком в области Баб ал-абваб, то есть в Южном Дагестане. Афридун, сын ширваншаха, не взирая на султанский указ, отказался передать сельджукам область и город Дербенд, которые отец поручил его управлению. Эмир Йагма обратился за содействием к самому Фарибурзу I, и с начала 1072 года Дербенд и его область отошли к Сельджукидам³⁰.

Вновь появившись на Северном Кавказе, дальше Дербенда сельджуки не прошли. Возможно, это связано с тем, что для их образа жизни больше подходили равнины Южного Кавказа, нежели гористые области Дагестана. К тому же, сельджукская экспансия шла преимущественно по дуге Туркменистан — Хорасан — Иран — Южный Кавказ — Малая Азия — Сирия. Во всяком случае, ни один письменный или эпиграфический источник не свидетельствует о пребывании сельджуков севернее Дербендской стены.

Это также подтверждает вывод, что главная линия сельджукского завоевания и миграционного движения шла по вектору Восток — Запад. К тому же, о землях, лежащих на запад от Центральной Азии, сельджукским предводителям было известно гораздо больше, нежели о Северном Кавказе. Да и общеизвестные маршруты со времен гуннов шли именно в западном меридианальном направлении. Так оставалось и впоследствии: именно с Востока на Запад пролегал генеральный маршрут Великого шелкового пути. По нему шли завоеватели и товары, миссионеры и культуртрегеры, странники и путешественники, паломники и караваны. Таким образом, на Северном Кавказе сравнительно много сельджуков было лишь в самом Дербенде и его области. Причем здесь они держали военный пограничный заслон (уджей) против наездников из-за Дербендской стены. Отметим также, что, насколько известно, лишь в округе Дербенда сохранились средневековые кладбища, которые народная молва связывает с огузами и именуется эти некрополи «огузскими».

Вместе с тем военные кампании Сельджукидов на Кавказе были только составной частью генерального плана поэтапного завоевания ими Центральной и Передней Азии. Захват Кавказского региона был продиктован его военно-стратегическим и торгово-экономическим значением. Вот почему он стал одним из главных объектов завоевания, и сельджуки готовились к нему основательно и планомерно.

В связи с сельджуками и Кавказом, надо обратить внимание также на следующее. Завоевание Сельджукидами немусульманских территорий в Кавказском регионе, проходившее под лозунгом джихада, имело определённые экономические, военные и политические

цели. Наиболее важной среди них была военная. Это, во-первых, необходимость ликвидации антисельджукского и антимусульманского христианского элемента — Грузии и подерживавшей её Византийской империи. Во-вторых, опираясь на местные мусульманские государства, важность укрепления своего тыла в борьбе с единственным опасным противником на Кавказе и в Малой Азии — той же Византией. Поэтому состоялась серия сельджукских походов на Южный Кавказ, которые одновременно являлись частью военной кампании по захвату Кавказского региона и выходу в Малую Азию. По той же причине в 1064 году был завоёван город Ани, превращенный в основную базу по подготовке решающей схватки на поле боя с Византией. Не случайно, что именно после этого года участились рейды и походы сельджуков в византийские пределы. Поэтому окончательное подчинение Кавказа Сельджукидами было временно отложено.

Не будучи достаточно подготовленным к ответным мерам, византийский император Роман IV Диоген (1068–1071), одержавший до того локальные успехи над отдельными сельджукскими отрядами, решил выступить в поход против великого султана Алп-Арслана. Его конечной целью был захват Азербайджана. Басилевс намеревался, во-первых, остановить продвижение сельджуков на западном направлении; во-вторых, дойдя до Южного Кавказа, лишить их важнейших стратегических военных баз; в-третьих, оказать помощь единовсерному Грузинскому царству; в-четвёртых, восстановить византийское влияние в Кавказском регионе. Таким образом, намерения империи в отношении Кавказа не отличались от целей Сельджукидов: обе эти силы хотели подчинить его, каждая — себе.

Византийская армия дошла до Манцикерта, в восточной части Малой Азии, где 26 августа 1071 года сельджуки нанесли решающий удар по военной машине империи. Роман IV Диоген потерпел катастрофическое поражение и попал в плен. Алп-Арслан продел в оба уха плененного басилевса кольца, давая тем самым понять, что «повелитель ромеев» отныне является рабом султана. Византия была обязана ежедневной данью-джизьей в 1000 динаров. Затем императора отпустили, а Алп-Арслан ушёл на отдых в Марагу³¹.

Манцикерт стал одним из этапных событий не только для самих сельджуков, для Византийской империи, вообще для Центральной и Передней Азии, но и в мировой истории Средневековья. Исход сражения 26 августа 1071 года оказал влияние на судьбы как Востока, так и Запада. Для сельджуков эта победа имела гораздо большее значение, чем Данданакан. Одним из ближайших последствий явился передел Сельджукидами политической карты Центральной Евразии, после чего уже не существовало достаточно серьёзных препятствий для их дальнейшей экспансии. Сельджуки превратились в единоличных владетелей обширных территорий от Центральной Азии на востоке до Средиземного моря на западе и от Кавказа на севере до Персидского залива на юге. На десятилетия вперед был решен вопрос о доминирующей геополитической силе и системе в Евразии, в том числе на Кавказе.

После Алп-Арслана великим султаном стал его сын Малик-шах (1072–1092), правление которого совпало с апогеем военно-политического могущества Сельджукской державы: она достигла тогда максимальных своих размеров. С именем Малик-шаха связан ряд важных событий в истории многих стран. Одной из первых акций нового султана была военная кампания для укрепления сельджукского присутствия в Азербайджане и обеспечения безопасности северных рубежей этой страны и путей на Кавказе.

В 1074 году в Ширванском государстве появился сельджукский эмир Аргар ибн Буга, которому ширваншах Фарибурз I преподнес подарки и деньги, но затем заточил его в темни-

³⁰ Минорский, 1963. С. 61–62, 79.

³¹ Византийские историки. СПб., 1858. С. 37–39; *Anonymi Auctoris*, 1916. P. 46–47; *Chronique de Michel le Syrien*, 1910. P. 577–579; *Barhebraei*, 1890. P. 246–249; *Ravendi. Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur*. I–II Cilt. Çeviren A. Ateş. Ankara, 1957–1960. S. 117; *Selcukname. Anadolu Selcuklulari Devleti Tarihi*. III. Cilt. Ankara, 1952. (далее — *Selcukname*, 1952). S. 80.

цу. Вскоре ширваншах был вынужден освободить пленника, которого пытался задобрить новыми подношениями. Но Аргар ибн Буга в 1075 году предал Ширванское государство разграблению. Однако, опасаясь восстания местного населения против сельджуков, Малик-шах приказал вернуть награбленное. Вероятно, к этому времени относится взыскание с ширваншаха контрибуции в 70 000 динаров в качестве компенсации за попытку Фарибурза I избавиться от сельджуков. Тогда же, возможно, было установлено, что ширваншахи обязаны отправлять Сельджукидам ежегодную дань-харадж в 40 000 динаров в качестве платы за инвестицию³². Насколько Ширванское государство исполняло это условие, установить трудно, так как доступные источники об этом не сообщают.

Фарибурз I правил в трудное для Азербайджана, как и для остального Кавказа, время, когда Сельджукиды окончательно подчинили себе Кавказский регион. Вместе с тем это были годы территориального роста и усиления Ширванского государства, которое к началу XII века вступило в полосу очередного подъёма и расцвета, а затем перестало признавать сюзеренитет великих султанов.

Что касается Шаддаидов, то к исходу XI века они изжили себя как активная военно-политическая сила. Надобность для сельджуков в них отпала. Поэтому главное владение Шаддаидов — Арано-Нахчыванский эмират — в 1075 году было ликвидировано и превращено в сельджукское атабекство (наместничество). Его земли передали в управление сельджукскому малику Мухаммаду ибн Малик-шаху. Он избрал своей резиденцией Гянджу, где установил личные контакты с местными владельцами. Это сыграло свою роль в дальнейшей истории как Азербайджана, так и остального Кавказа и Иракского сельджукского султана. Впоследствии же, после ослабления власти сельджуков, Аран одно время входил в состав Ширванского государства.

Следующим объектом сельджуков стало Грузинское царство, где они захватили крепость Самшвилде, сожгли Кутаиси, разгромили и разграбили ряд других городов, крепостей и монастырей. Об этих событиях очень подробно сообщает автор «Жизнеописания царя царей Давида», рассказавший о сельджукском господстве в Грузии, которое запомнилось как «великая туретчина» (по-грузински — *диди туркоба*). Поэтому грузинский царь Георгий II (1072–1089) вынужден был отправиться к Малик-шаху в Исфахан, подтвердить его сюзеренитет над собой и обязательство выплачивать ежегодную дань-джизью в обмен на инвестицию³³.

Таким образом, окончательное завоевание Южного Кавказа и установление здесь временного владычества Сельджукидов относятся к рубежу 70–80-х годов XI века. Экономические, социальные, политические и иные последствия этого важного события в истории кавказских стран и народов могут быть отмечены с достаточной ясностью. Произошло тесное переплетение их судеб с Сельджукской державой, а через неё с Центральной и Передней Азией. В результате, Южный Кавказ оказался в геополитической системе Евразии XI–XII веков. Это во многом отразилось на его этнической и конфессиональной, языковой и социальной, политической и экономической, культурной истории.

После окончательного завоевания Южного Кавказа и установления здесь временного владычества Сельджукидов здесь остались только два значительных местных государства — Ширванское и Грузинское.

Такова была ситуация на Южном Кавказе. Что касается Северного Кавказа, то во второй половине XI века северокавказские степи захватили кипчаки. К концу того же века они иг-

рали здесь активную военную и политическую роль³⁴. Кипчаки заняли обширную территорию от Нижнего Дона до города Дербенда, а затем стали интенсивно проникать на Южный Кавказ. Вплоть до монгольского нашествия Дербенд оставался одним из крупнейших ремесленных, торгово-транзитных, экономических, политико-административных, центров Кавказа. Более двух веков он являлся столицей Хашимидского эмирата. В 1068 году город и прилегающие к нему земли попали в зависимость от Ширванского государства, но уже вскоре были захвачены сельджуками³⁵. В итоге, Дербенд и его область Баб ал-абваб стали северной границей сельджукских владений на Кавказе.

2.4. Дробление Сельджукской державы. Укрепление местных государств

Сельджукская держава была военно-политическим конгломератом с относительно слабыми внутривнутриэкономическими связями, с этнически и конфессионально разнородным населением. Отдельные её части находились на разных уровнях социально-экономического и культурного развития. К тому же, у сельджуков изначально доминировал принцип уделов, переданных в кормление отдельным членам династии Сельджукидов. Все это накладывало отпечаток на жизнь государства, в состав которого входили обширные территории Центральной и Передней Азии. Вот почему сильное войско и администрация, личные достоинства султанов и их вазиров в немалой степени оставались определяющими факторами жизнеспособности огромной и мощной Сельджукской державы.

Однако, вместе с тем, степные народы характеризует также не только их мобильность и военно-политическая активность, но, одновременно, и нестабильность их расселения и политической организации. Поэтому не случайно, что после 1092 года, когда от руки исмаилитов погибли последний сильный представитель династии великих султанов Сельджукидов Малик-шах и его вазир, выдающийся государственный деятель Низам ал-Мульк, возросли центробежные силы, которые привели к фактическому дроблению формально единой Сельджукской державы. Большую роль в этом сыграли, во-первых, принцип уделов; во-вторых, деятельность Ширванского и Грузинского государств, как и других политических единиц в Центральной и Передней Азии. Тогда, на рубеже XI–XII веков, Ширванское и Грузинское государства восстановили свою независимость, вновь получили возможность вести самостоятельную внешнюю политику.

В результате, на политической карте Центральной и Передней Азии вместо единой Сельджукской державы появился ряд сельджукских султанатов и владетельных эмиратов со своими династиями, номинально считавшимися вассалами великих султанов Сельджукидов.

Теперь, в XII веке, судьба народов и стран Кавказа была связана с Иракским и Конийским сельджукскими султанатами. Но в гораздо большей степени история Кавказского региона переплелась в том столетии с Азербайджанским султанатом Ильденизидов (1160–1225).

Что касается событий в Сельджукской державе после 1092 года, то, по настоянию вдовы Малик-шаха Туркан-хатун, преподнесшей халифу ал-Муктади Аббасиду (1075–1094) 100 000 динаров, великим султаном Сельджукидом провозгласили её пятилетнего сына Махмуда (1092–1094). Часть эмиров поддержала его, но другие приняли сторону Бёркийарука, сына Малик-шаха от другой жены, которому Багдад также дал инвестицию. Так впервые в истории Сельджукидов одновременно появились два великих султана, обладавших равными правами: известен золотой динар, битый в 1093 году от имени сводных братьев-соправителей³⁶. Но уже в следующем году двоевластие кончилось, ибо Махмуд и его мать «неожиданно» скончались.

³² Al-Isfahani, 1943. S.133; Sadruddin, 1943. S. 50; Минорский, 1963. С. 63; Minorsky, 1953. P. 5, 24.

³³ Жордания Ф. Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903. С. 9; Жизнеописание царя царей Давида (Историк Давида). Сведения об Азербайджане и тюрках-сельджуках / Перевод с древнегруз., введение, комментарии и примечания Ю. М. Насибова. // Средневековый Восток. История и культура. Баку, 1990. С. 127–128, 133; Картлис Цховреба, 2008. С. 181, 182; Histoire de la Géorgie, 1849. P. 343, 345–347.

³⁴ Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 115–116.

³⁵ Бартольд В. В. Дербенд. // Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 426; Минорский, 1963. С. 61–63, 184–187.

³⁶ Longperier A., de. Note sur un Dinar de Barkiaroc. // JA. IV ser. T. IV. Paris, 1845.

Единоличное правление Бёркийарука (1094–1104) было беспокойным и смутным. В 1094–1095 годы подняли мятеж его дяди — эмиры Текиш и Тутуш. В 1095 году на него покушались исмаилиты. Вскоре великий султан попал в руки своих врагов, хотевших его ослепить, но счастливый случай помог ему избежать и этой опасности. В 1096 году поднял мятеж дядя султана Арслан-Аргу, а три года спустя взбунтовалась опора трона — султанская гвардия. Более того, в 1100 году ещё один сын Малик-шаха заявил о своих правах на трон. Это был малик Мухаммад, отправленный в своё время отцом управлять Араном и Нахчываном. Халиф и ему дал инвеституру. Мухаммад, поддержанный частью азербайджанских эмиров, сумел захватить столицу Сельджукской державы — Исфакан. Так во второй раз возникло двоевластие.

Бёркийаруку удалось вернуть Исфакан, а когда в 1102 году Мухаммад повторил нападение на столицу и объявил своего сводного брата низложенным, часть эмиров помогла «законному» султану разбить соперника около Дабилы. Мухаммад ушёл в Ани, а оттуда вернулся в Аран, в свою резиденцию Гянджу. Вскоре братья встретились в сражении у Рея, Мухаммад был разбит и вновь бежал в Азербайджан. Борьба между Бёркийаруком и Мухаммадом продолжалась до 1104 года и завершилась соглашением, по которому претендент получил в управление Сирию, области по Евфрату и Южный Кавказ. Иными словами, Бёркийарук признал Мухаммада своим соправителем. Оба они считались равноправными великими султанами, и имя одного не поминалось в хутбе во владениях другого³⁷.

Так произошел официальный раздел Сельджукской державы, что имело важное значение для судеб Кавказа: возникший в 1118 году Иракский султанат Сельджукидов включал те территории, что достались Мухаммаду по соглашению 1104 года.

В борьбе за власть между двумя представителями главной ветви Сельджукидов обращает на себя внимание следующее важное обстоятельство. Хотя Мухаммад потерпел ряд поражений в борьбе за трон великого султана, и Бёркийарук, казалось, мог принять против него крутые меры, он не пошёл на это. Такая «мягкотелость» Бёркийарука объясняется двумя причинами. Во-первых, за Мухаммадом стоял халиф, давший ему инвеституру и объявивший его в Багдаде великим султаном. Во-вторых, как религиозный сюзерен, он мог в любую минуту освободить вассалов Бёркийарука от присяги, то есть разрешить им войну против законного султана. В-третьих, двоевластие в Сельджукской державе было на руку Аббасидам, которые любыми способами стремились ослабить султанов и восстановить своё былое значение и расширить собственные владения. В-четвёртых, на стороне Мухаммада находились эмиры Азербайджана, которые составляли влиятельную силу. Они знали его как правителя Гянджи и поддержали «своего» претендента на трон Сельджукидов, надеясь, в случае успеха, получить определённые выгоды.

Таким образом, с начала XII века часть эмиров Азербайджана оказалась в гуще военно-политических событий, которые оказали влияние на историю как Кавказа, так и других регионов. Их участие и роль нарастали во времени, достигнув апогея в период Азербайджанского султаната Ильденизидов.

На рубеже XI–XII веков ещё один внешнеполитический фактор сказался на истории Кавказа и сельджуков. В 1096 году начались крестовые походы западно-европейского рыцарства и католической церкви на Восток. Они, в известной степени, были военно-политической реакцией Запада на успехи сельджуков в борьбе против Византии, особенно после знаменитого сражения при Манцикерте 26 августа 1071 года. Первый крестовый поход (1096–1099) завершился созданием ряда государств крестоносцев на мусульманском Ближнем Востоке и временным спадом сельджукской экспансии. Но уже к середине XII века Конийский султанат

³⁷ Al-Isfahani, 1943. S. 88–89; Sadruddin, 1943. S. 53–54; Selcukname, 1952. S. 13–14.

Сельджукидов, эмират Данишмендидов и другие тюркские и арабские государства в Передней Азии превратились в непреодолимый для крестоносцев барьер. Сравнительно быстро наступило равновесие сил, а затем влияние западных пришельцев на развитие сельджукской и вообще мусульманской экспансии было сведено на нет. В дальнейшем крестоносцы добивались только тактических успехов, а несколько десятилетий спустя, их государства были ликвидированы.

В целом, конечно, крестовые походы заметно отразились на взаимоотношениях мусульманского и восточно-христианского миров: появление на Востоке «освободителей гроба Господня» послужило, в первую очередь, сдерживающим фактором. Не раз весть о выступлении «франков», как называли мусульмане крестоносцев, пресекала поползновения тюркских и арабских правителей.

Что касается самих крестоносцев, то они быстро забыли о цели, ради которой шли на Восток, и превратились в обычных кондотьеров, служивших тем, кто хорошо заплатит. Поэтому реакция восточных христиан на появление своих западных «единоверцев-освободителей» была отрицательной. Византийская империя, надеявшаяся с их помощью ликвидировать для себя сельджукскую опасность, была разочарована, а в 1204 году вообще временно пала от рук участников Четвертого крестового похода (1202–1204).

От крестовых походов выиграла Грузия, царь которой Давид IV Строитель (1089–1125) «прекратил платить харадж султану, и тюрки не могли отныне зимовать в Картли»³⁸.

³⁸ Картлис Цховреба, 2008. С. 185; Histoire de la Géorgie, 1849. P. 352.

Глава III. Политическая история Кавказа в XII веке

3.1. Вводные положения

Начиная с 80-х годов XI века, история Кавказского региона оказалась на многие десятилетия связана с сельджуками. Особенно чётко и всесторонне это проявилось в XII веке, хотя Сельджукская держава уже не представляла собой единую политическую структуру, а местные государства фактически обрели самостоятельность.

3.2. Кавказ и Иракский султанат Сельджукидов: первая половина XII века

В 1104 году Бёркийарук назвал наследником трона великих султанов Сельджукидов своего четырехлетнего сына Малик-шаха II и отправил его за инвеститурой в Багдад. В том же году он скончался, а в январе 1105 года сводный брат и соправитель Бёркийарука Мухаммад низложил своего малолетнего племянника-соправителя и стал единоличным великим султаном (1105–1118).

Одной из особенностей его правления было дальнейшее дробление Сельджукской державы, слишком обширной и неуправляемой для эпигонов Малик-шаха I. Поэтому было закономерным, что Мухаммад отдал в удел своему сыну малику Махмуду те земли, которые достались ему по соглашению 1104 года с Бёркийаруком. После же кончины великого султана Сельджукида Мухаммада в 1118 году, когда трон занял последний представитель главной ветви дома Сельджука — Санджар (1118–1157), — Махмуд провозгласил себя султаном на полученных от отца территориях.

Так в 1118 году появилось новое сельджукское государство — Иракский султанат — со своей династией Сельджукидов и со столицей в азербайджанском городе Хамадан. В его состав входили Ирак-и-Аджам (по которому известен султанат), Азербайджан, Грузия, Фарс и ряд других территорий. Первым султаном стал Махмуд (1118–1131), сын великого Сельджукида Мухаммада, то есть прямой потомок представителя главной ветви дома Сельджука. Однако, Иракский султанат сыграл заметную роль в истории Кавказа не потому, что во главе его стояли Сельджукиды, быстро утратившие реальную власть. Эта роль связана с тем, что его фактическими главами являлись атабеки Азербайджана Ильденизиды.

К месту отметить, что после 1157 года, когда скончался последний великий султан Санджар, Сельджукская держава прекратила своё формальное существование. Поэтому иракские Сельджукиды, как прямые преемники Санджара и потомки его предшественника Мухаммада, выступили в роли собирателей земель, когда-либо принадлежавших роду Сельджука. Тем самым они заявили о своих правах на наследство великих султанов, на роль сюзеренов тех, кто прежде признавал себя вассалами Сельджукской державы, а также на то, чтобы теперь их имя было включено в багдадскую хутбу.

Заметную роль в этих притязаниях иракских Сельджукидов, как и вообще в судьбе Иракского султаната, сыграли азербайджанские эмиры. В немалой степени это связано со значением Азербайджана в системе сельджукских государств XI–XII веков. Он был форпостом и военно-стратегической зоной великих султанов Сельджукидов на Кавказе. В связи с этим сложилась традиция: управление Азербайджаном доверяли тем, чьи заслуги и преданность сельджукскому трону хотели отметить особо. А тот, кому поручали эту страну, обычно пользовался предпочтительным правом на занятие высших постов в дворцовом,

военном и государственном аппарате Сельджукидов. Не менее характерным было и то, что в Азербайджан атабеками (наместниками) назначали маликов, то есть членов сельджукских династий, либо приближенных к султанскому трону эмиров.

Традиция не забылась в период Иракского султаната: тот, кто возвышался при дворе иракских правителей, получал в управление Азербайджан и вскоре занимал руководящее положение в этом сельджукском государстве. Вместе с тем теперь, в XII веке, появились «новации»: отныне сами азербайджанские эмиры использовали потенциал Азербайджана в своих интересах, а полномочными их представителями стали как в Иракском султанате, так и за его пределами атабеки Ильденизиды.

Вот почему созданное этими атабеками государство было выразителем интересов местных эмиров и трансформировалось в 1160 году в Азербайджанский султанат, который просуществовал до 1225 года. Таким образом, налицо качественное изменение, которое подтверждает, что в XII веке на Кавказе, в том числе в Азербайджане, сельджукского владычества не существовало. Вот также одно из объяснений того, почему так привлекает история атабеков Ильденизидов и созданного ими государства, почему их судьба интересна и необычна.

История Ильденизидов помогает понять, по какой причине во второй половине XII века судьба Иракского султаната оказалась связана с этими атабеками, то есть с Азербайджаном и его эмирами. Ибо не земли атабеков входили в состав Иракского сельджукского султаната, а он сам стал частью государства Ильденизидов, был включен в созданный ими Азербайджанский султанат, включавший Южный Дагестан, весь Азербайджан и прилегающую часть Иранского географического пространства.

В правление султана Махмуда на Кавказе произошёл ряд значительных военно-политических событий. Для Грузинского царства одним из важнейших стала Дидгорская битва 12 августа 1121 года¹. В том году Махмуд отправил в Грузию военный отряд с тем, чтобы подтвердить свой сюзеренитет над этой страной. Царь Давид IV Строитель заманил сельджуков в дефиле, где, как сообщает современник, «занял за ними проходы и всех уничтожил», но часть их сумела уйти.

В следующем году арабские эмиры Джаффарида открыли перед грузинским царем ворота Тифлиса. Так, после 400-летнего мусульманского владычества этот город стал столицей Грузинского царства. Однако, ещё в течение долгого времени этот ремесленно-торговый, административный и культурный центр оставался на Кавказе важным связующим звеном между христианским и мусульманским мирами. Подтверждение сказанному мы находим в осмотрительной политике Давида IV Строителя. Так, желая сохранить Грузию в тесном иноверном окружении, а свою новую столицу в экономической жизни Передней Азии, этот царь даровал мусульманам Тифлиса аман и простил подати за 1122 год. Они получили также определённые гарантии на основе соглашения. В частности, *во-первых*, в Тифлисе продолжали чеканить дирхемы с именами аббасидского халифа и сельджукского султана на одной стороне, Аллаха и Пророка Мухаммада на другой. *Во-вторых*, дозволили проливать кровь обидчиков мусульман, публичное чтение Корана и намаз, а также упоминание в местной хутбе имён Аббасидов и Сельджукидов. *В-третьих*, по-прежнему было запрещено держать в городе и продавать на его базарах свиней. *В-четвертых*, ежегодная сумма подати с жителей Тифлиса была установлена по принципу: с христианина — 5 динаров, с иудея — 4, с мусульманина — 3 динара. Эти привилегии мусульман Грузинского царства соблюдались не одно десятилетие. Например, его венценосный глава — Дмитрий I (1125–1156) — по пятницам присутствовал в тифлисской соборной мечети на хутбе и службе, а однажды подарил ей 200 золотых динаров².

¹ Месхиа Ш. А. Дидгорская битва. Тбилиси, 1974 (далее — Месхиа, 1974).

² Minorsky V. Caucasia I. // BSOAS. 1951. Vol. XIII/4. P. 29, 33.

К началу XII века Ширванское государство занимало территорию от реки Самур на севере до реки Кура на юге и от Каспийского моря на востоке до линии Шеки-Мингечаур-Гянджа на западе. В течение этого столетия в состав владений ширваншахов вошли также: на севере, в Дагестане, — Дербенд с его областью, Зирихгеран, в области Гумик сидел хаджиб ширваншаха, а «страна лакзов» находилась в союзных отношениях с Ширванским государством, в казну которого отсюда поступали харадж и бадж; южнее Куры — область Гуштасфи; на западе — земли до Закатал и Казаха³.

В правление ширваншаха Афридуна I (1106–1120) продолжалось укрепление антисельджукского союза Ширванского государства с Грузинским царством. В 30-е годы XII века его преемник Минучехр III (1120–1160) отправил с войском на юг своего главнокомандующего Абу Йакуба Йусуфа, который присоединил к Ширвану часть Арана, принадлежавшего Арслан-Апе ал-Ахмадили (1132–1175). При этом ширваншахе возвели нынешние оборонительные стены Баку, на которых сохранилась пышная титулатура глав Ширванского государства: «ал-Малик ал-Му'аззам ал-Алам ал-'Адил ал-Музаффар ал-Мансур ал-Муджахид Фахр ад-Даула ва-д-Дин 'Имад ал-Ислам ва-л-Муслимин Хакан ал-Акбар Ширваншах ал-Кебир» («Высочайший малик, справедливость Вселенной, не знающий поражений воитель, гордость царства и веры, опора ислама и верующих, величайший хакан, великий ширваншах»)⁴.

После смерти в 1131 году иракского султана Махмуда трон занял Дауд (1131–1132), который вскоре был низложен, так как великий Сельджукид Санджар настоял на передаче власти Тогрулу I (1132–1134). Дауду в качестве компенсации предоставили в управление ал-Джибаль и Азербайджан. Там он наладил позитивные взаимоотношения с местными эмирами, что сыграло свою роль в дальнейшей истории Иракского султаната, а также Кавказа. С этого времени начинается активное участие азербайджанских эмиров в делах Иракского государства Сельджукидов и вообще Кавказского региона.

В эту беспокойную и смутную пору в истории Кавказа и сельджуков стал известен кипчак Ильдениз. Он появился в Иракском султанате в качестве гуляма ас-Сумайрами, бывшего в 1119–1122 годы вазиром султана Махмуда. После убийства этого вазира Ильдениз оказался при дворе иракских султанов Сельджукидов. Судя по его военной и государственной карьере, Ильдениз прошёл в течение 8–10 лет обычное для дворцовых гулямов обучение, сочетавшее военную и гражданскую (придворную) службу. По её завершении бывший гулям мог стать хейль-баши, хаджибом, военачальником, атабеком, получить титул эмира⁵. Лишь пройдя эти ступени, Ильдениз начал службу султану и государству. В 1132 году, при Тогруле I, он получил титул эмира и пост атабека (опекуна-воспитателя) его сына Арсланшаха. После кончины в 1134 году этого султана часть эмиров поддержала его брата Масуда. Эмиры Азербайджана приняли сторону бывшего султана Дауда, который был им знаком. Халиф дал инвеституру Масуду (1134–1152). Однако, не желая обострять отношений с азербайджанскими эмирами, новый султан пошёл на беспрецедентный для Сельджукидов шаг: объявил Дауда наследником престола и выдал за него свою дочь Джаухар-хатун. Дауд же объявил собственной резиденцией Табриз, и в течение семи лет управлял Азербайджаном.

В 1136 году султан Масуд назначил Ильдениза атабеком-наместником Арана с резиденцией в Барде. Одновременно ему вручили *тугру* (печать), *йюзюк* (перстень) и присвоили *лакаб* (почётное прозвание) *Шамс ад-Дин* (солнце веры) — инсигнии, которые полагались, по сельджукской табели о рангах, наместникам⁶. Тогда же Ильдениз получил право на собственный монетный чекан.

В том же году Ильдениз породнился с иракскими Сельджукидами, женившись на вдове Тогрула I Моминэ-хатун. Несомненно, что султан Масуд содействовал заключению этого брака, тем более, что у Сельджукидов было принято выдавать султанскую вдову за приближенного к трону сановника⁷.

В связи с именем *Моминэ-хатун* небезынтересно мнение ныне покойного учёного, специалиста по истории феодального Азербайджана, кандидата исторических наук Рауфа Мамедова. В частной беседе с автором настоящего исследования он высказал вполне обоснованное предположение, что «Моминэ-хатун» — не собственное имя вдовы султана, а её почётное прозвание: «*Госпожа правоверных*». При этом Рауф Мамедов опирался на материалы сельджукского периода, свидетельствующие, что несколько жён и матерей царствующих и высокопоставленных персон носили то же самое имя-прозвание. Например, в роду как султанов Сельджукидов, так и атабеков Ильденизидов. В связи с этим отметим, что в Нахчыване сохранился архитектурный памятник XII века — мавзолей «Моминэ-хатун», — в котором, вероятно, погребена эта жена Ильдениза.

От Моминэ-хатун Ильдениз имел двух сыновей — Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, которые приходились сводными братьями сыну Тогрула I — будущему иракскому султану Арслан-шаху. Это также сыграло свою роль в истории как Иракского султаната Сельджукидов, так и Азербайджанского султаната Ильденизидов.

Помимо удачной женитьбы, дальнейшему возвышению Ильдениза способствовал ещё ряд обстоятельств. Так, во-первых, то, что он владел приграничными землями Нахчывана и Арана; во-вторых то, что он проявлял военную активность во благо Иракского султаната, главным образом против Грузинского царства. Благодаря этому, спокойствие и безопасность владений иракских Сельджукидов в немалой степени обеспечивались Ильденизом, да и сами эти султаны зависели именно от него.

Так началось возвышение Ильдениза, который заложил основы Азербайджанского султаната во главе с династией Ильденизидов (1160–1225). С самого начала своего появления при дворе, то есть с 1132 года, Ильдениз, как один из высших сановников Иракского султаната, играл важную роль в военно-политической жизни Кавказа и за его пределами.

В период возвышения Ильдениза атабеком (сельджукским наместником) Азербайджана, с резиденциями в Гяндже и Табризе, был могущественный эмир Кара-Сонкур, с которым должен был считаться даже султан Масуд. Так, именно по его настоянию, султан объявил своим наследником Дауда. Только после смерти Кара-Сонкура в 1140 году Дауд, не без ведома Масуда, был убит исмаилитами. Возможно, что в этом случае султан заручился согласием Ильдениза. Поэтому понятно, почему владения Кара-Сонкура были переданы именно Ильденизу. А когда в 1146 году скончался Чавлы, атабек Сельджукидов в области Нахчыван, то Ильдениз получил в управление и эти земли. В результате, к середине 40-х годов XII века он стал владельцем всего Азербайджана (за исключением зоны Ширванского государства)⁸. Здесь Ильдениз имел несколько резиденций — Гянджа, Нахчыван, Табриз, Барда, Марага, Ардабиль и Бейлаган.

В сложных военно-политических условиях середины XII века Ильдениз неоднократно доказывал свою преданность трону. Так, в 1142 году эмир Кутлуг поднял мятеж в Гяндже; в начале 1146 года правитель Фарса и Хузистана Боз-Апа выступил против султана вместе с его племянниками Мухаммадом и Малик-шахом. К ним примкнул правитель Рея Аббас, с которым был ещё один Сельджукид — дядя султана Сулайман-шах. В столь сложной ситуации Ильдениз направил султану Масуду послание, в котором говорилось: «Если тебе необходима помощь, я соберу множество тюркских воинов». В ответ Масуд просил атабека «по-прежнему служить опорой трона»⁹.

³ История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 211–212.

⁴ Бунятов Э. М. Государство атабеков Азербайджана. // Избранные сочинения. Т. 2. Баку, 1999 (далее — Бунятов, 1999). С. 162.

⁵ Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мульк. / Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949. С. 99, 110, 321, 326–327.

⁶ Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selcukiyye. Çeviren N. Lüğal. Ankara, 1943 (далее — Sadruddin, 1943). S. 90.

⁷ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. // Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960. С. 87.

⁸ Al-Isfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra. İstanbul, 1943 (далее — Al-Isfahani, 1943). S. 222–223.

⁹ Sadruddin, 1943. S. 90.

И уже вскоре после этих событий Ильдениз был отмечен новыми милостями султана и получил в награду за верность титул великого эмира. О доверии, которым пользовался Ильдениз у Масуда Сельджукида, свидетельствует его назначение на пост *шихнэ* (личного представителя, наместника) султана в Багдаде, при дворе халифов Аббасидов. Шихнэ назначали из числа близких к трону и доверенных эмиров, ибо он являлся фактическим хозяином столицы Арабского халифата. Тогда же был установлен личный контакт между Ильденизидами и Аббасидами, что сыграло определённую роль в дальнейших событиях, в том числе в период, когда начался процесс трансформации Иракского сельджукского султаната в Азербайджанский султанат Ильденизидов.

В 1152 году на иракском троне появился султан Малик-шах II, который был «любителем удовольствий и развлечений», и ничем другим не запомнился современникам. Несколько месяцев спустя, он был низложен своим братом Мухаммадом (1153–1160). Новый султан повел активную внешнюю политику. В частности, потребовал у халифа Аббасида ал-Муктафи (1136–1160), чтобы его, наряду с великим султаном Сельджукидом Санджаром, поминали в багдадской хутбе. Последовал отказ, и тогда в 1155 году Мухаммад осадил Багдад. В ответ халиф вручил в 1156 году инвеституру на султанский трон Сулайман-шаху Сельджукиду, освободив эмиров Иракского султаната от присяги Мухаммаду¹⁰. Тем самым он разрешил *джихад* против «законного» государя и дозволил вассалам султана не вносить в его казну подати, и вскоре эмиры подняли мятеж. Известие об этом вынудило Мухаммада прекратить осаду Багдада. Некоторое время спустя, он заболел и скончался, после чего произошли события, укрепившие позиции Ильдениза.

Поддержанный послушными ему эмирами, он совершил государственный переворот, в результате которого султаном провозгласили Арслан-шаха (1160–1176), воспитанника и пасынка Ильдениза, то есть ставленника азербайджанских эмиров.

Так завершился *первый этап* (1118–1160) истории Иракского султаната Сельджукидов, Кавказа и атабеков Азербайджана Ильденизидов. Тогда же кипчаки Северного Кавказа, из которых происходили эти атабеки, начали играть активную военную и политическую роль на Южном Кавказе. Именно на них опирались Ильденизиды. И даже Грузия. Так, в 1118 году грузинский царь Давид IV Строитель, нуждаясь в военной силе, пригласил в своё государство 40 тысяч воинов-кипчаков, составивших постоянное царское войско. Тогда кипчаки расселились в Восточной Грузии. Другой грузинский царь Георгий III (1156–1184) также пригласил в своё войско ещё несколько десятков тысяч кипчаков¹¹. В итоге, на Южном Кавказе кипчаки расселились в заметном количестве.

3.3. Кавказ и Азербайджанский султанат Ильденизидов: вторая половина XII века

После государственного переворота 1160 года, осуществлённого Ильденизом, Иракский султанат Сельджукидов существовал де-юре. Начиная с этого года, де-факто появилось новое государство — Азербайджанский султанат (1160–1225) во главе с династией Ильденизидов, составной частью которого стал Иракский султанат. Произошла трансформация сельджукского государства в азербайджанское, которое в 1160–1191 годы, в правление Ильдениза и его сыновей Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, переживало апогей могущества. В этот период Азербайджанский султанат и династия Ильденизидов достигли военно-политического апогея и находились в зените своего могущества.

Ильдениз и его преемники-сыновья вели успешную внешнюю политику, не упуская из поля зрения Грузинское царство и Сирию, Византию и Иран, Арабский халифат и Малую Азию. Ильденизидов считали своими сюзеренами эмиры Дербенда и малики Ахара, эмиры Мугана и атабеки Фарса. В сфере их влияния находились Ширванское государство и Кирманский султанат Сельджукидов, владетели Табаристана, эмиры Мангуджакиды, Артукиды и Зангиды. Хорезмское государство поддерживало с ними дружественные отношения. К помощи Ильденизидов прибегали сельджукские султаны, халифы Аббасиды и многочисленные эмиры.

После государственного переворота 1160 года Ильдениз присвоил себе звание *атабека султана* Арслан-шаха, получил от него титул *великого атабека*, вероятно, со значением «хранитель государственных устоев», и командование войском. Джахан-Пехлеван занял пост *эмир хаджиб-и кебира* (первое лицо в дворцовой администрации), а Кызыл-Арслан стал *эмир сипех-салар-и кебиром* (главнокомандующий). Основная казна обоих государств отныне хранилась в крепости Алинджа-гала, около Нахчывана, а столицей Азербайджанского султаната стал Хамадан, который являлся также стольным городом иракских Сельджукидов¹².

Но уже вскоре начались конфликты между султаном и его великим атабеком, ибо речь шла об обладании реальной властью на обширной территории, включенной в Азербайджанский султанат Ильденизидов. А это были Южный и часть Северного Кавказа и прилегающие к ним немалые земли. Однако, несмотря на коллизии, Ильдениз укрепил свои позиции как в султанате, так и во взаимоотношениях с другими государствами. Например, он поддерживал связи с халифами Аббасидами и эмирами Бектимуридами, владевшими в Малой Азии важным городом Хилат. К нему на службу являлись тюркские эмиры Сирии и Месопотамии. Ильденизу удалось нейтрализовать Грузинское царство¹³.

Лишь при его содействии ширваншах Ахситан I (1160–1196) сумел занять трон, почему признал себя формальным вассалом иракского султана, а фактически — его великого атабека. Этим он обеспечил себе поддержку со стороны соседних мусульманских государств. Современник событий, великий азербайджанский поэт Хагани Ширвани, обращаясь к Ахситану I, говорит в своём поэтическом к нему обращении:

«Если Ильдениз подчинил султану Иран,
Когда ослабело миродержавие,
То султан отдал на твоё
Сохранение царство,
Когда увидел, что
Сузился круг миродержавия»¹⁴.

Несмотря на это, Ахситан I вел активную внешнюю политику. Так, он вновь присоединил Шабран, Дербенд и его область к своим владениям; в 1174 году разбил хазар, которые с грабительскими целями спустились на нескольких десятках судов по Волге в Каспийское море, а затем поднялись по Куре до большого торгового села Лемберан. Тогда же ширваншах изгнал печенегов и алан, разорявших его земли. После 1191 года, когда погиб султан Кызыл-Арслан Ильденизид, ширваншахи обрели суверенитет, который сохранили вплоть до монгольского нашествия.

¹⁰ Ravendi. Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur. I–II Cilt. Çeviren A. Ateş. Ankara, 1957–1960 (далее — Ravendi, 1957–1960). S. 255. Sadruddin, 1943. S. 99.

¹¹ Очерки истории Грузии. Т. III. Грузия в XI–XV веках. Тбилиси, 2002 (далее — Очерки истории Грузии, 2002). С. 133–135, 229; Чхатарайшвили К. Иностранцы в грузинском войске в XII веке. // Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси, 1966 (далее — Чхатарайшвили, 1966); Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков. // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 119.

¹² Al-Isfahani, 1943. S. 264, 266; Ravendi, 1957–1960. S. 279, 282–283; Sadruddin, 1943. S. 102, 127.

¹³ Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. I. Кн. 2. М.—Л., 1952. С. 83; Chronique de Michel le Syrien. / Ed. par J. B. Chabot. Vol. IV. Paris, 1910. P. 710; Sadruddin, 1943. S. 110–114; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. / Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890 (далее — Barhebraei, 1890). P. 348; Anonymi Auctoris. Chronicon ad A. C. 1234 pertinens. Pars posterior. Parisiis, 1916 (далее — Anonymi Auctoris, 1916). P. 174; Minorsky V. Studies in Caucasian History. London, 1953 (далее — Minorsky, 1953). P. 93–94.

¹⁴ Вильчевский О. Л. Тюркская тематика в творчестве Хагани. // Иранская филология. Л., 1964. С. 127.

В собственных интересах Ильдениз поддерживал христиан Южного Кавказа. В борьбе с Грузинским царством он и его преемники «делали ставку на привлечение на свою сторону христианской части населения Азербайджана и соседних областей. С этой целью они покровительствовали местному духовенству»¹⁵. Так, албанский епископ азербайджанской области Сюник Степанос I (1168–1214) почитался Ильденизидами, был хорошо принят при их дворе. Он «получил от атабека фирман и сиргел на владение своей епархией... маншур на все собственные поместья... (атабек) освободил от всех податей и землю, воду, сады, виноградники». С ведома Ильденизидов, сельджукский наместник на Южном Кавказе оказывал военную помощь феодалам-христианам, предоставлял им убежище¹⁶.

Существенную роль Ильденизидов, а значит и Азербайджанского султаната, в истории Кавказа XII века подтверждает нумизматический материал. Так, у них было несколько монетных дворов, в том числе в Ардабиле, Ахаре, Гяндже, Табризе. Немалое количество ильденизидской монеты известно в грузинских кладах, в Ширванском государстве и Южном Дагестане¹⁷. Атабеков Азербайджана считали своими сюзеренами эмиры Мугана: на их монете указан Абу-Бакр Ильденизид. Вассалами Ильденизидов являлись Пиштегиниды — владетельные малики Ахара: Пиш-Тегин бил монету с именами халифа ан-Насира Аббасида (1180–1225) и Абу-Бакра Ильденизида; Махмуд ибн Пиш-Тегин на своём чекане выставлял имена халифа ан-Насира и Узбека Ильденизида¹⁸.

Внешнеполитическая деятельность атабеков Ильденизидов не ограничилась Кавказом. Так, Шамс ад-Дин вмешивался во взаимоотношения сельджуков и крестоносцев, участвовал в сражениях с западно-европейскими рыцарями¹⁹. Он имел влияние в Кирманском султанате Сельджукидов. Вассалами великого атабека являлись владетель Хузистана Ай-Догду Шимла, который, по его повелению, напал на Арабский халифат во времена халифа ал-Мустанджида Аббасида (1160–1170); владетель Нишапура Муаййад Ай-Апа, надеявшийся с помощью Ильдениза отразить нападение хорезмшаха Иль-Арслана (1156–1172). Атабек Азербайджана успешно противостоял попыткам этого хорезмшаха распространить свою власть на восточные области Ирана, в том числе на Хорасан. В связи с этим в его послании Иль-Арслану говорится: «Хорасан — страна султана, владение его отцов и дедов. Точно так же и Хорезм, где пребываешь ты, — его владение! Если ты двинешься на Нишапур, то моим ответом будет только поход против тебя и война между нами»²⁰.

По словам современника, Ильдениз был «наиболее мощной опорой государства». Его власть признавали на обширной территории от области Табаристан на востоке до Персидского залива на западе и от Дербенда на севере до области Фарс на юге, то есть далеко за пределами Кавказа. В Мосуле, Кирмане, Фарсе, Хузистане, Хилате, Арзинджане имя великого атабека поминали в хутбе после халифов Аббасидов и султанов Сельджукидов, били на своей монете владетельные эмиры. В источниках отмечено: «Этот Ильдениз был гулямом Камал ал-Дина ас-Сумайрами, вазира сельджукского султана Махмуда. Когда вазир был убит, Ильдениз перешёл (на службу) к султану Махмуду. Став главой государства, Масуд сделал его правителем Арана. Ильдениз отправился туда, и с тех пор не являлся ко двору султана. Впоследствии он захватил большую часть Азербайджана, города ал-Джибалия, а также Хамадан, Исфахан, Рей и соседние места. В мечетях

провозглашали в качестве султана имя сына его жены — Арслан-шаха ибн Тогрула I. Его войско достигало 50 000 всадников, не считая гулямов. Его владения простирались от ворот Тифлиса до Кирмана. Султан Арслан-шах не обладал какой-либо властью, он довольствовался только тем, что ему давали в качестве содержания. В доказательство власти атабека над султаном рассказывают, будто последний, опьяненный однажды ночью вином, раздал все то, что имелось в его сокровищнице и составляло огромную сумму. Когда Ильдениз узнал об этом, он вновь вернул все деньги и сказал султану: „Если ты растрачиваешь деньги без надобности, то они, действительно, достались тебе легко, и ты притеснял подданных”. Ильдениз был мудр, хорошо управлял, принимал простых людей, выслушивал жалобы и творил справедливый суд»²¹.

Эта характеристика позволяет заключить, что Ильдениз был незаурядной личностью. Он сумел в течение 1122–1160 годов пройти путь вверх от рядового гуляма до главы обширного государства, игравшего во второй половине XII века заметную роль в истории Передней Азии и Кавказа.

В 1175 году Шамс ад-Дин Ильдениз скончался, оставив после себя обширное, мощное и централизованное государство — Азербайджанский султанат, могущественную династию Ильденизидов и послушных вассалов. Симптоматична касыда на его кончину, сочиненная кадием Рукн ад-Дином, в которой Ильдениз назван «титulóванной особой». Поэтому не случайно мнение русского востоковеда О.Л. Вильчевского, высказанное в личной беседе с автором настоящего исследования, о том, что неоднократно упоминаемый в огузском героическом эпосе «Китаби-и Дедем Коркуд» Шер Шамс ад-Дин, сын Гафлет-ходжи, «заставивший изрыгать кровь шестьдесят тысяч гяуров» — это Ильдениз. Та часть эпоса, в которой фигурирует великий атабек, сложилась на территории Азербайджана, и в ней должны были найти отражение реалии периода и места, где происходят события, описанные в памятнике²². Естественно, что там фигурирует Ильдениз, известный своей многогранной деятельностью как на Кавказе, так и в других регионах Передней Азии. Не исключено также, по нашему мнению, что Шермадин в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и один из героев эпоса о Коркуде Шер Шамс ад-Дин — одна и та же личность: Шамс ад-Дин Ильдениз²³.

С деятельностью Ильдениза связано одно из эпохальных событий в истории Азербайджана: при нем эта страна впервые целиком оказалась в составе местного государства.

Таким образом, политика Ильдениза, незаурядного полководца, дипломата и главы государства, была направлена на укрепление его положения, его султаната, его сюзеренитета, а также на расширение подвластной ему территории. Успехи великого атабека несомненны. Верно подмечено, что как происхождение, так и величие Сельджукидов в сочетании с действительной силой Шамс ад-Дина Ильдениза способствовали во второй половине XII века функционированию сельджукской политической системы²⁴. Так завершился *первый этап* (1136–1175) в истории Кавказа, Ильденизидов и Иракского султаната.

После Шамс ад-Дина Ильдениза великим атабеком стал его старший сын Джахан-Пехлеван (1175–1186). Иракский султан Сельджукид Арслан-шах и часть эмиров выступили против него и попытались завладеть Азербайджаном. Борьба шла с переменным успехом, но во время очередного похода Арслан-шах заболел в Занджане, был доставлен в Хамадан, где скончался в 1176 году. Джахан-Пехлеван объявил новым султаном малолетнего Тогрула II (1176–1194), а себя — его великим атабеком.

¹⁵ Бунятов, 1999. С. 67.

¹⁶ Бунятов З. М. Азербайджан в VII–IX веках. // Избранные сочинения. Т. I. Баку, 1999. Гл. III. § 2; Вердиева Х. Ю., Гусейн-заде Р. А. «Родословная» армян и их миграция на Кавказ с Балкан. Баку, 2003. С. 119–120.

¹⁷ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I–IX. Баку, 1926–1966 (далее — Пахомов, 1926–1966); Раджабли А. М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997 (далее — Раджабли, 1997). Гл. V/7, 8.

¹⁸ Пахомов, 1926–1966; Раджабли, 1997. Гл. V/8.

¹⁹ Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Orietaux. Vol. I. Paris, 1872 (далее — Recueil des Historiens des Croisades, 1872). P. 575.

²⁰ Sadruddin, 1943. S. 105, 114–116.

²¹ Ravendi, 1957–1960. S. 272; Recueil des Historiens des Croisades, 1872. P. 589–590; Sadruddin, 1943. S. 137; Selcukname. Anadolu Selcuklulari Devleti Tarihi. III. Cilt. Ankara, 1952. S. 19.

²² Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. / Перевод, вступительная статья и комментарий академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962 (далее — Книга моего деда Коркуда, 1962). С. 22, 30, 44, 57–58.

²³ Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1966. С. 38, 40, 42–43, 46, 163.

²⁴ Luther K. A. The Political Transformation of the Seljuq Sultanat of Iraq and Western Iran: 1152–1187. Unpublished Dissertation. Princeton UP, 1964. P. 168.

Как и Ильдениз, он был независим, проводил самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Источник сообщает: «Джахан-Пехлеван обладал полным величием и могуществом; так что когда воссел на царство султан Тогрул ибн Арслан-шах, то имя его было (лишь) по (его) султанскому званию, да поминалось в хутбе и чеканилось на монетах. Действительным же правителем был атабек Джахан-Пехлеван». Поэтому понятна его довольно пышная официальная титулатура: «Падшах ислама, высочайший правоверный, великий атабек, хакан Аджама, солнце вселенной и веры, опора ислама и верующих». Его признавали как «истинного владетеля» Азербайджана, ал-Джибаля, Хамадана, Рея, Исфахана, а также ряда других стран и областей²⁵.

Преемник Ильдениза постоянно держал в поле зрения не только Кавказ, но и прилегающие к нему территории²⁶. Джахан-Пехлеван укрепил традиционные связи с вассалами Ильденизидов в Малой Азии — с эмирами Бектимуридами, ибо не мог оставить без внимания принадлежавший им город Хилат, находившийся на важных военно-стратегических и торгово-транзитных караванных путях, связывавших долину Аракса с Месопотамией. Бектимуриды всегда выступали совместно с атабеками Азербайджана против Грузинского царства. Тогда же Джахан-Пехлеван выдал свою дочь за Сёкмена II Бектимурида, что способствовало укреплению их военно-политического союза. В свою очередь, великий атабек для укрепления отношений со своим вассалом в Южном Азербайджане — эмиром Рея Инанджем Бек-Сонкуром — женился на его дочери Инандж-хатун.

Джахан-Пехлеван успешно воевал с грузинскими царями Багратидами, причем, как отмечает современник, «грузины заключили с ним мир, приняв его требования». В сфере влияния этого великого атабека была и Центральная Азия. Хорезмшах Текиш (1172–1200) состоял с ним «в дружественной переписке», посылал ему богатые подарки. Известны несколько посланий Текиша, адресованных «великому атабеку Шамс ад-Даула ва-д-Дину, Пехлевану Иракскому», датированных 1181–1182 годами, в которых ощущается заинтересованность хорезмшаха в мирных отношениях с могущественными и влиятельными Ильденизидами. Соперничавший с Текишем его брат Султан-шах (1172–1193) также установил дружественные отношения с Джахан-Пехлеваном и посылал ему подарки.

Во время походов на запад Джахан-Пехлеван доходил до Сирии и Малой Азии. Его войско вторгалось в пределы Византийской империи и Арабского халифата. Халифы Аббасиды ал-Мустади (1170–1180), затем ан-Насир (1180–1225) неоднократно пытались воспрепятствовать этим военным кампаниям Ильденизида, а заодно избавиться от тюркского влияния в Багдаде. Вероятно, эти их действия побудили Джахан-Пехлевана сказать: «халифам более приличествует заниматься хутбой и религиозными делами. Они должны оставить султану (чит.: Ильденизиду) мирскую власть и вопросы управления»²⁷.

Джахан-Пехлевану пришлось столкнуться с Аййюбидским султанатом, несмотря на то, что между ними существовали позитивные отношения. Так, Салах ад-Дин Аййюбид (1169–1193) пытался проникнуть в сферы влияния Ильденизидов в Малой Азии. В 1182 году он вторгся во владения атабеков Зангидов; в 1185 году появился около Хилата, где в хутбе провозглашали Джахан-Пехлевана²⁸. Однако, успех ему не сопутствовал.

Власть великого атабека признавали атабеки Мосула и Фарса, эмиры Бектимуриды и малики Ахара, владетели Хузистана и Табаристана. Его считали «властителем Азербайджана, Ирака, ал-Джибаля, Рея, Исфахана, Хамадана и других областей. Это был муж хорошо нрава, правосудный, мудрый правитель, (обладавший) терпением. В дни его правления (подвластные ему) страны жили в мире, а подданные — в спокойствии».

²⁵ Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. III. М.—Л., 1949 (далее — Рашид ад-Дин, 1949). С. 104; Aksarayi. Musamerat ul-Ahbar ve Musayerat ul-Ahyar. Ankara, 1943 (далее — Aksarayi, 1943). С. 123; Ravendi, 1957–1960. С. 306.

²⁶ Minorsky, 1953. P. 148; Sadruddin, 1943. С. 121; Буниятов, 1999. С. 77–78.

²⁷ Ravendi, 1957–1960. С. 309.

²⁸ Barhebraei, 1890. P. 366.

В 1186 году вместо скончавшегося Джахан-Пехлевана великим атабеком стал его брат Кызыл-Арслан (1186–1191). Вновь вспыхнула междоусобная война. Поддержанный вольноотпущенниками Джахан-Пехлевана Ай-Апа и Русом, а также эмирами Табаристана, Абхара, Занджана и Мараги, иракский султан Сельджукид Тогрул II ушёл из столичного Хамадана в Урмию. Здесь он стал собирать силы для похода против великого атабека. Военные действия продолжались почти пять лет, и торжествовал победу Кызыл-Арслан. В 1186 году он захватил и отправил в темницу «непослушного» Тогрула II. Это знаковое событие было отмечено памятными медными монетами, битыми в ознаменование победы Кызыл-Арслана над Тогрулом II. Это — медные дирхемы и четырёхугольные, вырезанные из медной проволоки, монеты, весом от 6 до 8 г с легендами *зафар* (победа) на лицевой стороне и *фарак* (радость) или *фарадж* (утешение) — на обратной²⁹.

В Хамадане Кызыл-Арслану вручили указ халифа о назначении его «наместником» Аббасидов. Терминологически этот акт означал признание Кызыл-Арслана независимым государем. В Багдаде была прочитана хутба с его именем, а в Хамадане состоялась важная официальная церемония: посланец халифа посадил великого атабека на «султанский трон». Его облачили в почётные одежды; сановники при чтении указа Аббасида о возведении Кызыл-Арслана в султанское достоинство неоднократно целовали перед ним землю. В распоряжение нового султана было передано войско халифа.

Основной смысл акта 1186 года — вручение халифом инвеституры Кызыл-Арслану — заключается в признании его *султаном* де-юре. Вместе с тем, этот год — дата формального провозглашения существовавшего де-факто уже при Шамс ад-Дине Ильденизе Азербайджанского султаната во главе с династией Ильденизидов. Теперь в столице нового султаната — Хамадане — от имени халифа провозглашали *хутбу* на имя Ильденизида, в которой он был назван султаном. У ворот его дворца в Хамадане стали отбивать ежедневно пятикратный *наубат* (барабанный бой) *Зул-Карнайн*. Кызыл-Арслан получил право на собственный золотой монетный чекан, что до того было прерогативой халифов Аббасидов и великих султанов Сельджукидов. Подтверждением существования такого чекана Ильденизидов служат три золотые динара с именем и пышной титулатурой не обладавшего реальной властью Абу-Бакра — преемника-эпигона и племянника Кызыл-Арслана. Эти монеты должны были появиться с именем и султанским титулом Кызыл-Арслана, но после его убийства в 1191 году Абу-Бакр перечеканил их на своё имя³⁰.

Таким образом, при Кызыл-Арслане была завершена политико-правовая трансформация государства атабеков Ильденизидов и Иракского султаната Сельджукидов в единый Азербайджанский султанат. Он получил признание как халифа Аббасида, так и соседних государств, которые прислали новому султану традиционные поздравления и подарки, полагавшиеся по случаю восшествия на трон³¹.

О важной роли Кызыл-Арслана и Азербайджанского султаната в истории Кавказа свидетельствует многое. Так, Хагани Ширвани считает, что существовала возможность брака между султаном Ильденизидом и грузинской царицей Тамарой. Фарйаби, один из придворных поэтов правителя Табаристана, сочинил в честь Кызыл-Арслана касыду. Великий Низами, создавший поэму «Хосров и Ширин» по заказу иракского султана Сельджукида Тогрула II, посвятил её Джахан-Пехлевану и Кызыл-Арслану³².

²⁹ Раджабли, 1997. С. 79.

³⁰ Kouytjian D. K. Three Unique Gold Coins of the Eldiqzid Atabeks of Northwestern Iran. // Actes du 8-ème Congrès International de Numismatique. New York — Washington, September, 1973. Paris — Basel, 1976. P. 527–541.

³¹ Рашид ад-Дин, 1949. С. 104; Aksarayi, 1943. С. 123; Al-Isfahani, 1943. С. 269; Ravendi, 1957–1960. С. 327, 333; Sadruddin, 1943. С. 126–127.

³² Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку, 1947. С. 244–245; Вильчевский О. Л. Хагани. // Советское востоковедение. 1957. № 4. С. 127–129; Бертельс Е. Э. Низами. // Избранные труды. М., 1962. С. 128–131, 134 и сл.

Для укрепления своего положения старшего в роду Ильденизидов Кызыл-Арслан женился на вдове Джахан-Пехлевана — Инандж-хатун. Однако, последняя полагала, что власть великого атабека и султана должна была перейти к одному из её сыновей. Составился заговор, к которому примкнули некоторые эмиры, и в 1191 году Кызыл-Арслан был убит.

Главой Азербайджанского султаната поставили слабого Абу-Бахра (1191–1210), сына Джахан-Пехлевана от другой жены. Тогрула II Сельджукида выпустили из заточения, и он вновь «воссел на троне своих предков». В благодарность этот султан приблизил к себе эмиров-заговорщиков и женился на Инандж-хатун³³. Так завершился в 1191 году *второй этап* (1160–1191) в истории Кавказа, атабеков Азербайджана Ильденизидов и Иракского султаната Сельджукидов.

Третий этап (1191–1225) оказался не столь удачным для Ильденизидов. Во-первых, обширный Азербайджанский султанат, включавший Южный и часть Северного Кавказа, для эпигонов Кызыл-Арслана оказался неуправляемым. Во-вторых, не возродился и Иракский султанат Сельджукидов, ибо его главы также оскудели. В-третьих, вследствие этих обстоятельств владения Ильденизидов оказались поделены между номинальным иракским султаном Сельджукидом Тогрулом II, сыновьями Джахан-Пехлевана — Абу-Бахром, Кутлуг-Инанджем, Амиран-Умаром и эмирами. Так, Азербайджан вместе с титулом великого атабека, должностью атабека султана и старшинством в роду Ильденизидов перешел к Абу-Бахру³⁴.

В итоге, в конце XII века на Кавказе и в соседних регионах произошла дестабилизация военно-политической ситуации. Этим не замедлили воспользоваться ближние и дальние государства. Так, ширваншах Ахситан I приблизил Амиран-Умара, женил на своей дочери и снабдил войском. Царица Тамара, также снарядила для него войско³⁵. Амиран-Умар обещал, что, в случае успеха, передаст им захваченные азербайджанские земли. В июне 1194 года около Шамкира Амиран-Умар победил Абу-Бахра. После этого его воины рассыпались по незащищенной стране, грабя, разоряя, убивая и забирая жителей в плен. В результате, пострадали Шамкир, Бейлаган, Ардабиль и Маранд. Только Гянджа оказала упорное сопротивление захватчику. Когда Амиран-Умар потребовал сдачи города, его защитники ответили: «Если бы ты прибыл к нам один, мы сдали бы тебе город. Но ты явился с этим сборищем безбожников, и мы не можем отдать тебе город из страха, что неверные изменят тебе и завладеют им. Тогда мы с нашими детьми будем угнаны в плен, а наши воины и наши семьи будут перебиты». Тогда Амиран-Умар отвел от Гянджи грузинское войско, и горожане открыли ему ворота. Однако, вскоре он был убит гянджинцами, ибо стал их притеснять³⁶.

В конце XII века Аййюбидский султанат вновь пытался проникнуть на Кавказ. В 1191 году Салах ад-Дин Аййюбид направил сюда своего племянника Аббаса, но экспедиция была неудачной. Преемники Салах ад-Дина продолжили попытки утвердиться в Кавказском регионе. Султан Малик ал-Адиль I Аййюбид (1200–1218) появился в Малой Азии, но успеха не добился. Притязания Аййюбидов частично были реализованы несколько позднее, когда они сумели утвердиться в городах Хилат и Манцикерт и их областях³⁷. Военную активность на Южном Кавказе проявляло также государство Сельджукидов Малой Азии. На рубеже XII–XIII веков конийский султан Кей-Хосров I (1191–1196, 1204–1210) временно распространил своё влияние на Азербайджан и пытался завладеть Абхазией, под которой в тот период подразумевалась сегодняшняя Грузия³⁸.

В 1210 году последним владетельным великим атабеком из династии Ильденизидов стал Узбек (1210–1225). Его правление прошло в беспрестанных мятежах и междоусобных вой-

нах, стало временем дальнейшего упадка власти и влияния Ильденизидов. Не случайно, современник отметил: хотя Узбек считался «султаном Азербайджана, власть он имел только в своём вилайете». Однако, гораздо важнее для тех лет было иное: новая, более грозная, опасность нависла над Кавказом и вообще над Передней Азией.

Создав в 1206 году Монгольское государство, его глава — великий каан Чингиз-хан (1206–1227) — отправил свои армии на запад, по тому же маршруту, что до него прошли великие султаны Сельджукиды. В итоге, он завладел Центральной Азией и снарядил погоню за хорезмшахом Мухаммадом, который бежал на Кавказ. 20-тысячное монгольское войско во главе с лучшими полководцами Чингиз-хана — Джэбэ и Субэдэ — двинулось на запад. Кроме преследования хорезмшаха, великий каан поручил им провести глубокую разведку и собрать сведения о прикаспийских территориях Кавказа, о местных правителях и их военном потенциале³⁹.

В 1220 году передовые отряды монголов появились на Южном Кавказе, где осадили Табриз. Находившийся в городе атабек Узбек добился с ними мира, откупившись золотом, тканями и скотом. Затем монголы вторглись в Грузинское царство, где разбили Георгия IV Лашу (1213–1222). В том же году они вновь подступили к Табризу. Город опять откупился, и монголы ушли к Мараге, которую осадили в марте 1221 года, взяли, разграбили, а жителей перебили. Та же участь постигла, несколько месяцев спустя, Ардабиль, оказавший монгольским захватчикам упорное сопротивление.

Осенью 1221 года монголы в третий раз подошли к Табризу, и этот богатый ремесленно-торговый город вновь сумел откупиться. Затем они осадили, захватили и разграбили, перебив жителей, Сараб, Нахчыван и Бейлаган⁴⁰. Гянджа оказала упорное сопротивление, и монголы ушли из-под её стен ни с чем. В Ширванском государстве они осадили Шамаху. Горожане сражались самоотверженно, дав клятву: «От меча все равно не уйдешь. Так лучше нам твердо стоять, по крайней мере, умрем с честью!» Однако силы были неравны, монголы захватили город и учинили разгром, перебили часть жителей, а других увели с собой.

Отсюда захватчики вдоль Каспийского побережья двинулись на Северный Кавказ. Но неприступным Дербендом, входившим в состав Ширванского государства, они овладеть не смогли, и пошли на хитрость. Как сообщает Рашид ад-Дин, монгольские полководцы обратились к ширваншаху с предложением мира и просили прислать доверенных лиц. Ахситан I согласился, но монголы под страхом смерти приказали посланцам указать путь через горы, мимо Дербенда⁴¹. Так они прошли на Северный Кавказ через Главный Кавказский хребет, то есть через Внутренний Дагестан, где занимались грабежами и убийствами местных жителей. На Северном Кавказе кипчаки и аланы объединились для сопротивления монголам. Однако Джэбэ и Субэдэ сумели расстроить их военный союз, и разбили поодиночке как аланов, так и кипчаков. Возвратившись затем к Чингиз-хану, они обрисовали ему ситуацию на Кавказе. Кипчаки же после их разгрома монголами направились к Дербенду, которым сумели завладеть. Отсюда они прошли на Южный Кавказ, где опустошили Азербайджан и Грузию. Однако, встретив организованное сопротивление, кипчаки ушли на север, за Дербендскую стену.

В 1225 году Кавказу стала угрожать новая внешняя опасность. Здесь появился последний хорезмшах Джалал ад-Дин (1220–1231). Изгнанный монголами из своих владений, он сумел временно подчинить себе Южный Кавказ. Так, ему без боя сдалась Марага, жители которой надеялись заручиться покровительством хорезмшаха. Табриз, покинутый Узбеком Ильденизидом, оказал упорное сопротивление, и в течение недели отражал штурмы. Завладев горо-

³³ Ravendi, 1957–1960. S. 334–335, 337.

³⁴ Al-Isfahani, 1943. S. 269; Ravendi, 1957–1960. S. 333–334.

³⁵ История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1954. С. 57–58; Histoire de la Géorgie. Depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. Ire partie. Traduit par M.-F. Brosset. S.-Petersbourg, 1849 (далее — Histoire de la Géorgie, 1849). P. 435; Sadruddin, 1943. S. 130.

³⁶ Sadruddin, 1943. S. 130–132.

³⁷ Рашид ад-Дин, 1949. С. 196; Anonymi Auctoris, 1916. P. 217–218; Barhebraei, 1890. P. 390.

³⁸ Anonymi Auctoris, 1916. P. 212; Ibn Bibi. Selcukname. Çeviren M. N. Gencosman. Ankara, 1941. S. 36; Ravendi, 1957–1960. S. 212.

³⁹ Рашид ад-Дин, 1949. С. 209.

⁴⁰ Там же. С. 227; Али-заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV веков. Баку, 1956 (далее — Али-заде, 1956). С. 92–100.

⁴¹ Рашид ад-Дин, 1949. С. 228–229.

дом, Джалал ад-Дин даровал его жителям аман. В том же году он вторгся в Грузию, где разгромил войско царей Багратидов; потом захватил ещё ряд азербайджанских городов, в том числе Бейлаган и Шамкир. Вскоре ему сдалась Гянджа, а находившийся здесь великий атабек Узбек бежал в крепость Алинджа-кала, около Нахчывана, где вскоре скончался «от горя».

Так завершился *третий — заключительный — этап* (1191–1225), связанный в истории Кавказа с иракскими Сельджукидами и атабеками Азербайджана Ильденизидами.

3.4. Характер взаимоотношений Азербайджана и Грузии в XII веке

Изучение истории отношений в XII веке между двумя важными политическими структурами Южного Кавказа, то есть между Ширванским государством и Грузинским царством, имеет давнюю традицию и различные толкования. В первой половине XIX столетия Б. Дорн писал о «подчинении» или же о «вассальной зависимости» Ширванского государства от Грузинского царства в течение почти всего XII века⁴². Позднее Е. А. Пахомов повторил тезис, а В. В. Бартольд и В. Ф. Минорский, базируясь на его работах, в принципе, приняли ту же точку зрения⁴³. Однако, вместе с тем В. В. Бартольд считал, что во второй половине XII века существовал союз между ширваншахами и грузинскими царями⁴⁴. Да и сам Е. А. Пахомов не отрицал, что «Грузия и Ширван в XII века находились в дружеских взаимоотношениях»⁴⁵.

Почти все сторонники тезиса о вассальных отношениях Ширвана с Грузией считают первую четверть XII века началом сюзеренитета грузинских царей Багратидов над ширваншахами. К тому же времени приурочивают включение термина *ширваншах* в титулатуру грузинских царей.

Авторов, рассматривающих ширвано-грузинские отношения в XII веке с прогрузинских позиций, можно разделить на две группы. Представители одной базируются почти исключительно на своде средневековых грузинских исторических летописей «Картлис Цховреба», а второй группы — на литературных данных⁴⁶.

Вместе с тем обращает на себя внимание разноречивость в работах самих грузинистов: одни говорят о «вассалитете», другие — о «захвате части Ширванского государства», третьи — о его «включении в состав Грузинского царства», четвертые — о «войнах Багратидов с Сельджукидами за Азербайджан». При этом все они имеют в виду одно и то же XII столетие.

Однако, существует и иная — позитивная — точка зрения на характер взаимоотношений Азербайджана и Грузии в XII веке. Так, В. М. Сысоев ещё в 20-е годы XX столетия пришёл к заключению, что ширвано-грузинские отношения в том столетии носили союзнический характер; этого же тезиса придерживается К. И. Чайкин⁴⁷. Причем оба исследователя рас-

сматривают проблему не только в политическом аспекте, но и экономическом, что позволило им объективно осветить характер взаимоотношений Азербайджана и Грузии в XII веке.

На необъективном толковании характера грузино-ширванских отношений акцентировал внимание А. А. Али-заде. Он справедливо полагал, что вывод должен базироваться на свидетельствах не только грузинских хроник, имеющих, как правило, односторонний характер, но и на сведениях других групп синхронных источников. В частности, А. А. Ализаде писал: «Можно с уверенностью сказать, что в X–XIII веках „грузинское влияние“ на Ширван (или „прямое подчинение“ Ширвана Грузии) не существовало; хотя, вступая в родственные и союзнические отношения с Кесранидами, Багратиды преследовали свои интересы, стремясь использовать значение ширваншахов»⁴⁸. С. Б. Ашурбейли акцентировала внимание на стремлении грузинского царя Давида IV Строителя (1089–1125) жить «в мире и дружбе» со своим мусульманским окружением, в том числе с Ширванским государством. Она же отметила, что этот грузинский царь породнился с ширваншахами, выдав свою старшую дочь Тамар за Манучехра, сына ширваншаха Афридуна, чем «укрепил политическое положение Грузии»⁴⁹. З. М. Бунятов счел нужным отметить, что «общие интересы борьбы за освобождение от сельджукского господства обусловили сближение Грузии и Ширвана, в результате чего возникает династический брак. Безопасность страны была обеспечена со стороны Ширвана»⁵⁰. И. Л. Бердзенишвили заметил, со своей стороны, что этим династическим браком Давид IV Строитель пытался прийти к соглашению с ширваншахом и заручиться его поддержкой в борьбе против сельджуков⁵¹. А о том, что этот династический брак имел место, говорится в «Картлис Цховреба»⁵².

В связи с вышеприведёнными пассажами, свидетельствующими о позитивном характере взаимоотношений Грузии с Азербайджаном в XII веке отметим следующее. Как уже ранее сказано в настоящем исследовании, войдя в Тифлис в 1122 году и сделав его своей столицей, Давид IV Строитель пошёл на беспрецедентные уступки мусульманскому населению этого важного ремесленно-торгового центра Кавказа. Отрицая зависимость Ширванского государства от Грузинского царства, А. А. Ализаде вместе с тем считает, что, когда речь идёт о влиянии на ширваншахов, следует иметь в виду характер их взаимоотношений с иракскими султанами Сельджукидами и атабеками Азербайджана Ильденизидами. Причем, тот же автор писал, что «после Кызыл-Арслана (то есть после 1191 года. — Р. Г.), воспользовавшись созданным положением, ширваншахи перестали признавать над собой верховную власть государства Ильденизидов и становятся самостоятельными. Эту самостоятельность ширваншахи сохранили до окончательного завоевания Азербайджана монголами (то есть до начала 40-х годов XIII века. — Р. Г.)»⁵³.

Рассматривая взаимоотношения Азербайджана и Грузии в XII веке, грузинисты не принимают во внимание роль и значение государства атабеков Ильденизидов в истории Кавказа. Однако, нельзя абстрагироваться от этого важнейшего военно-политического фактора, как и вообще не учитывать военно-политическую и торгово-экономическую обстановку в Передней Азии. То есть не учитывать общий характер взаимоотношений между миром ислама и миром христианства в том столетии. Поэтому, лишь основываясь на комплексе различных данных и только после оценки совокупности реалий, можно судить об истинном характере

⁴² Dorn B. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, aus Morgeländischen Quellen. 1. Versuch einer Geschichte der Schirwanschaha. // *Memories de l'Academie imp. des Sciences de St.-Petersbourg*. V^e serie. Sciences Politiques, Histoire, Philologie. T. IV. 1841. P. 531.

⁴³ Пахомов Е. А. Монеты Грузии. Тбилиси, 1970 (далее — Пахомов, 1970). С. 75, 79; Он же. Краткий курс истории Азербайджана. С приложением экскурсии по истории ширваншахов XI–XIV веков. (На правах рукописи). Баку, 1923 (далее — Пахомов, 1923). С. 33, 37; Он же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VII. Баку, 1957 (далее — Пахомов, 1957). С. 61; Он же. Пайтакаран — Бейлаган — Орен-кала. // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) экспедиции. Т. 1. М.—Л., 1959. С. 26; Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963 (далее — Бартольд, 1963). С. 692, 877; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 176–180.

⁴⁴ Бартольд, 1963. С. 779.

⁴⁵ Пахомов, 1923. С. 16, 32; Пахомов, 1957. С. 61; Пахомов Е. А. О Дербендском княжестве XII–XIII веков. // Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. Историческое, этнографическое и археологическое отделение, 1930. Т. 1/2. С. 7; Он же. Твердыня Ширвана эпохи Низами. // Низами. Сб. I. Баку, 1940. С. 73–74.

⁴⁶ Асатиани Н. Ш. Грузино-ширванские политические отношения в XII веке (Статья первая. Первая половина XII века). // Труды ТГУ. Т. 125. 1968. С. 7–54. (Отметим, что вторая статья до сих пор не опубликована. — Р. Г.); Лордкипанидзе М. Д. История Грузии XI — начала XIII века (Научно-популярный очерк). Тбилиси, 1974 (далее — Лордкипанидзе, 1974). С. 173; Очерки истории Грузии, 2002. С. 162, 167, 171.

⁴⁷ Сысоев В. М. Краткий очерк истории Азербайджана. Баку, 1925. С. 62; Чайкин К. И. Из грузино-иранских связей. // Руставели. Тбилиси, 1938 (далее — Чайкин, 1938). С. 22.

⁴⁸ Али-заде А. А. От ответственного редактора. // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963 (далее — Али-заде, 1963). С. 8–12; Он же. К вопросу об освещении ширвано-грузинских отношений в XI–XII веках (статья первая). // Известия АН Азерб. ССР. СИФП. 1977. № 4. С. 73–85.

⁴⁹ Ашурбейли С. Б. Государство ширваншахов. Баку, 2006 (далее — Ашурбейли, 2006). С. 116.

⁵⁰ Бунятов З. М. Грузия и Ширван в первой половине XII века. // Грузия в эпоху Руставели. Тбилиси, 1966 (далее — Бунятов, 1966). С. 282.

⁵¹ Бердзенишвили И. А. Из прошлого Восточной Кахетии. // Мимомхилвели. 1953. С. 69 (на груз. яз.).

⁵² Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008. С. 189, 208, прим. 80; Histoire de la Géorgie, 1849. P. 334.

⁵³ Али-заде, 1956. С. 357.

взаимоотношений Азербайджана и Грузии, в том числе азербайджанских ширваншахов с грузинскими Багратами в XII веке. Об этом рассказано в специальной публикации⁵⁴.

При Давиде IV Строителе Грузинское царство превращается в одно из значительных восточно-христианских государств. Это было следствием ряда событий внутри- и внешнеполитического характера. Во-первых, ему удалось временно нейтрализовать собственных крупных владетельных феодалов. Во-вторых, Первый крестовый поход (1096–1099) временно отвлек внимание великих султанов Сельджукидов от Кавказа. В-третьих, Византийская империя, обессиленная в борьбе с сельджуками, не могла оказывать прежнего влияния и давления на Грузинское царство (особенно после Манцикерта, 1071 год). Чтобы продемонстрировать свою независимость от неё, Багратиды теперь именовали себя весьма пышно: «Величие мира и религии, царь великий, меч Мессии, царь царей, царь Востока и Запада, шаханшах, царь абхазов, картлов, ранцев, кахов»⁵⁵.

В связи со сказанным следует обратить внимание на следующее немаловажное обстоятельство. Хотя Е. А. Пахомов считал, будто при Давиде IV Строителе грузинские цари усвоили титул *ширваншах*, однако он сам же писал об отсутствии документального подтверждения сказанного как для этого Багратида, так и для его ближайших преемников⁵⁶. Не подтверждается фиксация титула *ширваншах* даже для царицы Тамар (1184–1213), правление которой считается «блестящей эпохой» в истории феодальной Грузии. Термин *ширваншах* появляется в титулатуре Багратидов лишь со времени Георгия IV Лаши (1213–1221)⁵⁷. А это время — начало очередного упадка Грузинского царства. В связи с отмеченным интересно заключение М. Ф. Броссе о том, что почти все титулы, фиксированные для Багратидов XIII века, сохранялись ими, с некоторыми перерывами, вплоть до XVII века. Но характерно: когда даже было утрачено понимание значения ряда из них, в том числе титула *ширваншах*, по традиции, их продолжали включать в титулатуру Багратидов⁵⁸.

Для сравнения, можно отметить, что не менее внушительной и пышной была в том же XII веке титулатура глав Ширванского государства, приводимая как самим Е. А. Пахомовым, так и рядом других учёных: «*Ширваншах, хакан, великий хакан, высочайший малик, помощник эмира верующих* (то есть халифа. — Р. Г.), *царь премудрый, справедливый, вспомоществуемый (Аллахом), победоносный, воитель за веру, гордость религии и державы, опора и царь ислама и мусульман, величие мира и религии, воитель за веру, защитник религии, венец царей и султанов*»⁵⁹.

Другой вопрос, насколько столь громкие титулы соответствовали истинному положению как Багратидов, так и ширваншахов. В связи с этим стоит напомнить что в том же XII веке византийский базилевс Мануил I Комнин (1143–1180) в официальном документе именовал себя императором многих стран, в том числе «*императором Грузинским*»⁶⁰.

Известно, что в обиходе грузинского общества в XII веке доминировала арабская, персидская и тюркская политическая, социальная, придворная терминология: *амид, амиль, амйраджеби, амир-и ахур, амир-и сипех-салар, амкар, аснаф, баззас, дарбази, калаки, сипех-салар, устад; а также титулатура: амир, атабек, вазир*. Значит, имелись достаточно веские реальные

мотивы для того, чтобы христианское государство и его главы ввели в свой обиход мусульманскую терминологию и титулатуру. В связи с этим необходимо напомнить о следующем.

В XII веке Грузинское царство являлось единственным на Кавказе государством, чья профессиональная принадлежность отличалась от остальных. В Передней Азии, как и в самом Кавказском регионе, ему не на кого было опереться по религиозной линии, в то время как конфессия играла важную роль в жизни феодального общества. В то же самое время Грузинское царство находилось в окружении и «под прицелом» таких значительных мусульманских государств, как Иракский и Конийский султанаты Сельджукидов, государство атабеков Ильденизидов, эмираты Данишмендидов, Зангидов, Артукидов, Сёкменидов, Мангуджидов. В таких форсмажорных условиях Багратам следовало уцелеть любым доступным и достойным образом, для чего они должны были вести гибкую внешнюю и внутреннюю политику, чтобы не вступать в невыгодную и неблагоприятную для себя конфронтацию с мусульманским миром. Вот почему грузинские цари обязаны были найти если не единоверцев, то венценосцев-иноверцев, которые в определённой степени могли помочь им выстоять в столь сложной геополитической ситуации.

Ближайшими и толерантными оказались ширваншахи, и Багратиды верно оценили столь важный для себя фактор. К тому же, Ширванское государство граничило с владениями атабеков Ильденизидов и иракских султанов Сельджукидов, представляя собой своеобразную буферную зону между мусульманским и христианским лагерями на Кавказе. Да и враги у Ширванского государства и Грузинского царства в XII веке являлись общими, и обе политические системы Кавказского региона должны были, помогая друг другу, отстаивать свою независимость. Вот почему ещё в первой четверти XII века общие интересы способствовали сближению этих двух государств⁶¹. Вместе с тем династический брак — женитьба наследника ширваншаха Афридуна I (1106–1120) на дочери Давида IV Строителя — «должен был иметь благоприятное влияние на политическое положение Грузии», которая обеспечила таким путём свою безопасность со стороны Ширванского государства⁶². Вообще для этого Багратида была характерна политика, одной из важнейших черт которой являлось «более тесное сближение со странами мусульманского Востока»⁶³. Впоследствии грузинский царь Дмитрий I (1125–1156) по той же причине также искал союза с ширваншахами⁶⁴.

Симптоматична и политика Давида IV Строителя в отношении Тифлиса, когда правившие там арабские эмиры Джаффарида открыли в 1122 году перед ним городские ворота, и он вступил в этот крупнейший грузинский город. Теперь, после 400-летнего мусульманского владычества, Тифлис стал столицей Грузинского царства. Учитывая, что в городе по-прежнему сохранялись роль и значение мусульман в ремесленном производстве, торговле и в городском управлении, царь даровал его жителям аман и простил подати за 1122 год. Более того, здесь продолжали чеканить дирхемы с именами султанов Сельджукидов и халифов Аббасидов; было дозволено публичное чтение Корана, поминание в местной хутбе Сельджукидов и Аббасидов; запретили держать и продавать в городе свиней; ежегодную подушную подать с мусульман определили в три динара, а с грузин — в пять. Преемник Давида IV Строителя — Дмитрий I (1125–1156), — продолжая его политику на сближение с миром ислама, посещал соборную мечеть Тифлиса и присутствовал при хутбе; и в его время

⁵⁴ Гусейнов Р. А., Алиев С. С. Из истории союзных отношений Азербайджана и Грузии в XII веке. // Ученые записки. Министерство высшего и среднего специального образования Азерб. ССР. 1977. № 4. С. 23–31.

⁵⁵ Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955 (далее — Капанадзе, 1955). С. 60–64.

⁵⁶ Пахомов, 1923. С. 33, 47.

⁵⁷ Джанашивили М. Г. Царица Тамара. Тифлис, 1900. С. 127.

⁵⁸ Brosset M. F. Rapports sur un Voyage archeologique dans la Géorgie et dans l'Arménie exécuté en 1847–1848. St-Petersbourg, 1851. 4-е сообщение. С. 50.

⁵⁹ Пахомов Е. А. Старинные оборонные сооружения Апшерона. // Труды Института истории АН Азерб. ССР. 1947. Т. I. С. 56; Алескер-заде А. А. Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. // Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. Баку, 1947. С. 379–380, 383, 385; Бартольд, 1963. С. 877; Ашурбейли, 2006. С. 114, 115, 117; Бунятов З. М., Нейматова М. С. Новый документ по истории Ширвана начала XII века. // ДАН Азерб. ССР. 1973. Т. XIX. № 11–12. С. 86.

⁶⁰ История Византии. Т. II. М., 1967. С. 330.

⁶¹ Бунятов, 1966. С. 282; Лорднупанидзе, 1974. С. 106–107.

⁶² Бунятов З. М. Ширван в XII — первой половине XIII веков. // Известия АН Азерб. ССР. СИФП. 1975. № 1. С. 36–37.

⁶³ Очерки истории СССР. Период феодализма. Т. I. М., 1953. С. 654; Жордания Ф. Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903 (далее — Жордания, 1903). С. 10; Пахомов Е. А. Как отражались исторические события на монете Грузии. Б. м., б. г. (далее — Пахомов, б. г.). С. 55; Капанадзе, 1955. С. 58; Капанадзе Д. Г. Медная монета грузинского царя Давида, сына Георгия. // Эпиграфика Востока. 1958. № XII (далее — Капанадзе, 1958). С. 42; Лорднупанидзе, 1974. С. 115.

⁶⁴ Жордания, 1903. С. 10; Капанадзе, 1955. С. 58.

здесь, при грузинском царе, по-прежнему находился шихнэ (личный представитель) иракского султана Сельджукида Тогрула I (1132–1134)⁶⁵.

В связи с Давидом IV Строителем и его ближайшими преемниками стоит также отметить, что Багратиды проводили политику сближения не только с мусульманским, но и с тюркским миром. Так, он пригласил на военную службу 40 тысяч кипчаков, переселившихся с Северного Кавказа в Грузию вместе с семьями и игравших важную роль в царском войске. Впоследствии грузинский царь Георгий III (1156–1184) также переселил в свои владения ещё несколько десятков тысяч кипчаков⁶⁶. Их потомки до сих пор компактно проживают в заметном количестве в Восточной Грузии.

В связи с характером взаимоотношений Азербайджана с Грузией в XII веке следует обратить внимание на нумизматический материал, который является одним из важных и объективных показателей истинного политического и экономического статуса государства и его правящей династии. Так, по свидетельству Е. А. Пахомова, монета Багратидов в соседнем Азербайджане, в том числе в Ширванском государстве, неизвестна. Монета же ширваншахов и атабеков Ильденизидов имела хождение на рынках Грузинского государства⁶⁷. О чем это может свидетельствовать? К тому же, чекан ширваншахов не имеет каких-либо отклонений от традиционных мусульманских норм. Иными словами, «неравноправность» взаимоотношений Азербайджана с Грузией в XII веке не находит подтверждения и в таком важнейшем показателе, каким является монета.

С другой стороны, насколько документально точно монетный чекан «регистрирует» положение государства и его правящей династии, можно усмотреть, в частности, в следующем. При великом султани Сельджукиде Малик-шахе (1072–1092) его имя на монете ширваншахов стоит рядом с именем главы Ширванского государства, но без указания титула последнего. Это отражало степень реальной зависимости ширваншахов от Сельджукидов во второй половине XI века. После гибели Малик-шаха в 1092 году в течение примерно одного года зависимость Ширванского государства от Сельджукидов стала эфемерной настолько, что этого оказалось достаточным для выпуска монеты только от имени ширваншахов. Причем на чекане указана и часть их титулатуры: *ал-малик* (царь).

Но с 1096 года на монете Ширванского государства вновь, наряду с именами ширваншахов, появляются имена сперва великих султанов Сельджукидов, до 1118 года; затем — иракских султанов Сельджукидов. Такое положение сохранялось *де-факто* в продолжение всего XII века: при ширваншахах Манучехре II (1096–1107), Манучехре III (1120–1160), Ахситане I (1160–1196). Поэтому *де-юре* до 1160 года ширваншахи считались вассалами Сельджукидов, а с этого года и до 1191 года *де-факто* зависели от атабеков Ильденизидов, создавших Азербайджанский султанат. Лишь после гибели в 1191 году султана Кызыл-Арслана Ильденизида ширваншахи покончили со своей зависимостью от его эпигонов, и вновь чеканили монету только с собственной титулатурой *ал-малик ал-азам ширваншах* (великий царь, ширваншах)⁶⁸.

Таким образом, тот важнейший «синхронный материал», в данном случае нумизматический, который является необходимым для решения вопроса о статусе Ширванского государства в XII веке, признаков какой-либо его зависимости от Грузии в том столетии не содержит. Впрочем, таких данных нет ни для предшествующих, ни для последующих веков.

Что же касается самой Грузии, то она «в силу своего положения постоянно подвергалась опустошениям вследствие вторжений с севера и с юга, и её монетная система демонстриру-

ет удивительное разнообразие, носит двуязычный характер. Сперва это подражание Сасанидам, затем — Византии (с легендами) на греческом и грузинском, впоследствии — на грузинском и арабском»⁶⁹.

Не менее характерна в этом отношении грузинская монета, чеканенная в XII веке. Так, при Давиде IV Строителе (1089–1125) происходит очередная смена монетных типов: грузинский чекан становится близок к мусульманскому по смыслу (содержанию) надписи, её языку, графике, титулатуре, орнаментике, металлу, фактуре. Теперь грузинская монета была снабжена «преимущественно арабскими надписями; грузинской легенде уделено самое незначительное место: шрифтом „мтаврли“ выставлялись лишь инициальные буквы имён грузинских царей (Димитрия I или Георгия III)»; на монетах Дмитрия I (1125–1156) и Георгия III (1156–1164) в арабской легенде содержатся имена султанов Сельджукидов и халифов Аббасидов. Титулатура грузинских царей на них передана арабицей и по-арабски. Этот факт связывают с тем, в частности, что Дмитрию I пришлось признать зависимость от иноверных венценосцев, а у Георгия III — с желанием выставить себя «другом мусульман»⁷⁰.

Что касается монетного чекана Давида IV Строителя и Тамар (1184–1212), при которых Грузинское царство переживало очередной подъём, то следует отметить, что он также содержит надписи на арабском и грузинском языках. Причём даже сами христианские символы переданы на грузинской монете по-арабски и арабицей: *меч Мессии — как кусам ал-масих, опора Мессии — захир ал-масих, полнолуние Мессии — бадр ал-масих*⁷¹.

Политическая и военная картина XII века как Кавказа, так и вообще Передней Азии, мусульманских по преимуществу, а вместе с тем характер взаимоотношений Азербайджана и Грузии в том столетии будут неполными, если не принять во внимание ту важную роль, которую играло в истории периода государство атабеков Ильденизидов. Последние сумели не только воспрепятствовать военно-политической активизации грузинских царей в Кавказском регионе, но и вмешивались во внутренние дела Грузинского царства и отняли у Багратидов ряд территорий⁷². В целом, во второй половине XII века Ильденизиды положили конец военным походам грузинских царей в пределах Кавказа. Поэтому закономерно и то, что именно Ильденизиды, а не грузинские Багратиды, играли заметную роль в истории Ширванского государства, о чем говорится в сочинениях современников. Эта сторона деятельности атабеков Азербайджана довольно подробно освещена выше.

Здесь, в связи с характером взаимоотношений Азербайджана и Грузии в XII веке, достаточно напомнить, что, лишь благодаря содействию Шамс ад-Дина Ильдениза, ширваншах Ахситан I (1160–1196) сумел занять трон своих предков, почему и признал себя формальным вассалом иракского султана Сельджукида, то есть фактически Ильденизидов. Тем самым он обеспечил себе поддержку со стороны могущественных мусульманских соседей. Вот почему нереально, будто Ширванское государство зависело от Грузинского царства. Если бы Багратиды, действительно, являлись сюзеренами ширваншахов, то Ахситан I, чья мать, к тому же, происходила из грузинского царского рода, должен был обратиться за помощью к Георгию III, приходившемуся ему дядей по материнской линии. Но он почему-то этого не сделал.

Подтверждение мусульманской доминанты на Кавказе в XI–XII веках, как вообще в Передней Азии тех столетий, содержится не только в нарративных письменных памятниках, но и в художественных. Так, главный герой огузского эпоса «Китаб-и Дедем Коркуд» Байын

⁶⁵ Очерки истории Грузии, 2002. С. 133–135, 229; Чхатарайшвили, 1966; Месхиа, 1974. С. 34 и сл.; Amedroz H. F. Three Arabic Manuscripts on the "History of the City of Mayyafarīqin". // Journal of the R. Asiatic Society. 1902. P. 791; Minorsky V. Caucasia, I. Caucasia in the "History of Mayyafarīqin". // BSOAS, 1948. Vol. XII/4. P. 29, 32–31.

⁶⁶ Очерки истории Грузии, 2002. С. 229; Чхатарайшвили, 1966.

⁶⁷ Пахомов, 1926–1966.

⁶⁸ Раджабли, 1997. С. 58–59.

⁶⁹ Codrington O. A. Manual of Musulman Numismatics. London, 1901. P. 15.

⁷⁰ Капанадзе, 1955. С. 58, 65; Капанадзе, 1958. С. 41–42; Lang D. M. Studies in Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. New York, 1959. P. 20, 21, 23–24, 26.

⁷¹ Пахомов, 1970. С. 81–89; Пахомов, б.г. С. 55–56; Пахомов Е. А. Загадочные грузинские монеты на побережье Каспия. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 167; Быков А. А. Грузинские монеты XII–XIII веков. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 78–81; Капанадзе, 1955. С. 59–65; Капанадзе, 1958. С. 39.

⁷² Гусейнов Р. А. Сельджуки и Закавказье. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969; Он же. Иракские Сельджукиды, Ильденизиды и Закавказье. // ПС. 1970. Вып. 21; Он же. Титулатура и тамга Ильденизидов. // СТ. 1970. № 4.

дыр-хан получал дань с девяти тюменей Грузии. Другой герой эпоса — Эмран — одержал верх в единоборстве с грузинским богатырем, и его люди, преследуя бегущего неприятеля, овладели богатой добычей. Ещё один персонаж того же эпоса — Сегрек — успешно одолел врагов на грузинской территории. Шер Шамс ад-Дин, сын Гафлет-ходжи, в котором нетрудно узнать Ильдениза, «заставил изрыгать кровь шестьдесят тысяч гяуров»⁷³.

Таким образом, зная реалии периода и опасность, исходящую от мусульманского мира, в первую очередь от государства атабеков Азербайджана Ильденизидов, Грузинское царство должно было вести в XII веке не только толерантную религиозную внутреннюю, но и гибкую, осторожную внешнюю политику. Поэтому Багратиды могли находиться с ширваншахами лишь в позитивных отношениях.

С другой стороны, Грузия зависела от мусульманского мира, в том числе от Азербайджана, не только политически, но и экономически. В частности, как отметил К. И. Чайкин, «со второго десятилетия XII века между Грузией и Ширваном устанавливаются на долгое время союзные отношения, скрепляемые как взаимной военной помощью, так и браками между династиями грузинских Багратидов и ширваншахов. Экономическая сторона этих отношений не изучена, но нельзя не указать на хозяйственное значение Ширвана с его нефтью и распространённой шёлковой торговлей»⁷⁴.

А. А. Али-заде также пришёл к заключению, что грузинские цари стремились использовать в своих интересах экономическое значение Ширванского государства⁷⁵. Вообще, в XII веке Азербайджан и Грузия, как и другие страны Кавказа, находились в тесном экономическом общении как между собой, так и со странами Передней Азии, ибо торговля, как и другие формы экономических связей, не знала государственных и конфессиональных границ. Права М. Д. Лордкипанидзе, считающая, что льготы Давида IV Строителя мусульманскому населению своего государства и столицы Тифлиса являлись следствием большой роли мусульман в местной и международной торговле⁷⁶.

О торгово-экономических связях Азербайджана и Грузии между собой и с другими странами свидетельствует нумизматический материал. Наличие этих связей подтверждается и объясняется как внутренней потребностью государств, так и тем, что они являлись, независимо от своей политической и конфессиональной принадлежности, составными частями общей политической и экономической системы Передней Азии. Не случаен вывод В. В. Бартольда о том, что в Средневековье христианская Грузия входила в состав мусульманской Азии если не в политическом, то в экономическом и культурном отношениях⁷⁷.

Этот основополагающий для грузинской истории исследуемого периода тезис впоследствии был развит грузиноведами, подтвердившими своими публикациями существование в XI–XII веках тесных политических и экономических связей Грузии с мусульманским миром⁷⁸.

Наличие этих торгово-экономических связей и зависимость Грузии от мусульманского мира подтверждается также тем, что царство Багратидов, как и другие государства Передней Азии, было охвачено в XI — начале XIII века серебряным кризисом. В. В. Бартольд писал в связи с этим феноменом: «О тесной связи всей экономической жизни Грузии с жизнью мусульманского мира свидетельствует, между прочим, факт вовлечения Грузии в монетный кризис, охвативший в XI и XII веках почти всю мусульманскую Азию... во всяком случае ясно, что кризис, захвативший обширный район, в котором Грузия составляет

⁷³ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 30, 57–58, 83, 84, 88–89, 92–93.

⁷⁴ Чайкин, 1938. С. 22.

⁷⁵ Али-заде, 1963. С. 12.

⁷⁶ Лордкипанидзе, 1974. С. 115.

⁷⁷ Бартольд, 1963. С. 255.

⁷⁸ Месхиа, 1974. С. 58; Шенгелия Н. Н. Сельджуки Малой Азии и Грузия. Тбилиси, 2003. С. 481 (на груз. яз., русское резюме); Лордкипанидзе, 1974. С. 12.

только небольшую часть, должен быть объяснён причинами не местного, а более общего характера»⁷⁹.

Этот тезис для грузинской истории исследуемого времени также подтвержден в трудах грузиноведов⁸⁰.

В заключение стоит напомнить, что азербайджано-грузинские взаимоотношения в XII веке на фоне мировой истории носили, естественно, сугубо локальный, внутрикавказский, характер. Они могли оказать влияние на политическую жизнь только двух субъектов: Ширванского и Грузинского государств. Однако, эти взаимоотношения существовали в контексте доминирующей в Передней Азии военно-политической, торгово-экономической и конфессиональной ситуации, а еще масштабнее — в геополитической ойкумене, понятийно охватывающей для эпохи классического Средневековья формулу «мусульманский Восток — христианский Запад».

XII столетие — время разгара крестовых походов западно-европейского рыцарства на мусульманский мир. Будучи военно-колониционными предприятиями, они способствовали усилению и расширению контактов между Западом и Востоком. Вместе с тем они оказали заметное влияние на историю как Передней Азии, так и Западной Европы. Одновременно XII столетие — время активизации сельджукских султанатов и государства атабеков Азербайджана Ильденизидов, влиявших на военно-политическую ситуацию как в Передней Азии, так и на Кавказе. К тому же, XII столетие — время военно-политической стабильности на мусульманском Востоке и, одновременно, период дестабилизации в восточно-христианском мире, в том числе — время слабости самого значительного и обширного государства этого мира — Византийской империи. Последняя утратила свои лидирующие позиции под ударами как крестоносцев, олицетворявших собой наступление христианского Запада на единоверный Восток, так и мусульманских государств Передней Азии, доминировавших в этом обширном и важном мегарегионе ойкумены.

Существовали и иные факторы, определявшие либо влиявшие на ситуацию как в Передней Азии, так и в более широком ареале. Тем не менее, для тех событий, что связаны с характером отношений между Азербайджаном и Грузией в XII веке, важными являлись, в первую очередь, очерченные выше силы и государства мусульманского Востока. В такой конкретной ситуации взаимоотношения Ширванского государства и Грузинского царства могли развиваться в строго определенном направлении. В связи с этим принципиально важно заметить, что в XII веке Переднюю Азию, в том числе её составную часть — Кавказ, — контролировали мусульманские государства, и события здесь разворачивались и шли под знаком мусульманской доминанты.

Таким образом, комплекс данных свидетельствует, что в XII веке военно-политические и торгово-экономические реалии переднеазиатского, в том числе кавказского, мира однозначно являлись мусульманскими. Это привело к переориентации Грузинского царства и правящей династии Багратидов с ослабшей восточнохристианской Византийской империи и вообще с христианского Запада на мусульманский Восток, в первую очередь на соседнее Ширванское государство и ширваншахов. В таких условиях между этими двумя значительными политическими системами Кавказа, в целом же между Азербайджаном и Грузией, могли существовать лишь позитивные и паритетные, то есть союзные, взаимоотношения.

⁷⁹ Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 385.

⁸⁰ Пахомов, 1970. С. 80; Капанадзе, 1955. С. 58–59.

Глава IV. Типологические особенности социально-экономических отношений на Кавказе в XI–XII веках

4.1. Вводные замечания

Как любое другое нашествие и временное господство на Кавказе, вообще в Центральной и Передней Азии, сельджукское также нарушило естественный ход социально-экономического развития, внесло существенные изменения в общественно-политическую и культурно-идеологическую жизнь завоеванных стран. Произошло перераспределение земель и доходов между различными группами местной и пришлой элиты. На первое место среди «новых» выдвинулись султаны, их эмиры и военачальники. Но не утратили своих позиций местные династии, эмиры, военачальники и высшие должностные лица гражданской администрации.

От сельджуков пострадали, в первую очередь, местное население и сельское хозяйство, ремесло и торговля, города и селения. Вместе с тем следует отметить, что в дальнейшем, даже в условиях временного сельджукского владычества, наблюдается поступательное развитие региональной экономики. Причиной тому были, с одной стороны, закономерности процесса позитивной трансформации общества, с другой — позитивная эволюция самих сельджуков под влиянием экономически и культурно более развитой осёдлой среды. Это способствовало переходу от режима военной оккупации к гражданскому управлению захваченными странами, то есть фактически к упорядочению социально-экономических отношений на Кавказе. Подобная ситуация более соответствовала, хоть и изменившимся реалиям, но нормальному развитию как региона, так и сельджуков.

Действительно, часть пришлых эмиров во главе с султанами, налажившие связи с местными ремесленно-торговыми кругами, проявила заинтересованность в развитии тех территорий, что оказались под их властью. В экономической сфере земледельческое хозяйство местного осёдлого населения и скотоводческое хозяйство новых поселенцев дополняли друг друга, и даже стимулировали товарное производство. Не случайно, синхронные источники замечают, что «огузы торговали в своих городах» и всячески содействовали развитию ремесла. При этом большинство основанных или восстановленных при сельджуках городов локализируются на Южном Кавказе. В административной и социальной сферах также имели место изменения. Таким образом, в целом, происходило сближение интересов в области как политической, так и экономической, и в этом случае две разные силы — местная и внешняя — действовали в одном направлении.

Вот почему, хотя на рубеже XI–XII веков Сельджукская держава политически раздробилась, экономические связи между её составными частями почти не нарушились. В первую очередь, объяснение этого явления кроется в том, что подобные связи существовали ранее, имели многовековые традиции, выдержали испытание временем и были получены сельджуками в наследство.

Вместе с тем надо отметить, что при сельджукском господстве уже во второй половине XI века наблюдался относительный порядок на обширных пространствах от Центральной Азии до Средиземного моря и от Кавказа до Персидского залива. Этот ареал оказался в рамках единого государства, что способствовало ликвидации таможенных и пограничных барьеров. В результате, различные по уровню развития страны были теперь вовлечены в русло общей политической и социально-экономической эволюции. Всё это, вместе взятое,

в XI веке и, особенно, в XII столетии помогло переходу на более высокую ступень эволюции отдельных государств, вовлеченных в пространство Сельджукской державы. В итоге, уже к исходу XI века наметился экономический подъём, который нарастал в следующие десятилетия, особенно по мере ослабления сельджукского военно-политического присутствия и консолидации местных государств — консолидации не только политической, но также экономической. Иными словами, происходил объективный процесс дальнейшего развития сельского хозяйства и ремесленно-торговой деятельности, роста и расцвета городов, позитивных изменений в товарно-денежных отношениях. Всё это — характерные черты экономики периода, присущие в равной мере Кавказу. Причем, учитывая уровень развития городов и вообще хозяйства в Кавказском регионе, следует говорить о заметной роли здесь, как и во всей Передней и Центральной Азии, денежной формы ренты.

В XI–XII веках основой экономической жизни стран Кавказа были многоотраслевые сельское хозяйство и ремесленное производство, а также горно-пастбищное отгонное скотоводство. Вместе с тем различные районы имели специфику хозяйствования, что являлось следствием разных факторов. Но следует подчеркнуть, что страны Кавказа издавна славились своим культурным хозяйствованием. Здесь занимались хлебопашеством и скотоводством, хлопководством и виноградарством, шёлководством и рыболовством, пчеловодством и льноводством, рисоводством и плодовым садоводством. Издавна были хорошо известны природные богатства региона. Земледелие, скотоводство и полезные ископаемые являлись базой, на которой процветали города и городское ремесло, торгово-транзитные связи, внутренние и международные экономические взаимоотношения.

Во второй половине XI–XII веках для стран Передней Азии, в том числе кавказских, характерным было позитивное развитие хозяйства. Вновь стали обрабатывать заброшенные земли; построили плотины и другие ирригационные сооружения, в том числе оросительные каналы; существовали товарные земледелие, ремесло и скотоводство. Сравнение сопоставимых данных позволяет заключить, что в XI–XII веках, как и прежде, Кавказ оставался важным звеном экономической системы Передней Азии. Поэтому можно говорить о достаточно высоком уровне развития Кавказского региона в целом. Одним из подтверждений является все большее распространение земледелия в горных и предгорных районах Северного Кавказа¹. Здесь увеличивалась зона террасного земледелия.

Рост продукции сельского хозяйства, ремесла и скотоводства, расцвет городов и городской жизни, торгово-транзитных связей и товарно-денежных отношений на Кавказе способствовали повышению доходности и денежных поступлений в казну как местных властей, так и Сельджукидов и эмиратов. Например, государства Кавказа ежегодно давали Сельджукской державе 3200 туманов. Из этой суммы на долю Азербайджана приходится 2700 туманов, Грузии — 500 туманов². Один туман равнялся 10 тыс. серебряных дирхемов, каждый из которых весил 4,2 г серебра³. Таким образом, 1 туман составлял 42 кг серебра. Значит, в исследуемый период общая сумма поступлений с Кавказа в сельджукскую казну составляла по весу 134 тонны серебра ежегодно, в том числе из Азербайджана — 113 тонн, из Грузии — 21 тонна.

Вместе с тем позитивные изменения во всех сферах местной жизни способствовали расширению и интенсификации многовекторных взаимоотношений и взаимосвязей стран Кавказа с окружающим миром.

¹ История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988 (далее — История народов Северного Кавказа, 1988). С. 144.

² Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. // ИАН СССР. ООИ. 1937. № 4. С. 897–898.

³ Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970 (далее — Хинц, 1970). С. 11.

4.2. Характер экономической жизни Кавказа в XI–XII веках

Вышеизложенное о типологических чертах социально-экономических отношений позволяет дать конкретный ответ на принципиально важный вопрос о характере экономической жизни региона в исследуемый период.

Относительный порядок, установленный при Сельджукидах в Центральной и Передней Азии со второй половины XI века, объективно способствовал развитию сельского хозяйства, скотоводства и ремесленно-торговой деятельности, росту и расцвету городов, позитивным изменениям в товарно-денежных отношениях и торгово-транзитных связях.

Это — характерные экономические признаки развитого восточного феодализма, присущие также Кавказу XI–XII веков. Поэтому высказываемые иногда мнения о замкнутом натуральном хозяйстве в регионе, возможно, навеяны натуральным характером самой феодальной ренты, а не хозяйства непосредственных производителей или феодалов. Ибо и при заметной роли денежной формы феодальной ренты (как это наблюдается по всей Передней Азии, в том числе на Кавказе) условия хозяйствования в подавляющем большинстве случаев возмещались и воспроизводились из валовой продукции крестьянского и скотоводческого хозяйства без содействия рынка. В деньги превращался не весь крестьянский и скотоводческий продукт, а лишь та его часть, которая составляла ренту (ренту-налог). Собственно, в сумме феодальное хозяйство считается натуральным даже при полном господстве денежной ренты, ибо большая часть земледельческой и скотоводческой продукции по-прежнему не попадает на рынок. Исключение составляло городское ремесло, работавшее на рынок.

Можно ли говорить о повороте к замкнутому натуральному хозяйству в XI–XII веках, если здесь была активная городская жизнь, а города предполагают переход к денежной ренте, её заметную роль. История денежной ренты связана с историей феодального города — очага товарного производства. С другой стороны, переход к денежной ренте был связан с ростом нормы эксплуатации. Сам процесс роста и расцвета городов должен быть связан с развитием рыночных отношений, с заметной ролью денежной формы феодальной ренты. Если учесть к тому же, что на Востоке, в том числе на Кавказе, города существовали с самого начала появления феодального строя, то для исследуемых столетий никак нельзя принять тезис о замкнутом натуральном хозяйстве.

Таким образом, наблюдавшиеся в течение XI–XII веков рост и расцвет городов должны быть связаны с развитием рыночных отношений, а вместе с этими процессами могло происходить увеличение удельного веса денежной ренты. Возможно, это — одна из особенностей экономики периода, вообще эволюции восточного феодализма. Заметная же роль денежной ренты предполагает уже более значительное развитие торговли, городского ремесла, а вместе с ними и денежного обращения.

Значит, процессы экономической эволюции Кавказа в XI–XII веках сопоставимы с формой хозяйствования, весьма далекой от натуральной с её примитивным товарообменом. Поэтому не случайно, что доминирование в регионе земельного института *икта*, то есть условного (первоначально) держания не нарушило в XI–XII веках товарно-денежных отношений. Ибо на Востоке образование крупного феодального землевладения не способствовало в те столетия возникновению поместья как формы хозяйствования, а значит не привело к замкнутому натуральному хозяйству.

Таким образом, в XI–XII веках основой экономической жизни Кавказа оставались сельское хозяйство, ремесленное производство и горно-пастбищное отгонное скотоводство. Следует акцентировать внимание и на следующем. Учитывая темпы воспроизводства промышленных и людских ресурсов в Средневековье, трудно представить, чтобы за короткий исторический срок удалось преодолеть якобы характерные для Кавказа, в результате сельджукского завоевания и господства, экономический упадок и ослабление товарообмена, замкнутое натуральное хозяйство и значительное увеличение кочевого элемента. Иными

словами, восстановить потери, а затем вступить в полосу столь присущего XI–XII векам относительно высокого уровня развития сельского хозяйства, скотоводства и ремесла, городов и торговли, а также торгово-транзитных связей.

Таких глубоких негативных явлений не было. К тому же произошло сближение интересов верхушки местного феодального общества с той частью пришедшей военно-кочевой знати, которая выступала за контакты с ремесленно-торговыми слоями. Причем совпадение интересов касалось не только сферы политической, но и экономической, почему и произошёл на завоёванных территориях переход от режима военной оккупации к упорядоченным социально-экономическим отношениям. Вместе с тем имело место определённое обновление состава феодалов за счёт пришедшей военно-кочевой знати, следствием чего стали известные изменения в поземельных отношениях. Однако, и этот процесс не привел к существенному экономическому упадку и натурализации хозяйства.

Конечно, на местную фискальную систему была наложена ещё иноземная, что усугубило положение податного сословия, но и это не означало экономического, политического или культурного упадка либо застоя. Во всяком случае, в XI–XII веках такого нет в ярко выраженной форме. Более того, хотя в продолжение тысячи лет, с III по XII века, Кавказ последовательно подвергся нашествиям крупных военно-политических сил, он не отстал в своём развитии от других зон Передней Азии. А ведь регион неоднократно был ареной военных столкновений, пережил гуннское, сасанидское, хазарское, византийское, арабское, сельджукское иноземное господство.

Суть в том, что экономическая эволюция Кавказа шла, в целом, в общем направлении-векторе усиления взаимодействия и взаимозависимости стран как в самом регионе, так и с другими зонами, независимо от их политической и конфессиональной ориентации. Если сравнить уровень развития Кавказа с другими восточными и западными зонами, вряд ли удастся обнаружить в нашем регионе какие-либо особые отклонения от эволюции оптимальной феодальной модели. Поэтому можно однозначно констатировать, что в течение второй половины XI и особенно в XII столетии Кавказ находился на экономическом, политическом и культурном подъёме.

Не имело места и поголовное уничтожение местного населения. До сих пор страны Кавказа, пережившие в течение III–XII веков не одно иноземное нашествие и временное господство, сохранили в основном свои коренные, автохтонные этносы, каждый из которых обладает собственным языком и территорией, материальной и духовной культурой, историей и менталитетом, этнопсихологией и исторической памятью, самосознанием. То есть автохтоны по сей день сохранили свою индивидуальность и неповторимость, позволяющие отличить один народ Кавказа от другого.

4.3. Поземельные отношения

Период XI–XII веков был временем полного развития форм феодальной иерархии, что проявилось также в сфере поземельных отношений. Происходившие на Кавказе в те столетия изменения фиксированы в двух аспектах, бывших конкретной формой политических и социально-экономических отношений сельджуков со странами региона. Во-первых, произошло перераспределение земельного фонда; во-вторых, — определённое обновление социального состава крестьянства и феодалов. В итоге, значительная часть земель образовала фонд сельджукских государств, тюркских эмиратов и доменов династий Сельджукидов. Другая часть перешла во владение сельджукских беков и эмиров, принимавших участие в завоевательном движении. Третья — осталась в распоряжении местных династий и феодалов.

Созданные сельджуками государства недолго владели всеми захваченными землями. Из их состава, в первую очередь из государственного фонда, выдавались пожалования. Это

хорошо известно из истории Кавказа XI–XII веков. Для наглядности можно отметить, что в начале XIV века во владениях вазира Хулагидов — знаменитого Рашид ад-Дина, автора «Джами ат-таварих» («Всемирная история») — обрабатываемых земель на Кавказе имелось: в Азербайджане — 1190 федданов; в Грузии — 300 федданов. Всего же — 1490 федданов⁴.

Перераспределение земель и определённое обновление социального состава крестьянства и феодалов представляли собой параллельные процессы, проходившие на Кавказе в два этапа. В случае с крестьянством можно говорить о включении в его состав пришлых тюркских племён, уджей и воинов. В случае же с феодалами — это сельджукские султаны, их эмиры, военачальники и атабеки. Оба параллельных процесса и их этапы связаны с особенностями социально-экономического развития на средневековом Востоке, в первую очередь со спецификой структуры сельджукских и ряда других государств. Имеются в виду: а) принцип уделов, б) формы управления на местах и в приграничных областях, в) распространение институтов *икта*, *уджей* и *атабеков*.

Первый этап — вторая половина XI — начало XII века, когда перераспределение земельного фонда и определённое обновление социального состава крестьянства и феодалов происходили немирным путём — захватом территорий силой оружия. Так составилась земельный фонд сельджукских султанов, их эмиров, военачальников и атабеков. Этот этап характерен появлением новых категорий землевладения и землепользования: *сельджукской государственной*, *икта*, *йайлагов*, *кишлагов*, *земель уджей*.

Второй этап — XII — начало XIII века. Тогда оба процесса — перераспределение земельного фонда и определённое обновление социального состава крестьянства и феодалов — протекали, в основном, уже мирным путём. В этот период сложились земельные фонды Азербайджанского султаната Ильденизидов и их вассалов, а также кипчаков в Азербайджане и Грузии. Одной из особенностей второго этапа стало появление крупных земельных владений «новых» феодалов, например, *атабеков*, *тюркских маликов* и *эмиров*. Другой особенностью было распространение новой формы землевладения — *земель уджей*, а также рост земельных владений *икта*. Это характерно для Иракского султаната Сельджукидов, Азербайджанского султаната Ильденизидов, Ширванского и Грузинского государств.

Определённое обновление социального состава крестьянства происходило за счёт осевших на землю огузов, кипчаков и других тюркских племён. Это были а) переселившиеся на Кавказ племена, наделяемые землёй; б) воины с их семьями, получавшие за службу условные земельные держания-наделы; в) уджи, поселённые на границах.

Одновременно для XI–XII веков характерен рост крупного землевладения, что стало следствием определённого обновления социального состава феодалов за счёт пришлой военно-кочевой знати. Но на Кавказе всё это не привело, как в средневековой Западной Европе, к возникновению поместья и натурализации экономической жизни исследуемого периода. Поместье, как форма хозяйствования, не характерно, в частности, в отличие от христианского Запада, для мусульманского Востока XI–XII веков, к которому принадлежал Кавказский регион. Суть в том, что здесь доминировали активная городская жизнь, городское ремесло, товарное производство, товарно-денежные отношения, обширные торгово-транзитные связи⁵.

Другой особенностью мусульманского Востока в XI–XII веках было доминирование монополюсной собственности феодала на землю. Иными словами, фактическим владельцем земли являлся не тот, кто её обрабатывал, а тот, кто получал доходы с неё в форме ренты.

⁴ Рашид ад-Дин. Переписка. / Перевод, введение и комментарий А. И. Фалиной. М., 1971. С. 269–271. Один феддан в Средние века составлял 6368 кв. м (Хинц, 1970. С. 74).

⁵ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X–XIV веках. Махачкала, 1975. С. 109–110; Якубовский А. Ю. Кавказ и Иран в эпоху Руставели. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 27, 29; История народов Северного Кавказа, 1988. С. 144; Гусейнов Р. А. О городской жизни и товарно-денежных отношениях в Азербайджане XI–XII веков. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М., 1979.

Поэтому формула «земля и народ принадлежат государю»⁶ являлась выражением политического могущества, подтверждением существования социально-политической иерархии.

Наличие частной собственности на землю на мусульманском Востоке, в том числе на Кавказе, подтверждается также одноступенчатым характером феодальной иерархии. Здесь господствовал принцип «вассал моего вассала — не мой вассал». В том, что доминировала именно эта формула, убеждают взаимоотношения султанов Сельджукидов, атабеков Ильденизидов, ширваншахов, а также царей Багратидов с их вассалами.

Государство, как земельный собственник, неохотно расставалось с землёй, которая была основой могущества и независимости того, кому она принадлежала. Не случайно бытовало выражение «земля — что золото». Поэтому, даже уступив права на землю, государство старалось сохранить власть над её новым владельцем. В этом смысле одним из удивительнейших проявлений государственности в XI–XII веках представляется форма управления землями и земельное право. Вот почему изменения в сфере поземельных отношений, столь характерные для периода, не могли не повлиять на государственный строй. В свою очередь, метаморфозы этого последнего сказались в сфере землепользования и землевладения. В этом аспекте типологически характерными являются для Кавказа XI–XII веков *удельная система* и *военно-феодальный институт уджей*.

Новый подход к вопросам землепользования и землевладения, в частности форма компенсации за службу государству или сюзерену, связанная с землёй или с доходами с неё, был выработан во второй половине XI века, при великих султанах Сельджукидах. Этот подход практиковался до начала XIII века везде, где вследствие развития местных феодальных обществ, а также сельджукского господства, произошли изменения в сфере поземельных отношений.

В XI–XII веках, по принципу податного обложения и принадлежности, земельные фонды подразделялись на несколько категорий. Каждая из них имела свои особенности, в различных странах и государствах они могли терминологически именоваться по-своему. Но общность или сходство касается всех категорий земель. Например, в Азербайджане, Грузии, Дагестане могут быть отмечены как формы землевладения и землепользования, которые существовали и ранее — *общинная*, *государственная*, *крестьянская*, *частнособственническая*, *родовая (фамильная)*, *вакуфная*, *домениальная*, *церковная*, так и новые, типичные для XI–XII веков, получившие тогда наибольшее распространение — *йайлаги*, *кишлаги*, *земли уджей*, *икта*. Ниже дана характеристика этих четырёх, новых и характерных для Кавказа в XI–XII веках, форм землевладения и землепользования.

4.3.1. Йайлаги и кишлаги

Это — летние и зимние пастбища и часть возделываемых земель, конфискованных у местного осёдлого населения или полученных тюркскими кочевниками-скотоводами в обмен за военную службу сельджукским султанам, их эмирам и атабекам. Сюда относились также земли местных жителей, которые, наряду с земледелием, занимались отгонным скотоводством. Поскольку тюрки сохраняли племенную организацию как форму общественного устройства, йайлаги (летовки) и кишлаги (зимовки) считались совместным владением племени, но фактическим их собственником являлся глава племени — эмир.

4.3.2. Земли уджей

Это — территории, занятые *уджами* — тюркскими пограничниками. Вместе с тем они — новая, ранее неизвестная в истории, земельная категория, появившаяся в связи с изменивши-

⁶ Сиасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. / Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949 (далее — Сиасет-наме, 1949). С. 34.

мися функциями родоплеменного ополчения после военной реформы, проведенной великими султанами Сельджукидами во второй половине XI века⁷.

Первоначально земли уджей являлись коллективным условным держанием племени с обязательством несения военной службы на границах. Дело в том, что система уджей стала не только формой существования родоплеменного ополчения в рамках военно-феодального института уджей (о нем дальше), но и способом обеспечения уджей, ибо государство не платило им жалованья за службу по охране границ. Уджи жили за счёт полученной земли и военной добычи.

Земли уджей появились в последней четверти XI века одновременно с образованием войска уджей и были характерны для сельджукских государств, Азербайджанского султаната Ильденизидов и тюркских эмиратов. Ареал распространения земель уджей был велик, известны они и на Кавказе XI–XII веков. Фонд земель уджей сложился за счёт конфискации у местного населения. Формальным получателем земель уджей было племя, поселённое на границе для её охраны. Фактически, они передавались эмиру племени, который был ответственен перед государством-жалователем за безопасность пограничной полосы. Теперь он именовался удж-беем, то есть эмиром уджей — тюркских пограничников, а также эмиром уджа — территории, которую племени было поручено охранять⁸. Такой эмир превращался в начальника определённой территории, где обладал военной и гражданской (административной) властью. Впоследствии это обстоятельство, наряду с другими, способствовало дроблению тюркских государств на бейлики (территориальные княжества), атабекства и эмираты. По отношению к государству-жалователю удж-бей и члены его племени пользовались фискальным иммунитетом: они не платили податей, ибо несли военную службу («повинность кровью»), за которую не получали от казны вознаграждения. Но надо полагать, что удж-бею, как своему эмиру, члены племени были обязаны взносами и повинностями. Таким образом, податной иммунитет касался только удж-бея, как фактического получателя земель уджей.

Категория земель уджей в своей эволюции прошла ряд этапов: от условного военного икта до безусловного («чистого») мюлька. На *первом этапе* (последняя четверть XI века), когда земли уджей только появились, — они были коллективным условным держанием племени и связаны не с лицом, а с обязанностями, хотя ответственность перед государством-жалователем нес удж-бей. Он не имел права отчуждать эту землю или же лишать членов своего племени возможности пользоваться ею. Однако, она могла переходить по наследству в его роду вместе со званием эмира племени и удж-бея. Вот почему уже на первом этапе своей эволюции земли уджей могли трансформироваться из условного держания племени в личное владение эмира. На *втором этапе* (в течение XII века) категория земель уджей получила наибольшее развитие и широкое распространение как в сельджукских владениях, так и в тех, что были связаны с сельджуками. Тогда же шёл процесс превращения этих земель в собственность удж-бея, хотя формально они продолжали считаться коллективным держанием племени. На *третьем этапе* (рубеж XII–XIII веков) земли уджей стали фактически личной собственностью удж-бея. Он лишил членов племени права на землю и старался обособиться от государства-жалователя.

На *четвертом этапе* (XIII век) удж-бей трансформировался в независимого собственника земель уджей, превратив их в своё безусловное владение — мюльк. Одновремен-

но территория уджей превратилась в самостоятельное владение — бейлик, атабекство или эмират.

4.4. Институт икта

Категория земель икта существовала на Кавказе ещё в VII–VIII веках, когда значительная часть региона была включена в состав Арабского халифата. Сельджуки познакомились с ней в Центральной Азии, когда получили разрешение поселиться в Хорасане в качестве иктадаров (владельцев икта) Газневидского султаната. После создания Сельджукской державы они широко распространили систему икта в своих владениях⁹.

В XI–XII веках икта у сельджуков являлся доминирующей категорией землепользования и землевладения, главным способом получения доходов с земли и сидевших на ней крестьян. В первой половине XI века владельцы икта на территориях, подвластных Сельджукидам, иктадары всех категорий — воины, эмиры, атабеки, военачальники, чиновная бюрократия, — обязаны были службой жалователю. В обмен они получали фиксированную долю доходов с обрабатываемых земель или с селений. Некоторое время спустя, икта включал уже право на владение землёй, но опять-таки за службу. Иными словами, первоначально икта был связан не с лицом, а с должностью, обязанностями. Это правило не распространялось только на иктадаров-членов сельджукских династий¹⁰.

Таким образом, в первой половине XI века икта у Сельджукидов являлся правом лишь на доходы. Поэтому современник отметил: «Мукта, у которых икта, пусть знают, что по отношению к народу им не приказано ничего, кроме как собирать добрым образом законную подать, что им препоручена; когда они это собрали, пусть будут у народа безопасны тело, имущество, жёны и дети, пусть будут безопасны их вещи и владения, пусть не будет у мукта к ним никакого пути... Любому, кто сделает иначе, пусть укоротят руки, пусть от него отберут икта, и накажут, чтобы показать пример другим»¹¹.

Начало широкого распространения икта в Сельджукской державе приходится на вторую половину XI века и связано с военной реформой. По этой же причине икта впервые отмечен у сельджуков как условное держание за военную службу, то есть как военный икта. На исходе XI века он превратился из формы обеспечения только воинов также в форму вознаграждения гражданских чинов. Одновременно проявилась тенденция к трансформации икта в безусловное держание за счёт прав жалователя: в качестве доменов-уделов он был весьма широко распространён у Сельджукидов. Но, вероятно, какой-то надзор за иктадаром существовал. Во всяком случае, в указах о пожаловании икта специально отмечалось, что иктадар должен хорошо обращаться с населением и заботиться о нем, чтобы оно имело возможность выплачивать подати. В свою очередь, жителям предписывалось подчиняться распоряжениям иктадара, его представителям, чиновникам и уплачивать положенное¹².

Икта на Кавказе, как и в других зонах сельджукского присутствия, был трех видов: военный, личный и административный.

4.4.1. Военный икта

Это — условное пожалование за военную службу сюзерену, предоставляемое из фонда государственных доходов либо земель в размере области или одного-двух селений. Он извест-

⁷ Гусейнов Р. А. Земли уджей (из истории института феодальных пожалований в XI–XII веках). // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М., 1979.

⁸ Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. / Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890. P. 418; Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selcukiyye. Çeviren N. Lüğal. Ankara, 1943 (далее — Sadruddin, 1943). S. 41, 50, 76, 90, 94, 239, 267, 298, 302; Selcukname. Anadolu Selcuklulari Devleti Tarihi. III. Cilt. Ankara, 1952. S. 33, 50, 61.

⁹ Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). / Перевод с персидского, введение и комментарии Г. М. Курпалидиса. М., 1985 (далее — Мунтаджаб ад-Дин, 1985). С. 42, 55, 64, 98, 103, 107, 115–116.

¹⁰ Сиасет-наме, 1949. С. 34, 106, 108, 140.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Там же. С. 48; Horst H. Die Staatsverwaltung des Grosselguken und Horazmschahs. Wiesbaden, 1964 (далее — Horst, 1964). S. 140–141.

тен в нескольких формах: а) икта великих эмиров и военачальников, которых называли иктадарами; б) икта ординарных эмиров, именуемых мукта; в) икта рядовых воинов, которых также называли мукта¹³. Разновидностью военного икта являлись земли уджей.

На исходе XI века военные икта эмиров и военачальников начали разрастаться. В следующем столетии эволюция икта приобрела настолько необратимый характер, что теперь отобрать его у иктадаров или воинов-мукта было уже невозможно.

Предоставление военного икта было связано, наряду с реорганизацией войска, с намерением увеличить площадь обрабатываемых земель, следовательно, — со стремлением обеспечить дальнейший рост доходов казны. Вместе с тем военный икта снимал с государства бремя огромных военных расходов, а также обеспечивал безопасность трона: своевременная выплата жалования в форме икта гарантировала от социального недовольства и солдатских бунтов.

Военный икта в местных государствах Кавказа отмечен уже в первой половине XI века. Тогда Раввадидский и Шаддадидский (Арано-Нахчыванский) эмираты предоставили землю огузам в обмен на военную службу. Впоследствии военный икта в регионе жаловали великие и иракские Сельджукиды, а также атабеки Ильденизиды. В Грузинском царстве его получили в первой четверти XII века кипчаки, приглашенные на военную службу. В целом, в исследуемое время военный икта получил распространение на Кавказе в Азербайджане, Грузии и Южном Дагестане.

4.4.2. Личный икта

Это — безусловное, наследственное, неделимое владение на правах собственности, имевшее фискальный иммунитет. Первоначально к личным икта относились домены-уделы членов династий, владение которыми в XI–XII веках предполагало: 1) обязательство не выходить из состава государства-жалователя, 2) участие в военных кампаниях сюзерена, 3) упоминание его имени на монете и в хутбе. Эти условия соблюдались непродолжительное время. Личный икта быстро приобрел характер «чистой» частной собственности на землю и трансформировался в свободно отчуждаемое владение, независимое от государства-жалователя. Вот почему в конце XI — первой половине XII века личный икта послужил основой для возникновения новых политических единиц. На Кавказе это — владения малика Мухаммада Сельджукида с центром в Гяндже, Азербайджанский султанат Ильденизидов, эмираты Мангуджакидов, Салтукидов, а также Шаддадидов Ани, владения членов династий ширваншахов в Баб ал-Аббабе (Дербенд).

Личный икта должен был обеспечить его держателя средствами без каких-либо условий. Освобождая владельца такого икта от обязательств, государство как бы переуступало ему свои права на землю, но только временно, на определённый срок¹⁴. Однако, когда владение превращалось в пожизненное, а тем более в наследственное, жалователь утрачивал власть над пожалованием, которое трансформировалось в частную безусловную собственность мюльк.

Личный икта предоставляли из фонда государственных доходов или из государственных же земель в размере области, города, одного-двух селений. Он был пожалованием, доменом-уделом или подарком в форме пожизненного либо наследственного владения. Личный икта мог быть отобран в течение жизни получателя, но это правило на практике почти не соблюдалось.

Предоставление личного икта производилось специальным указом: в стандартный формуляр вписывались имя получателя и полученное им конкретное пожалование. Обычно в нем отмечалось также, что иктадар «должен хорошо обращаться с подданными и проявлять о них заботу с тем, чтобы представитель податного управления, согласно прежнему обычаю, мог взимать подати. Знатные, шейхи, землевладельцы, земледельцы, ремесленники и другие жители обязаны признавать иктадара в качестве владельца этого места, а представителей его дивана признавать управляющими тех земель. Ра'ййа (подданные) должны повиноваться этим представителям и чиновникам так же, как и настоящему указу. Они обязаны без промедления и целиком передавать им арендную плату (*мал-и муамалат*)»¹⁵.

В начале XII века к разряду личных икта, наряду с доменами и уделами членов правящих династий, эмиров и атабеков, стали относить также менее значительные пожалования. Так, великий Низами за свою поэму «Хосров и Ширин», преподнесенную Кызыл-Арслану Ильденизиду, получил от него селение Хамдунийан в Азербайджане в наследственное, безусловное, необлагаемое владение. По свидетельству поэта, в указе было сказано:

*«Полностью мы даровали это
С потомством Низами — до окончания света.
И все бесплатно мы вручили Низами
В его владение, — ему с его детьми»*¹⁶.

Личные икта были характерны для Грузии, связанной в XI–XII веках с мусульманским миром¹⁷. Например, в 60-е годы XI века царь Баграт IV (1027–1072) пожаловал своим феодалам места для домов и лавок (то есть землю) в полную родовую (то есть наследственную) собственность. Его преемник Георгий II (1072–1089) своей дарственной грамотой передал Шио-Мгвимской лавре в Арагвинском ущелье местность Бурцумс-джвари «со всеми её границами, горою, равниною, водою, лесом, скалою, мельницей и со всеми её годными и негодными местами». Царь Давид IV Строитель (1089–1125) в 1123 году подтвердил эти пожалования и перечислил все то, что было ранее отказано лавре или куплено монахами до того года: «Все вотчины, пожертвованные этой пустыни по дарственным грамотам отцов и дедов моих... отошедшие от монастыря (в частные руки), я возвратил монастырю, обновив его сигели. Кроме того, все вотчины, как пожертвованные царями и разными владельцами, так и купленные монастырём в незапамятное время, я уже совершенно освободил от податей и пошлин и отдал отцу Шио свободными от всяких повинностей. Кроме того, все имения, купленные (монастырём) в городе Тифлис во время нахождения этого города в руках персов (то есть арабов. — Р.Г.), или ныне, или же мною пожертвованные, равно как и те, которые впредь будут приобретены (монастырём), я освобождаю от всяких пошлин и податей в пользу царской казны... Монастырь имеет издревле приобретенное по особому акту право беспошлинной пастьбы 3000 овец в горах и долинах (принадлежащих государству). Ныне жертвую ещё 2000 овец. Эти 5000 овец пусть пасутся беспошлинно, как царское стадо, наряду с государственными стадами, совершенно свободно... Жертвую монастырю 100 коров, которые пусть пасутся в Триалетских горах... Никто да не осмелится отчуждать сии вотчины!» В грамоте царя Георгия III (1156–1184) от 1177 года говорится об освобождении грузинских церквей и монастырей от обложения. В грамоте царицы Тамар (1184–1212) Гелатскому монастырю от 1193 года сказано, что этой обители навеки передано «имение с горой и равниной, лесами, полями, водой, мельницей и со всеми справедливыми границами и при-

¹³ Сиасет-наме, 1949. С. 34, 43, 140; *Мунтаджаб ад-Дин*, 1985. С. 115, 116; Horst, 1964. S. 108, 138, 140–141; *Al Isfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra*. Istanbul, 1943. S. 266; Lambton A. K. S. *The Administration of the Sandjar's Empire as Illustrated in the "Atabat al-Kataba"*. // BSOAS. 1957. Vol. XX. P. 373; *Курпалидис Г. М.* Государство великих Сельджукидов. М., 1992 (далее — *Курпалидис*, 1992). С. 110–115.

¹⁴ *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения. Т. I. М., 1960. С. 102; Lambton A. K. S. *Landlord and Peasant in Persia*. London, 1954. P. 61, 64.

¹⁵ Horst, 1964. S. 140–141; *Курпалидис*, 1992. С. 111.

¹⁶ *Низами Гянджеви*. Хосров и Ширин. Баку, 1947. С. 245–246.

¹⁷ *Такайшвили Е.* Сигель грузинского царя Баграта IV. // ЗВОРАО. 1896. Т. IX. С. 61–62; *Жордания Ф. Д.* Завещание царя Давида Возобновителя, данное Шио-Мгвимской лавре в 1123 году. Тифлис, 1895. С. 15–32; *Какабадзе С. Н.* Грамота грузинского царя Георгия III по поводу восстания князей Орбели в 1177 году. // ИКИАИ, 1926. Т. IV. С. 125; *Он же.* Грамота царицы Тамар Великой на имя Гелат от 1193 года. // ИКИАИ, 1925. Т. III. С. 115–120.

читающимися (угодьями)»; это имение закреплялось за монастырём как наследственное владение, свободное от поборов и взыскания доходов, «подобно тому, как и другие имения сего монастыря состоят свободными».

4.4.3. Административный икта

Это — условное пожалование наместнику за службу сюзерену, которое одновременно являлось как военным, так и гражданским держанием. Вероятно, поэтому административный икта стал довольно распространённой категорией крупного землевладения, способствовал увеличению фонда личных икта. Иными словами, он привел к росту необлагаемой, безусловной, наследуемой и свободно отчуждаемой земельной собственности — мюлька. Административный икта предоставляли из фонда государственных земель в размере страны, области, города.

В государствах Сельджукидов и Ильденизидов административное и военное деление обычно совпадали. Получив в управление территорию, наместник султана или атабека вместо жалованья из казны пользовался частью доходов с земель административного икта на правах военного икта, то есть был обязан военной службой и выставлял, по требованию сюзерена, отряд установленной численности. Таким образом, сочетание в одном лице наместника и иктадара (то есть гражданского и военного начальника, этого своеобразного генерал-губернатора XI–XII веков), иными словами, слияние административного и военного икта являлось одним из объективных условий дальнейшего роста личных икта.

Этот процесс особенно заметен в XII веке, когда произошло ослабление центральной (султанской и атабекской) власти, что способствовало превращению административного икта в личный. Наместник-иктадар присваивал себе функции государственной администрации на вверенной ему территории и трансформировался в территориального эмира — главу бейлика или эмирата. Государство-жалователю теряло права на такие территории, которые отчуждались из-под его юрисдикции и со временем выходили из его состава. Не случайно, что развитие административного и военного икта привело к падению военно-могущества Сельджукидов в конце XI века и Ильденизидов в конце следующего столетия. Речь идёт об изменении размеров двух основных комплектующих элементов военной организации: постоянное войско династа-сюзерена стало сокращаться, и тяготы военных кампаний теперь несли отряды наместников-иктадаров. Соответственно, возросло их значение, и таким путём территориальные владетели стали независимыми от центральной власти.

В отличие от владений султанов и атабеков, в Грузинском царстве подобного не произошло, так как здесь, особенно при Давиде IV Строителе (1089–1125), военные задачи исполняло царское войско. А оно состояло почти исключительно из кипчаков, наделенных царской же землёй в форме военного икта, то есть условным земельным пожалованием за службу.

На Кавказе административный икта появился во второй половине XI века¹⁸. Это — города Тифлис и Рустави в Грузии, переданные великим султаном Алп-Арсланом Сельджукидом Шаддадидам — главам Арано-Нахчыванского эмирата. В первой половине XII века это — южные области Азербайджана, переданные иракскими Сельджукидами эмиру Кара-Сонкуру; Нахчыван с его областью, отданные эмиру Чавлы. Позднее Аран и Нахчыван стали административным икта Ильдениза, который впоследствии был уже атабеком (наместником) всего Азербайджана. Эта должность, вместе с Азербайджаном, переходила по наследству от одного Ильденизида к другому, без каких-либо новых султанских указов или условий. В итоге, административный и военный икта Ильденизидов слились и трансформировались в личный икта, а вместе с тем — в ядро созданного ими Азербайджанского султаната.

¹⁸ Histoire de la Géorgie. Depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. 1er partie. / Traduit par M.-F. Brosset. St-Petersbourg, 1849. P. 328, 331, 335; Sadruddin, 1943. S. 24–26, 30–32, 90; Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана. // Избранные сочинения. Т. 2. Баку, 1999. С. 221–222.

Глава V. Город. Торговля. Система фиска. Денежное обращение Кавказа в XI–XII веках

5.1. Вводные положения

Сельджукское завоевание и временное владычество означали иноземное, в ряде случаев иноверное и иноязычное господство. Однако оно не оказало существенного влияния на жизнь захваченных сельджуками стран и народов. Это заключение верно как для Центральной и Передней Азии вообще, так и для Кавказа в частности. Кавказский регион развивался в общем русле политической, социальной и хозяйственной эволюции всего средневекового мира¹.

5.2. Расцвет города

Одним из закономерных и характерных последствий развития в XI–XII веках Кавказа, как и остального восточного мира, был численный рост и расцвет городов. Средневековые города Кавказского региона являлись центрами политической, идеологической, ремесленно-торговой деятельности, а также культуры, основными покупателями продукции сельского хозяйства. Они были связаны как между собой, так и с наиболее значительными городскими центрами Востока и Запада двусторонними торгово-транзитными маршрутами, имели довольно прочную экономическую базу и многовековые традиции. Как отмечает Н. В. Пигулевская, «одной из особенностей восточного феодализма было именно то, что города сохраняли свою жизнь, не глохли, что хозяйство не повсеместно приобретало натуральный характер, что на Востоке могут быть отмечены товарно-денежные отношения, городское ремесло, торговля и рынки продолжали существовать, а в ряде случаев создались новые центры или были обновлены старые, которые были пунктами обмена. Этому способствовала не только местная торговля, но широкие торговые связи»².

На Кавказе в XI–XII веках существовало немало крупных городов, которые являлись средоточием как экономической, так и политической, административной, культурной и духовной жизни. Это были густонаселенные центры с многоотраслевым ремеслом и общественным разделением труда при наличии простой кооперации (цехи) мелких производителей-ремесленников, купечеством, объединённым в товарищества. Это были города, окруженные оборонительными стенами и рвами, с цитаделями и ремесленными кварталами, базарами, ярмарками, торговыми рядами и комплексом общественных сооружений, с жилыми домами в три-четыре этажа, водопроводом и канализацией, мощными улицами и площадями, устоявшимся бытом и контингентом населения. Расцвет городов Кавказа находился в тесной связи с общим развитием городской жизни в Центральной и Передней Азии.

Невзирая на завоевания и временное господство сельджуков, кавказские города не утратили присущей им индивидуальности. Даже Тифлис, несмотря на 400-летнее мусульманское господство, сохранял свою специфику. Города Кавказа составляли важную часть экономического, политического и культурного потенциала Передней Азии XI–XII веков. Наиболее значительными и хорошо известными на Востоке ремесленно-торговыми центрами были

¹ Гусейнов Р. А. О городской жизни и товарно-денежных отношениях в Азербайджане XI–XII веков. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М., 1979.

² Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем Средневековье. М.—Л., 1956. С. 130.

Бейлаган и Гянджа, Барда и Нахчыван, Табриз и Шамаха, Марага и Баку, Дербенд и Ардабиль, Тифлис и Дманиси, Рустави и Гори, Жинвани и Кутаиси.

5.3. Городское управление

Расцвет города XI–XII веков на Кавказе находит подтверждение в структуре его администрации, которая представляла собой хорошо разработанную систему управления. Об этом чётко и довольно подробно изложено в «Атабат ал-катаба» Мунтаджиб ад-Дина, составленном в правление последнего великого султана Сельджукида Санджара (1118–1157)³.

Кавказские города имели сложившийся уклад жизни, установившийся контингент населения. Этим объясняется также то, почему и при сельджуках городская администрация по-прежнему находилась в руках местного аппарата должностных лиц, который сохранился и как система. Вот почему даже там, где сидели сельджукские наместники, малики, атабеки и эмиры, городская жизнь протекала без их участия, ибо «естественный рост городов был возможен только при участии местного населения»⁴.

В XI–XII веках в городах Кавказа, независимо от их территориальной и государственной принадлежности, существовала типологически сходная система управления как следствие их развития в формационно общих политических, экономических, социальных и культурных условиях. Это верно относительно городов Азербайджана и Дагестана, даже городов Грузии, в частности Тифлиса, где в течение 400 лет правили арабские эмиры Джаффарида. Вместе с тем эта типологическая система управления имела свои локальные особенности. Её различия сказывались порою в терминологии, но суть от этого не менялась.

В исследуемый период наиболее важную роль в городской администрации играл *раис* или *вали* — глава городской общины и тяготевшей к городу сельскохозяйственной округи, составлявшей с ним единое целое. Он обладал широкими полномочиями, вплоть до контроля над конфессиональными делами. Часто его избирали из числа местной знати. Раис являлся связующим звеном между провинциальной (областной, территориальной) или центральной администрацией и населением города, представителем интересов горожан. Раис должен был разбираться в делах *амиля*, *кадия* и *мухтасиба*.

Городским управлением по сбору податей ведал *мутоуфи*. Ему подчинялись *амили* (сборщики податей), имевшие своих помощников. *Факих* ведал судопроизводством, *кадий* исполнял функции городского судьи. *Мухтасиб* следил за точностью мер и весов, устанавливал цены на продукцию ремесла и наблюдал за торговлей; другими словами, он был тесно связан с ремесленно-торговыми слоями и экономической жизнью города, с цехами ремесленников и объединениями купцов. Имелись специальные начальники городского войска (ополчения), глава городской полиции — *шурта*. В обязанности *мушрифов* входило доносить обо всем, что происходило в городе. Известны были также *назиры* — младшие контрольные чиновники-смотрители, и *аишары* — сборщики *ушра* (десятины в пользу мусульманского духовенства).

Для торгово-экономической и политико-административной жизни Грузии и её городов, городского ремесла, купеческих объединений была характерна мусульманская терминология. Так, в Тифлисе были известны *раис*, *амид*, *шурта*, *мухтасиб*. Бытование в обиходе городской жизни этого и ряда других грузинских городов мусульманской по происхождению ремесленной и торговой терминологии объясняется «главным образом длительным господством арабов в Восточной Грузии и существованием Тбилисского эмирата»⁵.

³ Мунтадjab ад-Дин Бади Атабен ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). / Пер. с персидского, введение и комментарии Г. М. Нурпалидиса. М., 1985.

⁴ Пигулевская Н. В. Ближний Восток, Византия и славяне. Л., 1976. С. 73.

⁵ Лордкипанидзе М. Д. История Грузии XI–XIII веков (Научно-популярный очерк). Тбилиси, 1974 (далее — *Лордкипанидзе*, 1974). С. 41–42; Мехиа Ш. А. Города и городской строй феодальной Грузии XVII–XVIII веков. Тбилиси, 1959 (далее — *Мехиа*, 1959). С. 65, 68, 78, 80, 262, 322, 324; Очерки истории Грузии. Т. III. Грузия в X–XV веках. Тбилиси, 2002 (далее — Очерки истории Грузии, 2002). С. 45–64.

5.4. Торговля. Торгово-транзитные связи и пути

Экономические, в том числе торгово-транзитные связи, составляли одну из характерных черт эволюции стран и городов Передней Азии, в том числе Кавказа в XI–XII веках. Местная торговля объединяла области и города стран Кавказа, способствуя расширению местного рынка, который является главным показателем уровня экономической эволюции.

Вместе с тем торговля являлась тем мостом, который сближал и связывал различные страны и государства. Кавказские города принимали активное участие в традиционных торгово-транзитных операциях далеко за пределами региона. В XII веке купцы из Азербайджана в обмен на оружие приобретали в Волжской Булгарии бобровые шкурки. Существовали торговые связи между Кавказом и Сирией. Сирийский автор-современник заметил, что за Курой и Араксом имеются виноградники, оливковые плантации, здесь культивируют хлопок и кунжут. Для первой половины XII века он отметил огромный торговый караван, который отправился после завершения операций в Константинополе в обратный путь на восток⁶.

Малую Азию пересекали торгово-транзитные караванные пути, сходящиеся, с одной стороны, в Константинополе, а с другой — расходившиеся в направлении Сирии, ал-Джазиры и Кавказа⁷. Среди важнейших торговых маршрутов были Конья — Аксарай — Кесария — Себастья — Арзинджан — Эрзерум и далее на Кавказ, Каспийское море, Иран и Центральную Азию. Чрезвычайно выгодное положение Кавказа на стыке Европы и Азии, между Средиземным, Каспийским, Черным и Азовским морями, способствовало увеличению важности региона в международных отношениях и торговле, в обмене культурными ценностями и идеями. Через Дербенд, Дербендский и Дарьяльский проходы кавказские, а также арабские, византийские и другие купцы попадали в Восточную Европу.

Двусторонние сухопутные и морские торгово-транзитные маршруты соединяли страны и города Кавказа с Сирией и Малой Азией, Индией и Ираном, Египтом, Русью и Европой, Северной Африкой и Аравийским полуостровом. Благодаря археологическим раскопкам, в различных зонах Кавказа обнаружены китайские селадон, фарфор и фаянс XII–XIII веков, что позволяет твердо датировать торговые связи также со странами Дальнего Востока. В эти столетия фаянс и другую керамическую посуду ввозили также из Месопотамии и Ирана⁸.

Города Кавказа поставляли на местный и внешний рынок разнообразную продукцию сельского хозяйства и городского ремесла, минеральное сырьё. Большую известность приобрели нефть и шёлк, хлопок и оружие, соль и шерсть, естественные красители кирмиз и марена, шафран и различные ткани, ковры и ювелирные украшения, квасцы и драгоценные камни, высокохудожественная полихромная керамика и деревянная посуда, благородные и цветные металлы и изделия из них, рыбный клей и железное дерево, а также кони и мулы, меха и одежда, рыбы осетровых пород и черная икра, фрукты и птица, благовония и печати, переплеты и войлоки. Овцеводство стимулировало широкое распространение ковроткачества, которое в XII веке достигло большого развития на всем Кавказе. При всем разнообразии сельскохозяйственной и ремесленной продукции каждая страна славилась определёнными товарами, которые успешно конкурировали с иноземными. Поэтому можно говорить об известной их специализации, то есть о присущем периоду разделении труда.

Города Кавказа развивались, росли и достигли наивысшего расцвета, что подтверждается мощностью и богатством их культурного слоя. Для характеристики организации кера-

⁶ Chronique de Michel le Syrien. / Ed. par J. B. Chabot. Vol. IV. Paris, 1910. P. 613, 701.

⁷ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. // Избранные сочинения. Т. I. М., 1960. С. 57; История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988 (далее — История народов Северного Кавказа, 1988). С. 161–162.

⁸ Кверфельдт Э. Китайская керамика XII–XIII веков на Кавказе. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 189, 191, 192; История народов Северного Кавказа, 1988. С. 162.

мического производства важно отметить, что мастер являлся одновременно владельцем мастерской, в которой работало обычно несколько человек. Та же структура была присуща другим отраслям ремесла. На высоком уровне находилось производство изделий из металла. О совершенстве местных ювелирных изделий можно судить по модели фруктового сада, преподнесенной в XI веке в Гяндже великому султану Сельджукиду Тогрул-беку. Его деревья и ветви были имитированы из золота, плоды на них — из гиацинтов и других драгоценных камней⁹.

На Северном Кавказе имелось несколько известных торгово-ремесленных центров¹⁰. Зирихгеран славился изготовлением разнообразного воинского снаряжения, в том числе сабель и кольчуг, панцирей и шлемов, кинжалов и копий, стремян и уздечек. Кубачи был известен изготовлением котлов, сабель и кинжалов.

Дербенд имел как общекавказское, так и мировое значение¹¹. Он был известен далеко за пределами Кавказского региона. Это был крупнейший средневековый город не только по масштабам Кавказского региона, но даже Передней Азии и Европы домонгольской поры. Не случайно средневековые авторы именовали его «великой твердыней среди Каспийского моря». Дербенд являлся важным звеном в системе международных торгово-транзитных и военно-стратегических маршрутов. Через него пролегали одна из ветвей Великого шёлкового пути и знаменитый Прикаспийский маршрут, бывший единственной удобной магистральной дорогой, связывавшей Восточную Европу, Переднюю Азию и Средиземноморье. Дербенд был связан со многими странами Востока и Запада. Сельджукский период отмечен в его истории территориальным ростом и развитием, в том числе расцветом культурной жизни¹². Наряду с хозяйственным прогрессом, здесь заметен был культурный подъём, который проявился в архитектуре и науке, резьбе по кости, камню и штукатурке, художественной керамике и художественной обработке металла. Большое развитие получило местное ремесло. В городе существовали объединения ремесленников, и современник сообщает, что здесь трудились многочисленные мастера, работавшие на рынок. Он отмечает среди них изготовителей бумаги (*варрак*), шёлководов (*хаззаз*), рыболовов (*саммак*), мыловаров (*сабуни*), портных (*хаййат*), лекарей (*табиб*), работоторговцев (*наххас*). В Дербенде было множество базарных мест, здесь возвели немало общественных сооружений и больших жилых домов, принадлежавших состоятельным горожанам. Будучи одним из известнейших и важнейших средневековых ремесленно-торговых и военно-стратегических центров Востока, Дербенд и его область Баб ал-Абваб славились продукцией многоотраслевых сельского хозяйства и ремесленного производства. Это — писчая бумага и шёлк, фрукты, виноград и скот, марена и шафран, мед и полотняная одежда, шёлковые ткани, ковры и рыба. Город лежал на главных торгово-транзитных маршрутах, открывавших восточным товарам путь на Север, а северным — дорогу на Восток. На его базарах можно было встретить купцов из различных стран и городов, приобрести местные и привозные изделия. Здесь же находился один из крупнейших средневековых невольничьих рынков, на котором предлагали греческих, печенежских и кипчакских рабов. Экономическому росту Дербенда в немалой степени способствовали интенсификация морской (по Каспию) и сухопутной караванной торговли со странами и городами Восточной Европы, Центральной и Передней Азии, усиление экономических взаимоотношений с земледельческими зонами Дагестана. Через этот город осуществлялись связи со многими районами Северного Кавказа.

⁹ Minorsky V. Studies in Caucasian History. London, 1953. P. 23.

¹⁰ История народов Северного Кавказа, 1988. С. 159–161.

¹¹ Подробнее см.: Кудрявцев А. А. Пути развития северокавказского города (По материалам Дербента домонгольской поры). Ставрополь, 2003.

¹² Там же. Гл. III/3 и VI.

Большое количество городов имелось на Южном Кавказе. Ардабиль был известен изящными черными парчовыми тканями, деревянной посудой и другими товарами, в том числе гребнями, чашками, музыкальными инструментами и повозками¹³.

Бейлаган превратился в один из значительных городов Востока, достиг своих максимальных размеров и наибольшего богатства, вполне оформился как развитый ремесленно-торговый центр с характерными чертами ремесленного производства (цеховая система), купечества (торговые товарищества) и административного устройства (самоуправление)¹⁴. Здесь было возведено множество зданий, среди которых — дворцы, павильоны, загородные резиденции. В городе имелось большое количество базаров. Он славился своими вышитыми шёлковыми тканями, плодами, птицей и рыбой. Торговля производилась как местными, так и привозными товарами, в том числе из Ширванского государства и Дербенда. Бейлаган ввиду своего хозяйственного значения относился к числу значительных политических центров. В частности, здесь находилась одна из резиденций атабеков Ильденизидов. Шедевры местного керамического искусства были технически совершенны и вместе с тем глубоко своеобразны. Найденная здесь художественная полихромная керамика подтверждает, что Бейлаган находился в широких культурных и экономических связях с соседними и дальними городами, областями и странами. Его поливная керамика входит в круг прикладного искусства Передней Азии.

Баку был известен главным образом своей нефтью — черной, белой и зеленой, а также солью, рыбой и икрой. Ежедневный доход казны только от одного из нефтяных источников составлял 1000 дирхемов¹⁵. Город быстро богател, что было связано с расширением морских перевозок по Каспию, на котором он превратился в наиболее крупный порт, с интенсификацией торгово-транзитных связей со странами Востока и Восточной Европы, с ростом его политической роли в истории Азербайджана. В XII веке Баку стал второй столицей Ширванского государства. Он имел прочные экономические связи с городами и областями Передней Азии, ибо представлял собой один из значительных центров ремесла, морской и сухопутной торговли. Особенно большое развитие в городе получили керамическое, ткацкое, строительное, ювелирное, оружейное и кожевенное дело, здесь велось интенсивное строительство.

Табриз являлся одним из крупнейших городов Передней Азии. Здесь имелось множество базаров, практиковали почти все известные ремесла. Начало роста и расцвета средневекового Табриза, как центра местных и международных торгово-транзитных операций и ремесленного производства, относится к XII столетию. Учитывая его значение, атабеки Ильденизиды превратили Табриз в столицу своего обширного государства, ибо город находился на важных караванных и военно-стратегических путях Востока. Современник отметил, что в XII веке Табриз «приобрел полное величие и сделался столицей; в нем поселились иноземцы. Нет ремесла, которое не практиковали бы в Табризе»¹⁶. Город и тяготевавшая к нему сельскохозяйственная округа славились многочисленными садами и плодами, атласом и златотканой «китайской» парчой, коврами, покрывалами и мужской одеждой, печатями и переплетами. Табриз играл большую роль не только в политической истории, но, что не менее важно, являлся значительным звеном в переднеазиатской ремесленно-торговой системе. Среди вывозимых его товаров славились абрикосы сорта *мусул*, ткани, в том числе *таби*, *сиклатун*, *хитаби*¹⁷.

¹³ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII века на персидском языке. // УЗ ИВ АН СССР. 1954. Т. IX (далее — Миклухо-Маклай, 1954). С. 122.

¹⁴ Əhmədov Q. M. Orta əsr Beyləqan şəhəri (Tarixi-ərxoloji tədqiqat). Bakı, 1979. IV fəsil.

¹⁵ Вторая записка Абу Дулафа. / Пер. А. Б. Халидова и П. Г. Булгакова. М., 1960. С. 36.

¹⁶ Миклухо-Маклай, 1954. С. 203–204.

¹⁷ Там же. С. 132–133.

Крупным ремесленно-торговым и культурным центром Востока была Гянджа, густонаселенный и процветающий город с множеством базаров. Он славился хлопком и атласом, шёлком и шёлковыми тканями, садами и фруктами, парчой и производством луков и стрел, ювелирными изделиями. Продукция ремесла шла на местный и кавказский рынок, вывозилась далеко за пределы региона. В частности, известно, что дворцовые гулямы в центральном азиатском Саманидском государстве носили каба, сшитую из «*гянджийской ткани*»¹⁸.

Барда являлась одним из значительных городов, «полным благ, плодов и зелени». Среди её товаров наиболее важное место занимал шёлк, вообще бывший значительной статьёй азербайджанского экспорта на средневековый мировой рынок¹⁹.

Нахчыван был хорошо укрепленным, большим и населенным городом. Около него находилась одна из неприступнейших крепостей Средневековья — Алинджа-гала, где в минуту опасности укрывались атабеки Ильденизиды и их подопечные иракские султаны Сельджукиды. Здесь же хранилась их основная казна. В Нахчыване практиковали почти все известные ремесла, и его товары предлагали на многих базарах Востока. Это были тонкие покрывала и «китайские» ткани, войлок и мужская одежда, ткани на чалму и пояса, чашки и блюда. Местную деревянную посуду развозили во многие страны в качестве подарков, настолько она пленяла изяществом и художественностью исполнения. На базарах города можно было встретить купцов и товары из разных стран. Нахчыван стал одной из резиденций Ильденизидов, которые заботились о его благоустройстве и процветании. При них в городе возвели дворцы и павильоны, загородные дома и замки из алебаstra и жженого кирпича. В городе имелись здания в три-четыре этажа. Сохранились несколько архитектурных шедевров того периода. Среди них мавзолей Йусуфа, сына Кусейира, и Моминэ-хатун. Современник сообщает: «Во всем мире нет лучше и полезнее винограда, чем в Нахчыване... В августейшее время Ильдениза [город] получил полное величие. Там сделали царскую резиденцию и [построили] правительственные здания»²⁰.

В Грузии создались благоприятные условия для дальнейшего развития сельского хозяйства и ремесла, наблюдался рост и расцвет городов, местной и внешней торговли²¹. Вместе с тем следует отметить, что общий подъём местной городской жизни был обусловлен в те столетия тесными торгово-транзитными связями страны с мусульманским миром. Возросло значение Тифлиса, Самшвилде, Рустави, Дманиси, Кутаиси; выросли Жинвани, Баралети, Гори, Атени, Сурами, Али, Зоврети. Большое развитие в них получили почти все отрасли средневекового ремесла, в том числе изготовление металлической и керамической посуды, благовоний, стекольное и оружейное, текстильное и деревообделочное, сапожное и кожевенное дело, ювелирное и чеканное искусство. Города Грузии поставляли на местный и внешний рынок продукцию сельского хозяйства и ремесленного производства, в частности шерсть и ткани, одежду и ковры, меха и керамику, лошадей и мулов. Наибольшего расцвета и распространения достигло керамическое дело, изделия которого были разнообразны и хорошо известны.

Тифлис оставался крупным ремесленно-торговым центром Кавказа и после присоединения в 1122 году к Грузинскому царству и превращения в его столицу. В экономической жизни этого города по-прежнему важную роль играло местное мусульманское население, бывшее, по свидетельству современника, «дружественным к иноземцам». Тифлис весьма отстроился, здесь возвели множество зданий, в том числе дворцы. Он переживал расцвет и занял важное место в экономической системе Передней Азии как поставщик на внешний

рынок продукции сельского хозяйства и ремесла, как торгово-транзитный узел, связанный с восточными и северными городами и странами. В городе и его области было много садов, обильных благами. Здесь имелось множество базаров, дворцов, мечетей и церквей, бань, плавучих мельниц на Куру. Значительная часть торговых операций производилась около моста через Куру, где было сосредоточено большинство базарных мест. Товары города были разнообразны: седла и уздечки, колчаны и футляры для стрел, мёд и сладости, воск и гранаты, изделия из хрусталя, керамики и стекла, невольники и меха²².

Дманиси славился деревообработкой, керамическим делом, стеклоделанием, продукцией садоводства, особенно виноградарства. Гори превратился в значительный экономический центр, который находился на стыке торгово-транзитных артерий. Вырос Жинвани, принимавший активное участие в торговле с Восточной Европой. Рустави переживал расцвет, здесь возвели жилые и хозяйственные постройки, обновили оборонительные стены. Он был известен своей разнообразной и богатой керамикой, стеклянной и металлической утварью²³.

5.5. Система обложения

В период сельджукского завоевания для жителей захваченных стран наступило определённое ослабление податного бремени. Это было следствием ряда объективных и субъективных факторов. Во-первых, военные кампании давали завоевателям большую добычу. Во-вторых, идя на фискальные послабления, великие султаны Сельджукиды тем самым нейтрализовали местное население. В-третьих, у сельджуков ещё не имелось собственной развитой государственности, а значит и своего чиновничьего аппарата. В-четвёртых, расходы на содержание султанского двора пока были относительно невелики.

Но уже вскоре обложение возросло. Для населения Кавказа экономические тяготы увеличились с 70–80-х годов XI века, когда Азербайджан, Южный Дагестан и Грузия были включены в Сельджукскую державу, а местные династы обязаны ежегодными взносами в казну великих султанов. Это не привело к уменьшению доходов правящих домов Кавказа, но способствовало установлению двойной эксплуатации непосредственных производителей. Современник отметил для этого времени: «теперь с одной области взымали путём притеснения и насилия столько же, сколько прежде не собирали с целой страны».

Главная линия эксплуатации осуществлялась путём взимания ординарных и экстраординарных, прямых и косвенных податей, а также исполнения повинностей. Система обложения, практиковавшаяся в XI–XII веках, во многом сохранила установления и нормы предшествующего периода, и в целом была довольно устойчивой.

Основное место в системе обложения принадлежало ординарным поборам. Среди них *харадж* — поземельная, подоходная подать, которая взималась долей урожая или деньгами. Во второй половине XI века она поступала в казну ежегодно в два срока. Хараджем называлась также дань, которую должны были вносить в казну Сельджукидов вассальные мусульманские династы и владетельные эмиры. Она являлась платой за инвестицию и военной контрибуцией. Например, великий султан Сельджукид Малик-шах наложил на Ширванское государство контрибуцию в сумме 70 000 динаров в качестве компенсации за попытку ширваншаха Фарибурза I избавиться от сельджукского владычества. Одновременно была установлена ежегодная дань-харадж в размере 40 000 динаров за предоставленную ширваншахам инвестицию²⁴. Эти взносы носили нерегулярный характер, ибо зависели от конкретной военно-политической ситуации. Достаточно отметить, что ни в одном доступном источнике нет упоминаний об уплате ширваншахами султанам Сельджукидам или каким-либо иным госу-

¹⁸ Там же. С. 208; Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. / Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949. С. 111, 327.

¹⁹ Миклухо-Маклай, 1954. С. 199, 201.

²⁰ Там же. С. 209–210.

²¹ Подробнее см.: Лордклипандзе, 1974; Месхиа, 1959; Очерки истории Грузии, 2002.

²² Миклухо-Маклай, 1954. С. 202–203; Очерки истории Грузии, 2002. С. 47, 55.

²³ Месхиа, 1959. С. 43–44; Очерки истории Грузии, 2002. С. 46, 55–56.

²⁴ Ravendi. Rahat us-Sudur ve Ayet us-Surur. Ankara, 1957–1960 (далее — Ravendi, 1957–1960). S. 30–32.

дарям дани-хараджа. Наоборот, можно отметить сообщение о том, что в XI веке сами ширваншахи собирали «силой харадж» с жителей Восточного и Западного Лакза в Дагестане²⁵.

Джизья — подушная подать деньгами с *зиммиев* (немусульман). Джизьей именовали также дань, которую вносили в казну Сельджукидов вассальные восточнохристианские династии и владетельные феодалы. Она являлась платой за инвестицию и военной контрибуцией. Так, грузинский царь Георгий II признал сюзеренитет Сельджукидов и был обязан вносить в их казну дань-джизью²⁶.

Существовали также арендная плата за пользование землёй и водой; военная подать, обязательная милостыня; сбор тканей — поборы в форме подарков и подношений; фураж для конницы, находящейся на постое в мирное время.

К косвенным видам обложения относились поборы с изделий ремесла и торговых операций, за провоз товаров (таможенные пошлины) и различные восточные баналитеты: плата за пользование мельницами и маслобойнями, пекарнями, караван-сараями и другими сооружениями, принадлежавшими государству, феодалам или культовым учреждениям.

Большое распространение получили *бигар*, *бегара*, *сухра*. Это были отработочная, дорожная и мостовая повинности. Так, население было обязано возводить и поддерживать в порядке мосты и ирригационные сооружения; обеспечивать войска в походе продовольствием, фуражом, транспортом и вьючными животными; предоставлять постой воинам, чиновникам или представителям фиска в своих домах; вносить деньги «на вино и подкову». Процветали ростовщичество и взяточничество, что также налагало дополнительные экономические тяготы на податное сословие. Его положение было усугублено лихоимством сборщиков податей, которых современник сравнил с разбойниками²⁷. Практиковалась система откупов, которая открывала широкие возможности для различного рода злоупотреблений.

Государственный доход складывался из податей, дани, контрибуций и военной добычи. Подати и дань поступали в казну деньгами и натурой, как правило, осенью, после сбора урожая, иногда в два срока. Известна раскладка некоторых сумм на различные категории податного сословия в XII веке. В сельджукских владениях ежегодно взимали: с каждого селения — по 100 динаров, с мясников на базаре — по 50, с зеленщиков и бакалейщиков — по 100, с торговцев тканями — по 500 динаров с каждого²⁸. В Грузинском царстве при Давиде IV Строителе с христиан ежегодно взимали по 5 динаров, с иудеев — по 4, с мусульман — по 3 динара с каждого²⁹.

Военная добыча состояла из денежных контрибуций, продукции сельского хозяйства и ремесла. В понятие «военная добыча» входили также военнопленные, мирные жители, утварь, материальные ценности.

5.6. Денежное обращение

Денежное обращение Кавказа в XI–XII веках, связанное с сельджукской эпохой, составляет один из этапов истории монетного дела как Кавказского региона, так и более обширного ареала Востока³⁰. Его характерные признаки были обусловлены, в первую очередь, общими изменениями в экономической жизни Центральной и Передней Азии, приведшими к нововведениям в чекане местных государств. Вместе с тем «новации» можно считать также следствием военно-политических событий, имевших место в результате сельджукского за-

воевания, создания Сельджукской державы и других новых мусульманских государств. Конечно, свою роль сыграл *серебряный кризис*, разгар которого как раз пришёлся на сельджукское время. С этим обстоятельством тесно связаны заметные изменения в монетном деле и денежном обращении Азербайджана и всей Передней Азии.

Возможно, с феноменом серебряного кризиса связано то немаловажное обстоятельство, что денежная система Сельджукской империи базировалась на золоте. Оно фактически уже доминировало на денежном рынке мусульманского Востока. В связи с этим отметим, что уже после 1055 года появляются сельджукские золотые монеты, получившие известность, как *динар-и рукни*. Это было прямым следствием первой встречи великого султана Сельджукида Тогрул-бека с халифом ал-Каимом Аббасидом в Багдаде. Тогда халиф присвоил Тогрул-беку почётный титул *Рукн а-Дин* (столп веры). Тогрул-бек был первым мусульманским правителем, который указал на своей монете титул «султан»³¹.

Право золотого чекана принадлежало только великим султанам Сельджукидам. Золотые *динар-и рукни* они чеканили в огромном количестве. Однако, хотя для великих султанов Сельджукидов был характерным золотой монометаллизм, они чеканили и высокопробные серебряные дирхемы, а также крупные, определённого весового стандарта и размера, медные разменные монеты³².

Бесспорно, Сельджукская империя обладала подобным потенциалом. Но после её распада на исходе XI века на отдельные султанаты, на первый план выступили многочисленные всемогущие атабеки. Самыми значительными и влиятельными среди них оказались атабеки Азербайджана Ильденизиды. Они создали собственное обширное государство и получили от своих номинальных сюзеренов — иракских султанов Сельджукидов — право чекана — *сикка*. Ильденизиды стали главными «поставщиками» медной монеты не только в Азербайджане, но и в некоторых подвластных иракским Сельджукидам владениях. Их медь найдена в кладах по всему Южному Кавказу. Более того, превратив свои владения в обширный Азербайджанский султанат, Ильденизиды начали чекан золотой монеты, что было ранее прерогативой только Сельджукидов³³. Так, в 1191 году Кызыл-Арслан, как султан, получил от халифа право на выпуск золотых динаров. Однако, эта монетная регалия появилась при его преемнике Абу-Бакре с именем последнего и с титулатурой: *ас-султан ал-азам шаханшах ал-муаззам* (великий султан, шаханшах высочайший)³⁴. Отметим также, что Кызыл-Арслан ещё при жизни отчеканил памятные медные монеты в ознаменование своей победы в 1191 году над иракским султаном Сельджукидом Тогрулом II. На них имеются легенды *зафар* (победа) на лицевой стороне и *фарах* (радость) или *фарадж* (утешение) — на обратной³⁵.

В течение XI–XII веков в обращении находились золотые (*динар*), серебряные (*дирхем*) и медные (*фельс*) монеты, которые нельзя отождествлять с номиналами арабского периода, хотя и употреблялась прежняя терминология. Изменилось количественное соотношение находившихся в обращении различных по фактуре и достоинству металлических денег. Отличительным признаком стало доминирование медного чекана. Наряду с ним, в обороте находилось некоторое количество золотых динаров, серебряных и посеребренных — *биллоновых* — дирхемов. Медный фельс арабского типа в XI–XII веках почти неизвестен. Вместе с тем следует отметить, что серебро фактически исчезло из обращения в связи с *серебряным кризисом*, который пришёлся преимущественно на XI–XII столетия.

²⁵ Sadruddin Ebu'l-Hasan Ali ibn Nasir ibn Ali al-Husayni. Ahbar üd-Devlet is-Selçükiyye. Çeviren N. Lüğal. Ankara, 1943. S. 21, 50; Al-Isfahani. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra. İstanbul, 1943 (далее — Al-Isfahani, 1943). S. 132–133.

²⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 63.

²⁷ Жордания Ф. Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903. С. 9; Histoire de la Géorgie. Depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. 1er partie. Traduit par M.-F. Brosset. S.-Petersbourg, 1849. P. 343–347.

²⁸ Al-Isfahani, 1943. S. 101, 118, 143, 152; Ravendi, 1957–1960. S. 32, 173.

²⁹ Ravendi, 1957–1960. S. 32.

³⁰ Minorsky V. Caucasia I. // BSOAS/ 1948. Vol. XII/4. P. 33–34.

³¹ Walker J. A unique Medal of the Seljuk Tugrilbeg. Centennial Publication of the American Numismatic Society. New York, 1958. P. 692.

³² Раджабли А. М. Нумизматика Азербайджана. Баку, 1997 (далее — Раджабли, 1997). С. 74–75.

³³ Там же. С. 77–84.

³⁴ Kouymjian D. K. Three Unique Gold Coins of the Eldiqizid Atabeks of Northwestern Iran. // Actes du 8-ème Congrès International de Numismatique. New York — Washington, September, 1973. Paris — Basel, 1976 (далее — Kouymjian, 1976).

³⁵ Раджабли, 1997. С. 79.

Целые государства имели в обороте только медную монету. Точно так же было на Кавказе, хотя здесь можно отметить местный *серебряный чекан* Ширванского государства до 1120 года, местную *золотую монету* Азербайджанского султаната Ильденизидов, а также *биллоны* (низкопробное серебро; сплав, в составе которого меньшей частью (не более 50%) является серебро, а большей — лигатура, обычно медь) и медная монета Грузинского царства³⁶. Вместе с тем в денежном обращении Грузии сельджукского периода была представлена иноземная монета³⁷. Это были золотые, серебряные и медные монеты — византийская, сельджукская, ильденизидская, ширваншахская, мусульманских меликов, эмиров и атабеков.

В целом, суммарная масса денежных средств, находившихся в обороте на Южном Кавказе в XI–XII веках, качественно отличалась от той, что характерна для предшествующего — арабского — периода. И хотя базисом денежной системы по-прежнему являлось золото, основную монетную массу в обращении составляла медь. Иными словами, необходимое количество монетных средств складывалось в XI–XII веках из денег разного металла, включая монеты с принудительным курсом (то есть легальный государственный фальсификат монетной регалии). У каждого вида монет была своя сфера обращения, хотя и здесь наблюдались исключения.

Особенности денежного обращения исследуемого периода позволяют заключить, что изменения в монетном деле носили принципиальный характер. Так, право на золотой чекан на мусульманском Востоке в XI–XII веках принадлежало только халифам Аббасидам и султанам Сельджукидам.

В Сельджукской державе выпускали два вида золотой монеты: *динар-и сорх* («красный динар») — высокопробные и *динар-и рукни* (динар Рукн ад-Дина, по лакабу великого султана Сельджукида Тогрул-бека) — из *электра* (белое золото, сплав серебра и золота). Основной золотой денежной единицей в Сельджукской державе являлся, по крайней мере на начальном этапе её выпуска, то есть в первой половине XI века, первый вид — *динар-и сорх*. Но более характерен *динар-и рукни*: во второй половине XI века его выпускали в массовом количестве, то есть имел место легальный государственный фальсификат монетной регалии. Выпуск такой монеты продолжался и в XII веке: не случайно источники приводят цены в пересчёте на динар-и рукни³⁸. Золотой чекан выполнял роль как денежного средства, так и *донатива*.

На Кавказе была известна золотая византийская монета — *солид*, что служит подтверждением широких экономических связей региона с государствами Передней Азии, а также его активного участия в международной торгово-транзитной системе³⁹. Местный золотой чекан в исследуемый период появился в последней четверти XII века. Это связано с завершением политической трансформации Иракского султаната Сельджукидов в Азербайджанский султанат Ильденизидов.

В целом же, в сфере золотого обращения в XI–XII веках чаще других встречаются динары Сельджукидов и солиды Византии. Причем на Кавказе основная масса византийской золотой монеты найдена в кладках XI века, в следующем столетии её приток сократился. Это было результатом ослабления и военно-политических неудач Византийской империи, почему она утратила свои позиции на Кавказе.

Серебряную монету в XI–XII веках чеканили многие государства. Но доминирующую роль в обращении внутри государств и между ними играло сельджукское и, отчасти, византийское серебро, что свидетельствует о широких торгово-транзитных связях региона. Судя по топографии кладов, приток и обращение полновесной и высокопробной сельджукской серебря-

ной монеты характерен почти для всего Кавказа: от Баку на востоке до Сухума на Черном море, от Дербенда на севере до Хамадана на юге. Её обращение в Кавказском регионе, как и вообще в Передней Азии, было обусловлено главным образом отсутствием местного высокопробного серебряного чекана, а также тем, что Кавказ входил в состав Сельджукской державы⁴⁰. Так, серебро Ширванского государства в действительности представляло собой посеребрённую медь правильного чекана. В Грузинском царстве вообще били только медные монеты, часть которых имела надчеканку, что «это — серебро»⁴¹. Они обращались по принудительному курсу и являлись, следовательно, кредитными деньгами. На Северном Кавказе, в частности в Дагестане, находились в обращении серебряные дирхемы разного достоинства.

Выпуск серебряной монеты в XII веке был значительным. Но её не хватало для обеспечения сферы денежного обращения. Поэтому возросло значение меди, которая захватывала сферу серебра во внутригосударственном обращении. Вот почему на Кавказе, как и в других регионах Передней Азии, в сфере серебра основу обращения составляли разные знаки стоимости. Это были как полновесная и высокопробная серебряная монета, так и посеребрённые (биллоновые) или просто медные деньги, в том числе монета с принудительным курсом. Но за пределами государства роль денежного средства могла выполнять только высокопробная золотая или серебряная монета.

Вместе с тем, как правило, обилие медной монеты свидетельствует о развитии местного рынка — главного показателя торгово-экономического состояния государства. Медь — это мелкая разменная монета, которой платили самые широкие и наименее обеспеченные слои населения. Сельджукский медный чекан появился на рубеже XI–XII веков, и он известен в кладках Кавказа⁴².

В целом, в Передней Азии в XI–XII веках, в том числе на Кавказе, функционировало несколько монетных систем. Но у всех у них была единая основа — золото. Вот почему, несмотря на преобладание меди, письменные источники приводят цены в пересчёте на золотые динары, реже — на серебряные дирхемы. Это было связано с возросшей ролью золота, как основного стандарта периода, когда серебро почти исчезло из обращения и его место заняла медная монета.

Для XI–XII веков отмечены колебания денежного курса. Причины его в значительной мере связаны с серебряным кризисом. Но неустойчивость денежного курса могла быть и результатом военно-политических событий периода, а также одним из симптомов перехода при Сельджукидах в Центральной и Передней Азии, в том числе на Кавказе, на новую денежную систему, отличную от предшествующей — арабской. В целом, в течение XI–XII веков эти колебания вели к обесценению денег, к снижению их реальной покупательной способности, которая, можно полагать, упала тогда примерно вдвое.

Вместе с тем, хотя для исследуемого периода характерен *серебряный кризис*, охвативший в XI–XII веках многие регионы Востока и Запада⁴³, он не повлиял существенным образом на торгово-транзитные связи государств, входивших в восточную феодальную систему.

Объяснение же серебряного кризиса, этого ещё до конца не изученного феномена, следует искать, в первую очередь, в росте продуктивности сельского хозяйства и городского ремесла, в расширении и интенсификации товарно-денежных отношений и товарного производства, в расцвете городов и развитии местных и международных торгово-транзитных связей. В таких условиях серебра оказалось недостаточно для выпуска полноценной высокопробной серебряной монеты. Поэтому серебряный кризис можно считать «болезнью роста» восточного феодализма в области экономики в целом, конкретно — в сфере денежного обращения.

³⁶ Пахомов Е. А. Монетные кладки Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I–IX. Баку, 1926–1966 (далее — Пахомов, 1926–1966); Раджабли, 1997; Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955 (далее — Капанадзе, 1955). С. 58–73; Коутджиан, 1976. Р. 527–541.

³⁷ Джалаганиа И. Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII веков. Тбилиси, 1979. Гл. III.

³⁸ Раджабли, 1997. Гл. IV и V; Капанадзе, 1955. Гл. III.

³⁹ Пахомов, 1926–1966.

⁴⁰ Кропоткин В. В. Кладки византийских монет на территории СССР. М., 1962. С. 14; Раджабли, 1997. Гл. V/5–6.

⁴¹ Капанадзе, 1955. С. 59.

⁴² Пахомов, 1926–1966.

⁴³ Раджабли, 1997. Гл. V/1–4, 7–8; Капанадзе, 1955. Гл. III.

Глава VI.

Типологические особенности государственности на Кавказе в XI–XII веках

6.1. Вводные положения

Новый этап в развитии переднеазиатского мусульманского общества, связанный с сельджуками, ознаменовался заметными изменениями и в области государственного устройства. Типологическим эталоном стала сельджукская государственность, вобравшая в себя то, что было накоплено в период Сасанидской и Византийской империй, Арабского халифата и Газневидского султаната. В свою очередь, устройство государств Кавказа в XI–XII веках было схоже с общепринятыми принципами доминировавшей политической системы. Как правило, разница заключалась в терминологии, хотя и здесь можно обнаружить много сходного.

6.2. Принцип федерализма

В основе сельджукской государственности лежала военно-феодалная организация (военно-ленная система), в которой заметную роль играл принцип федерализма, или уделов. Так, сельджукские держава и султанаты, Азербайджанский султанат Ильденизидов были едиными по формальному признаку. Он выражался в том, что главы фактически самостоятельных политических единиц поминали в хутбе и били на монете имена своих формальных сюзеренов. Суть в том, что, в целом, в действительности, почти все эти политические структуры являлись объединением лишь формально зависимых от центральной власти уделов. Поэтому во внутренних делах глава удела был самостоятелен. Чиновники центральных диванов не могли распоряжаться здесь, а порой были лишены даже права доступа на территорию, изъятую из-под прямой юрисдикции центрального правительства¹. Местные государства Кавказа, сохранившиеся с предшествующего времени, не изменили заметным образом своей структуры, однако, не утратив традиционного централизованного устройства, они должны были бороться против возросших центробежных сил.

Характерное для XI–XII веков государственно-политическое устройство по принципу уделов (федерализм) имело несколько конкретных причин. Во-первых, рост центробежных сил. Во-вторых, господство земельного института *икта*. В-третьих, появление и бытование новационной военно-феодалной системы *уджей*. Но главная причина заключалась в относительно слабой экономической базе вновь образованных государств Сельджукидов и Ильденизидов. Вследствие этого отдельные их части представляли собой сравнительно обособленные владения эмиров и атабеков. Так, после ослабления Сельджукской державы на рубеже XI–XII веков она раздробилась на несколько самостоятельных султанатов: Сирийский, Кирманский, Конийский, Иракский. Великий султан Сельджукид почитался их сюзереном лишь по положению.

В свою очередь, атабек Ильдениз, став владетельным эмиром, только формально признавал сюзеренитет иракских Сельджукидов. Когда в 1191 году раздробился Азербайджанский султанат, то Абу-Бакр Ильденизид лишь по положению старшего в роду считался сюзереном. То же заключение о фактической самостоятельности отдельных частей формально единого государства, будь то Сельджукское или Ильденизидское, верно относительно входивших в его состав эмиратов.

Итак, государства, появившиеся в XI–XII веках, были едиными по формальным признакам: общая территория и одна династия, единая хутба и монета, центральный аппарат управления и войско. Например, уже первый великий султан Сельджукид Тогрул-бек пожаловал Кирман в качестве удела своему племяннику Кавурду. Тогда же этот последний превратил его в самостоятельный Кирманский султанат (1041–1186) с собственной династией, и великий Сельджукид довольствовался здесь лишь хутбой на своё имя. Другой племянник Тогрул-бека, будущий великий султан Алп-Арслан, управлял территориями от Азербайджана до Сирии с титулом *эмир Хорасана*, то есть домена главной ветви Сельджукидов².

Уже при великом султани Сельджукиде Малик-шахе наблюдалось если не ослабление центральной власти, то — усиление центробежных тенденций среди его вассалов. Это конкретно проявилось в широких земельных пожалованиях. Правда, получатели обязывались признавать сюзеренитет великих Сельджукидов. Но Конийский, Кирманский, Иракский и Сирийский султанаты со своими династиями Сельджукидов лишь номинально считались частями Сельджукской державы. Ряд же областей перешел под управление вольноотпущенников Малик-шаха. Так, Хорезм достался эмиру Ануш-Тегину, будущему хорезмшаху и создателю Хорезмского государства. Великий султан Сельджукид Мухаммад назначил в качестве удела своему сыну Махмуду Ирак-и Аджам, Азербайджан, Южный Дагестан, Грузию, Фарс и ряд других территорий, на которых впоследствии возник Иракский султанат Сельджукидов.

Таким образом, уже с момента создания в 1038 году Сельджукской державы система уделов, то есть принцип федерализма, стала нормой государственно-политического устройства. А в течение XII века федерализм получил широкое распространение в Центральной и Передней Азии.

В этом кроется одно из объяснений того важного обстоятельства, почему Сельджукиды не тронули на Кавказе Ширванское государство и Грузинское царство, ограничившись вассальной присягой и обязательством уплаты ширваншахами и Багратидами символической дани. В этих кавказских государствах сохранились свои династии и собственная администрация, монета и войско, самостоятельность во внутренних делах и другие атрибуты суверенности. При Сельджукидах и Ильденизидах на Кавказе существовали конфедеративное Шаддадидское государство, в который входили Арано-Нахчыванский, Анийский и Дабильский эмираты; в Малой Азии — эмираты Салтукидов, Мангуджакидов и Бектимуридов. В XII веке в Азербайджане появился эмират ал-Ахмадили, который считается преемником Раввадидского государства.

На Кавказе воплощением сельджукской государственности и принципа федерализма стал Азербайджанский султанат Ильденизидов. Так, во главе отдельных областей собственно Азербайджана, входившего в его состав, стояли члены династии с титулом *малика*. Например, Ильдениз передал Рей, Ардабиль и их области в управление своему сыну Джамалхан-Пехлевану. Последний, став великим атабеком и главой Азербайджанского султаната, поручил своим детям управление отдельными территориями: Абу-Бакру — Азербайджан; Кутлуг-Инанджу и Амиран Умару — Рей, Исфahan и области в Ирак-и Аджаме; в Хамадане сидел Узбек; Нахчываном и его областью управляла его дочь — малика Джалалия³. Составными частями Азербайджанского султаната Ильденизидов считались также Дербендский эмират, маликство Ахарское, атабекство Салгуридов Фарса и эмират Табаристана. По положению, даже после фактического дробления этого султаната, владетели уделов, эмиратов и маликств были обязаны признавать сюзеренитет великих атабеков Ильденизидов.

¹ Horst H. Die Staatsverwaltung des Grosselguken und Horazmschahs. Wiesbaden, 1964. S. 108, 140–141.

² Selcukname. Anadolu Selcuklari Devleti Tarihi. III. Cilt. Ankara, 1952 (далее — Selcukname, 1952). S. 7.

³ *Al-Isfahani*. Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Usra. Istanbul, 1948 (далее — *Al-Isfahani*, 1948). S. 257; *Sadraddin*. Ahbar ud-Devlet is-Selcukiyye. Ankara, 1943 (далее — *Sadraddin*, 1943). S. 90, 104, 108, 110, 121.

Вместе с тем вассалы Сельджукидов и Ильденизидов предпринимали попытки отложиться от государства-сюзерена. Столкновения на этой почве принимали характер войн и мятежей. Так, после гибели в 1092 году великого султана Малик-шаха дробление Сельджукской державы приняло почти официальный характер. Формальное единство зиждилось на власти правителей уделов и областей, усиливавшихся по мере ослабления центральной власти. Фактически же на исходе XI века на месте единой Сельджукской державы появились независимые султанаты, эмираты и атабекства.

Одновременно возросла политическая самостоятельность местных государств, например, Ширванского и Грузинского. После гибели в 1191 году султана Кызыл-Арслана Ильденизида дробление Азербайджанского султаната стало свершившимся фактом. Его племянники Абу-Бакр, Узбек, Кутлуг-Инандж, Амиран Умар, а также иракский Сельджукид султан Тогрул II и эмиры поделили между собой земли этого государства⁴.

6.3. Управление на местах

Сельджукиды обычно сохраняли структуру местного управления с её сложившимся аппаратом чиновников и отлаженной системой администрации. Поэтому можно говорить о сотрудничестве между завоевателями и бюрократией, об альянсе между сельджуками и местными династиями. Этот принцип до известной степени упрощал сельджукский завоевательный процесс и способствовал управлению завоёванными территориями с наименьшей затратой сил. Собственно, у сельджукских султанов не было своих кадров чиновников. Поэтому, сохраняя местную власть и администрацию, они поручали им управление территориями на определённых условиях. В одном случае сельджукские султаны оставляли прежних правителей на положении вассалов с определёнными обязанностями, например, уплата дани и обеспечение безопасности границ. В других — вносили коррективы в систему управления.

Так было везде, куда пришли сельджуки, в том числе на Кавказе. Местный династ превращался в наместника-вассала и обязывался вносить в казну Сельджукида-сюзерена дань. Но во внутренних делах он пользовался самостоятельностью, то есть сохранял атрибуты своей государственности, хотя его монета носила признаки зависимости. На таких условиях продолжали существовать Ширванское государство, Грузинское царство, Раввадидский и конфедеративный Шаддадидский эмираты. Так, великий султан Сельджукид Али-Арслан принял в 1067 году вассальную присягу грузинского царя Баграта IV и ширваншаха Фарiburза I. При великом султани Сельджукиде Малик-шахе местные династии получили подтверждение своих прав и несли прежние обязанности⁵.

Управление пограничными территориями было иным и имело две формы, выработанные сельджуками под влиянием народов, обладавших многовековыми традициями государственности и создавших эффективные методы охраны рубежей. В связи с этим следует отметить, что на Кавказе Сельджукиды на окраине своих государств оставили Ширванское и Грузинское государства и несколько мелких владений: Дербендский, Шаддадидский (Арано-Нахчыванский, с центром в Гяндже) и Тифлисский эмираты.

Такая практика отвечала принятой у Сельджукидов системе охраны и управления пограничными территориями.

⁴ Al-Isfahani, 1948. S. 269; Sadruddin, 1943. S. 121; Ravendi. Rahat us-Sudur ve Ayet us-Surur. Cilt. I-II. Ankara, 1957-1960 (далее — Ravendi, 1957-1960). S. 333-334.

⁵ Жордания Ф. Д. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903. С. 9; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М., 1963 (далее — Минорский, 1963). С. 60-61; Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2008 (далее — Картлис Цховреба, 2008). С. 182, 183; Al-Isfahani, 1948. S. 133; Sadruddin, 1943. S. 30-32, 50; Minorsky V. Studies in Caucasian history. London, 1953 (далее — Minorsky, 1953). P. 23; Histoire de la Géorgie. Depuis l'Antiquité jusq'au XIXe siècle. 1er partie. Traduit par M.-F. Brosset. St-Petersbourg, 1849 (далее — Histoire de la Géorgie, 1849). P. 331-332, 343, 345.

6.4. Сюзеренитет и вассалитет

Феодальные отношения зиждились на индивидуальной (личной, частной), а не государственной собственности. С этим обстоятельством непосредственно связана система сюзеренитета и вассалитета. Первым вассалом Сельджукидов на Кавказе стал в первой половине XI века аббасидский наместник, который признал сюзеренитет первого великого султана Тогрул-бека и преподнес ему 100 тыс. динаров. В 60-е годы того же столетия эмир Арана и Нахчывана Шавур I Шаддадид подчинился второму великому султану Алп-Арслану, обязался уплачивать ему *дань-харадж* и выступать с ним для *джихада*. Тогда же грузинский царь Баграт IV принес этому Сельджукиду вассальную присягу с обязательством уплаты *дани-джизьи* и отдал в жёны Алп-Арслану племянницу, дочь своей сестры⁶. Когда в 1067 году Алп-Арслан появился со своим войском в Азербайджане, глава Арано-Нахчыванского эмирата Фадл II и ширваншах Фарiburз I прибыли к нему с подарками. Затем ширваншах сопровождал Сельджукида в походе 1068 года в Малую Азию, что терминологически было выражением вассальной зависимости. Когда же Фарiburз I попытался проявить самостоятельность и вторгся в область Дербенда Баб ал-Абваб, Алп-Арслан наложил на него контрибуцию⁷. Тогда же сельджукское войско прошло из Азербайджана в Грузию, где местные владетельные феодалы признали этого Сельджукида своим сюзереном и обязались платить ему ежегодную *дань-джизью*, а Баграт IV подтвердил свои вассальные обязательства перед ним⁸.

Таким образом, при великих султанах Сельджукидах, которые считались сюзеренами государств Кавказа, в регионе продолжали функционировать местные политические единицы, сохранявшие основные атрибуты своей суверенности — самостоятельность во внутренних делах и систему администрации, казну и войско, династию, монетный чекан и двор. Это заключение верно в отношении Ширванского, Раввадидского и Грузинского государств, конфедеративного Шаддадидского эмирата. Выплата ими дани Сельджукидам носила нерегулярный характер, зависела от конкретной военно-политической ситуации и являлась, в первую очередь, символическим выражением того, что местные династии должны получать инвестиру от великих султанов.

На владение территорией выдавался специальный указ, который было необходимо возобновлять каждый раз после смерти жалователя или получателя⁹. Но с ослаблением центральной сельджукской власти в указе только отмечалось, что такие владения являются наследственными и не требуют возобновления письменного подтверждения султана Сельджукида.

Вассалы султана присягали только ему; вассалы местного династа, эмира или атабека — давали клятву верности лишь своему непосредственному сюзерену¹⁰. Ибо система сюзеренитета и вассалитета была одноступенчатой. Действовала формула — «вассал моего вассала — не мой вассал». Не исключено, что возобновление каждый раз, со сменой сюзерена, указа на земельную собственность и иные пожалования, то есть инвестиру, пока она практиковалась, являлось своеобразной формой перерегистрации земельного фонда и воинских контингентов вассала.

Важнейшей составной частью процедуры инвестиру было принесение клятвы. Она содержала изложение основных обязанностей обеих сторон, заключавших между собой юридическое соглашение, выгодное как для сюзерена, так и для вассала. Первый обязывался соблюдать статус зависимой от него территории-владения, а второй — платить за право владения ею и участвовать в военных акциях жалователя. Нарушение условий одной из сторон

⁶ Картлис Цховреба, 2008. С. 158-159; Histoire de la Géorgie, 1849. P. 328-330; Al-Isfahani, 1948. S. 31.

⁷ Минорский, 1963. С. 60-63, 79; Minorsky, 1953. P. 23.

⁸ Картлис Цховреба, 2008. С. 158; Histoire de la Géorgie, 1849. P. 331-332; Sadruddin, 1943. S. 24-26, 30-32.

⁹ Chronique de Michel le Syrien. Vol. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910 (далее — Chronique de Michel le Syrien, 1910). P. 620; Ibn Bibi. Selcukname. Ankara, 1941 (далее — Ibn Bibi, 1941). S. 42.

¹⁰ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 711.

освобождало другую от принятых на себя обязательств. Таковы были взаимоотношения великих султанов Сельджукидов с их кавказскими вассалами — с ширваншахами, Багратидами, эмирами Шаддадидами и Раввадидами; иракских султанов Сельджукидов — с атабеками Ильденизидами; ширваншахов — со своими эмирами; грузинских царей — с их вассалами; Ильденизидов — с эмирами Дербенда и Мугана, маликами Ахара и атабеками Фарса. В сфере влияния Ильденизидов были Ширванское государство и Кирманский султанат Сельджукидов, владетели Табаристана и эмиры Мангуджакиды, Артукиды и Зангиды.

В связи с этим отметим, что, когда, во второй половине XII века, Ильденизиды стали подлинными руководителями Иракского сельджукского султаната, вассалы Сельджукидов считали своими сюзеренами Ильдениза и его сыновей — Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана. Так, атабек Фарса Занги Салгурид, прибывший ко двору иракского Сельджукида Арслан-шаха, вначале явился к Ильденизу, которому принес вассальную присягу, и лишь потом был допущен к своему формальному сюзерену — иракскому султану.

Отношения между сюзереном и вассалом в XI–XII веках немногим отличались от тех, что существовали в предшествующие столетия. Вместе с тем особенности вассально-ленной системы исследуемого периода позволяют говорить о дальнейшей эволюции структуры сюзеренитета и вассалитета. В частности, эти особенности привели к созданию ряда феодальных учреждений, оказавших влияние на реалии XI–XII веков. Среди них: *институт атабеков* и *военно-феодальный институт уджей*.

6.5. Институт атабеков

Эта структура стала одним из важнейших достижений восточного феодализма исследуемого периода и повлияла на жизнь как отдельных государств, так и всего переднеазиатского, в том числе кавказского, феодального общества¹¹.

Институт атабеков, как и сам термин, — тюркский по происхождению. Термин *атабек* впервые засвидетельствован в форме *ата* или *аты* ещё в орхоно-енисейских эпиграфических памятниках первой половины VIII века¹². В тот период он означал опекуна, воспитателя, титулованного «дядьку», политического руководителя орхонских принцев. Должность ата занимал знатный тюрк. Ата был грамотным, владел литературным языком. Таким был Йоллыг-тегин, который в первой половине VIII века являлся ата тюркских правителей Кюль-тегина и Бильге-кагана. Судя по известному материалу, можно говорить о том, что в орхоно-енисейскую эпоху (VII–X века), в отличие от сельджукской, ата был гражданским, а не военным лицом.

После VIII века термин на несколько столетий исчез из жизни тюркских племён, генетически связанных с авторами орхоно-енисейских памятников. Во всяком случае, пока что нет сведений, продолжала ли существовать и развиваться категория ата раннефеодального общества тюрк.

Таким образом, институт атабеков существовал ещё до сельджуков и был возрожден во второй половине XI века, после образования Сельджукской державы, в качестве одной из политико-государственных и управленческих структур. Его возрождение в сельджукский период в немалой степени связано с господством удельной системы (принцип федерализма).

Первоначально термин *атабек* сельджукского периода означал «хранитель государственных устоев». Впоследствии так именовали наместников, военачальников, опекунов и воспитателей. Но широкое распространение термин получил в двух формах: «наместник» и «опе-

кун-воспитатель». Со временем атабеком стали называть за заслуги перед троном, и должность превратилась в почётный титул. В итоге, сфера деятельности атабека ещё более расширилась.

Первое достоверное упоминание об атабеке в сельджукский период связано с именем Низам ал-Мулька, одного из крупнейших государственных деятелей исследуемого времени. Он являлся вазиром великих султанов Сельджукидов Алп-Арслана и Малик-шаха и оказал немалое влияние на события 1063–1092 годов. Низам ал-Мульк носил официальное звание атабека этих султанов. Применительно к нему термин можно толковать как «воспитатель, блюститель государственного порядка».

Основная же идея возрождения института атабеков, в отличие от орхоно-енисейского времени, заключалась в создании корпуса наместников для управления отдельными частями обширного государства. Вместе с тем появление этого института диктовалось необходимостью опеки и воспитания членов династий и наследников трона Сельджукидов. Поэтому, по сельджукской табели о рангах, титул и должность атабека, вручаемые доверенным эмирам, следовали, по своей значимости, за султаном и маликом. Вот почему атабек занял видное место в феодальной иерархии, а внутривластная жизнь государств, где он бытовал, протекала под знаком борьбы между атабеками и сельджукскими султанами. Классическим примером реализации и развития института атабеков является история Ильденизидов, связанная с Иракским султанатом Сельджукидов.

На должность атабека назначали высокопоставленного владетельного, но незнатного происхождения, тюркского эмира из ближайшего окружения государя. Обычно это — вольноотпущенники из бывших дворцовых гулямов, возвысившиеся, благодаря личным способностям и заслугам, и обязанные трону приобретенными благами и милостями. Они обычно не имели прочных связей с эмирами государства, являя собой прослойку, лично преданную сюзерену и чуждую его окружению. Но с изменением политической ситуации, после установления контактов с сановниками, приобретения влияния при дворе и превращения во владетельных феодалов атабеки вошли в силу и стали независимыми. В результате, государь-сюзерены довольствовались теперь лишь громким титулом, а атабеки превратились во всеильных временщиков, в наиболее опасных врагов трона, угрожавших целостности и безопасности государств и династий, на службу которым были призваны.

Институт атабеков сельджукского периода в своём развитии прошёл ряд этапов. *На первом* (вторая половина XI — начало XII века) — атабеки являлись верными слугами трона и зависели от государя. *На втором*, начиная с середины XII века, процесс эволюции института вышел из-под контроля государства, атабеки превратились в грозную силу, стремились освободиться от любых признаков зависимости. Появились династии атабеков с доменами, с подопечными сельджукскими маликами и султанами. В итоге, *на третьем этапе*, начиная со второй половины XII века, наблюдается расцвет института как фактически независимой структуры, которая оказала большое влияние на государственную и военно-политическую жизнь Передней Азии, в том числе Кавказа. Возможно, это связано с тем, что со времени великого султана Сельджукида Малик-шаха каждый сельджукский малик и наследник престола получал своего атабека, с которым не расставался всю жизнь. Одновременно, с течением времени, атабек все больше входил в силу. Уже при великом султани Сельджукиде Бёркийяруке (1094–1104), его «воспитатель» делил власть со своим подопечным. Имея ввиду рост значения и влияния атабеков на дела государства, их можно сравнить с западноевропейскими майордомами франкских королей из династии Меровингов (V–VIII века).

В результате, на протяжении XI–XII веков должность атабека, будучи одной из важнейших, оставалась постоянным атрибутом государственного устройства. Это был институт наместников и опекунов-воспитателей.

Назначение на пост атабека-наместника оформлялось специальным султанским указом. Ему вручали инсигнии его достоинства: *тугру* (печать), *йюзюк* (перстень) и присваивали ла-

¹¹ Гусейнов Р. А. Институт атабеков // ПС. Вып. 15(78). М.—Л., 1966.

¹² Козьмин Н. Н. Классовое лицо «атысы» Йоллыг-Тегина, автора орхонских памятников. // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934. С. 265, 266, 269; Cahen Cl. Atabeg. El, NE. T. 1. Leyden — Paris, 1960.

каб *Шамс ад-Дин* («солнце веры»); у него имелись личные хаджибы¹³. Атабек-наместник получал под своё управление важные в военном отношении пограничные территории, где представлял сюзерена в качестве военного и гражданского начальника, то есть своеобразного средневекового генерал-губернатора. Нередко он создавал собственную династию, чеканил свою монету, заводил постоянное войско. Финалом подобной метаморфозы являлось превращение полученной территории в самостоятельное владение. Таким путём в Передней Азии появились эмираты бывших наместников Сельджукидов, среди них: Артукиды, Зангиды, Салгуриды, Буриды.

Атабеки-наместники сельджукского периода назначались и в города и области Кавказа. Первыми среди них здесь стали эмиры Шаддаиды Арана и Нахчывана, которые управляли также городами Тифлис и Рустави. Среди атабеков-наместников, превративших впоследствии доверенные территории в собственные владения, следует назвать династии Бегтегинидов в Шахразуре и Бектимуридов в Хилате. Атабек Кара-Сонкур в первой половине XII века представлял иракских султанов Сельджукидов в ряде областей Азербайджана с резиденцией в Табризе.

Наиболее значительными и влиятельными атабеками-наместниками были Ильденизиды. Начав карьеру в качестве атабека Арана, родоначальник династии Шамс ад-Дин Ильдениз, а затем его сыновья и преемники — Джахан-Пехлеван и Кызыл-Арслан — стали всемогущими временщиками в Иракском султанате Сельджукидов. Они создали собственный Азербайджанский султанат, в состав которого входили территории на Кавказе и в Иране.

Другая категория атабеков была связана с опекой и воспитанием членов династий Сельджукидов — маликов, а также наследников сельджукского трона. Впоследствии появилась почётная должность атабека султана. Стало правилом, что атабек-опекун и воспитатель, вступая в должность, одновременно получал власть над уделом своего подопечного. А атабек наследника трона или самого султана владел наиболее важной областью государства. Среди атабеков этой категории также наибольшее значение получили Ильденизиды в связи с их ролью в Иракском султанате Сельджукидов. Будучи первоначально только наместниками, Ильденизиды затем стали атабеками сельджукских маликов, то есть их опекунами. Возможно, сочетание в одном лице должности атабека-наместника и опекуна способствовало тому, что Ильденизиды остались уникальной плеядой эмиров, сумевших создать на базе своих владений и территории Иракского султаната Сельджукидов обширный Азербайджанский султанат и сыграть в XII веке заметную роль в истории Передней Азии, в том числе Кавказа.

Основные этапы эволюции института атабеков сельджукского периода связаны с историей Азербайджана и Ильденизидов. Так, только они достигли высокого положения в государстве своих номинальных сюзеренов, оказали заметное влияние на историю Кавказа, узурпировали султанский трон и создали свой султанат. Причем в тесной связи с метаморфозами династии Ильденизидов, как атабеков, находится эволюция их титулатуры и тамги. Она помогает проследить поэтапную трансформацию и возвышение Ильденизидов от положения дворцового гуляма, каким начинал карьеру Шамс ад-Дин Ильдениз, до султана, кем стал Кызыл-Арслан, — через титулы и должности эмира, атабека, великого эмира, великого атабека, атабека малика, атабека султана, высочайшего малика. Вместе с тем эта трансформация свидетельствует о личных достоинствах Ильденизидов, а также о специфике феодальных порядков в XII веке: об одноступенчатости системы сюзеренитета и вассалитета, о доминировании индивидуальной собственности на землю и о господстве институтов икта, уджей, атабеков, а также удельной системы.

Институт атабеков в XI–XII веках удачно вписался в структуру как мусульманских государств, так и восточнохристианских, например, Грузинского¹⁴. Сюда он попал из Азербайджанского султаната Ильденизидов. В конце XII–XIII веке *атабек* фиксирован в феодальной иерархии и военно-политической жизни Грузии. По табели о рангах, его приравнивали здесь к титулу *эмир эмиров*, который также был воспринят из мусульманского окружения, и почитали за «султанскую должность, которая подразумевает отца и воспитателя царей и султанов». Званием атабека жаловали военачальников и крупных владетельных феодалов. В конце XII века существовала должность грузинского царского наместника — *атабека Иверии*. Таким образом, и в Грузинском царстве атабек был как наместником, так и опекуном-воспитателем членов царствующего дома. А в XV веке в Грузии существовало владение-княжество Самцхе-Саатабаго.

О том, насколько такая структура оказалась важной и жизнеспособной, свидетельствует бытование на Северном Кавказе вплоть до XIX века института *аталычества*¹⁵. Как реминисценция, он бытовал у абхазов, адыгов, кабардинцев, карачаевцев, грузин, осетин. Согласно обычаю аталычества, княжеских и дворянских детей отдавали в чужую семью на воспитание *аталыку* (букв. отчиму). Он обучал их верховой езде, умению владеть оружием, красноречию, горскому этикету. Воспитанник вместе с аталыком совершал поездки к соседям, участвовал в набегах, военных играх и скачках. После завершения процесса воспитания юноша возвращался в отчий дом, но между аталыком и его воспитанником навсегда устанавливались родственные отношения и обязательства взаимной защиты и помощи.

6.6. Военно-феодальный институт уджей

В сельджукский период это — одна из форм управления пограничными территориями. Она получила распространение в XI–XII веках на землях, подвластных Сельджукидам, а от них перешла к Ильденизидам и другим правителям¹⁶. *Институт уджей* представлял собой систему рекрутируемых из состава тюркского родоплеменного ополчения и местного населения конных отрядов для охраны границ государства. Члены таких отрядов получали в обмен за службу землю и создали поселения в приграничной полосе. Институт уджей являлся характерным для исследуемого периода и органически вписался в структуру ряда государств Передней Азии, в том числе Кавказа.

Идея военных заслонов на границах государства, принявшая у Сельджукидов форму уджей, вероятно, возникла под влиянием нескольких факторов. Во-первых, они могли воспринять её из сасанидской государственности, включавшей в себя институт *марзбанов* (наместников пограничных провинций). Во-вторых, в Византийской империи существовала система *акритов* (пограничников), которая также могла послужить образцом для Сельджукидов. В-третьих, в Арабском халифате вдоль границ был создан ряд крепостей и военных поселений, откуда пограничная стража, состоявшая из *гази*, вела наступательно-оборонительные действия против Византии. Вместе с тем система пограничных заслонов была известна тюркам уже в Центральной Азии, где в первые десятилетия XI века сельджуки выступали в роли военных наёмников на границах мира ислама, служа тем, кто обещал им пастбища и военную добычу.

Войны являлись неизбежным спутником государств Сельджукидов, Ильденизидов и некоторых других, почему для них были характерны единство войны и политики и постоянное войско. Поэтому во второй половине XI века в Сельджукской державе провели военную реформу, в результате которой наиболее приемлемой и полезной формой дальнейшего

¹³ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 612.

¹⁴ Дондуа В. Д. Башили, историк царицы Тамары. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 61.

¹⁵ Косвен М. О. Аталычество. // СЭ. 1935. № 2; Народы Кавказа. Т. I. М., 1960. С. 94, 179, 289; Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Вып. I. Одесса, 1882. С. 276.

¹⁶ Гусейнов Р. А. Уджи — военно-феодальный институт в Малой Азии в XI–XII веках. // ТС-1974. М., 1978.

существования своевольного и не поддающегося дисциплине тюркского родоплеменного ополчения стала система уджей. В последней четверти XI века она превратилась в военно-феодальный институт многоцелевого назначения, получивший распространение как в сельджукских, так и в других государствах исследуемого периода. Вместе с тем система уджей помогла обеспечить родоплеменное ополчение делом, направить его энергию в выгодное для государства русло, обезопасив от него области и города. Тюрки охотно шли на границу, где занимались своим традиционным хозяйством и совершали набеги.

История уджей начинается с появления подконтрольных сельджукам султанам пограничных сторожевых постов и завершается возникновением *бейликов* (территориальных княжеств). Институт уджей прослеживается в истории Кавказа в XII веке, где он получил распространение в Азербайджанском султанате Ильденизидов, откуда затем попал в Грузинское царство.

Главными задачами уджей были военные. Войско уджей исполняло наступательно-оборонительные функции в приграничных областях государства. Например, в Азербайджанском султанате уджи были сосредоточены на северной, западной и южной границах, ибо Ильденизидам приходилось отражать набеги различных племён с севера, из-за Дербендской стены; на западе — вести войны против Грузинского царства и других государств; на юге — надо было противостоять нападениям различных владетельных эмиров.

Современники неоднократно отмечали, что тюрки, именуемые уджами, в бою мужественны. Военные обязанности уджей были сходны с задачами византийских акритов, мусульманских гази, славянских порубежников, воинов западноевропейских маркграфств и членов рыцарских орденов. Вместе с тем уджи должны были исполнять и другие функции: укреплять власть на местах; подавлять выступления населения; обеспечивать сбор податей; сопровождать посольства: «Для защиты посольства от посягательства или насилий в пути почётный конвой отбирался из войск, стоявших на границе»¹⁷.

Уджи являлись составной частью военной организации государства. Они относились к вспомогательному роду войск — пограничной или сторожевой лёгкой коннице. В составе уджей имелись и местные жители, которых рекрутировали в войско Сельджукидов и Ильденизидов. В Азербайджане к категории уджей принадлежала часть горожан Гянджи, Нахчывана и Хоя, о которых известно как о «храбрых воинах и хороших стрелках из лука», как о «воителях за веру», то есть как о *гази*. Из этих же городов обычно начинались походы и рейды Сельджукидов и Ильденизидов на соседние территории.

Эмир племени, стоявший во главе отряда уджей, именовался *удж-беем* или *удж-эмиром* (эмиром уджа — территории, которую следовало охранять; или же эмиром уджей — пограничников). Удж-беи подчинялись *удж-бейлербею*, или *удж-умера*, командовавшему объединённым войском уджей.

В сражениях уджи не участвовали. Их функции во время военных действий являлись вспомогательными: разведка и короткие рейды, набеги и грабежи, беспокойство неприятеля на марше и на отдыхе, временное преследование бегущего противника и караулы.

Основным оружием уджей были лук и стрелы. Уджи пользовались боевыми порядками родоплеменного ополчения. В мирное время они совершенствовали военное мастерство: занимались охотой или военными играми в специальных охотничьих заповедниках, участвовали в состязаниях в стрельбе из лука, владении саблей и конём.

Когда в первой половине XI века огузы и следом за ними сельджуки появились в государствах Кавказа — Раввадидском, Шаддадидском и Ширванском, — не исключено, что они получали разрешение селиться здесь в качестве пограничной стражи и как военная сила,

¹⁷ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения. Т. I. М., 1960 (далее — Гордлевский, 1960). С. 184.

направленная против внешней и внутренней опасности, то есть являлись уджами и военными наёмниками. Свидетельство тому — связанная с уджами топонимия Азербайджана: города Уджар, Уджарлы, Уджан, селения Уджан (ныне в области Арагацотн, Республика Армения), Удж-булаг, Удж-кенди. Аналогичные топонимы отмечены и в других зонах Кавказа, в частности в Грузии: Уджа-баури, Уджан-абас, Уджанис, Уджарма.

Под названием *земли уджей* в XI–XII веках стали известны области или территории расселения уджей, а вместе с тем — новая категория землепользования (разновидность военного икта). Подробно об этом рассказано выше (см. раздел «Земли уджей»).

6.7. Сельджукская военная организация

Войны стали неизбежным спутником Сельджукской империи, которая родилась благодаря важной победе над Газневидами в 1040 году у местечка Данданакан, близ Мерва (ныне Мары), в Туркменистане. Впоследствии сельджукам неоднократно приходилось отстаивать захваченные территории и утверждать своё владычество в новых областях. Кавказ и Малая Азия, Византийская империя и государства крестоносцев, Фатимидский Египет и другие регионы и страны не раз испытали на себе их военную мощь.

Армия играла большую роль в жизни Сельджукского государства¹⁸. Война и военная добыча были одним из краеугольных камней не только политической доктрины, но и экономической политики: «Структура сельджукской армии и общества требовала завоевательной деятельности, потому что расходы на содержание этой армии могли быть изысканы только на основе территориальных отчуждений, бесконечных по своей сути, которые невозможно было предоставить в государстве, чтобы не лишиться себя жизни»¹⁹. Поэтому для эпохи великих султанов Сельджукидов (1038–1157), в первую очередь для времени Тогрул-бека (1038–1063), Алп-Арслана (1063–1072) и Малик-шаха (1072–1092), характерно единство войны и политики.

Несомненно, что это единство сыграло важную роль в реорганизации сельджукской военной системы, способствовало переходу от родоплеменного ополчения к армии нового типа. Изменение Сельджукидами политических целей войны, а именно завоевание новых территорий и установление на них своего господства, вело к усложнению тактических и стратегических приемов. Родоплеменное ополчение для этого оказалось непригодным. Вот почему великие султаны уделяли исключительное внимание армии, не меньшее, чем финансовым делам. Великий Низами упоминает правителя, который

«Понял, что казна и войско слиты,
Казна и войско — нет другой защиты»²⁰.

Равенди следующим образом характеризует причины, в силу которых сельджуки вели войны: «Первая — надежда войска, война на военную добычу; вторая — чувство возмездия, которое владеет войском в высшей степени; третья — чувство страха, овладевающее войском противника; четвертая — надежда на мир, смягчающая намерения (врагов) и уменьшающая их ненависть»²¹. Вместе с тем, как отметил И. Ю. Крачковский, «нас поражает громадный размах войн, которые велись тогда (в XI–XII веках. — Р. Г.), и ничтожество достигнутых результатов»²².

Военная реформа. На начальном этапе завоеваний (первая половина XI века) сельджукская армия оставалась по преимуществу родоплеменным ополчением. Оно комплектовалось по принципу «от каждого племени — воинская единица», это имело не только свои

¹⁸ Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация. // ПС. Вып. 17 (80). М.—Л., 1967.

¹⁹ Cahen Cl. La Première Pénétration Turque en Asie Mineure. // Byzantion. Т. XVIII. 1948 (далее — Cahen, 1948). P. 11.

²⁰ Низами Гянджеви. Семь красавиц. Баку, 1959 (далее — Низами Гянджеви, 1959). С. 328.

²¹ Ravendi, 1957–1960. S. 208–209.

²² Крачковский И. А. Усама ибн Мункыз и его воспоминания. // Усама ибн Мункыз. Книга назидания. / Пер. М. А. Салье. М., 1958. С. 33–34.

преимущества, но и недостатки. Поэтому новые задачи широкой завоевательной политики, развернувшейся после 1040 года, требовали пересмотра военной системы.

Появилась необходимость создания регулярной армии, построенной на иных началах, воины которой, в отличие от ополченцев, были бы готовы воевать вдали от дома. Уже в «Сиасет-намэ» содержатся совет и предупреждение: «Когда все войско одного рода, возникает от этого опасность, не бывает большого старания, происходят беспорядки. Надо, чтобы войско было составлено из разных племен»²³.

Начало военной реформе было положено великим султаном Сельджукидом Тогрул-беком (1038–1063)²⁴. Теперь армия состояла из следующих частей: *личное войско султана* — ядро военной организации, наиболее надёжная опора трона; *муффриды* — дворцовые гвардейцы — отборные воины, составлявшие личную охрану султана; гвардия играла немалую роль в государстве; не случайно все династии, одну за другой, губили одна и та же болезнь — преторианство²⁵; *вспомогательное войско* — отряды вассалов, членов сельджукской династии и родоплеменное ополчение.

В армии великого султана Алп-Арслана (1063–1072), при котором военная реформа была продолжена, имелись отряды его тюркских, арабских и курдских вассалов, а также воины кавказских правителей. При новой системе комплектования феодалы получали от сюзерена владения на правах условного военного держания (икта), за что были обязаны являться с отрядом установленной численности, снаряженным за свой счёт²⁶.

При великом султани Малик-шахе (1072–1092) военная реформа была завершена. В его армии появилось также *наёмное войско*, в котором служило 7 тыс. иноверных воинов, экипированных в «тюркские одежды»²⁷.

Воин новой армии получал в обмен за службу условное военное держание типа икта, бывшее правом на часть доходов с земли. Когда в понятие «икта» была включена земля, он стал обрабатывать её сам со своей семьёй, а феодал дробил и распределял такое условное держание между своими воинами²⁸. В итоге такой системы обеспечения воин новой армии порывал с родоплеменным ополчением и превращался в профессионального солдата, живущего за счёт земледельца и военной добычи.

Теперь вместо формулы «от каждого племени — отряд» действовал принцип «от каждого феодала — военный контингент». Армия стала регулярной, но разноязычной и разноплеменной, как и советовал автор «Сиасет-наме». Теперь её сплачивала общая надплеменная военная организация. Отныне в боевом построении отряды занимали места не по племенам, а по принципу подразделений, получавших конкретные задания. Это помогло внести в армию значительный элемент дисциплины, управлять ходом боя, в период военных кампаний действовать по единому плану. Тем не менее, военная система сельджуков оставалась «смешанной феодально-племенной организацией войска»²⁹.

При Малик-шахе 45 тыс. всадников были внесены в реестры военного дивана (управления), наделены икта и составили войско этого великого султана Сельджукида. Там, где они были размещены, им предоставили, кроме военных икта, также право на *улуфэ* (фураж для государевой конницы, находящейся на постое в мирное время) и *нафак* (чрезвычайные поборы на содержание воинов или чиновников, прибывших на постой)³⁰.

Существовали дополнительные расходы, достигавшие порой огромных сумм. Например, тот же Малик-шах ежегодно тратил на армию из казны 600 тыс. динаров. Но в целом система военных икта снимала с государства непосильное бремя и, что не менее важно, обеспечивала безопасность трона: своевременная выплата жалованья в форме доходов с земли гарантировала от недовольства и солдатских бунтов. С другой стороны, обеспечение воинов примерно одинаковым содержанием явилось попыткой получить армию с унифицированным снаряжением.

В Сельджукском государстве понятия административной области и военного округа совпадали. Наместник султана являлся одновременно начальником воинской единицы: он получал область на правах административного икта и обязан был как держатель-иктадар военной службой жалователю. Благодаря этому появилась возможность постоянно иметь под ружьём нужное количество воинов. Однако одновременно такая ситуация, когда наместник султана имел свои вооружённые силы, была чревата для центральной власти рядом негативных моментов. В частности, одной из причин падения эпигонов Малик-шаха после 1092 года явилось изменение соотношения двух элементов армии: войско султана сокращалось, основная тяжесть военных кампаний легла на наместников областей. Соотношение изменялось, следовательно, в пользу эмиров и военачальников, что вело к усилению центробежных сил³¹.

Реформированная армия состояла из нескольких крупных конных военных единиц, которые порой имели на поле боя тактическую самостоятельность; это *тюмень* — десять тысяч (термин, известный тюркам ещё в раннем Средневековье³²). Первичной боевой ячейкой была полусотня во главе с *элли-баши* (полусотником) или *накибом*. Затем шли *йюз-баши* (сотник), *мин-баши* (тысячник), *тюмен-баши* (темник). Военачальники носили звание *сю-баши* (древний тюркский термин) или заимствованный титул *сипех-салар*. Сю-баши обычно стоял во главе тюменя³³. Начальники всех рангов не были постоянными, их обычно назначали на время похода; командные посты занимали тюрки, иногда — другие³⁴. Тюмень или армия в целом имели боевое знамя — *туз*; у отрядов были иные отличительные знаки. Боевые знамена сельджуков, как и вообще у тюрков Средневековья, были красного цвета, они находились на попечении специальных воинов — знаменосцев³⁵.

Продолжавшее существовать родоплеменное ополчение не имело столь чёткой организационной структуры: его войсковые единицы варьировались в зависимости от величины племени.

Полусотни, сотни, тысячи и тюмени реформированной армии обычно не были тактическими, а только организационными единицами. Тем не менее, их создание явилось значительным шагом вперёд. Тактическую самостоятельность на поле боя, как правило, имело войско султана или его вассалов. Правда, даже эти контингенты не всегда были установленной численности. В то же время из истории сельджукских военных кампаний известно, что тактические задачи выполняли отряды численностью до 2 тыс. конников с приданной пехотой и военной техникой. Войсковая единица этого разряда являлась наиболее стабильной, хотя были известны и другие. Так, отправляясь на войну с халифом ар-Рашидом Аббасидом (1135–1136), иракский султан Сельджукид Масуд (1133–1152)

²³ Сиасет-намэ. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949 (далее — Сиасет-намэ, 1949). С. 107.

²⁴ Rice T. T. The Seljuks in Asia Minor. London, 1961. P. 34; Cahen, 1948. P. 11.

²⁵ Сиасет-намэ, 1949. С. 99; Массэ А. Ислам. Очерк истории. М., 1961. С. 177.

²⁶ Sadruddin, 1943. S. 39, 51, 112; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi. İstanbul, 1943 (далее — İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943). S. 48, 92; Minorsky, 1953. P. 23.

²⁷ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 70.

²⁸ Sadruddin, 1943. S. 46; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 59.

²⁹ Гордлевский, 1960. С. 185.

³⁰ Ravendi, 1957–1960. S. 128; Sadruddin, 1943. S. 46.

³¹ Lambton A. K. S. Contributions to the Study of Seljuk Institutions. Ph. D. diss., University of London, 1939. Цит. по: Smail R. C. Crusading Warfare. Cambridge, 1956 (далее — Smail, 1956).

³² Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. М., 1965. С. 94.

³³ Сиасет-намэ, 1949. С. 99; Sadruddin, 1943. S. 39; İbn Bibi, 1941. S. 103; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 16, 29.

³⁴ İbn Bibi, 1941. S. 103; Sadruddin, 1943. S. 29, 31; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 88.

³⁵ Низами Гянджеви. Искендер-намэ. Баку, 1953 (далее — Низами Гянджеви, 1953). Ч. I. С. 145; Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1859 (далее — Иоанн Киннам, 1859). С. 45; İbn Bibi, 1941. S. 58, 95; Nour R. L'histoire du Croissant. // Revue de Turcologie. T. 1/3. 1933. P. 4, 47, 49.

ограничился пятитысячным отрядом; нападение на Мелитену совершил трехтысячный сельджукский отряд³⁶.

В армии существовала важная должность *аризов* (войсковых инспекторов) — представителей военного дивана, обычно из близких ко двору сановников, так как аризы имели влияние как на войско, так и на военачальников. Инспектированием занимались сами султаны: Малик-шах в 1080/81 году устроил личный смотр, во время которого проверял экипировку воинов³⁷.

Армия имела полевые госпитали, укомплектованные штатом лекарей и слуг, медицинским инструментарием и лекарствами, шатрами и вьючными животными для транспортировки раненых и больных³⁸. Для связи со столицей во время военной кампании существовала голубиная почта³⁹. При султанах был военный совет, состоявший из высших военных начальников и вазира. Он вырабатывал утверждаемые султаном план похода, пути движения, назначал командиров подразделений⁴⁰. Имелись особые поставщики армии государя; специальные отряды занимались фуражировкой⁴¹.

В мирное время войска были рассредоточены. Армии султанов и вассалов дислоцировались по местам кормлений⁴². Во время подготовки к военным кампаниям рассылались султанские указы с приказанием явиться на пункт сбора. Обычно в течение 10–20 дней отряды собирались в общий военный лагерь, где формировались крупные подразделения, назначались военачальники — от элли-баши до сю-баши.

Объединённой армией, как правило, командовал сам султан или его наиболее доверенное лицо, обычно это был атабек⁴³. Принцип единоначалия, столь характерный для сельджуков, был необходим, чтобы пресечь возможные столкновения между военачальниками, а также для оперативного руководства походом и сражением. Вместе с тем принцип единоначалия являлся осуществлением на практике прав султана как сюзерена.

Рода войск. Основу армии составляла *лёгкая конница*. Ал-Джахиз замечает: «Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашёл бы, что он сидел на спине своего коня больше, чем на поверхности земли»⁴⁴.

Конницу комплектовали преимущественно из кочевников. Она состояла из двух частей — из лёгкой и тяжёлой. *Лёгкая конница* являлась наиболее многочисленной: восточные кочевники, в том числе сельджуки, «представляют нам образцы превосходной кавалерии, особенно лёгкой, способной к разнообразным военным операциям»⁴⁵. Лёгкая конница была высоко мобильной, обладала быстротой манёвра, могла молниеносно переходить от бегства к нападению и наоборот. «Они всегда лёгкие на бегу», — отмечают источники. Сельджу-

ки высоко ценили кавалерию, не случайно среди огузских племён бытовало крылатое выражение: «Пешему нет надежды!»⁴⁶.

Доминирование лёгкой конницы объясняет также, почему сельджуки предпочитали для сражений широкие открытые равнины: полную силу лучники, составлявшие большинство в кавалерии, могли проявить лишь здесь, имея достаточный простор для того, чтобы в любой момент уклониться от боя, а затем вновь нападать, осыпая противника тучами стрел. «Плотность огня» лучников была довольно высокой и сочеталась с большой меткостью. Поэтому не случайно, резюмирует Г. Дельбрюк: «Корни этого рода войск следует искать в степных странах, где оружие лучников имело столь большие преимущества, что не боялись больших трудов и усилий для приобретения необходимой сноровки в пользовании им»⁴⁷.

Лёгкая конница являлась основной ударной силой. Она выполняла большинство задач: прорыв, атаки с флангов и тыла, обходной манёвр, обманные движения, просачивание на стыках, рейды в глубину фронта, тыл и на территорию противника, преследование, завязывание боя, беспокойство противника на марше и отдыхе, на переправах, днем и ночью, практически в любое время года и суток, большие и длительные марш-броски, разведка, заманивание противника в ловушку-засаду. Летучие конные отряды могли оставлять свой обоз на расстоянии до 30 фарсахов (около 180 км) от главных сил, что повышало их мобильность и маневренность.

Для лёгкой конницы были характерны небольшие и быстрые кони. Во время атаки всадники действовали больше быстротой и неожиданностью, нежели правильностью манёвра. Верховые животные были более приспособлены для одиночного боя, для боя в рассыпном строю, преследования, чем для ведения правильной атаки сомкнутым строем, что характерно для тяжёлой конницы. Благодаря отличным коням, всадники легко уходили от преследования, в связи с чем современник отметил: «они бежали и ускользали, как тень»⁴⁸.

Как Византийская империя, так и крестоносцы быстро поняли опасность, грозившую им от этих стрелков, и старались оградить себя от них тем, что брали тюркских конников на службу⁴⁹. Не случайно, что лёгкая конница получила распространение в Византии и в Европе после их знакомства с сельджуками.

Лёгкая конница шла в походы с заводными конями⁵⁰. Поэтому она обладала способностью за короткое время покрывать большие расстояния и внезапно появляться там, где её меньше всего ожидали. О быстроте передвижения сельджукских конников можно судить по косвенному примеру. Когда эмиру Джавлы необходимо было срочно прибыть из Сирии в Хорасан к великому султану Сельджукиду Мухаммаду (1104–1118), он со своей свитой преодолел расстояние в 360 фарсахов за 17 дней (всего около 2150 км, т. е. ежедневно по 120–130 км)⁵¹. Преодоление больших расстояний за сравнительно короткий срок возможно было лишь в том случае, если имелись заводные кони или устройство подстав (ям) на пути следования.

Тяжёлая конница, возможно, была заимствована сельджуками у Византии или крестоносцев. Она страдала малоподвижностью и не получила у них большого распространения, так как имела ограниченную зону действия и не могла достаточно быстро исполнять манёвр.

³⁶ Ал-Фахри Мухаммад ибн Табатаба. Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. / Пер. Н. Холмогорова. // Ученые записки Казанского университета по отделению историко-филологических и политико-экономических наук. Приложения. 1863. Вып. 1–2 (далее — Ал-Фахри, 1863). С. 350; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 572; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. / Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890 (далее — Barhebraei, 1890). P. 225, 334.

³⁷ Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 62, 70, 96; Histoire des Seldjoucides. Extrait du "Tarikh Guzideh" d'Hamd-Allah Mustoufi. / Traduit par M. Defrémercy. // JA. T. XI. 1848. P. 442.

³⁸ Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 129–130.

³⁹ İbn Bibi, 1941. S. 103.

⁴⁰ Ibid. S. 76.

⁴¹ Анна Комнина. Алексиада. Ч. I. СПб., 1859 (далее — Анна Комнина, 1859). С. 174; Никифор Вриенний Младший. Исторические записки (976–1087). СПб., 1858 (далее — Никифор Вриенний, 1858). С. 33, 62; Сиасет-намэ, 1949. С. 105; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 226.

⁴² Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 183; Ravendi, 1957–1960. S. 128.

⁴³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952. Т. 1 (далее — Рашид-ад-дин, 1952). Кн. 2. С. 83; Selcukname, 1952. S. 37, 47, 56, 76; İbn Bibi, 1941. S. 76, 94–95; Sadruddin, 1943. S. 112–113.

⁴⁴ Мандельштам А. М. Характеристика тюрков IX века в «Послании Фатху б. Ханану» ал-Джахиза. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. I. 1956 (далее — Мандельштам, 1956). С. 291; Jahiz of Basra to al-Fath ibn Khaqan on the 'Exploits of the Turks and Army of the Khalifate in General'. By C. T. Walker. "Journal of the Royal Asiatic Society". New series. 1915 (далее — Jahiz of Basra, 1915). P. 667.

⁴⁵ Пузыревский А. История военного искусства в средние века. Ч. I. СПб., 1884 (далее — Пузыревский, 1884). С. 143; Smail, 1956. P. 77, 79, 80; Van Overstraten R. Des Principes de la Guerre à Travers les Ages. T. I. Bruxelles, 1926. P. 30–31.

⁴⁶ Книга моего деда Коркуда. / Перевод, вступительная статья и комментарий академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962 (далее — Книга моего деда Коркуда, 1962). С. 52; Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1860 (далее — Никита Хониат, 1860). Т. 1. С. 44, 90; Иоанн Киннам, 1859. С. 51.

⁴⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. М., 1938 (далее — Дельбрюк, 1938). С. 161–162.

⁴⁸ Иоанн Киннам, 1859. С. 48; Никита Хониат, 1860. С. 18, 39.

⁴⁹ Дельбрюк, 1938. С. 120, 162, 168; Smail, 1956. P. 64.

⁵⁰ Сиасет-намэ, 1949. С. 69; Низами Гянджеви, 1953. Ч. I. С. 57, 348, 434, 439; Ч. II. С. 164, 174, 219, 228; Низами Гянджеви. Хосров и Ширин. Баку, 1947 (далее — Низами Гянджеви, 1947). С. 63.

⁵¹ Barhebraei, 1890. P. 274.

Имеется упоминание также о боевых колесницах⁵². Трудно судить, насколько тяжёлая конница и колесницы были распространены у сельджуков и являлись ли отдельным родом войск со своими задачами. Были и боевые слоны, которых сельджуки использовали в боевых порядках лёгкой конницы и при осаде крепостей⁵³.

У султанов и эмиров имелась личная дружина, которая состояла из 40 отборных воинов-джигитов, были также слуги-оруженосцы⁵⁴. Существовали отряды богатырей; эти отборные части обычно вступали в бой в случае крайней необходимости⁵⁵. Их можно сравнить с появившимися позднее гвардейскими подразделениями.

Наряду с конницей, у сельджуков имелась также пехота, которая обычно исполняла второстепенные задачи. В специфических условиях она выдвигалась на первый план. Хорошо известен один из исключительных случаев, когда тюркская инфантерия была специально использована в гористой местности. Это произошло в знаменитом этапном сражении при Мириокефале (ныне Дуз-бель, в Малой Азии) в 1176 году, где византийская армия неосмотрительно расположилась в горном дефиле, и пехота конийского султана Сельджукида Килидж-Арслана II (1156–1192), напав на неприятельский лагерь, блокировала его. Византийская конница, запертая на небольшом пространстве, не имела возможности манёвра, а тюркская пехота тем временем с господствующих высот легко расправилась с противником. В этом сражении сельджукская конница исполняла вспомогательные функции: контролировала выходы из горной долины и преследовала бегущих воинов противника⁵⁶.

В первой половине XI века в сельджукском войске был известен хашар — пешее ополчение, которое не имело существенного значения для военных операций⁵⁷. Хашар и пехота комплектовались из земледельцев.

Стратегия и тактика. Хотя военная организация сельджуков была реформирована, ее иррегулярный характер не исчез. Это особенно чувствовалось в стратегии и тактике, следствием чего являлось постоянное желание избегать фронтальных атак. Вместе с тем тюркская тактика была «естественным выражением общего правила поведения: прежде чем безвозвратно ввергнуть себя в сражение, армия должна использовать любое возможное преимущество перед противником»⁵⁸.

Характерными чертами стратегии сельджуков являлись распространение слухов о своей непобедимости, предварительная разведка, внезапность нападения, применение манёвра, стремление к выигрышу в войне путём полного разгрома неприятеля. Поэтому важнейшим стратегическим принципом — главной формой ведения войны — являлось наступление. А одним из его основных положений было непрерывное преследование противника, вплоть до полного его уничтожения, то есть стратегическое преследование, столь присущее реорганизованной армии великих султанов Сельджукидов. Оно велось без ограничения во времени и территории. *Тактическое* преследование, бывшее частичным и недолгим (до наступления темноты, до определённого пункта), было больше свойственно родоплеменному ополчению.

Стратегия опиралась на предварительную подготовку баз, являвшихся исходными пунктами крупных военных акций. Это было весьма характерно для подготовки и ведения многолетних сельджукских военных кампаний. Так, в начале сельджукского завоевательного движения — с 1040 года — такой базой стал Хорасан, что позволило завладеть Ираном и южными областями Азербайджана. Затем, с середины XI века, основной базой становится Азербайджан, откуда

начинались вторжения в другие части Кавказа и Византийскую империю. После 1064 года, когда был захвачен город Ани, он превращается в центр по подготовке решительных военных операций против Византии. Иракские султаны Сельджукиды и их атабеки Ильденизиды создали во второй половине XII века в городе Нахчыван опорную базу для борьбы с Грузией.

Военные действия велись одновременно на нескольких направлениях. Применялась также система радиальных рейдов с последующим возвращением на опорную базу. В частности, этот метод был применен сельджуками против Грузии во второй половине XI века. Уже у первого великого султана Сельджукида Тогрул-бека существовал стратегический план завоеваний. Об этом свидетельствует распределение между принцами и эмирами территорий, которые ещё предстояло завоевать⁵⁹.

Военнопленных и местных жителей обращали в рабов. Часть их оставалась в хозяйстве завоевателей, а большинство предлагалось на продажу на невольничьих рынках⁶⁰.

Тактика была разнообразной и подчинялась стратегическому замыслу. Наиболее характерным являлось окружение противника и его завлечение в ловушку-засаду — обычный для сельджуков метод ведения боя. Поэтому они почти всегда в боевом построении за счёт слабого центра имели сильные крылья-фланги. В эпохально важной для сельджуков и мировой истории Средневековья битве при Манцикерте в 1071 году великий султан Алп-Арслан разделил центр своей армии на четыре части и укрыл в засаде. Когда воины византийского императора Романа IV Диогена бросились в погоню за притворно побежавшим сельджукским отрядом, последний направился к пустующему центру своих боевых порядков, и затем ловушка захлопнулась. Части рассредоточенного центра вышли из засады и совместно с остальными разгромили противника.

Тот же приём был успешно применен военачальниками эмира Нур ад-Дина Зангида во второй половине XII века — Ширкухом и Салах ад-Дином (знаменитым Саладином) — при завоевании Египта. Они позволили объединённым силам фатимидского халифа ал-Адида и крестоносцев прорвать заведомо слабый центр своих боевых порядков, а затем крылья сомкнулись. В результате, двухтысячный тюркский отряд одолел противника, превосходившего его впятеро.

Грандиозной засадой-ловушкой явилось сражение при Мириокефале в 1176 году, когда византийская армия во главе с императором Мануилом Комниним была завлечена в горное дефиле и заперта. Положение было настолько катастрофическим, что император предпочел сдаться на милость победителя — конийского султана Сельджукида Килидж-Арслана II⁶¹.

При многоступенчатой засаде войско делилось на три части, которые находились в укрытии, на определённом расстоянии одна за другой. Когда передовые отряды, завязав бой, отходили назад, то наводили преследователей на первую засаду. Если она не выдерживала натиска, то отходила в направлении следующей. В случае поражения второй засады начинала действовать третья, которая обычно успешно заканчивала сражение⁶².

Характерным тактическим приемом было стремление бить противника по частям. В битве при Манцикерте в 1071 году великому султану Сельджукиду Алп-Арслану удалось навязать византийской армии свою тактику, и бой начался до подхода основных неприятельских сил. Это помогло сельджукам и обеспечило им успех на заключительном этапе сражения⁶³.

⁵² Barhebraei, 1890. P. 233.

⁵³ Ibid. P. 233

⁵⁴ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 51, 52, 64, 103; Ibn Bibi, 1941. S. 103.

⁵⁵ Низами Гянджеви, 1953. Ч. I. С. 70–75, 373; Sadruddin, 1943. S. 111, 113; Ravendi, 1957–1960. S. 211.

⁵⁶ Barhebraei, 1890. P. 352.

⁵⁷ Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков. // ВИ. 1945. № 5–6. С. 141.

⁵⁸ Smail, 1956. P. 83.

⁵⁹ Sadruddin, 1943. S. 12; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 5–6; Ross D. Aldred Lectures on Nomadic Movement in Asia. London, 1929. P. 29; Cahen, 1948. P. 10, 35.

⁶⁰ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 572, 632, 648; Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958 (далее — Кононов, 1958). С. 45, 50.

⁶¹ Никита Хониат, 1860. С. 230–242; Barhebraei, 1890. S. 333–334; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 40; Hamidullah M. The Map of the Malazgird. // Islamic Culture. 1945. Vol. XIX/3.

⁶² Иоанн Киннам, 1859. С. 57; Анна Комнина, 1859. С. 29; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 631, 715; Ravendi, 1957–1960. S. 99.

⁶³ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 639.

Сельджуки широко пользовались тактикой партизанской войны. Для небольших отрядов это являлось основным способом ведения военных действий, для крупных соединений — вступлением к бою. Если неприятель устраивал лагерь в неудобном (с оборонительной точки зрения) месте, то сельджуки не медлили с нападением. При этом они «не нападают все вместе, целым строем, фалангами, но отдельными отрядами, находящимися на некотором расстоянии один от другого. Каждый из таких отрядов должен был быстро нестись на неприятеля и бросать в него тучи стрел»⁶⁴.

С целью дезориентации противника совершались ночные ложные передвижения. Для середины XII века засвидетельствован другой манёвр: перед началом сражения с халифом ал-Муктафи Аббасидом (1136–1160) сельджукские воины пустили вперёд стадо скота, которое расстроило боевые порядки противника. Следом, в образовавшиеся бреши, ринулись всадники, легко одолевшие дезорганизованного неприятеля. При необходимости всадники спешно перебрасывали на своих конях пехоту к месту боя, что часто решало судьбу встречи⁶⁵.

Для изматывания сил противника создавали «зону пустыни». Так, великий султан Сельджукид Тогрул-бек приказал заразить все колодцы на пути движения газневидского султана Масуда I (1030–1041). Конийский султан Сельджукид Килидж-Арслан II, отступая перед византийской армией, распорядился «сжигать селения, а также все то, что могло пригодиться для пропитания людей и животных; заражать водоёмы, источники и колодцы, бросая в них трупы людей, собак, ослов и всякую гниль и нечистоты»; гарнизонам крепостей было приказано при отступлении все сжигать, а стены разрушать⁶⁶.

Сельджуки пользовались услугами посредников. Когда гражданская война между великими султанами Сельджукидами Бёркийаруком и Мухаммадом зашла слишком далеко и стоила многих жертв, в 1102 году третьи лица помогли братьям-соперникам прийти к любовному соглашению. Иракский султан Сельджукид Мухаммад в 1157/58 году осадил Багдад и одновременно направил к халифу ал-Муктафи Аббасиду посредников со своими условиями. Правда, стороны не сумели договориться, а неприступность багдадских крепостных стен заставила Сельджукида уйти ни с чем. В необычной для себя роли посредника выступил атабек Азербайджана Шамс ад-Дин Ильдениз, который пытался примирить иракского султана Арслан-шаха и грузинского царя Георгия III⁶⁷.

Боевое снаряжение сельджуков было разнообразным: секиры, деревянные и железные палицы, сабли и палицы-шестоперы, прямые кинжалы и булавы, боевые топоры и дротики, пики и пращи, лук и стрелы, копья. Оружие феодалов было лучшего качества и нередко имело отличительные знаки и украшения. У иракского султана Тогрула II была булава с набалдашником в форме бычьей головы⁶⁸.

В армии имелись метатели нефти. Горшки с горючим составом забрасывали в осаждённые города и крепости также при помощи баллист. Мастера огня, в частности, были использованы во время вторжения в Азербайджан и Абхазию (под ней имеется ввиду Грузия) в 1067/68 году. В густых лесах они прожигали просеки для армии, уничтожали растительность вокруг осаждённых крепостей с тем, чтобы конница получила возможность для манёвра⁶⁹. Нефть получали из бакинских источников. О её добыче и вывозе из района Ба-

ку было известно на Востоке задолго до сельджуков. Города Кавказа, в первую очередь Баку, Гянджа, Дербенд, Тифлис, поставляли также сельджукам отличное оружие⁷⁰.

Из всех видов боевого снаряжения сельджуки отдавали предпочтение луку и стрелам, которые оставались основным оружием лёгкой конницы. Боевой колчан вмещал около 90 стрел с железными наконечниками. Стрелы изготовляли из тростника и березы. Имелись трёхпёрые, двойные и двурогие стрелы, а также особые, пробивающие щит и панцирь. Луки были осиновые и из рогов козла, на тетиве имелось специальное кольцо для её оттягивания⁷¹. Арабский автор отмечает, что тюрки очень меткие стрелки из лука, они точно попадают в цель на полном скаку, из любого положения, одинаково хорошо стреляют, «гона своего коня во весь опор, назад и вперёд, вправо и влево, вверх и вниз».

Сельджукские лучники славились в Передней Азии. У византийского императора Мануила Комнина имелись наёмные отряды этих стрелков. Обычно они находились впереди боевых порядков и поражали воинов и коней противника. Отличными стрелками из лука зарекомендовали себя жители Нахчывана и Гянджи⁷².

Защитное снаряжение дополняло вооружение воина и было разнообразным: кольчуги и щиты, двойные кольчуги и «одеяния с крепкими наплечниками», шлемы с подвижным забралом и панцири, боевые пояса. У сельджуков имелись крупные отряды по несколько тысяч всадников, одетых в металлические доспехи. Возможно, это была тяжёлая конница. Знатный тюрк и его конь были защищены металлическим панцирем. В 1035 году газневидский султан Масуд I преподнес сельджукским предводителям Тогрул-беку, Чагры-беку и Арслан-Пейгу, по тюркскому обычаю, золотые пояса. Воины использовали пояса, «наводившие страх на врага», для ношения предметов вооружения и для защиты живота. Дворцовый гулям на второй год службы получал вместе с тюркским конём и уздой «простой ремень»⁷³.

У великого Низами сохранилось описание экипировки тяжелооружённых всадников в Азербайджане в XII — начале XIII века⁷⁴. Из всех видов их доспехов чаще говорится о кольчугах. Шею и лицо защищала кольчужная бармица, ниспадавшая со шлема. Сами шлемы были в основном цельные, из железа или склепаны из бронзы и железа. Дополняли это защитное снаряжение наплечники и боевой пояс, предохранявшие плечи и живот. Для усиления защиты под кольчугу часто надевали кафтаны из плотного шёлка. Иногда доспехи были комбинированными: поверх кольчуги надевали панцирь из железных пластинок, нашиваемых на мягкую основу. Завершал защитное снаряжение щит, по форме круглый, изготовленный из дерева и обтянутый кожей. Тяжёлую броню надевали и на коня. Тяжелооружённый всадник имел при себе меч, кинжал, копье, дротик, палицу или булаву, лук и стрелы. В сражении он применял своё разнообразное вооружение поэтапно. На начальной стадии использовал метательное оружие — лук и стрелы, дротик. Против доспехов противника применял двух- и трёхгранные стрелы. Наконечники стрел и дротиков были отравленные. На следующем этапе сражения в ход шло тяжёлое и длинное копье — оружие таранного действия. Оно имело листовидный или четырёхгранный наконечник. В ру-

⁶⁴ Иоанн Киннам, 1859. С. 57; Анна Комнина, 1859. С. 29; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 631, 715; Ravendi, 1957–1960. S. 99.

⁶⁵ Анна Комнина, 1859. С. 288; Сахаров В. История конницы. СПб., 1889 (далее — Сахаров, 1889). С. 59; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 216.

⁶⁶ Никита Хониат, 1860. С. 229; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 631, 715; Ravendi, 1957–1960. S. 99.

⁶⁷ История и восхваление венценосцев. / Пер. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954 (далее — История и восхваление венценосцев, 1954). С. 26; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 638, 711, 725; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 230, 237.

⁶⁸ Рашид-ад-дин, 1952. Кн. 2. С. 101.

⁶⁹ Sadruddin, 1943. S. 30.

⁷⁰ Вторая записка Абу Дулафа. / Пер. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960. С. 36; Hudud al-Alam. / Transl. by V. Minorsky. London, 1937. P. 145; Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII века. // УЗ ИВ АН СССР. 1954. Т. IX (далее — Миклухо-Маклай, 1954). С. 197–198, 202–203, 205, 208; Ашурбейли С. Б. История города Баку. Средневековый период. Баку, 2006. С. 97.

⁷¹ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 72, 87; Никита Хониат, 1860. С. 252; Низами Гянджеви, 1953. Ч. I. С. 389–390; Sadruddin, 1943. S. 29.

⁷² Миклухо-Маклай, 1954. С. 208–210; Иоанн Киннам, 1859. С. 83; Мандельштам, 1956. С. 230; Jahiz of Basra, 1915. P. 666.

⁷³ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 30, 51, 69, 78, 86–87; Рашид-ад-дин, 1952. Кн. 2. С. 101; Низами Гянджеви, 1959. С. 236; Сиасет-намэ, 1949. С. 110; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 370; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 216, 236; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 592, 610, 619; Sadruddin, 1943. С. 81.

⁷⁴ Юнусов А. С. Экипировка тяжелооружённых всадников в Азербайджане в XII — начале XIII века. // ДАН Азербайджана. 1983. Т. XXXIX. № 2.

копашном бою тяжеловооружённый всадник использовал свой тяжёлый меч, который мог быть и двуручным, а также тяжёлую булаву и палицу.

Боевая техника состояла из различных сооружений, приспособлений и механизмов. Баллисты, метавшие камни и горшки с горячей нефтью, были большие — *манджаники* и малые — *аррадэ*. Источники иногда упоминают метательные аппараты особенно крупных размеров. Манджаники были нескольких типов: *арус* — стрелял на четыре стороны, то есть имел круговое вращение; *див*, *кашкаджир* и *хуфтех* (наклонный), *раван* (подвижной). Известен *туркский манджаник* (сохранились его рисунок и описание), один из простейших типов метательного аппарата. При помощи ковша и системы конопляных канатов он метал камни на расстояние до 90 м. Такой манджаник был несложен в обращении и обслуживании, не требовал особых забот и обеспечения⁷⁵. *Аррадэ* являлся лёгкой метательной машиной, отличной от собственно манджаника. Он был заимствован сельджуками у византийцев, и представлен несколькими типами: *хуфтех*, а также наиболее часто упоминаемый *раван*, с которым ассоциируется *аррадэ гардан* (вращающийся); имелся также *аррадэ йакрун* (неподвижный)⁷⁶.

Из стенбитных машин известны были *карак* — род тарана и *диваркан* — разрушитель стен⁷⁷.

Сельджуки широко пользовались боевой техникой как в наступлении, так и при обороне. При осаде Манцикерта в 1064 году великий султан Сельджукид Алп-Арслан применил манджаники. Его преемник Малик-шах в 1078/79 году расположил баллисты против стен Самарканды. Иракский султан Сельджукид Мухаммад при осаде в 1156/57 году Багдада установил метательные аппараты на суше и на крупных парусниках, курсировавших по Тигру⁷⁸.

Применяли осадные деревянные башни, обитые железом. На верхней площадке такого сооружения ставился навес из войлока, смоченного уксусом, для защиты воинов, которые пускали стрелы и метали горшки с нефтью. Если сельджуки сами оборонялись, они использовали эти башни против осаждавших⁷⁹.

Были известны штурмовые и десантные суда, на которых совершали набеги на приморские области противника. Морской пират туркский эмир Чаха на таких судах грабил черноморское побережье Византии. Он же пытался в сговоре с печенегами осадить Константинополь с суши и с воды. Его суда были гребными. Во время боевого построения их связывали железной цепью, чтобы не нарушать принятого порядка⁸⁰.

Военный лагерь. «Расположиться лагерем» терминологически имело два значения: лагерь называли военную ставку, а также армейский бивак. В походах не только воины, но и предводители жили в шатрах. Султан и военачальники располагались в центре лагеря. Завладев городом, сельджуки первое время проводили вне его стен, в своём военном лагере⁸¹. В городе узкие улицы затрудняли действия конницы, вне его можно было быстро произвести необходимый манёвр.

Походный порядок. Движение армии на марше было регламентировано. Во главе неё шёл *авангард*, из состава которого вперёд выдвигался *караул* (сторожевое охранение). Он должен был вовремя предупредить главные силы о появлении противника, чтобы они успели развернуть боевые порядки. Караулы выставляли также на биваках. За авангардом дви-

гались *главные силы*, при которых находились султан со свитой и приближенными, казна и канцелярия, а также обозы с амуницией и продовольствием, военная техника и госпитали. Слева и справа от главных сил шли *караулы* — сторожевое охранение. Замыкал шествие *арьергард*, от которого выделяли *тыловые дозоры*.

Если не было заводных коней, то всадникам, случалось, на походе идти пешими, чтобы дать отдых верховым животным. Если же требовалось срочно совершить марш, то вместе с всадниками на конях передвигались и пехотинцы.

Армия на марше шла компактной массой, «так как не было разрешения, чтобы кто-либо отставал»⁸². Существовал специальный военный термин-команда «*Goş!*», означавший выступление в поход (см. в гл. VII).

В большие походы, как заведено у кочевников-степняков, отправлялись «всем табором», с семьями, имуществом и скотом⁸³. Но в зоне военных действий обычно не было обозов, их оставляли в стороне, чтобы они не мешали манёвру.

Боевой порядок был глубоко эшелонированным и обладал значительной ударной силой и устойчивостью. Он включал пять основных элементов: *макадама* — авангард, во главе которого находился начальник и знамя; от авангарда высылался *караул* — боевой дозор; *меймена* — правое крыло, *мейсера* — левое крыло, то есть фланги; *сака* — арьергард, являвшийся также *резервом*; *калб* — центр, здесь находились султан и военачальники⁸⁴. Пятичленное деление войска было, вероятно, заимствовано у арабов и являлось для сельджуков образцом. Вместе с тем, в зависимости от конкретных условий, они избирали наиболее рациональное боевое построение. Одновременно следует отметить, что у восточных народов, в том числе у тюрков, «боевые порядки в высшей степени замечательны тем, что в основании всех их лежит идея *резерва*; это одно уже показывает, насколько тактическое искусство было выше у азиатских народов по сравнению с состоянием его у их европейских современников, среди которых крайнее развитие индивидуализма свело всю тактику к единоборству; дисциплина войск и управление ими в бою, постепенное ведение боя употреблением войск задних линий, также резерва, служившего и для отражения разных случайностей, давали возможность полководцу восточных народов проявить вполне своё искусство, свои таланты и направлять свои силы к достижению общей цели»⁸⁵.

Как регулярная армия, так и родоплеменное ополчение пользовались следующими построениями: *колонна-клин* — для атаки и на походе; *рассыпной строй* — для боя, преследования и отхода; *расчленение по фронту на крылья* — для боя; ополчением применялся и пятичленный боевой порядок⁸⁶.

Современник сельджуков свидетельствует, что реорганизованная армия имела два строя: *сплошной* и *прерывистый* (рассыпной). Сплошной строй мог быть в линию, дугой и треугольный. Он применялся в случае, если конница лишена возможности манёвра, но части боевого пятичленного порядка сохраняются. Наилучшим считалось построение треугольником, причём уступом назад: два отряда впереди, один оттянут в глубину фронта. Прерывистый строй был пригоден, когда конница находилась на открытом пространстве и имелась возможность поотрядного построения, без соблюдения пятичленного боевого порядка⁸⁷.

Среди рекомендаций, которым следовали сельджуки во время военных кампаний и сражений, основными были следующие. Во-первых, для сражения избирать место, где части армии

⁷⁵ Cahen Cl. Un Traité d'Armurerie Compose pour Saladin. // Bulletin d'Etudes Orientales. 1947–1948. Т. XII (далее — Cahen, 1947–1948). P. 39–40.

⁷⁶ Низами Гянджеви, 1953. Ч. I. С. 253, 258; Cahen, 1947–1948. P. 161; Ravendi, 1957–1960. S. 125.

⁷⁷ Cahen, 1947–1948. P. 161.

⁷⁸ Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 228; Ravendi, 1957–1960. S. 125, 256, 257.

⁷⁹ Анна Комнина, 1859. С. 292, 347, 411; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 677; Sadruddin, 1943. S. 27–28.

⁸⁰ Анна Комнина, 1859. С. 345, 347–348; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 630, 697; Sadruddin, 1943. S. 25; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 228–229; Ravendi, 1957–1960. S. 125, 256–257; Selçukname, 1952. S. 28; İbn Bibi, 1941. S. 44, 59, 66, 95.

⁸¹ Иоанн Киннам, 1859. С. 42–43, 57, 329; Рашид-ад-дин, 1952. Кн. 2. С. 101; Sadruddin, 1943. S. 9, 40, 42, 87; İbn Bibi, 1941. S. 66; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 36, 53–54; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 572, 605, 624.

⁸² Рашид-ад-дин, 1952. Кн. 1. С. 84–85; Низами Гянджеви, 1953. Ч. I. С. 63, 75, 152, 374, 384; Иоанн Киннам, 1859. С. 65; Кононов, 1958. С. 68; Sadruddin, 1943. С. 42; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 39, 226.

⁸³ Кононов, 1958. С. 43; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 214–216, 266.

⁸⁴ Низами Гянджеви, 1953. Ч. I. С. 154, 370; Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 58; Ravendi, 1957–1960. S. 341; Sadruddin, 1943. S. 9, 21, 28, 39, 42; Les Prolegomenes d'Ibn Khaldoun. / Trad. par M. De Slane. Paris, 1936. 2-ème Partie. P. 78.

⁸⁵ Пузыревский, 1884. С. 143; Сахаров, 1889. С. 60.

⁸⁶ Росляков А. А. Очерки военного искусства туркмен (рукопись). Ашхабад, 1947. С. 338–344.

⁸⁷ Ravendi, 1957–1960. S. 209–210.

могли поддерживать между собой визуальную и звуковую связь. Во-вторых, предпочтение отдавать ровным открытым пространствам, где имелся простор для конницы. В-третьих, части армии должны отличаться, то есть соревноваться друг с другом, в ходе сражения. В-четвёртых, полководец должен располагать сведениями об основном роде войск и вооружении неприятеля, тогда он правильно выберет место для сражения, придерживаясь следующих принципов⁸⁸:

1. Если ты конный, а враг — пеший, вступай в бой на открытом пространстве. Свою конницу построь в форме вогнутой дуги, чтобы охватить пехоту противника кольцом. На своих флангах надо иметь пехотинцев.

2. Если ты пеший, а враг — конный, для сражения избери узкое и обрывистое место. Построение — в линию, за своей пехотой находится конница. Пехотинцы должны препятствовать прорыву вражеской кавалерии, а свои конники выполняют вспомогательные задачи на флангах.

3. Если коннице противника удалось навязать бой на открытом, невыгодном для пехоты месте, следует занять круговую оборону и стремиться не к сражению, а к заключению мира.

4. Если ты исключительно конный, а противник — только пеший, всадников следует группировать поотрядно, расположиться подальше от неприятеля и остерегаться ночного нападения на свой бивак. Во время атаки необходимо бесшумно нападать всеми отрядами одновременно с нескольких сторон.

5. Если у обеих сторон однородное войско, то боевой порядок напоминает дугу: одно крыло противостоит атаке, хитростям и тайному умыслу противника; другое крыло должно принести победу; центр пребывает в готовности помочь крыльям. Отборные воины спешат туда, где ощущается необходимость в подмоге.

6. Если у противника имеются боевые слоны, необходимо подготовить против них западни и устрашающие орудия. Для обеспечения тыла надо вырыть волчьи ямы. Перед своими боевыми порядками нужно создать небольшие пахучие болотца, ибо слоны, почуяв запах свежей грязи, остановятся. Против них следует применять губительные стрелы, захватить или уничтожить погонщиков, отсекают от слонов воинов, ибо животные без этого эскорта не идут вперёд.

Разведка у сельджуков являлась одним из этапов подготовки к вторжению и сражению. После анализа добытых сведений на военном совете принимали решение о способе действий. Разведкой предписывалось заниматься всем: купцы и паломники, послы и посредники должны были служить сыззеру. Посол, отправленный с мирными предложениями, «должен быть пронырливым и уметь красиво говорить и любить (своего) государя, чтобы выявить хорошие и дурные стороны армии неприятеля, разузнать о доходах и расходах». Так, накануне решающего сражения при Манцикерте (1071) великий султан Сельджукид Алп-Арслан отправил к византийскому императору Роману IV Диогену посла для переговоров. Однако, основной задачей его было разузнать состояние византийской армии и ее лагеря. В войске Иракского султаната Сельджукидов имелись специальные лазутчики для разведки во вражеском стане. Осведомительные функции исполняли послы иракского султана Арслан-шаха, направленные к грузинскому царю Георгию III. Им поручили добыть сведения военного характера, в частности, выяснить дислокацию грузинской армии. Источник указывает, что посланец султана, явившийся в Грузию, был «человеком хитрым и коварным и знатоком своего дела»⁸⁹.

Сражение обычно начинали на заре и прекращали с заходом солнца. Ночь была союзницей набегов и грабежей. Даже окружённого противника предпочитали добивать с наступлением дня. Ночные бои являлись исключением и диктовались особыми обстоятельствами⁹⁰.

Бой начинали передовые отряды лёгкой конницы из авангарда или богатыри, вступавшие в традиционное единоборство с богатырями противника. Слова источника о том, что «без разрешения вторгаться в среду врагов в нашем народе — позор», подтверждают наличие воинской дисциплины. Руководство боем осуществлялось при помощи распоряжений, отдаваемых через гонцов, а также визуальной и звуковой связью. В последнем случае использовали медные трубы — тюркский *най*; большие и малые боевые барабаны, в которые били ремнями. В атаку шли с боевым кличем — *уран*, у сельджуков это был *Kög böri!* (сивый волк).

Перед началом сражения совершался определённый ритуал. Так, источник сообщает, что военачальник прежде, чем вступить в бой, «сошёл со своего коня, чистой (водой) совершил омовение, вспомнил Мухаммада, чьё имя славно». Затем он издал боевой клич, пустил коня, понесся навстречу врагу. Тотчас громко забили барабаны, заиграли медные трубы.

Всадники сражались не только верхом (при этом у коней подвязывали хвосты), но и в пешем строю. В последнем случае они коротко привязывали щиты к руке и орудовали саблями. Даже отступая, сельджуки с боем покидали поле битвы⁹¹.

Сражение состояло из ряда этапов. *Первый* — преднамеренное бегство с целью расстроить ряды атакующих или навести на засаду-ловушку. *Второй* — когда «бегство» достигло своей цели, всадники внезапно поворачивали и контратаковали. Если же основной задачей являлось завлечение в ловушку, то на втором этапе происходило окружение преследователей. Выполнение столь сложного манёвра, как мгновенный переход от бегства к нападению, свидетельствует о высокой боевой выучке. Такой манёвр приходилось выполнять на всем скаку, не теряя своего построения и под непосредственным воздействием противника.

Образцом развёртывания сражения является бой 1163 года около Нахчывана между атабеком Азербайджана Шамс ад-Дином Ильденизом и грузинским царём Георгием III. Армию Иракского султаната, которой командовал Ильдениз, разделили на три части. Первая должна была начать бой. Вторая находилась в резерве, подбадривая своим присутствием первую и деморализуя неприятеля. Третья часть состояла из отборных воинов. Здесь же находился руководитель сражения Шамс ад-Дин Ильдениз. Грузинская армия придерживалась традиционной схемы: развернутый по фронту боевой порядок с делением на центр и крылья. Бой завязался на заре. Когда под напором противника первая часть армии Ильдениза дрогнула, на помощь пришла вторая. Вскоре в сражение вступила третья часть во главе с атабеком, стараясь окружить грузинские силы. Но Георгий III при помощи ловкого манёвра избежал окружения и отступил. К полудню все было кончено. Шамс ад-Дин Ильдениз одержал победу, взял пленных и богатую добычу⁹².

Сражение 1163 года около Нахчывана является образцом глубоко эшелонированного боевого порядка, при котором свежие силы последовательно вводились в бой, в то время как грузинская армия, развернутая по фронту, с небольшой глубиной эшелонирования, не располагала резервом. Таким образом, боевое построение сообразно поставленной задаче и конкретным условиям обеспечило атабеку Азербайджана успех. Впервые такая атака последовательными волнами засвидетельствована для сельджукской эпохи в 1037/38 году, когда в сражении с газневидским наместником Нишапура сельджуки поотрядно входили в бой⁹³.

О победе принято было извещать дружественных государей и халифов Аббасидов, делая подарки. Конийский султан Сельджукид Килидж-Арслан II после разгрома византий-

⁸⁸ Анна Комнина, 1859. С. 349; *Ravendi*, 1957–1960. С. 210–211; *Sadraddin*, 1943. С. 128.

⁸⁹ История и восхваление венценосцев, 1954. С. 25; *Низами Гянджеви*, 1953. Ч. I. С. 63; *İbn Bibi*, 1941. С. 61; *Ravendi*, 1957–1960. С. 209; *İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi*, 1943. С. 39.

⁹⁰ *Chronique de Michel le Syrien*, 1910. P. 546–648.

⁹¹ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 30, 52, 57, 71, 107; *Щербан А. М. Огуз-намэ. Мухаббат-намэ. М.*, 1959. С. 32; История и восхваление венценосцев, 1954. С. 61; *Анна Комнина*, 1859. С. 30; *Никифор Вриенний*, 1858. С. 65; *Низами Гянджеви*, 1953. Ч. I. С. 55, 64, 70–75, 77, 88, 143, 154, 371, 373; Ч. II. С. 183, 198, 201, 268; *Низами Гянджеви*, 1947. С. 95; *Chronique de Michel le Syrien*, 1910. P. 637; *İbn Bibi*, 1941. С. 80; *Sadraddin*, 1943. С. 34; *İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi*, 1943. С. 50, 149; *Selcukname*, 1952. С. 25.

⁹² *Рашид-ад-дин*, 1952. Кн. 2. С. 83; *Sadraddin*, 1943. С. 112–114.

⁹³ *İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi*, 1943. С. 4.

ской армии в 1176 году у Мириокефала «разослал халифу Багдада и султану Ирака рабов и слуг, оружие, головы ромеев и их волосы на копьях, и они возили их по улицам на крупах своих коней и радовались»⁹⁴.

Не был чужд тюркам рыцарский этикет: когда могущественный эмир Гази Данишмендид узнал о кончине графа Эдесского Жоселена (1131), то велел передать свои соблезнования и о временном прекращении военных действий⁹⁵.

Осада городов и крепостей. Основной приём осады — разрушение стен и уничтожение живой силы противника. Помимо метательных и стенобитных машин, использовали насыпи, башни, с которых лучники, пращники и метатели нефти уничтожали неприятеля и поджигали строения. Если осаждённый объект находился у воды, то осаду и штурм вели одновременно с суши и с акватории: на крупных парусниках устанавливали баллисты. А суда доставляли воинов прямо к крепостным стенам. Применяли осадные лестницы. Конники шли на штурм в пешем строю. На крепостных стенах обычно действовали при помощи булав и легкого оружия.

В знак захвата города или крепости на их стенах вывешивали своё боевое знамя⁹⁶.

Во время похода 1063 года в Грузию великий султан Сельджукид Алп-Арслан приказал обложить одну из башен осаждённой крепости дровами и поджечь. Нестерпимый жар и удушливый дым согнали воинов с крепостных стен, на которые немедленно взобрались по штурмовым лестницам сельджуки. В 1136 году эмир Мухаммад ибн Гази Данишмендид приказал перекрыть русло реки у города Мараша. Под угрозой затопления осаждённые сдались.

Города и крепости брали и иным способом. Так, в 1144 году эмир Имад ад-Дин Занги осадил Эдессу (ныне Шанлырфа, Турция). Боевая техника не принесла успеха, тогда устроили подкопы под двумя башнями и стеной. Для того чтобы они не рухнули преждевременно, под стену и башни подвели деревянные стойки-опоры. Когда осаждённые отклонили предложение о сдаче, опоры были подожжены, башни и часть стены обвалились под собственной тяжестью, открыв доступ в осаждённый город⁹⁷.

Если осада затягивалась до зимы, сельджуки не прекращали военных операций, а готовились к новым условиям кампании. Когда конийский султан Сельджукид Килидж-Арслан II осадил Мелитену (ныне Малатья, в Малой Азии), но до наступления холодов не сумел её захватить, его воины построили кирпичные дома, в которых перезимовали у стен города. Для султана и его свиты были сооружены большие дома из каменных надгробий, «заимствованных» с соседнего христианского кладбища⁹⁸.

Даже будучи осаждёнными, сельджуки вели активную оборону, предпринимая вылазки с тем, чтобы не допустить правильной осады неприятелем и уничтожить его технику. Они обвешивали стены мешками с соломой, сыромятной кожей и «всякими покровами», ослабляя этим разрушительные действия метательных и стенобитных машин. Сооружали также деревянные башни, с которых осыпали осаждавших стрелами. На стенах устанавливали манджаники и аррада, чтобы нейтрализовать и подавить машины осаждавших⁹⁹.

Преодоление водных преград. Сельджуки умели наводить на реках понтонные мосты, используя лодки и парусники. Водные преграды преодолевали и на судах и наполненных воздухом бурдюках, а также вплавь. Обычно всадник плыл за конём, держась за его хвост.

⁹⁴ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 716; *Ibn Bibi*, 1941. S. 60, 65.

⁹⁵ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 613.

⁹⁶ Анна Комнина, 1859. С. 411; *İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi*, 1943. S. 228–229, 232; *Sadraddin*, 1943. S. 24–25; *Ravendi*, 1957–1960. S. 125, 256–257; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 630, 697; *Ibn Bibi*, 1941. S. 44–45, 58–59, 63, 66–67, 75; *Selcukname*, 1952. S. 28, 95.

⁹⁷ *Никита Хониат*, 1860. С. 27; *Sadraddin*, 1943. S. 28–29; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 629, 630, 710; *Barhebraei*, 1890. P. 305–308.

⁹⁸ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 717.

⁹⁹ Анна Комнина, 1859. С. 292, 347; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 677.

Отмечен случай, когда воин на щите, как в лодке, преодолел реку, обнаженная сабля заменяла ему руль, а рядом плыл его конь. В 1067/68 году великий султан Сельджукид Алп-Арслан вместе с армией вплавь преодолел Аракс. В 1071 году он форсировал Евфрат на коне, как и остальные воины. Конийский султан Сулейман-шах Сельджукид (1196–1204) вместе с армией вплавь переправился через Евфрат. Правивший в Гяндже Сельджукид Махмуд велел навести на Куре понтонный мост, по которому прошла его армия¹⁰⁰.

Военное мастерство. Сельджуки придавали большое значение боевой выучке воинов, которые должны были в совершенстве владеть личным оружием, конём, слушаться команды, знать своё место в строю и в сражении. Источники отмечают вместе с тем мастерство военачальников, в частности великих султанов Сельджукидов Тогрул-бека, Алп-Арслана и Малик-шаха, табеков Азербайджана Шамс ад-Дина Ильдениза и его сыновей Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, эмиров Гази Данишмендида и Имад ад-Дина Занги.

В перерывах между военными кампаниями армия совершенствовала своё мастерство. Одним из основных методов являлась охота, занимавшая большое место в жизни тюркского общества. «Охота, — свидетельствует ал-Фахри, — серьезное занятие; объемлет много значительных выгод, высшая из которых — упражнение ратников в скачке, в нападениях, в набегах, в искусстве приучаться к верховой езде, метать дротики, бить саблей и булавой. Другая выгода охоты заключается в испытании коней»¹⁰¹.

Охотничьи заповедники для военных игр сельджуков находились в ряде стран Передней и Центральной Азии, в том числе в Азербайджане, Дагестане, Грузии¹⁰².

Помимо охоты, проводили состязания в стрельбе из лука, в искусстве владения саблей. Для стрельбы устанавливали столбы высотой в 40 кулачей (*кулач* — мера двух разведенных рук; сажень маховая), на вершине которых имелись изображения куриц. Всадник на полном скаку должен был поразить мишень. Метких лучников щедро одаривали¹⁰³.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что военная организация сельджуков являлась для своего времени достаточно боеспособной и выгодно отличалась от военных систем других народов. Это было важным фактором, который, наряду с другими, позволил сельджукским завоевателям установить своё господство на обширных пространствах Центральной и Передней Азии, в том числе на Кавказе.

В подтверждение сказанного о преимуществах сельджукской военной системы отметим, что уже в доисламском арабском мире, то есть в Передней Азии, высоко ценили тюркских воинов и тюркское военное искусство. Так, один из арабских поэтов эпохи «джахилии» (доисламский период) отметил: «Когда я увидел тюрка, и в руках у них стрелы, то поспешил повернуть своего верблюда, с этого места я удалился».

В *хадисах* говорится, что Пророк Мухаммад не советовал своим последователям вступать в сражение с тюрками: «Если вы начнете войну с тюрками, то будет страшно»; приводят также следующие слова основателя ислама: «Мусульмане встретятся с народом [тюрков], носящим чарыхи, с лицом, словно выбитым молотком, с раскосыми глазами, маленьким и приплюснутым носом, и тогда будет страшно»¹⁰⁴.

¹⁰⁰ *Никита Хониат*, 1860. С. 249; *Sadraddin*, 1943. S. 25, 32, 96; *Selcukname*, 1952. S. 24; *İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi*, 1943. S. 44, 229.

¹⁰¹ *Ал-Фахри*, 1863. С. 61; Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 17; *Кононов*, 1958. С. 41, 42, 62–63; *Низами Гянджеви*, 1953. Ч. I. С. 280; *İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi*, 1943. S. 102.

¹⁰² Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 18–19, 83–84; *Histoire de la Géorgie*, 1849. P. 358–359.

¹⁰³ *Кононов*, 1958. С. 50; *Ibn Bibi*, 1941. S. 104.

¹⁰⁴ Цит. по: *Ахундова Н. Ч.* Тюрки в составе государственного управления Арабского халифата: VIII — середина X века. Баку, 2004. С. 40–42.

Глава VII.

Верования, обычаи и обряды тюрков VII–XII веков по сирийским источникам

7.1. Вводные положения

Сирийцы принадлежат к автохтонам Передней Азии. Их историческая Родина — Сирия и Месопотамия. Здесь существовали античные сирийские княжества. Наиболее значительным среди них была Осроэна или Эдесское царство (132 год до н. э. — 244 год н. э.), со столицей в Эдессе (сир. Урха, ныне Шанлыурфа, Турция). Большую известность получили сирийские города Пальмира, Петра, Мелитена (ныне Малатья, Турция), бывшие важными ремесленно-торговыми, политическими, идеологическими и научно-культурными центрами. Сирийцам, одному из культурнейших народов Востока, принадлежат сочинения по всем отраслям знания Античности и Средневековья. Их труды давно привлекают внимание историков, культурологов, этнологов. Они изданы в оригинале и в переводах на различные языки. Сирийская литература не раз была объектом исследований¹. Сирийские памятники письменности являются первоклассными источниками по истории многих стран и народов Передней и Центральной Азии, а также Кавказа. В связи с Кавказским регионом следует отметить труды Н. В. Пигулевской².

Для нашей темы важны два сочинения сирийцев. Одно из них — «Хроника» Михаила Сирийца (1126–1199), деятельность которого протекала в государстве Сельджукидов Малой Азии (1077–1307). Здесь он имел возможность общаться с тюрками (по-сирийски «туркайе», так он называет сельджуков), наблюдать их повседневную жизнь. Михаил Сириец умел объясняться на огузском языке, поэтому его сообщения являются прямыми свидетельствами увиденного и услышанного в сельджукской среде. Другое сочинение — «Всеобщая история» учёного-энциклопедиста Бар Эбрея Абу-л-Фараджа (1226–1286), получившего в мусульманском мире известность как Ибн ал-Ибри. Он знал ряд языков, в том числе огузский и арабский. Ибн ал-Ибри много ездил по Передней Азии, где имел возможность общаться с тюркскими племенами, что позволило ему описать жизнь тюрков огузо-сельджукского круга.

В вышеназванных сочинениях содержится ценный материал по истории, материальной и духовной культуре огузов и сельджуков³. Они подтверждают, что в их системе верований, обычаев и обрядов тесно переплелись доисламские и мусульманские нормы, что породило характерный тюркский комплекс идеологии и быта.

7.2. Верования тюрков

Михаил Сириец пишет, что, по представлениям тюрков, верховным божеством являются небеса, по-тюркски, — *Кан Тангры*. Причём *кан* на их языке — это *gök/kök*, то есть «небо», «небесная синь», а *Тангры* — «Бог», «Небо», «Великий»⁴. Поэтому тюрки полагают, что небеса — это

единственное, то есть верховное, божество. Иными словами, тюрки являлись монотеистами, почитая видимый небесный свод за единственное божество. Отметим, в связи с этим, что Ибн Фадлан, сообщая о тюрках X века, пишет: если кого-либо из них постигает несправедливость или случится с ним что-либо неприятное, он поднимает голову к небесам и говорит: «Бир Тангри!», а это значит «О, Бог Единый!»⁵. В связи с верховным божеством тюрков отметим, что в зоне Центральной Азии есть горная вершина *Хан-Тенгри* (6995 м), в хребте *Тенгри-даг*, в восточной части Центрального Тянь-Шаня, на территории Республики Кыргызстан⁶.

Даже после принятия ислама в X веке тюрки (сельджуки) продолжали придерживаться своих доисламских традиций. Не случайно Михаил Сириец замечает, что вплоть до его времени (вторая половина XII века), если спросят кого-либо из тюрков, кто не знает установленный ислама, о его вере, то он отвечает и говорит «Кан Тангри!»⁷. Поэтому тюрки, продолжает автор, будучи монотеистами, легко приняли ислам, в связи с чем Михаил Сириец пишет: «ввиду того, что они [тюрки] всегда провозглашали единое божество, то и объединились с арабами в религии и приняли ислам». Он же отметил, что истинная причина перехода тюрков в ислам заключалась в том, что, будто, они слышали от арабов и приняли Слово Пророка Мухаммада, который сказал: «Когда отречутся от почитания идолов и прочих тварей и Мою веру будут исповедовать, то будет им дана земля, хорошая и благодатная, и они воцарятся в ней!» И вот, заключает Михаил Сириец, по этой причине тюрки приняли ислам.

7.3. Магические обряды, связанные с небом

В «Хронике» Михаила Сирийца рассказано об институте собрания вождей и о ритуале избрания «царя» — главы объединения тюркских племён. По его сообщению, для избрания главы из своей среды, собрались эмиры племён, всего 70 человек, знатных и наиболее уважаемых, и уселись в круг, каждый со своей палкой (символом власти) в руке. На земле начертили круг (символ Неба) и условились: тот, чья палка окажется в центре этой фигуры, станет царём. Затем все бросили свои палки вверх, то есть к Небу, где, по представлениям тюрков, находится верховное божество. Одна из них упала в центр круга и стала стоймя, прямо воткнувшись в землю. И её обладатель был провозглашён царём.

Рассказывая о соглашении между тремя группировками тюрков о разделе сфер завоевания и миграции, Михаил Сириец сообщает, что их предводители решили задачу, бросив вверх, то есть к Небу, три меченые палки. Каждая из них, упав, указала направление движения: одним — оставаться на месте, другим — идти в Центральную Азию, третьим — в Переднюю, в том числе Малую, Азию. Причём было решено, что каждый из таборов примет тех богов, которых найдёт на доставшейся по жребию территории. Поэтому тюрки, оставшиеся на своей исторической родине, в зоне Орхоно-Енисея и Алтая, по-прежнему придерживались веры своих предков — шаманизма. Перешедшие в Центральную Азию стали христианами (несторианами). В этой зоне сохранились некрополи, подтверждающие принятие предками туркмен, казахов и киргизов несторианства, которое среди них проповедовали сирийские миссионеры⁸. Те же, что ушли в Переднюю Азию, а это были сельджуки, приняли ислам. Иными словами, вопрос религиозной принадлежности не являлся для тюрков самоцелью, а зависел от конкретных политических потребностей их руководящей верхушки. Отметим также, что когда тюрки стали известны на исторической арене в IV веке, они вско-

¹ Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб., 1902; Baumstark A. Geschichte der Syrischen Literatur mit Ausschluß der Christlich-Palastinischen Texte. Bonn, 1922; Urbina de O. Patrologia Syriaca. Romae, 1958.

² Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI века о народах Кавказа. // ВДИ. 1939. № 1; Она же. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941; История мар Ябалахи III и раббан Саумы. / Исследование, перевод с сирийского и примечания Н. В. Пигулевской. М., 1958.

³ Гусейнов Р. А. Сирийские источники о верованиях и обычаях VII–XII веков. // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978.

⁴ Так же у Махмуда Кашгари. См.: Диван Лугат ат-Турк. / Перевод и предисловие З.-А. М. Ауэзовой. Индексы Р. Эрмерса. Алматы, 2005 (далее — Диван Лугат ат-Турк, 2005).

⁵ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах. Харьков, 1956 (далее — Ковалевский, 1956). С. 125–126.

⁶ БСЭ. 3-е изд. Т. 28. М., 1978. С. 188.

⁷ В «Древнетюркском словаре» (Л., 1969. С. 312) отмечено: *Gök Tängri* — «голубое небо». Так же в памятнике в честь Кюль-Тегина (VIII век).

⁸ Хвольсон Д. А. Несторианские надписи из Семиречья. СПб., 1887; Джумагулов Ч. Несторианские памятники. // Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1963. Вып. 1. С. 43–58; Он же. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.

ре же появились в Передней Азии как участники походов на западном направлении, а также как наёмники в армиях Византийской империи и Арабского халифата⁹. Так, греческие источники отмечают тюркские по происхождению знатные роды в Византии — Алакесеи, Аксухи, Аплесфары, Аспиеты, Камицы, Караджи, Карамалы, Маниаки, Тарханиоты, Татикии, Ураны, Хасаны, Циты¹⁰. В Арабском халифате были тюркские военачальники и тюркская армия¹¹. Их наследниками в Малой Азии стали сельджуки, создавшие здесь султанат (1077–1307) со столицей в Конье.

7.4. Тотем «gök böri» и термин «goş!»

С доисламскими воззрениями тюрков связано также представление об их предке-родоначальнике, которому отводится важное место в системе верований. Это — *gök böri* (сивый волк)¹², являвшийся одним из важнейших тотемов тюрков, которые не утратили веры в него и после исламизации. Михаил Сириец, познакомившийся с этим тюркским тотемом в устной передаче (устной эпической традиции), называет его «зверем, подобным собаке», в котором нетрудно узнать сивого волка, хорошо известного из огузского эпического цикла.

В связи с этим интересно отметить, что один из героев огузского героического эпоса «Китаб-и дедем Коркуд» — Салор-Казан, — перечисляя свои корни, говорит: «От детеныша-самца... волка один мой корень»¹³. По представлениям тюрков, сивый волк ведет их на новые земли, возглавляя миграционные движения и военные кампании. Не случайно, что тюркским войском предводительствует бек на светлосивом (как волк) коне¹⁴. Сивый волк неоднократно фигурирует в ряде письменных источников, в том числе в эпическом огузском цикле¹⁵. Небезынтересно отметить в связи с этим, что в «Огуз-наме» о выражении «*Gök böri!*» — «Сивый волк!» — говорится как о боевом кличе (*уран*) тюрков, с которым они шли в сражение¹⁶.

Михаил Сириец сохранил один из характерных тюркских военно-кочевых терминов «*Goş!*», который означал сигнал к началу организованного передвижения¹⁷. Ввиду того, что у тюрков были сильны пережитки родоплеменного строя, это слово-команда, даже в рассказах, записанных в XII веке, по-прежнему вкладывалось в уста *сивого волка*. Он упоминается в повествовании каждый раз, как только речь заходит о миграционном или военном передвижении тюркских племён. Михаил Сириец пишет: «Сообщают, что когда они [тюрки] двигались и шли с востока на запад, то увидели некоего зверя, подобного собаке, который шёл впереди. Они не знали, кто это и откуда он появился, и не могли приблизиться к нему. Когда наступало время идти, он обращался к ним на их языке, говоря: „Вставайте!“, и они вставали и шли за ним туда, куда он шёл. И пока он шёл, они двигались за ним, и в ту сторону, в которую он шёл, следовали за ним. А когда он останавливался, и они располагались, пока не достигли областей, в которых воцарились. Так как этот проводник не показывался им вновь, они не вышли оттуда...

...Когда народ тюрков [сельджуки] вырвался и вышел, они покрыли всю землю и даже стеснили тюрков, вышедших прежде, ибо земля не в состоянии была нести всех, и тех [пре-

дыдущих] оттеснили на запад. Когда они начали передвижение, то увидели того, кто был проводником у прежних [тюрков] и был подобен собаке. Он шёл впереди, и они не могли приблизиться к нему. Когда он хотел идти, то возвышал голос и говорил „*Goş!*“, то есть „Вставайте!“. И они вставали и шли за ним, пока он не останавливался; тогда и они располагались. И после того как вёл их много дней, он исчез; и мы более ничего не читали и не слышали [относительно] него. И мы знаем только то, что каждый народ ведом к полезному тем, что для него привычно. Так, иудеи — жертвоприношением овец и телят, маги — [при помощи] звёзд; таким же образом и эти [тюрки] — подобием животных, которые им привычны»¹⁸.

Этим событиям созвучно то, о чем говорится в хадисах о поступках и высказываниях Пророка Мухаммада. В некоторых из них подчёркивается идея тюркской гегемонии в мировой истории: «Они [тюрки] трижды дойдут до Аравийского полуострова. В период первых завоеваний те, кому удастся убежать, спасутся, и во второй раз те, кто не попадутся, спасут свои жизни, но в третий раз это никому не удастся»¹⁹. Судя по известным событиям истории тюрков Античности и Средневековья, Пророк Мухаммад под «первыми завоеваниями» имел в виду деятельность тюрков IV–V веков, под «вторыми завоеваниями» пророчески подразумевал деятельность огузов, под «третьими завоеваниями» — то, что совершили в Центральной и Передней Азии сельджуки.

О том, что тотем *сивый волк* был предвестником организованного передвижения тюрков, можно судить по имеющимся в «Огуз-наме» параллелям к цитированному фрагменту из «Хроники» Михаила Сирийца: «Когда забрезжил рассвет, в шатёр Огуз-кагана проник луч, подобный солнечному. Из этого луча появился сивовласый, сивогривый большой волк. Этот волк молвил Огуз-кагану, говорил: „О Огуз! Ты собираешься двинуться из Урума. О Огуз! Я пойду с тобою впереди“. И вот после этого Огуз-каган свернул свой шатёр, пошёл дальше и увидел, что перед войском движется огромный сивогривый, сивовласый волк. Сзади, следуя за тем волком, двигались [все]... Через несколько дней сивовласый, сивогривый волк остановился. Остановился с войском и Огуз...

И вновь [Огуз-каган] отправился вперёд... Затем увидел Огуз-каган сивовласого, сивогривого волка. Этот сивый волк сказал Огуз-кагану: „Теперь двигайся с войском, Огуз-каган. Веди сюда народ и беков, я буду тебе показывать дорогу“, — говорил. А когда наступил рассвет, увидел Огуз-каган, что волк уже перед войском, в походе. Обрадовался он, вперёд пошёл...

...Однажды сивовласый, сивогривый волк, не двигаясь [вперёд], остановился. Остановился и Огуз-каган, лагерь разбил»²⁰.

Что касается *Goş!* — то он является императивом глагола *goştag*, характерного как в прошлом, так и в настоящее время для некоторых тюркских языков, главным образом западнохуннской ветви. Сохранение в сирийском тексте тюркского *Goş!* говорит в пользу того, что оно было не обычным словом, а термином-командой, означавшим «выступление, движение». Ввиду того, что у тюрков сильны были пережитки родоплеменного строя, команда *Goş!* вложена в уста тотема — *сивого волка*, — который появляется в повествовании всякий раз, как только заходит речь о тюркском военном выступлении или миграционном передвижении. Именно с этой точки зрения следует рассматривать наличие в сирийском тексте слова, смысловое значение которого было известно тюркам, но которое не входило в лексикон сирийца.

Goş! означает повеление *многократного* действия. Это следует из семантики глагола *goştag* и его производных в ряде средневековых и современных тюркских языков. Так гла-

⁹ Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI веках. М.—Л., 1964. С. 215–228.

¹⁰ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. // Избранные сочинения. Т. I. М., 1960. С. 49; *Наждан* А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков. М., 1974. С. 116–121.

¹¹ Ахундова Н. Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата (VIII — середина X века). Баку, 2004 (далее — Ахундова, 2004). Гл. III, § 3; Spuler B. The Muslim World. Part I. The Age of Calips. Leiden, 1960. P. 62.

¹² Диван Лугат ат-Турк, 2005; Древнетюркский словарь. Л., 1969.

¹³ Книга моего деда Коркуда. Огузский героический эпос. / Перевод, вступительная статья и комментарий академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962 (далее — Книга моего деда Коркуда, 1962). С. 98. По другому варианту (Там же. С. 279, прим. 33): «Я одного корня с громкоговорящим волчонком-самцом».

¹⁴ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 99, 100.

¹⁵ Щербан А. М. Огуз-намэ. Мухаббат-намэ. М., 1959 (далее — Щербан, 1959).

¹⁶ Там же. С. 32.

¹⁷ Гусейнов Р. А. Тюркское *Goş!* в сирийском источнике. // КСИНА АН СССР. № 86. М., 1965.

¹⁸ Chronique de Michel le Syrien. T. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910 (далее — Chronique de Michel le Syrien, 1910). P. 567, 569–570.

¹⁹ Цит. по: Ахундова, 2004. С. 42.

²⁰ Щербан, 1959. С. 37–39, 45–46, 50.

голы «запрячь», «присоединить» известны в форме *kořmak* (огузск., кыпчакск., турецк.), *kořmak* (джагатайск., османск., уйгурск.), *gořtag* (азерб., туркменск.), *кўшмак* (узбекск.). Другие значения: кош (джагатайск.) означает 'ставка', 'лагерь', 'войско'; *кошуклук* (джагатайск.) — 'соединение'; *кошу* (османск.) — 'толпа', 'повозка'; *гош* (туркменск.) — 'табор', 'упряжка'; *кошит* (турецк.) — 'упряжка'. 'Войско' передается через *гошун* (азерб., туркменск.), *кошун* (джагатайск., османск.), *кошин* (турецк.), *кўшин* (узбекск.)²¹.

Таким образом, большое количество смысловых вариантов *Goř!* и *gořtag* точно передает всё то, что связано с организованным передвижением, будь то миграции или военные кампании.

7.5. Свадебные обряды

В XI–XII веках тюрки придерживались описанных ниже брачных церемоний на обширной территории от Центральной Азии до Средиземного моря и от Кавказа до Персидского залива. Они вобрали в себя определённые элементы из свадебного быта других народов, но сохранили свойственные им характерные черты. Поэтому и в настоящее время они продолжают бытовать у народов, находящихся в родстве с огузами, а, значит, и с сельджуками²².

Редко удается проследить на протяжении более 800 лет эволюцию семейного быта. Поэтому следует по достоинству оценить сообщения об этом письменных памятников XI–XIV веков, в том числе Ибн ал-Ибри. Он сохранил наиболее раннее известное описание огузского свадебного обряда. В его сочинении подробно излагается бракосочетание в 1063 году первого великого султана Сельджукида Тогрул-бека (1038–1063) и дочери халифа Аббасида ал-Каима (1031–1075) — Саййиды²³. Его свидетельство дополняют другие источники, что подтверждает устойчивость и преемственность на протяжении столетий традиций свадебных обрядов в тюркской среде. Поэтому можно заключить, что тюркскому свадебному циклу присущи специфические черты, которые имеют доисламский характер и носят явно различимый налёт, отражающий жизнь кочевника и нормы родового общества. Ибо, даже став в X веке мусульманами, тюрки по-прежнему справляли брачные обряды на основе своих обычаев. На фикхе базировалась лишь официальная сторона, например, заключение брачного контракта.

Известные из прошлого свидетельства описывают тюркские свадебные обряды в знатной или титулованной среде, а не рядовой массы. Однако, практикуемые до сих пор, они позволяют заключить, что эти обряды были, в принципе, одинаковы для всех слоев тюркского общества. Как описанный в источниках, так и современный тюркский свадебный цикл фактически идентичен. Это позволяет констатировать как его общий характер, так и отличие от тех, что характерны для других народов. Подобная уверенность подкреплена тем обстоятельством, что у некоторых современных народов, находящихся в языковом родстве с огузами, — у азербайджанцев, туркмен, турок, — в общих чертах охранился тот же брачный ритуал.

В прошлом, при вступлении в брак минимальным для жениха считался возраст 15 лет, невеста могла быть моложе²⁴. Существовал обычай обручения детей в колыбели. Брачные обряды тюрков в XI–XII веках состояли из следующих.

Сватовство. Оно было необходимо для получения согласия дома невесты. Ему придавали большое значение. Не случайно, в одной из свадебных песен современных саларов [по-

томков одноимённого огузского племени, живущих в Синьцзяне] говорится: «Если по-тюркски сказать, [то] коли на небе не появится облако, [то] не будет и благодати, коли на земле не будет сватов, не будет и родственников!»²⁵ Дом невесты использовал период сватовства как повод для получения определённых выгод. Если притязания заходили далеко и превышали выгоды от брака для жениха, то его сторона использовала любые доводы, вплоть до прямых угроз, чтобы умерить желания стороны невесты. Так было при сватовстве великого султана Сельджукида Тогрула-бека к дочери халифа Аббасида ал-Каима: лишь недвусмысленные военные демонстрации тюрка принудили Аббасида дать согласие на брак²⁶.

Прежде, чем сватать невесту для сына, владетельный эмир собирал людей своего круга на совет: «Сын, созовем в свой шатёр остальных беков огузов: на чем они порешат, так и сделаем». В фольклоре саларов сохранилось воспоминание о том, что юноша заявлял отцу о своём намерении жениться, после чего засылали сватов²⁷.

В знатной и состоятельной среде в роли послов-сватов обычно выступали вазирь, военачальники, атабеки, эмиры, кадии. Но в виде исключения, порой сам отец отправлялся просить руки девушки для своего сына, что было отголоском доисламского обычая тюрков²⁸. Так, в огузском эпосе отец говорит: «Сын, высмотреть девушку — твоё дело, дать деньги и пропитание — моё дело»²⁹. Сватам оказывали большой почет, особенно в случае, если они представляли за венценосца или другую владетельную особу. Так, эмир Арзинджана Бахрамшах Мангуджакид во главе торжественной процессии встречает сватов конийского султана Сельджукида Кей-Кауса I (1210–1219), задумавшего жениться на его дочери, и сопровождает в собственный дворец, что было весьма почётно³⁰. «Неверные», что появились в Малой Азии в эпоху крестовых походов XI–XIV веков, и у которых сватали невест, также принимали сватов с почётом: расстилали ковры, резали белых баранов, угощали красным вином³¹.

После традиционного приветствия сват обращался к старшему в доме будущей невесты со словами: «По повелению Аллаха, по слову Пророка, я пришёл посватать ту [имя рек], что чище месяца, светлее солнца»³². На обязанности сватов лежало лишь получение согласия дома невесты. Если просватанную девушку выдавали за другого, обиженная сторона жениха могла «пойти войной».

Известны случаи, когда могущественный титулованный или венценосный жених ставил дом невесты перед совершившимся фактом, объявляя об окончании переговоров и заключении брачного контракта, не дожидаясь результатов сватовства. Так поступил в 1062 году великий султан Сельджукид Тогрул-бек. Недовольный затяжкой обряда сватовства и чувствуя за собой силу, что давало ему право, великий Сельджукид де-факто известил всех, что женится на дочери халифа Аббасида ал-Каима³³.

Существовал цикл песен-объяснений в любви, который можно назвать любовной свадебной лирикой. Песни такого рода салары называют *йир*: жених поет, мысленно обращаясь к невесте: «Я возьму тебя в жёны! Если не возьму тебя, что же делать?» В другой песне поется: «Если я даже не думаю о тебе, то душа у нас одна. Если подумаю вдруг, становлюсь безумным, душа моя в смятении. Если спросят, отчего в смятении, [ответу]: от твоих чёрных волос»³⁴.

²¹ См. словари названных языков, а также: Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1868–1871; Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1890–1911; Диван Лугат ат-Турк. 2005; Kasgari M. Divan-l Lugat-it-Turk tercumesi. Ankara, 1939–1941; Ettuhfat-is-Zekiyye fi-l Luğat-it-Türkiyye. Çeviren V. Atalay. Istanbul, 1945.

²² Гусейнов Р. А. Об устойчивости и преемственности традиций свадебных обрядов у народов Передней Азии (на материале тюрков-огузов XI–XII веков). // Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР. Вып. 1 (2). Л., 1965.

²³ Barhebraei G. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890 (далее — Barhebraei, 1890). P. 255.

²⁴ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 34, 39, 73; Chronique de Michel. P. 699.

²⁵ Тенишев Э. Р. Саларские тексты. М., 1964 (далее — Тенишев, 1964). С. 87, 89.

²⁶ Barhebraei, 1890. P. 241; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi. Istanbul, 1943 (далее — İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943). С. 18–20.

²⁷ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 36; Тенишев, 1964. С. 137.

²⁸ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 64.

²⁹ Там же. С. 63; Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. М.—Л., 1952. Т. I (далее — Рашид ад-Дин, 1952). Кн. 1. С. 81.

³⁰ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 36–37; İbn Bibi. Selçukname. Çeviren M. N. Gencosman. Ankara, 1941 (далее — İbn Bibi, 1941). С. 71.

³¹ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 65.

³² Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958 (далее — Кононов, 1958). С. 59.

³³ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 18.

³⁴ Тенишев, 1964. С. 69–70 и сл.

Оформление брачного договора — ответственная стадия, на которой выявлялись истинные мотивы заключения брака. Стороны старались извлечь максимум выгоды, имевшей подчас неожиданный характер. Так, халиф Аббасид ал-Каим потребовал у великого султана Сельджукида Тогрул-бека возвращения ему захваченной сельджуками области Васит³⁵. Брачный контракт составляли в письменном виде, скрепляли подписями и печатями особо на то выделенных доверенных и опытных в оформлении документов лиц обеих сторон. Как правило, эта церемония проходила в доме жениха, в присутствии факиха, кадийев и представителей домов жениха и невесты³⁶. В 1056 году халиф Аббасид ал-Каим, посватавшийся к племяннице великого султана Сельджукида Тогрул-бека — Арслан-хатун, — собрал в своём багдадском дворце приближенных. Затем, по его знаку, вазир Сельджукида Амид ал-Мульк, прибывший для составления брачного договора, подпоясавшись и взяв в руки плётку, призвал приехавших вместе с ним знатных тюркских эмиров. В присутствии представителей обеих сторон вазир халифа приступил к оформлению контракта. Как было принято, сперва жених выразил своё согласие со всеми его пунктами, а за ним — остальные участники церемонии. После этого договор был подписан и вступил в силу³⁷.

Ибн Биби сообщает подробности оформления брачного контракта и приводит формулы, которые при этом произносили. Описывая бракосочетание конийского султана Сельджукида Кей-Кауса I с Сельджук-хатун, он рассказывает: «Призвали доверенных лиц и свидетелей обеих сторон. Уполномоченный заключить договор о браке [от имени султана], повернувшись лицом к кыбле и поведав о некоторых брачных контрактах, составленных в роду халифа ал-Мамуна [Аббасида, 813–833 годы], произнёс молитву. В конце её он сказал: „Как вам стало известно, происходящий из рода Килидж-Арслана султан Изз ад-Дин Кей-Каус ибн Кей-Хосров, завоеватель и победитель, разумный и рассудительный, желает взять в жёны Сельджук-хатун из знатного рода мелика Фахр ад-Дина Бахрам-шаха ибн Дауда за калым в 100 тыс. золотых динаров”. Сторона невесты ответила: „Принимаем предложение и соглашаемся. Пусть над ними будет добродетель!” Был заключен брачный договор, и соединились судьбы. Раздались пожелания: „Пусть они будут счастливы и имеют детей!”»³⁸.

Главными в брачном контракте являлись статьи о *калыме* (термин тюркский, означает выкуп за невесту, отмечен в «Диван Лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари) и *махре* или *мехре* (обеспечение жены на случай развода со стороны мужа или его смерти). Их величина зависела от социального и имущественного положения вступающих в брак, от знатности и будущих выгод. Чрезмерная величина затребованного калыма или махра, необычные условия стороны невесты предъявлялись иногда умышленно и были завуалированной формой отказа. До выплаты всего калыма жених обычно не имел права увезти невесту³⁹. Вместе с тем было известно добрачное сожительство будущих супругов после того, как подписан договор⁴⁰. Правда, под влиянием ислама, этот обычай отмирал. Действия, связанные с калымом и махром, являлись актами купли-продажи женщины, торговой сделкой.

Калым и махр обычно выплачивали монетой. Известны случаи, когда суммы достигали нескольких сот тысяч золотых динаров, в дополнение к которым преподносили ещё большие суммы серебряных дирхемов. В 1081/82 году халиф Аббасид ал-Муктади (1075–1094) посватался к одной из дочерей (имя неизвестно) великого султана Сельджукида Малик-шаха (1072–1092). Его сватам было сказано, что двое владельцев уже просят её руки, и каждый

из них предлагает по 400 тысяч золотых динаров калыма: «Если халиф может уплатить подобную сумму, то ему будет оказано предпочтение, ибо он наиболее почитаемый из владельцев». Но в этом случае мы имеем, вероятно, исключение, когда жених был освобожден от уплаты калыма, благодаря искусственным сватам, которые сумели убедить сторону невесты, что породниться с самим халифом Аббасидом, религиозным главой мира ислама, уже является большим выигрышем⁴¹.

Любопытное свидетельство относительно величины калыма в Османской империи сохранил очевидец: жених должен был выплатить отцу невесты столько серебряной монеты, сколько весила его будущая супруга⁴². Эта сумма называлась *агырлык* (тяжесть, вес). Тот же термин в современном турецком языке означает «приданое невесты», «драгоценности».

В счёт калыма, кроме денег, было принято давать также дорогую одежду, породистых скакунов, рабов и рабынь, слуг, драгоценности, шёлковые ткани и платки, иногда — недвижимую собственность. Дочь конийского султана Сельджукида Килидж-Арслана IV (1248–1264) — Сельджук-хатун — была выдана за Аргуна, сына монгольского ильхана Абага-хана Хулагиды (1265–1282). По прибытии невесты в дом жениха Килидж-Арслан IV получил от своего тестя часть Восточной Анатолии⁴³.

Как правило, источники обходят молчанием вопрос о приданом невесты, хотя он должен был найти отражение в брачном договоре. Возможно, это не играло особой роли при заключении браков между домами знати или венценосцев. Но, по косвенным данным, известно, например, что иракский султан Сельджукид Махмуд I (1118–1131) был женат последовательно на двух дочерях своего дяди по отцу — великого султана Сельджукида Санджара (1118–1157). После их кончины Санджар потребовал у своего племянника-зятя приданое и драгоценности, что были даны его супругам в качестве приданого⁴⁴.

В приданое знатной невесты входили «домашняя утварь и пожитки, подобающие её достоинству», а также «усыпанные жемчугом головные уборы, благовонные [ножные] браслеты, драгоценные кольца и [наручные] браслеты, златотканые и украшенные жемчугом принадлежности для невесты, превосходные одежды, мулы-иноходцы с золотыми подковами, быстрые, как ветер, кони, бессчётное количество другого добра и золота»⁴⁵.

После подписания брачного договора жених обязательно одаривал невесту и её сторону, а также участников оформления контракта. Подобные подношения не входили в условия заключенной сделки, хотя неоднократно совершались обеими сторонами на всех этапах брачной церемонии. Так, от невесты-девушки будущему супругу подносили красный кафтан. Знатный жених надевал его, а его товарищи обращались к нему со словами: «Ты носишь красный кафтан, мы носим белые кафтаны», на что жених отвечал: «Зачем вам огорчаться из-за таких пустяков, сегодня я надел [кафтан], завтра [его] наденет мой заместитель; до сорока дней надевайте его один за другим». У тюрков это было давним обычаем, восходившим, вероятно, к обрядовым пережиткам группового брака⁴⁶.

Одаривание, согласно принятой на средневековом и современном мусульманском Востоке терминологии, обозначается выражением «поднести, подарить халат». До настоящего времени во время свадебных обрядов или принесшему добрую весть принято «поднести халат», то есть сделать подарок. В «Книге моего деда Коркуда» один из героев говорит: «Кто принесет добрую весть, тому дам коня, одежду»⁴⁷. Подношения состояли из дорогой одежды,

³⁵ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 18.

³⁶ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 13, 30; İbn Bibi, 1941. S. 72–73; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 9, 21, 43, 72–73.

³⁷ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 8–9; Sadruddin. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Çeviren N. Lüğal. Ankara, 1943 (далее — Sadruddin, 1943). S. 12–13.

³⁸ İbn Bibi, 1941. S. 72–73.

³⁹ Ковалевский, 1956. С. 126; Barhebraei, 1890. P. 241.

⁴⁰ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 35, 39, 69.

⁴¹ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 72.

⁴² Осман-бей. Турки и их женщины. СПб., 1874 (далее — Осман-бей, 1874). С. 67.

⁴³ İbn Bibi, 1941. S. 279, 283.

⁴⁴ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 144.

⁴⁵ Кононов, 1958. С. 59; İbn Bibi, 1941. S. 72.

⁴⁶ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 38. Белый кафтан терминологически означал, что его владелец не женат.

⁴⁷ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 92.

породистых скакунов, дорогих конских седел, слуг, золотых и серебряных монет, шёлковых платков, драгоценностей и, в виде исключения, включали недвижимую собственность. Так, великий султан Сельджукид Тогрул-бек после подписания брачного договора подарил своему тестю халифу Аббасиду ал-Каиму тридцать тюркских юношей и девушек, столько же коней, двух слуг, скакуна под золотым седлом, инкрустированным жемчугом, 10 тысяч золотых динаров. Своей невесте Саййиде он преподнес 10 тысяч золотых динаров, ожерелье из тридцати жемчужин, каждая весом в один мискаль (4 г) и «все то, чем владела его покойная жена в Ираке»⁴⁸.

Ибн Биби называет в числе подношений со стороны жениха сахарные головы. Такой подарок сделал конийский султан Сельджукид Кей-Каус I участникам заключения брачного контракта. В. А. Гордлевский замечает по этому поводу: «сахар служит как бы символом восстановления мирных отношений, являясь отголоском той эпохи, когда было умыканье жён, вносившее ссоры и вражду между двумя родами». И продолжает — в сахаре выражалось также пожелание сладкой жизни между супругами. В конце XIX века, когда В. А. Гордлевский находился в Османской империи с научными целями, он отметил, что сахар у османов значился в числе подарков⁴⁹. До сих пор на Кавказе сласти (сахар, нобат, мучные кондитерские изделия) являются обязательным компонентом подношений.

Завершение переговоров и оформление брачного соглашения отмечали устройством торжественной процессии. Во время пиршества, венчавшего церемонию подписания контракта, произносили традиционную формулу благополучия: «Пусть они [жених и невеста] будут счастливы и имеют детей!»

Среди подношений, в счёт калыма, в приданом невесты обязательно были *платки*, преимущественно шёлковые. Так было в прошлом, так же остаётся донныне. Знатный эмир раздаёт на пиру своим гостям в подарок расшитые золотом шёлковые платки. У сельджуков было принято подносить платок в знак радостного события или вести. У современных азербайджанцев во время предварительного сговора невесте преподносят белую шёлковую шаль (*келагаи*), ко дню обручения она вновь получает такую же шаль. У кумыков Дагестана также сохраняется этот обычай⁵⁰. Широкое распространение традиции дарить платок или кусок материи явление не случайное и присущее многим восточным народам. Платок терминологически означает выражение счастья и благополучия. Он, вероятно, имеет те же функции, что и свадебные занавеси и покрывала: платок должен, как и они, предохранить от «злых духов», от «дурного глаза». В целом, платки исполняют религиозно-магические функции.

Ритуал, связанный с платком или куском материи, довольно отчётливо перекликается с другим, не менее важным, в котором также значительная роль отведена ткани. Так, почти на всем протяжении брачных церемоний невеста находится за специальной занавесью или под покрывалом. Терминологически это означает *табу*: запрет на девушку, которая просватана и, следовательно, уже является чьей-то собственностью. Это — обычай религиозного гетеризма: невеста отдаётся во власть божества, а также это — предохранение невесты от «злых духов», от «дурного глаза»; и еще — пережиточное явление обычая умыкания невесты. Пребывание невесты за занавесью и под покрывалом должно было также уберечь как невесту, так и жениха от колдовства, ибо, по поверьям, брачные церемонии являлись удобным моментом для магических действий против них. До сих пор этот обычай соблюдается. В Азербайджане невеста сидит в доме своих родителей под покрывалом, её лицо закрыто также во время переезда в дом жениха и на свадебном пиру. В родительском доме её наряжают в свадебные одежды за белой занавесью. Перейдя в следующую комнату и, стоя под покрывалом на особом месте, невеста принимает поздравления. В третьей комнате она сидит за занавесью. Перед тем, как везти в дом жениха, на её голову набрасывают платок, а затем ещё покрывало⁵¹. В прошлом жена в доме мужа до рождения первенца ходила с покрытой головой.

Свадебный пир в доме невесты. Для рядового тюрка вступление в брак было связано с обременительными расходами. Поэтому между оформлением брачного договора и собственно свадьбой обычно проходило несколько лет, в течение которых он выплачивал калым. Кроме того, ко времени заключения контракта ему необходимо было накопить сумму для одариваний. Он должен был иметь также средства для того, чтобы сыграть свадьбу в своём доме. Для состоятельных слоёв выплата калыма, неоднократные одаривания и другие расходы не доставляли затруднений. Богатый жених обычно располагал необходимыми средствами, и вскоре после подписания брачного договора свадебные церемонии продолжались.

Жених в сопровождении свиты, обязательно верхом, отправлялся в дом невесты, в специальное свадебное помещение. Если он или его будущий тесть являлись титулованными особами, то церемония встречи жениха обставлялась особенно пышно. Его встречали далеко за городом, иногда на расстоянии нескольких дней пути, и сопровождали специально выделенные для этой церемонии особы и военный отряд. Вновь происходили одаривания невесты и её дома. В числе подношений обязательно были золотые монеты и шёлковые платки.

В это время невеста находилась в специальном помещении в доме своих родителей, укрытая от посторонних взоров покрывалом. Ночью, накануне пира, её привозили в свадебное помещение. Здесь, наряженная в белые одежды, она восседала на «золотом троне». Жених подходил к невесте, целовал землю у её ног, затем некоторое время прислуживал ей. По исполнении этого ритуала, он садился на «серебряный трон». Возможно, что «золотой трон» и «серебряный трон» являлись преломлением в свадебных обрядах тюркских народных сказаний, в которых девушку сравнивают с солнцем («красное», «золотое»), а юношу — с луной («белое», «серебряное»). Так, в огузском эпосе говорится, что на пиру хан Байундур посадил беков, имевших сыновей, у белого знамени; те, кто имел дочерей, были усажены у красного знамени, а бездетные — у чёрного. Во время свадебных торжеств в доме невесты ставили красные шатры, в доме жениха — белые⁵².

Если жених до свадьбы «отходил в места кочевий своих предков», то невеста в знак траура по нему надевала вместо белых свадебных одежд черные, оплакивала его, раздирая себе щеки до крови, и причитала: «Увы, властитель моих алых губ! Увы, надежда моего чела, моей головы! Увы, мой царь-джигит! Увы, мой сокол-джигит! Не насмотрелась я досыта на твое лицо, хан мой, джигит! Куда ты ушёл, оставил меня одинокой, душа моя, джигит, ты, кого я, открыв глаза, увидела, кого я сердцем полюбила, с кем клала голову на одну подушку, кто погиб на своём пути, пал жертвой!»⁵³.

Переезд в дом жениха происходил после пира в доме невесты. Свадебный кортеж направлялся в специальное помещение, причём невесту обязательно сопровождал жених. Бывали исключения. Так, вместо конийского султана Сельджукида Кей-Кауса I, который не мог присутствовать в Арзинджане на пиру в доме невесты, её сопровождали в Конью

⁴⁸ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 21.

⁴⁹ Гордлевский В. А. Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазиатских Сельджукидов, так называемой Хроники Ибн Биби. // Избранные сочинения. Т. II. М., 1961. С. 163.

⁵⁰ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 49; Народы Кавказа. Ч. II. М., 1962 (далее — Народы Кавказа, 1962). С. 135; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961 (далее — Гаджиева, 1961). С. 270–271.

⁵¹ Осман-бей, 1874. С. 80; Гаджиева, 1961. С. 275–276; Народы Кавказа, 1962. С. 138; Babayeva R. Guba şəhərinin toy adətləri. Bakı, 1946 (далее — Babayeva, 1946). S. 22–23, 32.

⁵² Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 14, 39, 69; İbn Bibi, 1941. S. 7.

⁵³ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 39.

эмир-и меджлис и жёны высокопоставленных сановников Конийского султаната. Но встреча невесты женихом была обязательным ритуалом. Например, иракский султан Сельджукид Мухаммад (1153–1160), несмотря на болезнь, встретил свою невесту, сидя в паланкине, около своей столицы, азербайджанского города Хамадана. Иракский султан Сельджукид Тогрул I (1132–1134) вместе со своими эмирами выехал из столицы встречать свою невесту. У салыров невеста переезжала в дом жениха на верблюде, на спину которого водружали *геджебе* (имитацию салырского жилища)⁵⁴.

Свадебный пир в доме жениха. Невесту из дома её родителей перевозили, в сопровождении соответствующего эскорта, в свадебное помещение в доме жениха. Это был или специально выстроенный дворец, или здание павильонного типа. Для свадебного пира у жениха огузы ставили белый шатёр, причём «джигит, когда женился, выпускал стрелу; где падала стрела, там ставили шатёр»⁵⁵. То есть выбор места для свадебного пира в доме жениха носил ритуальный характер. Ряд современных тюркоязычных народов также устраивают свадебный пир в специальном помещении. В Азербайджане было принято, преимущественно в сельской местности, возводить *той-хана* (деревянное строение павильонного типа), стены и пол которого сплошь забирали коврами. Так было в Азербайджане и в XII веке, что отмечено у Низами Гянджеви⁵⁶. Вдоль стен расставляли столы с угощением, за которыми сидели гости. Здесь же находились профессиональные музыканты и певцы. Середина той-ханы была предоставлена в распоряжение танцоров.

Для свадебного пира великого султана Сельджукида Тогрул-бека и Саййиды, дочери халифа Аббасида ал-Каима, в Багдаде был выстроен специальный дворец. У сельджуков такие помещения и улицы города иллюминировали. Многие здания, в первую очередь дворцы, бывали украшены. Так, в 1159 году, по случаю бракосочетания иракского султана Сельджукида Мухаммада с Хатун-и Кирмани, дочерью мелика Кирманского, в столице султаната Хамадане были возведены специальные павильоны, а город иллюминирован⁵⁷.

Накануне пира в доме жениха происходит «*банний ритуал*». Так, конийский султан Сельджукид Кей-Каус I перед тем, как отправиться на свадебное торжество, посетил баню⁵⁸. У азербайджанцев до настоящего времени накануне свадебного пира в доме жениха он отправляется в компании своих дружков и музыкантов в баню. Этот ритуал называется «*бйй шамамы*» (банная церемония жениха) и сопровождается раздачей подарков.

По прибытии в свадебное помещение невесту усаживали в отдельной комнате, за занавесью, на «золотом троне», который Ибн Биби именует «треном почёта и счастья». В том же значении это выражение известно из свадебной песни жителей азербайджанского города Куба. Так, в доме невесты поют обращаясь к ней: «Поздравляем тебя, невеста, с треном и счастьем!»⁵⁹. У саларов отец невесты исполняет *орух-сёс* (величальную свадебную песню) в честь жениха и невесты. Перед невестой танцуют и поют жених с близкими друзьями⁶⁰. Отметим, в связи с этим, что Ибн ал-Ибри сообщает то, чего нет в других источниках и у других народов. Так, когда невеста великого султана Сельджукида Тогрул-бека «прибыла в его дворец, то султан и знатные тюрки встали и танцевали, как принято у них: преклоняли ко-

лени и вновь поднимались, и распевали песни по тюркскому обычаю». Это — наиболее раннее, относящееся к 1063 году, известное свидетельство о свадебных песнях и танцах у тюрок. Причём, интересно заметить, что упомянутый элемент танца сохранился до наших дней, как одна из танцевальных фигур, у многих народов Кавказа, в том числе у азербайджанцев. Не исключено, что автор этого сообщения Ибн ал-Ибри описал плавный и вместе с тем стремительный вихревой танец, известный ныне как «лезгинка», который до сего дня бытует на Кавказе.

Пир в доме жениха начинался поздно вечером и продолжался несколько дней в сопровождении музыки, танцев и песен. До настоящего времени в тюркоязычной среде Кавказа и Центральной Азии распространено сочетание танца с пением в исполнении одного лица. В связи с этим отметим, что, насколько известно, участие будущего супруга в танцах и пении перед невестой отмечено только у сельджуков. У других обычно перед невестой танцуют, причём без пения, лишь ближайшие друзья и родственники жениха.

Во время многодневного пира, продолжавшегося иногда неделю, и после него одаривания продолжались. Жених передавал подношения невесте через свою близкую родственницу. Так, великий султан Сельджукид Тогрул-бек передал на пиру своей невесте через жену халифа — Хадиджу Арслан-хатун, — которая приходилась ему племянницей, два дорогих ожерелья, золотой кубок, головное покрывало, затканное золотом и украшенное по краям жемчугом. Остальным участникам пира также были сделаны подношения, преимущественно в виде дорогой одежды⁶¹.

Смотрение или открывание лица. Во время пира в доме жениха и после его окончания невеста находилась в особом помещении, за занавесью. Характерно, что по окончании свадьбы супруг в течение нескольких дней (иногда до недели) не приближался к своей жене. Например, великий султан Сельджукид Тогрул-бек входил в комнату, где сидела на золотом троне его жена, кланялся до земли, выражая тем самым своё уважение, но не садился. Затем, молча, выходил. Так продолжалось в течение семи дней. Причём, жена не открывала своего лица. Этот обряд, как и другие особенности свадебных церемоний в тюркской среде, свидетельствует об уважении к женщине. Лишь по прошествии установленного обычаяем срока происходила церемония смотрения или открывания лица. Терминологически это означало также первую брачную ночь, которая, возможно, проходила в специальном шатре новобрачных⁶².

Временное возвращение жены в родительский дом. Иногда стороны приходили к договоренности о том, что жена после завершения пира в доме жениха возвратится на время к своим родителям, или же не будет увезена мужем из её родного города (в случае, если свадьба происходила в городе, откуда родом невеста)⁶³. Насколько это условие соблюдалось, судить трудно, так как источники говорят только о его нарушении мужем. В этом обряде сохранилось пережиточное явление: переходная стадия между матрилокальной и патрилокальной формами брачного поселения. Для классового общества характерна вторая форма — патрилокальная. Вот почему в прошлом нередки были сообщения о нарушении этого обычая мужем. Например, как сообщает Ибн ал-Ибри, когда после свадьбы Тогрул-бек «покинул Багдад, чтобы отправиться в Хорасан, то увез с собой дочь халифа, свою жену. И султан не исполнил условия, что она не покинет Багдада».

На этом брачные обряды завершались.

Отметим также другие составляющие элементы свадебного цикла. Так, музыка, танцы и пение являлись обязательными компонентами тюркского свадебного цикла.

⁵⁴ Sadruddin, 1943. С. 129; Histoire des Seldjoudides. Extrait du "Tarikhi Guzideh" d'Hamd-Allah Mustaufi. Trad. par M. Defrémercy. // JA. 1848 (далее — Histoire des Seldjoudides, 1848). Т. XII. P. 362–364; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 256.

⁵⁵ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 38, 54.

⁵⁶ Низами Гянджеви. Искендер-намэ. Баку, 1953. Ч. I (далее — Низами Гянджеви, 1953). С. 191–192; Он же. Семь кра-савиц. Баку, 1959. С. 243.

⁵⁷ Ravendi. Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur. I–II Cilt. Çeviren A. Ateş. Ankara, 1957–1960. S. 259.

⁵⁸ İbn Bibi, 1941. S. 74.

⁵⁹ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 45; Низами Гянджеви, 1953. С. 256; İbn Bibi, 1941. S. 74; Володин А. А. Трухменская степь и трухмены. // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1907. С. 238; Babayeva, 1946. S. 22.

⁶⁰ Тенишев, 1964. С. 87–90; Barhebraei, 1890. P. 241.

⁶¹ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 24.

⁶² Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 39; Barhebraei, 1890. P. 241.

⁶³ Barhebraei, 1890. P. 241; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 24.

На свадьбу приглашали профессиональных певцов и музыкантов, которые играли на кобузе, зурне и барабане. У саларов сохранился цикл лирических свадебных песен *sağyış* (плач невесты)⁶⁴. Одна из них — это плач девушки, которую выдают замуж. В ней она обращается к своим родителям с вопросом «Почему меня так рано отдаёте замуж?». В другой песне невеста просит своих подруг «Объясните моим родителям, что я еще слишком молода для замужества». Третья песня-плач невесты обращена к родителям, которым она говорит: «Мне придется трудно в доме мужа, если я не понравлюсь». Бытовала песня-плач невесты, которую обряжают для свадебного пира. Обращаясь к своим родным — отцу, матери, братьям, — она говорит: «Прошу вас, помогите мне, не оставьте и не забудьте меня после переезда в дом мужа, навещайте меня!».

Песни и величальные характерны для всех этапов свадебных церемоний. Так, Ибн Биби записал в Малой Азии XIII века формулу, которую произносили на пиршестве после заключения брачного договора:

«*Kutlu ve cocuklu olsunlar!*»

(«Пусть будут они [жених и невеста]
Счастливы и имеют детей!»)⁶⁵

В. А. Гордлевский в конце XIX века присутствовал в Малой Азии на османской свадьбе, где услышал песню со следующим, весьма схожим, рефреном:

«*Kutlu olsun, yarım, olsun!
Düğünün mübarək olsun!*»

(«Будь счастлива моя любимая,
Пусть будет благословенна твоя свадьба!»)⁶⁶

Не исключено, что обе формулы-пожелания, записанные в разное время на одной и той же территории (Малая Азия), свидетельствуют, что в XIX веке ещё сохранялись отголоски величальных свадебных песен более раннего, средневекового, времени. В Азербайджане в доме невесты певец, обращаясь к ней, поет примерно такую же величальную:

«*Gəlin, sənin taxtın mübarək olsun!
Gəlin, sənin bəxtin mübarək olsun!*»

(«Поздравляем тебя, невеста, с троном!
Поздравляем тебя, невеста, со счастьем!»)⁶⁷

Привлекает созвучие и совпадение формул, известных в Малой Азии как в XIII веке, так и в конце XIX века, а также в Азербайджане середины XX века, что позволяет говорить о преемственности, на протяжении столетий, свадебных песен и танцев и об их распространении в тех зонах, в том числе на Кавказе, где жили родственные по языку и обычаям племена тюркского круга.

Во время свадебных пиров устраивались различные игры. Обычно это были конно-спортивные состязания — джигитовка и скачки⁶⁸. Так, по случаю бракосочетания в 1172 году эмира Мелитены Абу-л-Касима и дочери владельца крепости Хисн-Зийад Кара-Арслана «все вышли, чтобы устроить игры, согласно обычаям тюрок и воинов». У кавказцев затевают различные игры или попарно танцуют. У османских турок на свадебном пиру играла музыка, устраивали танцы и игры, скачки на конях и джигитовку.

Устраивали также состязания претендентов на руку девушки. Они должны были исполнить несколько условий — найти ответы на вопросы и загадки, принять участие в различных соревнованиях. Упомянутое у огузов сказочное единоборство жениха с чудовищами являлось одной из наиболее архаичных форм героического сватовства, восходящего к древней богатырской сказке тюрко-монгольских народов. Известно было также состязание между женихом и невестой в сообразительности (диалог-состязание), в верховой езде, стрельбе из лука, борьбе. Характерно, что жених говорит: «Если эта девица одолеет меня, то среди остальных огузов моим уделом будут насмешки и обиды»⁶⁹. Для исламизированных тюрок состязания между женихом и невестой являлись архаизмом, пережитком домусульманских представлений, но эти характерные традиции продолжали существовать и в XI–XII веках. Михаил Сириец пишет, что во время свадебного пира в доме жениха устраивали конноспортивные состязания, проводившиеся «по обычаям тюрок и воинов»⁷⁰. В связи с этим интересно отметить, что такой обычай до сих пор бытует у саларов. Он сохранился в форме свадебной «верблюжьей игры», включающей предание и величальную в честь жениха и невесты⁷¹. В устройстве состязаний во время брачных церемоний своеобразно преломились условия жизни тюрок, привыкших большую часть времени проводить в седле, в постоянной готовности к сражению, в погоне за добычей или в борьбе за пастбища. Помимо показа ловкости, сноровки и сообразительности, игры несли определённую смысловую нагрузку, связанную с так называемой свадебной джигитовкой, являвшейся одним из пережитков обычая умыкания невесты. Игры и, в особенности, пляски были по своему происхождению магическими обрядами, более древними, чем классовое общество.

Специфика браков в феодальной среде. Браки, заключаемые между домами феодалов, преследовали цели, далекие от вопросов семейного быта. Приобретение союзников и богатства, власти и экономического могущества, политического влияния, участие в дележе военной добычи, в распределении материальных благ и территорий, приобретение выгодных связей и синекур, венца или земель — вот преимущественно те мотивы, которыми руководствовалась эта социальная прослойка вступающих в брак. Об этом свидетельствуют междинастические и иные формы браков как в среде самих мусульман, так и с «неверными»⁷². Например, уже из истории ранних тюрок известно, что на дочери тюркского кагана был женат Сасанид Хосров I Ануширван (531–579), который тем самым хотел «расположить его [к себе] этим родством и отвратить от себя зло с его стороны».

Халиф ал-Каим Аббасид женился на Хадидже Арслан-хатун, племяннице великого султана Сельджукида Тогрул-бека, с тем, чтобы «укрепить свои связи с сельджуками, показать недругам, что он не намерен порывать дружбы с тюрками». Этот Сельджукид, в свою оче-

⁶⁴ Тенишев, 1964. С. 32–35, 91–94.

⁶⁵ İbn Bibi, 1941. S. 73–74.

⁶⁶ Гордлевский В. А. Османская свадьба. // Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968 (далее — Гордлевский, 1968). С. 98, 109–110.

⁶⁷ Babayeva, 1946. С. 3–4, 22.

⁶⁸ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 38, 42, 44–47; Киясбеков А. Свадебные обряды Нухинского уезда. // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1902. С. 180; Гордлевский, 1968. С. 97, 100; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 699.

⁶⁹ Книга моего деда Коркуда, 1962. С. 35–38, 64–69, 72.

⁷⁰ Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 699.

⁷¹ Тенишев, 1964. М., 1964. С. 32–35, 36–37, 87–94, 137.

⁷² Barhebraei, 1890. P. 233; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 8, 26, 43, 72–73, 212; Sadruddin, 1943. S. 12–13, 57, 94, 96, 129; Histoire des Seldjoudides, 1848. T. XII. P. 352.

редь, взял в жёны дочь халифа Саййиду, чтобы, породнившись с Аббасидами, узаконить в глазах мусульманского мира как узурпацию светской власти главы имама правоверных, так и свои завоевания.

Когда великий султан Сельджукид Алп-Арслан (1063–1092) в 1064 году во главе армии направился на Южный Кавказ, местные правители, пытаясь обезопасить себя и свои владения, решили принести ему вассальную присягу и породниться с ним. Грузинский царь-христианин Баграт IV (1027–1072) признал этого Сельджукида своим сюзереном, заключил мир и отдал ему в жёны грузинскую принцессу. Свадьба была сыграна в азербайджанском городе Хамадан. Впоследствии Алп-Арслан выдал принцессу за одного из своих вельмож⁷³.

Великий султан Сельджукид Малик-шах вел переговоры с византийским императором Алексеем I Комниным (1081–1118) о заключении мирного соглашения. Одним из условий было прекращение сельджукских набегов на имперские территории, но только в том случае, если за старшего сына Малик-шаха отдадут принцессу из рода Комнинов. Император дал своё согласие на брак, но убийство в 1092 году Малик-шаха расстроило эти планы⁷⁴.

Халиф ал-Муктади Аббасид (1075–1094) имел двух жён-тюрчанок: Сару, дочь великого султана Сельджукида Алп-Арслана, и дочь его преемника — Малик-шаха. Халиф ал-Мустазхир Аббасид (1094–1118) был женат на другой дочери Малик-шаха — Хатун ал-Исмаат⁷⁵. Иракский султан Сельджукид Дауд (1131–1132) женился на своей кузине Джаухар Хатун, дочери иракского султана Сельджукида Масуда (1134–1152). Иракский султан Сельджукид Сулейман-шах (1160–1161) взял в жёны христианку — дочь грузинского царя Давида IV Строителя (1089–1125) и племянницу хорезмшаха Атсыза (1127–1156). Его преемник на султанском троне Арслан-шах был женат на дочери халифа Аббасида ал-Муктафи (1136–1160). Иракский султан Сельджукид Мухаммад I (1153–1160) был обручен с дочерью халифа Аббасида ал-Муктафи⁷⁶.

Атабек Азербайджана Шамс ад-Дин Ильдениз (1136–1176) взял в жёны вдову иракского султана Тогрула I (1132–1134) и, породнившись с династией Сельджукидов, укрепил своё положение в Иракском государстве. От неё он имел двух сыновей — Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, — приходившихся, по материнской линии, сводными братьями иракскому султану Арслан-шаху Сельджукиду. По политическим мотивам, последний иракский султан Сельджукид Тогрул II (1176–1194) в 1186 году женился на Инандж-хатун, вдове своего атабека Джахан-Пехлевана, которая была дочерью могущественного малоазиатского эмира Бек-Тимура⁷⁷.

Грузинские цари Багратиды породнились во второй половине XII века с домом иракских Сельджукидов. Так, сестра царя Георгия III (1156–1184) — принцесса Русудан — стала женой султана Арслан-шаха (1161–1176). Ширваншахи, испытав на себе реальную силу Иракского сельджукского государства и его истинных руководителей Ильденизидов, старались породниться с грозными соседями. Так, младший сын атабека Джахан-Пехлевана эмир Амиран Умар, правивший в Гяндже, был женат на дочери ширваншаха Гершаспа (1179–1225). Когда атабек Абу-Бақр Ильденизид утратил былое могущество и не мог уже сдержать военной силой набеги грузинских феодалов на свои владения, то он женился на грузинской принцессе и получил желанный мир⁷⁸.

Из истории сельджуков известен уникальный случай, когда была бита памятная золотая медаль в честь бракосочетания великого султана Сельджукида Тогрул-бека и дочери халифа Аббасида ал-Каима Саййиды⁷⁹. Её диаметр — 47 мм, вес — 23,74 г. На аверсе медали изображён халиф Аббасид ал-Каим. Круговая надпись по-арабски, почерком куфи: «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад — Посланец Аллаха. Да благословение ему Аллаха и мир ему! Ал-Каим би-амриллах, глава правоверных». На реверсе медали — изображён первый великий султан Сельджукид Тогрул-бек, на голове которого характерный для тюрок войлочный головной убор. Круговая надпись по-арабски, почерком куфи: «Могущественный султан, шаханшах, опора мира и религии Тогрул-бек. Отчеканено в Мадинат ал-Салам [Багдад] в 1063 году»⁸⁰.

Известны также некоторые обычаи, позволяющие получить более расширенное представление о свадебных обрядах тюркского цикла.

Бракосочетание с вдовой. Брачные обряды в этом случае были неполными и носили менее пышный характер. Калым за вдову выплачивали в половинном размере. Отпадали пир в доме невесты, одаривания сторон, поездка жениха за будущей женой, смотрение лица. Так, когда иракский султан Сельджукид Тогрул I взял в жёны вдову своего великого атабека Джахан-Пехлевана Ильденизида (1176–1187) — Инадж-хатун, — то за ней отправился не он сам, а его доверенные лица. Лишь после получения известия, что невеста-вдова находится около столицы султаната Хамадана, султан вместе с эмирами и их жёнами выехал за городские стены встречать её⁸¹.

Развод. Причины его были различны, в первую очередь, — отсутствие детей у супругов. Не случайно на пиру огузский хан Байундур посадил бездетных беков под чёрное знамя (чёрный цвет у доисламских тюрок — знак траура). Бездетную жену знатный тюрк отсылал в родительский дом, щедро одарив махром⁸². Дочь конийского султана Сельджукида Килидж-Арслана II (1156–1192) была замужем за владельцем Хисн-Кайфы эмиром Нур ад-Динном Артукидом. В 1181 году между султаном и его зятем произошла ссора, потому что последний решил развестись с сельджукской принцессой на основании «незаконного» повода: «из-за сатанинской любви к некой гулящей»⁸³.

Факт формального развода известен из истории атабеков Азербайджана Ильденизидов. В 1225 году хорезмшах Джалал ад-Дин (1220–1231) осадил азербайджанский город Табриз, из которого последний атабек Узбек (1210–1225) бежал. В осаждённом городе осталась его жена Меликэ-хатун, дочь иракского султана Сельджукида Тогрула II. Она согласилась сдать Табриз хорезмшаху, но при условии, что станет его супругой. Джалал ад-Дин пошёл на сделку, но для оформления брака требовался развод от первого супруга. Однако, городской кадий Кавам ад-Дин Хаддади отказался расторгнуть прежний брак, и не разрешал заключать новый. Некий же Изз ад-Дин Казвини предложил свои услуги при условии, что его назначат кадийем Табриза. Он немедленно получил этот пост и сочетал браком хорезмшаха Джалал ад-Дина и Меликэ-хатун, освободив последнюю от супружеских обязанностей в отношении её законного мужа Узбека⁸⁴.

Левират и сорорат также известны из истории тюркской феодальной верхушки, для которой этот обычай носил в большой степени политический и экономический характер. Легендарный родоначальник огузских племён Огуз-хан был женат на своих кузинах — до-

⁷³ İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 31; *Barhebraei*, 1890. P. 244; Histoire des Seldjucides, 1848. T. XI. P. 436–437.

⁷⁴ Анна Комнина. Алексиада. Ч. I. СПб., 1859. С. 303–304.

⁷⁵ *Zambaur E., de.* Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam. Hannover, 1927. Tableau «R».

⁷⁶ Ibid. Tableaux «G» et «R».

⁷⁷ *Barhebraei*, 1890. P. 233; İrak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 8, 26, 43, 72–73, 212; *Sadraddin*, 1943. S. 12–13, 57, 94, 96, 129; Histoire des Seldjucides, 1848. T. XII. P. 352.

⁷⁸ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 180, 186; Histoire de la Géorgie. Depuis l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. Ier partie. Traduit par M.-F. Brosset. St-Petersbourg., 1849. P. 395, 435.

⁷⁹ *Агаджанов С. Г.* Уникальная медаль с изображением сельджукского султана Мухаммеда Тогрул-бека. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1964. № 4; *Walker F.* A Unique Medal of the Seljuk Tugrilbeg. // Centennial Publication of American Numismatic Society. New York, 1958 (далее — *Walker*, 1958).

⁸⁰ *Walker*, 1958. P. 691–695.

⁸¹ *Sadraddin*, 1943. S. 129.

⁸² *Кононов*, 1958. С. 75–76.

⁸³ *Chronique de Michel le Syrien*, 1910. P. 725.

⁸⁴ *Рашид ад-Дин*, 1952. Кн. 2. С. 242; Recueil des Historiens des Croisades Historiens Orientaux. T. I. Paris, 1872. P. 100.

черях своих трёх дядей по отцу. У доисламских огузов после кончины отца старший сын женился на его вдове в случае, если она не была его матерью. Иракский султан Сельджукид Сулейман-шах (1160–1161) вступил в брак с вдовой своего брата, которая была дочерью грузинского царя. Другой иракский Сельджукид Махмуд I был женат на двух своих кузинах, дочерях великого султана Сельджукида Санджара. В 1149 году владетель Мосула Сейф ад-Дин Зангид женился на дочери побежденного им владетеля Мардина Тимур-таша. После кончины этого Зангида его брат Кутб ад-Дин Маудуд взял в жёны его вдову. Атабек Кызыл-Арслан Ильденизид (1187–1191) взял в жёны вдову своего брата Джакхан-Пехлеван — Инандж-хатун⁸⁵.

Многожёнство. Источники свидетельствуют, что у тюрков уже в доисламский период существовало, освященное обычаями, многожёнство. Так, у родоначальника огузских племён Огуз-хана были три жены. По несколько жён имели великие, а также иракские и конийские султаны Сельджукиды. Гарем являлся составной частью султанского дворца. Кроме «законных» четырёх жён, появились наложницы, дети от которых считались законнорожденными и наследовали не только имущество, но и трон. Например, великий атабек Азербайджана Джахан-Пехлеван Ильденизид имел двух сыновей — Кутлуг-Инанджа и Амиран Умара — от законной жены и еще двух — Абу-Бакра и Узбека — от наложниц. Все четверо считались равноправными и законными наследниками. Более того, именно Абу-Бакр (1195–1210) и Узбек (1210–1225) стали атабеками и главами Азербайджанского султаната, в то время как Кутлуг-Инандж и Амиран Умар этих высоких постов не удостоились⁸⁶.

Обычай многожёнства вёл к тому, что в тюркской среде супружеская измена не была характерным явлением. Михаил Сириец сообщает: «тюрки мудры и умелы в устройстве своей жизни. Избегают супружеской измены, и блуда у них мало. Потому что нет у них закона, запрещающего второй и третий брак, как и многожёнство». Супругов за неверность карали⁸⁷. Неверную жену ожидало изгнание из дома мужа или суровое наказание. Так, по распоряжению хана, неверную жену привязали за шею, руки и ноги к хвостам пяти диких кобылиц, затем остриями копий стали покалывать задние ноги животных. Они долго кружились на месте и, наконец, разорвали женщину на части. Не избегал наказания и неверный муж: «Если относительно кого-либо откроют они [тюрки] какое-нибудь дело, то разрывают его на две половины, а именно: сближают верхушки двух деревьев, и потом привязывают его к ветвям и отпускают их, и находящийся при выпрямлении их разрывается».

Уважение к женщине. Вместе с тем тюркские свадебные обычаи свидетельствуют о том уважении, которым, по традиции, пользовалась женщина в тюркской среде. В. В. Бартольд отметил влияние женщин, которые у кочевников занимали другое положение, нежели у осёдлых народов. Это было связано с тем, что в скотоводческом хозяйстве они играли в ряде случаев большую роль⁸⁸. Об уважении к женщине свидетельствует «Книга моего деда Коркуда», где, кстати, нет ни единого упоминания о многожёнстве в огузской среде.

Домусульманский тюркский брачный церемониал. Описанные выше свадебные обряды и связанные с ними обычаи были присущи исламизированным тюркам. Однако, известны и те, что им предшествовали, и в определённой степени, в общих чертах, сохранились у огузских племён и в XI–XII веках. Например, как сообщает современник, «обычаи

женильбы у них таковы: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, или дочь его, или его сестру, или кого-либо из тех, кем он распоряжается, за столько-то и столько-то хорезмийских одежд, и если он заплатит это, то он ведёт её к себе. Иногда калымом бывают верблюдицы, или лошади, или что-либо другое. И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым, на который согласилась её „опекун“. А если он уплатил это ему, то идёт, не стесняясь, пока не войдет в жилище, в котором она находится, и не возьмет её в присутствии отца, её матери и её братьев, и они ему в этом не препятствуют. А если умрет человек, имеющий жену и сыновей, то старший из его сыновей женится на его жене, если она не была его матерью»⁸⁹.

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать, что, действительно, «на протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам»⁹⁰. Именно тогда у этих народов определились оптимальные формы хозяйственной деятельности, в основном сложился комплекс материальной культуры, приобрели известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Весь этот этнокультурный комплекс подтверждается сведениями сирийских источников о верованиях, обычаях и обрядах тюрков VII–XII веков.

⁸⁵ Ковалевский, 1956. С. 126, 129; Рашид ад-Дин, 1952. Кн. 1. С. 82; Кононов, 1958. С. 41; Barhebraei, 1890. P. 252, 317; Irak ve Horasan Selçukluları Tarihi, 1943. S. 144, 212; Histoire des Seldjoudes, 1848. T. XII. P. 344; T. XIII. P. 19.

⁸⁶ Рашид ад-Дин, 1952. Кн. 1. С. 83; Кононов, 1958. С. 41; Ibn Bibi, 1941. S. 74; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 568; Barhebraei, 1890. P. 244; Histoire des Seldjoudes, 1848. T. XI. P. 436; T. XII. P. 368; Sadruddin, 1943. S. 121.

⁸⁷ Кононов, 1958. С. 64; Ковалевский, 1956. С. 126; Chronique de Michel le Syrien, 1910. P. 568.

⁸⁸ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 372.

⁸⁹ Ковалевский, 1956. С. 126.

⁹⁰ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2004. С. 8.

Заключение

Тюрки стали известны за пределами своей исторической Родины задолго до сельджуков. Подтверждения сказанному содержатся в многочисленных синхронных источниках. Здесь отметим еще, что в хадисах о поступках и высказываниях Пророка Мухаммада подчёркивается идея тюркской гегемонии в мировой истории: «Они [тюрки] трижды дойдут до Аравийского полуострова. В период первых завоеваний те, кому удастся убежать, спасутся, и во второй раз те, кто не попадутся, спасут свои жизни, но в третий раз это никому не удастся, [завоевание закончится]»¹.

Приведенный пассаж относится к эпохе ранних тюрков в Центральной и Передней Азии. Уже тогда они стали известны и на Кавказе. Это были гунны и савиры, болгары и хазары². Вот почему история взаимоотношений Кавказа с сельджуками является своеобразной тюркской эстафетой, перекинутой в эпоху развитого Средневековья. Тем самым подтверждается, что обособленного региона или страны не существует. История одной страны или народа всегда связана с судьбами соседей. Значит, невозможно обособиться от широкой исторической среды, в которую та или иная страна, тот или иной народ органически включены. В случае с Кавказом это — связанные с тюркским миром многовековые и многовекторные реалии региона.

Объективно, Сельджукская держава, в состав которой вошли многие страны Центральной и Передней Азии, в том числе почти весь Кавказ, способствовала их эволюции. При этом немаловажное значение имело объединение в рамках одного и того же обширного государства народов, различных по своему политическому, экономическому, социальному уровню развития, по этническому составу и языкам, по конфессии и культуре. Стали реальностью столь плодотворные по своим последствиям зоны контакта и синтезного развития, что обеспечило воплощение идеи и принципов континуитета, присущего средневековому Востоку, в том числе Кавказу. Тогда сложились условия для политического, экономического и культурного развития и расцвета местных обществ в рамках обширной Сельджукской империи.

Вообще, период XI–XII веков является переломным в средневековой истории мусульманского Востока, в том числе Кавказа. Это подтверждается:

- изменениями в политической, экономической и социальной жизни;
- расцветом городов и ремесленного производства;
- заметной ролью денежной формы феодальной ренты;
- новым этапом в денежной системе;
- доминированием в поземельных отношениях частной собственности;
- господством принципа федерализма в государственном устройстве.

Значит, действительно, судьба каждого народа или страны перманентно связана с соседями. В этом проявляется общее и особенное в жизни любого социума. Вот почему историю Кавказа XI–XII веков можно правильно понять и оценить лишь при изучении диалектического взаимодействия объективного процесса и субъективных факторов.

Поэтому судьба стран и народов региона в исследуемый период, как и их отношений с сельджуками, неотделима от процесса, в который, наряду с ними, оказались вовлечены также другие страны и народы. Вот почему история, сохраняя локальный характер, одновременно выходит за рамки одной страны или одного региона. Ибо, как бы ни была обособлена и специфична судьба каждой кавказской страны, она находилась в определённой связи и зависимости от типологических явлений, характерных для мусульманского мира в Средневековье. Вместе с тем, хотя в XI–XII веках внешние связи Кавказа были многогранными, характерными являлись взаимоотношения с тюркским миром, в первую очередь и преимущественно с сельджуками. Этот аспект прослеживается по всем важным векторам — политическому, социально-экономическому, по феодальным отношениям, по этнической истории. В связи со сказанным отметим характерные для XI–XII веков черты эволюции Кавказского региона.

Политическая история Кавказа прошла в XI–XII веках несколько этапов, каждый из которых характерен своими особенностями. *На первом этапе* — первая четверть XI века — огузы воспринимались местными государствами как военная сила, которую можно использовать для узколокальных целей, или от которой следовало защищаться. *На втором этапе* — вторая и третья четверти того же столетия — сельджуки овладели обширными территориями в Центральной и Передней Азии и создали Сельджукскую державу. Это изменило характер отношений завоевателей с местными государствами и народами. Произошел переход от режима военной оккупации к упорядоченному военно-политическому и социально-экономическому управлению завоёванными странами. *На третьем этапе* — последняя четверть XI века, — наряду с Сельджукской державой, появились новые политические структуры. Одновременно на втором и третьем этапах происходила относительно интенсивная миграция тюркских племён и усиление процесса освоения ими новых территорий. Вместе с тем третий этап характерен кризисом и дроблением Сельджукской державы. *Четвёртый этап* — XII век — ознаменовался появлением самостоятельных государств. Это были дочерние сельджукские султанаты, а также многочисленные тюркские эмираты и атабекства. Одновременно местные государства вновь обрели независимость, активизировали свою внешнеполитическую деятельность. Наиболее заметную роль в истории Кавказа в XII веке сыграли сперва Иракский султанат Сельджукидов, а затем Азербайджанский султанат Ильденизидов. Продолжалось распространение тюркских племён, которые осели на новых землях, адаптировались к местным условиям.

Социально-экономическая история Кавказа XI–XII веков свидетельствует о хозяйственном подъёме. Развивались сельское хозяйство и ремесло, местные и внешние торговые связи, товарно-денежные отношения. Характерной стала дальнейшая эволюция частной собственности. Город по-прежнему оставался центром хозяйственной и административной, политической, культурной и идеологической жизни. Кавказ оказался вовлечен в общий поток развития, был составной частью феодальной системы Передней Азии. Всё это оказалось, в первую очередь, следствием внутреннего развития стран региона.

В связи со сказанным можно объективно оценить характер социально-экономической жизни Кавказа исследуемого периода на основании сопоставления соответствующих равномасштабных синхронных данных о Востоке и Западе XI–XII веков. Они свидетельствуют о более «рациональной» эволюции Кавказа в сельджукский период и в рамках восточного феодализма (см. таблицу)³:

¹ Цит. по: Ахундова Н. Ч. Тюрки в системе государственного управления Арабского халифата: VIII — середина X века. Баку, 2004 (далее — Ахундова, 2004). С. 42.

² Ахундова Н. Ч., Гусейн-заде Р. А. Кавказ и великие тюркские империи. Баку, 2012.

³ Качановский О. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Конрад Н. И. Запад и Восток. Сборник статей. М., 1972; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. М., 1966; Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964; Киндер Г., Хильгеман В. Всемирная история. М., 2003.

Состояние Востока, в том числе Кавказа, и Запада в XI–XII веках

Восток	Запад
Расцвет феодального общества. Нет острокризисного состояния в экономической и социальной областях, скорее кризис роста феодализма	К концу XI века — кризис в экономической и социальной областях. Один из выходов из создавшегося положения — крестовые походы на Восток
Товарное производство, рыночные отношения, относительно ёмкий местный рынок	Господство натурального хозяйства, слабые связи внутри европейских стран
Товарные отношения между странами Центральной и Передней Азией, а также с Русью. Вывоз местной продукции	Налаживание внутриевропейских торговых связей. Слабые торговые связи с регионами за пределами Европы
Дальнейший рост в XI веке и расцвет в XII веке феодального города, средоточия экономической, политической, культурной и идеологической жизни	Появление и оформление в XI веке феодального города
Цеховая система ремесленного производства и купеческие объединения (товарищества) в городе	Возникновение цеховой системы как формы организации городского ремесла
Развитые денежно-монетная система и денежное обращение. Золотой, серебряный и медный чекан. Золото — всеобщий эквивалент в товарно-денежных операциях	Возникновение собственного европейского средневекового денежного хозяйства в широких масштабах. Серебряный и медный чекан
Денежное обращение не обеспечено достаточным количеством благородного металла (серебра). Серебряный кризис, как один из важных показателей уровня развития товарно-денежных отношений. Медная монета — основа внутригосударственного денежного обращения	Доминирование натуральной и отработочной форм феодальной ренты как следствие слабости города, местного рынка, торгово-транзитных связей
Заметная роль денежной ренты как следствие расцвета города — центра ремесла и торговли, основного покупателя сельскохозяйственной продукции; как следствие существования местного рынка и широких торгово-транзитных связей	Господство натуральной и отработочной ренты. Денежное обращение не испытывает недостатка в благородном металле
Прикрепление крестьян к своим обязанностям, а не к земле. Сохранение прослойки мелких частных собственников земли — крестьян	Одна из причин социально-экономического кризиса — закрепощение крестьянства, его интенсивное обезземливание
Расцвет феодальной культуры, её распространение среди различных слоёв населения	Возникновение феодальной культуры

Таким образом, как можно судить по нашему изложению и вышеприведённой таблице, социально-экономическая жизнь Кавказа в XI–XII веках не носила замкнутого натурального характера, а тем более не являлась кочевой. Экономический базис достиг достаточно высокого уровня развития. Регион был вовлечён в общий поток интенсивной эволюции восточного средневекового сообщества.

Феодальные отношения на Кавказе XI–XII веков также претерпели характерную трансформацию. Появилась новая группа феодалов из числа тюркских эмиров, что привело, как и само сельджукское завоевание, к известному перераспределению земельного фонда и определённым изменениям в поземельных отношениях. Произошли перемены в системе сюзеренитета и вассалитета, в частности на монете местных государств появились имена султанов Сельджукидов, местные династии должны были нести определённые обязательства перед своими сюзеренами-султанами. Появились новые феодальные институты, в том числе атабеков и уджей. Это был период полного развития на Востоке феодальной собственности и феодальной иерархии.

Этническая история Кавказа XI–XII веков также отмечена важными изменениями. Письменные источники и топонимика:

- позволяют установить роль и значение тюрков в истории региона;
- выявить период их сравнительно массовой инфильтрации и оседания здесь;
- выяснить, какие это были тюркские племена, когда и по каким маршрутам они проходили на Кавказ и где обосновались;
- к какому времени следует отнести превращение языков тюркской семьи в основное средство общения определённой части автохтонов.

Тюркизация Кавказа была длительным процессом, который начался за несколько столетий до XI–XII веков⁴. Тюркские племена в Передней Азии, в том числе в Кавказском регионе, были известны задолго до сельджуков, уже с первых веков новой эры⁵. На это указывают археологические, исторические, языковые, этнические, этнографические, эпиграфические и топонимические артефакты. Однако, как нам представляется, ранняя тюркская инфильтрация на Кавказ ещё не предопределяла важных этно-лингвистических перемен в жизни местного населения. Хотя уже в IV–X веках тюркоязычная прослойка в Передней Азии была довольно известной и играла заметную роль не только на Кавказе. Так, во времена Ассирийской, Мидийской, Ахеменидской и Сасанидской империй в Передней Азии уже знали о тюрках и привлекали их на военную службу в качестве наёмников. В «Хронике» Михаила Сирийца сказано: «Когда внешние цари нуждались в них, они выводили столько тюрков, сколько хотели иметь с собой в войне против врагов. Потом они возвращали тюрков в их страну [в Центральной Азии]. Поэтому цари персов, мидян и ассирийцев много раз нанимали тюрков, которые поднимались, распространялись и захватывали [для них] территории, а затем возвращались [в свои земли]». У Михаила Сирийца говорится еще, что сирийский автор VII века «почтенный мар Яков Эдесский сообщил, что об этом народе тюрков говорил пророк Йезекииль: „Они — Гог и Магог, которые появились при персидском царе Камбисе I [600–559 годы до н.э.]”». Он же сообщает: «Сохранилось персидское предание о времени гибели Сасанидского царства. Там сказано: последний царь Йездигерд III [Сасанид, 632–651 годы], бежавший от арабов, укрылся в городе тюрков Мару [ныне Мерв в Туркменистане], тюрком же был убит там, на мельнице».

В связи с Византийской империей и тюрками у Михаила Сирийца сказано, со ссылкой на сирийского автора VI века Иоанна Асийского: «В седьмой год [правления] ромейского царя [византийского императора] Юстина [571 год н.э.] направил он послов к народу тюрков. Они возвратились через три года и рассказали, что видели бесчисленный, как саранча, народ; у них девять царей. Увидел тюркский царь ромейских послов, пришедших к нему, и заплакал. Когда спросили его, по какой причине плачет, он ответил: „От наших предков мы знаем, что, когда придут к нам послы от царей, которые на западе, наступит время, чтобы мы двинулись по всей земле и опустошили её”».

В XI–XII веках, тюрки уже занимали твёрдые позиции среди элиты господствующего класса Византийской империи. Это были знатные тюркские роды — Алакасеи, Аксухи, Аплесфары, Аспиеты, Камицы, Караджи, Карамалы, Маниаки, Тарханиоты, Татикии, Ураны, Хасаны, Циты⁶.

Тюрки были известны в Арабском халифате уже со времени его создания в VII веке⁷. У халифов Омейядов и Аббасидов были тюркские военачальники и тюркская армия⁸. У Михаила Сирийца читаем: «Во времена арабов, которые воцарились после персов, Дионисий

⁴ Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985 (далее — Джафаров, 1985). С. 3.

⁵ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941. С. 80, 165–167; Гусейнов Р. А. О тюрках IV–VI веков в зоне Кавказской Албании. // Вопросы истории Кавказской Албании». Баку, 1962; Джафаров, 1985. Гл. I; История народов Северного Кавказа. С древнейших времён до конца XVIII века. М., 1988 (далее — История народов Северного Кавказа, 1988). Гл. V и VI.

⁶ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избранные сочинения. Т. I. М., 1960. С. 49; Кандан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII веков. М., 1974. С. 116–121; Moravcsik G. Byzantinoturcica. 2 Aufl. Bd. I–II. Berlin, 1958.

⁷ Ахундова, 2004; Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966; Плетнева С. Н. Хазары. М., 1986; Артамонов М. И. История хазар. Изд. 2-е. СПб., 2001; Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана. Махачкала, 1996. Разд. II. Гл. 1, 2, 5; Фёдоров Л. А., Фёдоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978; Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993; Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994; История Азербайджана. Баку, 1995. С. 399–400; История народов Северного Кавказа, 1988. С. 91, 93–98, 100, 104, 116–119, 127, 133.

⁸ Ахундова, 2004. Гл. III, § 3; Spuler B. The Muslim World. Part I. The Age of Calips. Leiden, 1960. P. 62.

Телл-Махрский [сирийский автор XI века] упоминает в своей „Истории“, что, когда поднялся арабский царь [халиф] Абу Исхак [ал-Мутасим Аббасид, 833–842 годы] против города Амориума [в Малой Азии], то четыре тысячи тюрок взял на войну». Однако при Аббасидах же тюрки стали представлять особую опасность для Халифата. Так, в VIII веке шла 100-летняя арабо-хазарская война из-за Кавказа, самая длительная в истории раннего Средневековья. Тогда же, при Аббасидах, тюрки стали фактическими руководителями Халифата. Наиболее «прославился» тюркский эмир и всесильный временщик Басасири при халифе ал-Каиме Аббасиде (1031–1075). Поэтому в 1055 году этот халиф обратился за помощью к великому султану Сельджукиду Тогрул-беку, так как Басасири вознамерился примкнуть к конфессиональным и политическим соперникам Аббасидов-суннитов — египетским халифам-шиитам Фатимидам. Мятежник выдворил халифа из его столицы и держал под стражей, а Багдад предал грабежу. Тогрул-бек ликвидировал мятеж, но Аббасиды взамен одних тюрок получили других⁹. Поэтому сирийский автор, рассказавший об этом знаменитом событии в истории периода, счел нужным подчеркнуть, что сельджуки — истинные хозяева мира ислама, и «прекратилась из-за них власть [халифа Аббасида] над многими»¹⁰.

Таким образом, процесс усиления тюркского элемента на Кавказе, как вообще в Центральной и, особенно, в Передней Азии, происходил постепенно, поэтапно, по мере расширения и укрепления внешних контактов региона и миграций тюркских племён. Начавшись при гуннах, этот процесс набирал силу при булгарах, сабирах, хазарах и огузах. Особую значимость он приобрёл при сельджуках, о чем можно судить по пассажиру из «Хроники» Михаила Сирийца: «Когда арабы ослабели и греки воцарились во многих местах, то арабы были вынуждены призвать [в XI веке] на помощь тюрок. Тюрки пошли с арабами в качестве подчинённых, а не господ. Они повсюду вели себя мужественно и возвращались с победой. Они захватили и увезли в свою страну богатства тех мест и возбудили многих отправиться с ними, чтобы поселиться в новой земле». В постсельджукский период процесс тюркизации продолжался, вплоть до конца эпохи Средневековья. Поэтому можно констатировать, что как для Кавказа, так и для Передней Азии тюркская доминанта приходится на IV–XVIII века.

Важную, этапную роль в языковой тюркизации Кавказского региона тюрки стали играть, начиная с XI–XII веков, когда фиксировано широкое проникновение на Кавказ огузских и ряда других тюркских племён, то есть в период существования Сельджукской империи¹¹. Не менее важно отметить, что при Ильденизидах (1136–1225) значение тюркской доминанты на Кавказе усилилось. До XI века тюрки не играли определяющей роли в судьбах Кавказа. Если даже исходить из презумпции, что часть автохтонов издревле являлась тюркоязычной, то и в таком случае не теряет значения вывод о том, что эпоха доминирования тюрок в Кавказском регионе, начинается с периода развитого Средневековья. Причём в тех зонах, что оказались в составе Сельджукской империи и Ильденизидского государства, то есть на Южном и, частично, Северном Кавказе (преимущественно в Южном Дагестане).

Сельджукское завоевание и временное господство коренным образом отличались от предыдущих инфильтраций тюркских племён на Кавказ, что привело к разительным переменам в этноязыковой истории части автохтонов. Это стало результатом впервые последовательного включения значительной части региона в состав сперва, в XI веке, Сельджукской державы, затем, в XII веке, Азербайджанского султаната Ильденизидов.

С этими эпохальными событиями связано важное обстоятельство. В отличие от предыдущих тюркских волн — гуннской, болгарской, сабирской и хазарской, — тюрки в XI–XII веках переселились на Кавказ в относительно массовом количестве.

По этой причине как большинство тюркских этнопонимов и гидронимов, так и этнонимов на Кавказе связано с сельджукской волной¹². Широкое распространение языков тюркской семьи в Кавказском регионе именно в XI–XII столетиях связано с двумя знаковыми факторами. Во-первых, с политической составляющей — существованием двух обширных государств — сперва Сельджукского, следом Ильденизидского. Во-вторых, с общей конфессиональной составляющей — доминированием ислама.

В результате, на Кавказе оказались фиксированы следующие тюркские этнопонимы, топонимы и гидронимы досельджукского и сельджукского времени, а также этносы, принадлежащие к тюркской языковой семье¹³.

— Этнопонимы и гидронимы: Амерлу (Эймюр), Афшар, Байан-ата, Байандур, Байандурлы, Болгаргёй-тепе, Болгар-кенд, Болгару-чай, Байат, Байат-агбулаг, Байат-синджан, Байат-узун-кишлаг, Бекдаллы, Бейдалу, Игдыр, Игдыр-нова, Канглы, Кипчак, Кипчак-чай, Огузер, Огузлы, Огуз-тау, Хазар-юрт, Халадж, Чарухчи.

— Этнонимы: агач-эри, афшар, байат, байундур, бектили, болгар, игдыр, йайырлы, йивэ, канглы, кара-бюлюк, карлук, кипчак, кынык, огуз, печенег, салур, тутырга, тюкер, хазар, халадж, чарук, чебни, чувалдар, эймюр.

— Этносы тюркской языковой семьи на Кавказе¹⁴. На Северном: ахыска, балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, трухмены (туркмены) — мусульмане, языки огузо-карлуко-кипчакского круга. На Южном: азербайджанцы, ахыска, турки, туркмены — мусульмане, языки того же огузо-карлуко-кипчакского круга.

— На Кавказе в XXI столетии известны следующие народы, говорящие на языках тюркской семьи: азербайджанцы, ахыска, балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, татары, трухмены (туркмены), турки¹⁵.

В связи с этнической историей Кавказа и с нашей темой подчеркнём следующее весьма важное и знаковое обстоятельство. Языки тюркской семьи, на которых говорят в Кавказском регионе, принадлежат к огузо-карлуко-кипчакскому кругу¹⁶. То есть они связаны с огузами, карлуками и кипчаками, которые в истории Южного Кавказа появляются только в XI–XII веках. Поэтому они не могли получить ранее здесь широкого распространения. Ибо, во-первых, начальный этап распространения языков этого круга связан с огузами, которые стали известны в истории Южного Кавказа только с начала XI века. Первые огузские рейды в этот регион датируются 1010–1015 годами¹⁷. Во-вторых, сельджуки стали известны на Южном Кавказе в том же столетии, но несколько десятилетий спустя, когда началось сельджукское завоевательное и миграционное движение из Центральной Азии на западном направлении. В их движении участвовали как огузские, так и другие тюркские племена

¹² Гусейнов Р. А. Тюркские этнические группы XI–XII веков в Закавказье. // ТС-1972. М., 1973; Он же. Оузы, кипчак и Азербайджан в XI–XII веках. // Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. 27–29 сентября 1976 года. Алма-Ата, 1980.

¹³ Пагирев П. Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913; История народов Северного Кавказа, 1988. Указатель этнических названий; Рашид ад-Дин. Джамии ат-таварих. Т. I. Кн. I. М.—Л., 1952. С. 76, 83–95, 87–90, 146, 151; Книга моего деда Коркуда. / Перевод, вступительная статья и комментарий академика В. В. Бартольда. М.—Л., 1962. С. 11, 30, 53, 58, 78, 79, 101–102, 105; Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958. С. 50–54; Mahmud Kasgari. Divan-i Lugat-it-Turk Tercumesi. I. Cilt. Ankara, 1939. S. 55–58.

¹⁴ Баснаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960 (далее — Баснаков, 1960); Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998 (далее — Народы и религии мира, 1998).

¹⁵ Народы Кавказа. Этнографические очерки. Т. II. М., 1962; Народы и религии мира, 1998.

¹⁶ Баснаков, 1960. Сводная таблица.

¹⁷ Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н. К истории тюркских набегов на Армению в XI веке. // ПС. 1965. Вып. 13 (76).

⁹ Aksarayi. Musamerat ul-Ahbar ve Musayerat ul-Ahyar. Ankara, 1943. S. 110; Barhebraei G. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890. P. 232.

¹⁰ Anonymi Auctoris. Chronicon ad A.C. 1234 pertinens. Pars posterior. Parisiis, 1916. P. 46.

¹¹ Заходер Б. Н. Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII века. М., 1940. С. 5; Sumer F. Oguzlar (Turkmenler). Ankara, 1967; Turan O. Selcuklular Tarihi ve Turk-Islam Medeniyeti. Ankara, 1965. S. 189.

на. В-третьих, кипчаки, уже до сельджукского периода обосновавшиеся на Северном Кавказе, на Южном Кавказе в относительно массовом количестве появились в XII веке. Тогда Багратиды переселили в Грузию несколько десятков тысяч кипчаков, составивших костяк царского войска. Значительное их количество появилось в Азербайджане при Ильденизидах, которые сами были родом из кипчаков. Таким образом, широкое распространение языков огузо-карлуко-кипчакской группы на Южном Кавказе связано с появлением на политической карте обширной Сельджукской империи, в составе которой оказались многие страны и народы Центральной и Передней Азии, в том числе Кавказа. А также — с Ильденизидами, которые доминировали на Южном Кавказе. Именно тогда, наряду с широким завоевательным сельджукским движением, главный вектор которого пролегал из Центральной Азии на западном направлении, шла относительно массовая миграция тюркских племён, как огузских, так и ряда других, участвовавших в этом процессе. Иными словами, тюркские языки огузо-карлуко-кипчакского круга стали известны на Южном Кавказе в XI–XII веках. Это стало следствием сельджукского завоевания и относительно массовой миграции тюрков огузо-кипчакского круга, а также включения стран и народов Южного Кавказа, и частично — Северного, в состав Сельджукской империи и Азербайджанского султаната Ильденизидов.

Таким образом, история Кавказа в связи с сельджуками подтверждает, что период XI–XII веков стал одним из этапов поступательной и непрерывной эволюции местных обществ. В эти столетия Кавказский регион был вовлечен в общий поток социально-экономического, политического и культурно-конфессионального развития средневекового сообщества и являлся составной частью мировой феодальной системы, а его страны и народы внесли достойную лепту в мировую историю.

Приложения

Из «Хроники» Михаила Сирийца

Книга XIV «Хроники» сирийского автора XII века Михаила Сирийца излагает события, связанные с огузами, которые дважды громко заявили о себе в мировой истории. Первый раз в раннем Средневековье, когда они в VII веке впервые упомянуты в Орхоно-Енисейских надписях. Второй — когда приняли участие в создании, возвышении и расширении Сельджукской империи, с судьбами которой связана история Кавказа XI–XII веков. Заключительные строки сообщения Михаила Сирийца свидетельствуют о процессе создания этого обширного государства и воцарении первого великого султана Сельджукида Тогрул-бека (1038–1063), носившего дарованный ему халифом ал-Каимом мусульманский титул Рукн ад-Дин (Столп веры). Ниже следует перевод книги XIV «Хроники» Михаила Сирийца¹.

«Ввиду того, что в это время [XI век] начали тюрки [сельджуки] воцаряться и захватили города и земли, мы посвящаем им эту книгу XIV.

Глава первая. Кто такие тюрки, откуда они и в какой стороне обитают. Народ тюрков — из потомков Йафета. Они — сыны Магога. Как написал великий Моисей: „Магог — сын Йафета, сына Ноя“. От него произошел и увеличился в этой земле большой и сильный народ. Почтенный мар Яков Эдесский [сирийский автор VII века] сообщил, что об этом народе тюрков говорил пророк Йезекииль: „Они — Гог и Магог, которые появились при персидском царе Камбисе [I, 600–559 годы до н. э.]“. У Иоанна Асийского [сирийский автор VI века] говорится: „В седьмой год [правления] ромейского царя [византийского императора] Юстина [571 год] направил он послов к народу тюрков. Они возвратились через три года и рассказали, что видели бесчисленный, как саранча, народ; у них девять царей. Увидел тюркский царь ромейских послов, пришедших к нему, и заплакал. Когда спросили его, по какой причине плачет, он ответил: «От наших предков мы знаем, что, когда придут к нам послы от царей, которые на западе, наступит время, чтобы мы двинулись по всей земле и опустошили её»“.

Сохранилось персидское предание о времени гибели Сасанидского царства. Там сказано: последний царь Йездигерд III [632–651 годы], бежавший от арабов, укрылся в городе тюрков Мару [ныне Мерв в Туркменистане], тюрком же был убит там, на мельнице. Во времена арабов, которые воцарились после персов, Дионисий Телл-Махрский [сирийский автор XI века] упоминает в своей „Истории“, что, когда поднялся арабский царь [халиф] Абу Исхак [ал-Мутасим Аббасид, 833–842 годы] против города Амориума [в Малой Азии], то четыре тысячи тюрков взял на войну.

Глава вторая. О нравах тюрков. Земля [Центральная Азия], где обитают тюрки, которые есть Гог и Магог, находится на северо-востоке [от Малой Азии]. Это мы знаем не только из сказанного пророками, но и потому, что слышали и видели мы и наши предшественники. [Там] они собирались, вышли и продолжают выходить постоянно. Они жили на пространстве от края востока, где восходит солнце, до северных пределов и западного края. Об этой земле

¹ Chronique de Michel le Syrien. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910. T. IV. P. 566–571. В скобках — наши пояснения.

говорится, что она окружена непроходимыми горами. Только в двух местах имеются проходы, через которые могут выйти те, кто там обитает, и войти те, кто пожелает.

Один из этих проходов в восточной стороне, далеко на восток от Ирана [в Центральной Азии]; другой — на севере, там есть укрепления [Дербендские], построенные по повелению Александра Великого. Он приказал возвести их, чтобы обманом народы, живущие там, не вышли. До ворот [в Центральной Азии] — тяжёлый двухдневный путь. В конце его находится крепость, и при ней стража, чтобы весь этот многочисленный варварский народ не вышел. Во времена древние и предшествующие нам цари народов, обитавших на востоке, поставили там воинов. Во времена царства арабов [Арабского халифата], которые воцарились после предыдущих, проход на востоке охраняли тюрки, которые собрались и вышли оттуда, и жили в земле Маргианы (историческая область в Туркменистане, с центром в Мерве). Ромейский царь [византийский император] Тиверий [II, 578–582 годы] отправил послов к царю тюрков, который спросил: „Правда ли, что ромеи находятся под властью персов?“ На это ему ответили: „Нет, не находятся, но персы неоднократно пребывали под властью ромеев, а ромейский царь Траян [98–117 годы] воздвиг свою статую в персидской земле и принудил [персов] почитать её“. Когда услышал царь тюрков об этом, то изгнал персов из Маргианы [ныне Туркменистан], ибо они лгали ему.

Известно, что тюрки выходили из той внутренней земли, в которой жили за горами, называемыми „грудями земли“.

Есть у тюрков достоинства. Они — верные, простые, бесхитростные; мудрые и умелые в устройстве своей жизни. Они избегают супружеской измены, и блуда у них мало, потому что нет закона, запрещающего второй и третий браки, как и многоженства. Однако нет у тюрков знания (то есть системной религии). Они непривычны к изготовлению одежды из льна и виссона (греч. тонкое льняное полотно). Свою одежду и жилища изготавливают из овечьей и козьей шерсти.

Особенно велика у них способность подчинять себе зверей и животных. Когда множество овец, быков и коней находится в их лагере, они бесшумно останавливаются либо идут вперёд. И это происходит по „команде“. Удивительна способность тюрков покорять животных и зверей.

Тюрки молчаливы и не любят многословия. Исповедуют единого небесного Бога, но без понимания, потому что они этот видимый небесный свод почитают за божество.

Глава третья. Как тюрки начали выходить из внутренней земли, где жили. Таким образом, земля тюрков окружена горами, которые именуют „грудями земли“. Они могли выходить оттуда только через два прохода.

Когда внешние цари нуждались в них, они выводили столько тюрков, сколько хотели иметь с собой в войне против врагов. Потом они возвращали тюрков в их страну. Поэтому цари персов, мидян и ассирийцев много раз нанимали тюрков, которые поднимались, распространялись и захватывали территории, а затем возвращались.

Глава четвёртая. О последнем нашествии тюрков, в результате которого они воцарились в Иране, Ассирии, Месопотамии, Сирии, Палестине, Киликии и Египте, вплоть до [Средиземного] моря. Когда воцарились арабы, то они истребили язычников-персов, а также греков, которые преследовали христиан. Арабское царство [Халифат] блистало до времени, пока правили праведные цари [первые четыре халифа: Абу-Бакр, 632–634 годы; Омар, 634–644 годы; Осман, 644–656 годы; Али, 656–661 годы].

После многолетнего царствования они [арабы] лишились божественной благодати. Вновь возвысились греки, которые возобновили прежние нравы. Бог разгневался на них и послал тюрков в их второе нашествие, которое произошло следующим образом.

Когда арабы ослабели и греки воцарились во многих местах, то арабы были вынуждены призвать [в XI веке] на помощь тюрков. Тюрки пошли с арабами в качестве подчинённых,

а не господ. Они повсюду вели себя мужественно и возвращались с победой. Они захватили и увезли в свою страну богатства тех мест и возбудили многих отправиться с ними, чтобы поселиться в новой земле.

Когда народ тюрков [сельджуки] вырвался и вышел из гор, то они покрыли всю землю, и даже стеснили тюрков, вышедших ранее. Это случилось потому, что земля не была в состоянии вместить и нести всех. Предыдущие были оттеснены дальше, на запад.

Когда тюрки начали передвижение, то увидели того, кто был проводником у прежних и походил на собаку [речь о сивом волке — *gök böri*]. Он шёл впереди, и они не могли приблизиться к нему. Когда он хотел идти, то повышал голос и говорил: „Куму!“ то есть „*goş!*“ [«Вставайте, то есть запрягайте!»! Здесь слово «Куму!» — сирийское, «Гош!» — тюркское, означающее «гошмак», то есть «запрягать»]. Тогда они вставали и запрягали, и шли за ним, пока он не останавливался. Тогда и они останавливались и располагались [на отдых]. Он вёл их много дней, а затем исчез. Известно, что каждый народ ведом к полезному тем, кто для него привычен. Так и тюрки — подобием животных, которые для них привычны.

Когда проводник исчез, тюрки увидели, что очутились среди царей, и что земли, куда они пришли, недостаточно для их поселения. Тогда условились и разделились на три части с тем, чтобы каждая ушла в одну из сторон [света]. Одни — на юг, другие — на север, третьи — на середину [запад]. Взяли три палки, поместили и бросили вверх, туда, где, по их представлениям, находится Бог. До того все поклялись, что каждый из таборов, в какую сторону его ни приведет [палка], будет почитать Бога, которому там поклоняются, то есть примут местную веру. Поэтому те, кто пошли на юг, нашли там христиан и язычников, и последовали им. До сего дня одни из них христиане, а другие — язычники, поклоняющиеся идолам. Чей жребий выпал на север, находились на границе царства греков [Византийской империи], несколько севернее. Они прозывались куманами, по имени той земли [то есть Северного Кавказа]. Они присоединились к христианскому народу, который там. Те, что пошли на запад, достигли царства арабов [Передняя Азия], смешались с ними, признали и приняли их веру [ислам].

Глава пятая. О единении народа тюрков с арабами в вере. По трём причинам тюрки легко объединились с арабами и приняли веру, которой они придерживаются. Первая причина в том, что тюрки всегда провозглашали единого Бога. Во внутренней земле [Центральная Азия], где они прежде жили, тюрки почитали за божество видимый небесный свод. До сего дня [то есть в XII веке], если спросят кого-либо [из тюрков], кто не сведущ в вере, то он отвечает: «*Кан Тангры!*» *Кан* [испорч. тюрк. «*gök*» — «небо», «небесный», «голубой»] на их языке означает «Небесная синь», а *Тангры* — «Бог». Они полагают, что небеса — единственное верховное божество [то есть тюрки были монотеистами]. Когда тюрки узнали, что арабы также провозглашают единого Бога, они приняли их веру [ислам].

Вторая причина единения тюрков с арабами в вере такова. Первые тюрки вторглись в землю Маргианы [ныне Туркменистан] и обосновались там во времена персов [Сасанидов, то есть в III–VI веках]. После выступления [Пророка] Мухаммада, благодаря которому Арабское царство усилилось, настал конец всех царств Востока. Осталось и существовало только одно — Арабское. Тюрки, которые пришли в Маргиану, присоединились к этому царству арабов.

Тюрки [сельджуки], которые двинулись впоследствии, встретили своих соплеменников. Их речь была между собой сходной. Когда они дошли до тех, которые приняли [ислам], то и они последовали ему, как обещали.

Третья причина единения тюрков с арабами такова. Когда арабы взяли тюрков в качестве наёмников на войну с греками, то эти тюрки узнали и приняли Слово [Пророка] Мухаммада, который сказал: «Когда отрекутся от почитания идолов и прочих тварей и Мою веру примут, будет им дана земля, хорошая и красивая, и они воцарятся в ней!» По этой причине тюрки приняли [ислам].

Эти три причины способствовали тому, что тюрки признали [Пророка] Мухаммада, объединились с арабами в веру и стали как бы одним народом. А арабы приняли тюрков с условием, что, когда появится среди них [тюрков] и воцарится [кто-либо], то он будет возвышен и назван мусульманским царём.

Когда тюрки вторглись в земли персов и заняли города, то захотели избрать себе царя. Собрались главы племён, по одному от каждого, всего семьдесят человек. Они были знатными и самыми уважаемыми среди тюрков. Усевшись в круг, каждый со своей палкой [символом власти] в руке, начертили на земле круг. И условились твёрдо: тот, чья палка упадет в центр круга, станет царём. Каждый бросил палку так высоко, как умел. Все палки попадали вне круга. Одна упала в середину и воткнулась в землю. Это была палка человека из незначительного племени. И он воцарился над тюрками».

Из «Всеобщей истории» Бар Эбрея²

Ниже следует рассказ сирийского автора XIII века Бар Эбрея о бракосочетании первого великого султана Сельджукида Тогрул-бека (1038–1063) и дочери халифа Аббасида ал-Каима (1031–1075) — Саййиды. Он интересен уже тем, что является самым ранним — 1063 год — известным описанием свадебных церемоний тюрков после принятия ими ислама, когда были ещё живы многие специфические черты этой стороны семейного быта тюркских племён.

«В 1063 году скончалась Хатун — жена султана Тогрул-бека. Он её очень любил, и все дела государства находились в её ведении. Он отправил к халифу [сватов с тем], чтобы тот отдал за него свою дочь. Но когда халиф отказался отдать свою дочь за чужестранца как по роду, так и по происхождению, то султан оскорбился. И после многочисленных пререканий открыто стал проявлять своё недружелюбие. Тогда халиф испугался и, вопреки собственному желанию, отдал свою дочь за него с условием, что она не покинет дворца, но когда бы султан ни приехал в Багдад, она будет жить у него здесь. После долгих переговоров решили, что она переедет в новый дворец, который построил султан.

Султан прибыл в Багдад и преподнес 100 тысяч золотых динаров и 150 тысяч зузе [сир. серебряных дирхемов], 4000 дорогих платков. И взял [в жены] дочь халифа.

Когда она прибыла в его дворец, то султан и знатные тюрки встали и танцевали, согласно своим обычаям: преклоняли свои колени и вновь поднимались, распевая песни по тюркскому обычаю.

Для неё был приготовлен золотой трон. Султан вошел и поклонился до земли, выразив ей своё уважение, но не присел, а ушёл. Так он продолжал (делать) в течение семи дней, не открывая её лица, чтобы взглянуть на неё.

И в этом празднестве была большая радость для султана, но — печаль для халифа. Особенно потому, что, когда султан покинул Багдад, чтобы отправиться в Хорасан, то увёз с собой дочь халифа, свою жену. И султан не исполнил условия, что она не покинет Багдада.»

Summary The Seljuk period in the history of the Caucasus

A military-political association of Oghuz and other Turkic tribes headed by Seldjuk from Oghuz tribe of Kynyk was formed in Turkestan (South Kazakhstan) in the first half of the 10 century. In the 11–12 centuries, these tribes headed by direct offspring and successors of Seldjuk took part in the offensive and migration movements from the Central Asia to the West, seized vast territories from Turkestan to the Mediterranean and from the Caucasus to the Persian Gulf, created several states on these territories. According to an eponym of their first leader, participants of these momentous events and their offensive and migration movements, states, dynasties and epoch became known under the title of “*Seldjuk*”.

The most powerful state was the Seldjuk empire (1038–1157) headed by great sultans who owned the Central and Minor Asia, nearly all the Caucasus and Iran, countries of the Near East. Also, there were Kirman (1041–1186), Syrian (1076–1117), Konya (1077–1307) and Iraqi (1118–1194) Sultanates headed by ordinary Seldjukids, as well as powerful emirates established by Turkic commanders, including Danishmend emirate (1071–1170) in the central and eastern parts of Asia Minor; Artukid emirate (1102–1408) in Diyarbakir; Zanghid emirate (1127–1222) in al-Jazira and Syria; Salgurid emirate (1148–1270) in Fars.

Note that appreciable changes in all the spheres of the life of local population took place in the 11–12 centuries on the territories conquered by Seldjuks. All the same time, Seldjukids influenced the world history in the Middle Ages. That's why the Seldjuk epoch has always been in the focus of attention of historians. In the reviewed period this epoch's contemporaries dedicated special works, written in Arab and Greek, Syrian and Persian, Georgian and other languages, to Seldjuks. Commencing from the 19 century, this epoch became a subject of studies and heightened interest.

Their works once again confirmed that no separate region or century had ever existed: the history of the country taken separately is unthinkable, for the destiny of each nation is always connected with those of neighboring countries. Their development within the framework of one formation is closely interwoven, and as a result, factors caused by typological community overstepping narrow local territorial or ethnic limits, affect the destiny of people, country, region and wider area. For this reason, the Seldjuk power with Caucasian countries as its integral part contributed to their evolution. It was fruitful contact zones and synthesis development that helped convert ideas and principles of continuity, inherent in medieval Orient, into reality. Conditions proved to be favorable for onward development of society, including its local modifications.

The period of the 11–13 centuries is known to be a crucial for the history both of the East and the West. It is no mere coincidence that the Seldjuk epoch both in the Front Asia and the Caucasus was a period of comprehensive development of all forms of feudal property and feudal hierarchy. Simultaneously, agriculture and handicrafts, local and foreign trade relations, commodity ties and monetary relations developed; role of monetary form in feudal rent increased; transition to the new money system began to shape. Agricultural products and handicrafts were exported to the countries of Europe, Near and Middle East, Far East. In great demand were oil and saffron, cotton and silk, various dyes. Important items of export were also silk, wool and cotton clothes, jewelry and dry fruits, carpets and weapons, salt and horses, leather and mineral raw material, non-ferrous and precious metals, grain, clothes and book-covers. Imported to the Caucasus were spices and incense, chinaware and arms, celadon and silk, paper, etc.

² Barhebraei G. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890. P. 241. В скобках — наши пояснения.

Changes took place in the forms of land ownership and land tenure caused by transformation of relations along suzerain-vassal lines. Also typical for the epoch was the revival and predominance of land institution *ikta*, appearance and spreading of land category *udjey*, private property increasingly developed.

The town was prospering. It remained to be the centre of political, economic, cultural and ideological life. Suffice it to mention Tabriz and Tiflis, Ganja and Baylakan, Kutaisi and Derbend, Maraga and Nakhchivan, Baku and Rustavi, Ardabil and Gori, Shamakha and Zhinvani, Barda and Dmanisi. These were densely populated towns with multi-branch handicrafts and social division of labor; these were towns surrounded by defensive walls and ditches, with citadels and trade blocks, residential houses in 3–4 storeys and water supplies, cobbled streets and sewerage, their own everyday life and permanent population.

It would be appropriate to note that feudal relations experienced transformation: a new group of feudal from Turkic emirs appeared. Like the Seldjuk conquest, this transformation resulted in the re-distribution of land stock and changes in land relations. Changes also occurred in the system of sovereignty and vassalitet: names of Seldjukids were stamped on coins of local states. Local dynasties committed themselves to performing certain obligations, including economic ones. Hence, new feudal institutes of Atabeks and Udjes sprang up.

The political history of the Caucasus in the 11–12 centuries consisted of several periods, each with its own characteristic features. In the first period (11 century), relations between Seldjuks and the Caucasus were largely marked by military-political events. Note that Seldjuks first appeared in this region in the 1030s, and a little later — 1070–1080s it was conquered and then annexed by the Seldjuk power. Some local political structures were liquidated, just two powerful states survived — Shirvan in Azerbaijan and the Georgian. An ally of the conquerors — Aran-Nakhchivan emirate in Azerbaijan began playing an important role on the historical arena. Derbend and Tiflis emirates succeeded to survive. As a whole, the history of the Caucasus in the last quarter of the 11 century was closely interwoven with Seldjuks, and through them with the rest of the world. Countries of the region came to be involved in the world political round of events as integral parts of the Front Asian feudal system.

The second period goes back to the 12 century, full of military-political, social-economic and ethnic events and changes. These events were associated with activities of Seldjuks and their leaders, splitting up of the Seldjuk power in the 11–12 centuries, intensification of local political forces. The Shirvan and Georgian states consolidated their positions. The same was true of the Iraqi sultanate of Seldjukids (1118–1194) and the state of Atabeks headed by the dynasty of Ildenizids (1136–1225).

An emphasis should be laid on the principle of feudalism in the political system, typical for the Shaddadid federative state in the Caucasus, which united in the 11 century three emirates under the aegis of one dynasty: Aran-Nakhchivan (951–1075), Dabil (951–1130) and Ani (1072–1199).

Relations between the Caucasus and the surrounding world had always been multiform. In the 11–12 centuries, relations with the Turkic world began developing. Their beginning goes back to the first countries of the new era; subsequently they assumed a heightened importance and experienced several stages. At the first stage (first quarter of the 11 century) Turks largely represented by “free” Oghuzs, not entering the Seldjuk association, were perceived as military force used for local, narrow political purposes. Later on, they were used as military mercenaries of the Ravvadid, Shaddadid and Shirvan states. Note that the Georgian kingdom hired “free” Kipchaks, not members of the Seldjuk association, who formed the backbone of the cavalry.

At the second stage (second and third quarters of the 11 century), Turks came out on the world arena under the generic name of Seldjuks and were perceived as a political force that seized the Caucasus. This circumstance changed the nature of their relations with local states.

At the last quarter of the 11 century they contributed to the expansion of territories, earlier subordinated to sultans.

The fourth stage is the longest and falls on the 12 century. It is notable for crisis tendencies and splitting-up of the Seldjuk power, which enabled local states — Shirvan and Georgian, to gain independence and intensify their foreign policy. Subsequently, a military-political influence of the Iraqi sultanate of Seldjukids and then the state of Atabeks of Azerbaijan — Ildenizids manifested itself in the Caucasus. Note that Ildenizids played an important role in the military and political history of the region. Under Atabeks Shams ad-Din Ildeniz (1136–1175), Jahan Pehlevan (1175–1186) and Kyzyl Arslan (1186–1191) lands of Iraqi sultans were united with those of Ildenizids and transformed into the unified Azerbaijani sultanate. It included a considerable part of the Caucasus and Iran, had its own system of administration and coinage, pursued independent foreign political line and influenced the situation in the Front Asia.

At the second, third and fourth stages — the second half of the 11 century and the whole of the 12 century there was an intensive migration of Turks, mainly Oghuzes from the Seldjuk association who partly settled down and later assimilated with autochthons. This came as a continuation of the Turkic infiltration to the Caucasian region, which started in the previous centuries in two stages: Hun in the 3–5 centuries and Sabir-Khazar in the 5–7 centuries. They preceded the third stage — Oghuz-Kipchak in the 9–12 centuries with the Seldjuk influx in the 11–12 centuries as its integral part.

As distinct from the previous influxes, this one coincided in the 11 century with the Seldjuk conquest and seizure of vast territories, later the Seldjuk Empire. That was a strict difference between the infiltration of Turks to the Caucasus in the preceding centuries where the territory remained outside the limits of Turkic possessions, and the Seldjuk influx in the 11–12 centuries where the Caucasus joined the Seldjuk power.

As distinguished from the previous centuries and Turkic intrusions, there was a mass arrival of Turks in the Caucasus, following which the language of Oghuzes became a means of communication for the local population. Subsequently, it turned into the local language of the region and became an important factor for a part of autochthons.

It has to be kept in mind that the Seldjuk power in the 11 century and its successors in the 12 century were not engaged in specific political activity. According to the tradition, Turks waged offensive campaigns and settled down on conquered lands. This was typical for the Hun and Sabir-Khazar epochs, and the same was true now that the Seldjuk conquests were accompanied by migration, both organized and spontaneous.

These were two parallel and synchronous processes with the participation of the Turkic tribes as bearers of Oghuz language. As a result, numerous, as compared with the previous centuries, masses of Turks settled down in the Caucasus.

The history of the Caucasus due to Seldjuks once again confirms that the 11–12 centuries became a stage in the continuous evolution of local feudal societies, which within two centuries passed main stages of their development, typical for the medieval community of the reviewed period. The Caucasus plunged into the general current of positive transformations and proved to be an integral part of the world feudal system.

Принятые сокращения

БСЭ	Большая советская энциклопедия
БЧ	Бартольдские чтения, сборник статей
БЭ	Большая энциклопедия
ВВ	Византийский временник, журнал
ВДИ	Вестник древней истории, журнал
ВИ	Вопросы истории, журнал
ГА АР	Государственный архив Азербайджанской Республики
ГИА РФ	Государственный исторический архив Российской Федерации
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАН	Доклады Академии наук
ЗВОРАО	Записки Восточного отдела Русского археологического общества
ИАН	Известия Академии наук
ИВ	Институт востоковедения
ИКИАИ	Известия Кавказского историко-археологического института
ИФЖ	Историко-филологический журнал
КСИНА	Краткие сообщения Института народов Азии
МИЭБГКЗК	Материалы и исследования экономического быта государственных крестьян Закавказского края
НЭ	Нумизматика и эпиграфика, сборник статей
НЭС	Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона
ООН	Отделение общественных наук
ППВ	Письменные памятники Востока, сборник статей
ПС	Палестинский сборник, журнал
СИЭ	Советская историческая энциклопедия
СИФП	Серия истории, философии и права
СМОМПК	Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа
СОН	Серия общественных наук
СТ	Советская тюркология, журнал
ТГУ	Тбилисский Государственный университет
ТИИ	Труды Института истории
ТС	Тюркологический сборник
УЗИВАН	Учёные записки Института востоковедения
ХЧ	Христианское чтение, журнал
ЭС	Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies
JA	Journale Asiatique
NE	Nouvelle Edition
RET	Révue d'Etudes Turque, журнал
RK	Révue de Kartvélogologie, журнал
ТТК	Türk Tarih Kongresi
ZDMG	Zeitschrift der Morgenlandischen Gesellschaft, журнал

Гусейн-заде Рауф Алишир оглу

**Сельджукская эпоха
истории Кавказа**

* IRS * HERITAGE * НАСЛЕДИЕ *

Руководитель проекта Муса Марджанлы

Отпечатано в